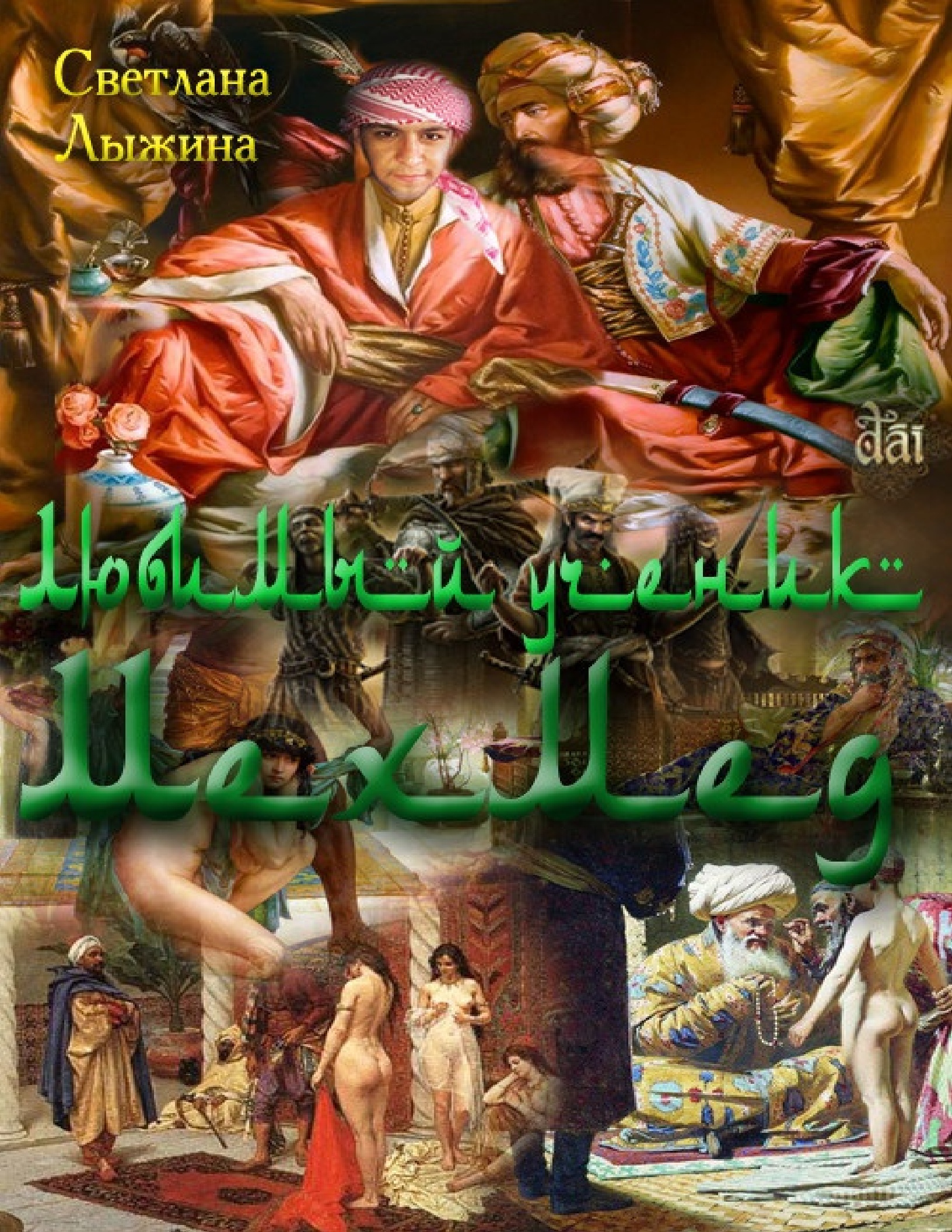

Светлана
Лыжина

دینا

تکلیفیندن قورقما
وعللهملا

Действие разворачивается в 1446–1451 годах, когда Мехмед, будущий Завоеватель, воспитывался в Манисе, вдали от турецкой столицы и вдали от Раду, с которым ещё даже не познакомился. У Мехмеда, находящегося где-то на полпути между отрочеством и юностью, завязываются отношения с молодым учителем греческого языка — отношения своеобразные, поскольку учитель применяет к ученику древнегреческий метод обучения, основанный на любви. Впоследствии Мехмед, пытаясь применить этот метод к Раду, опошил всю идею. Учитель учил Мехмеда совсем не этому, но получилось то, что получилось. (Раздел «Факты и цифры» в конце романа покажет, что эта история вполне могла произойти на самом деле).

Светлана Лыжина

Любимый ученик Мехмед

Часть I Встреча

Старая повозка, запряжённая старой серой клячей, споро двигалась по пыльной дороге среди зелёных равнин и невысоких гор, заросших кустарником. Возницей был загорелый дочерна старик-турок с седыми усами, облаченный в потрёпанный халат бурого цвета и такой же потрёпанный тюбан, когда-то бывший белым.

Справа и слева от дороги иногда попадались деревеньки, по виду одинаковые — везде одни и те же домики, сложенные из ломаного известняка и крытые черепицей. Если что-то и притягивало взгляд, так это останки древних греческих построек, еле различимые вдали. Нет-нет да и попадались ряды тонких белых колонн или такая же изящная арка. Это могли быть развалины усадьбы греческого аристократа или руины храма, посвящённого одному из древних богов.

«Когда-то здесь всё принадлежало грекам, а не туркам. Когда-то», — думал светловолосый безбородый молодой человек, который восседал на повозке пассажиром. Устроившись аккуратно между двумя дорожными сундуками, привязанными к её стенкам, он обозревал окрестности. Всё, связанное с древними греками, то есть эллинами, чрезвычайно его занимало.

Подражая им, молодой человек одевался в светлые ткани, и даже плащ с застёжкой на плече был светлый, маркий, однако по-настоящему приблизиться к идеалу такие уловки не помогали. Пусть черты этого молодого человека казались правильными, почти «классическими», его отделяли от эллинов многие и многие поколения. Он происходил из тех греков, которые сначала создали Византийскую империю, а затем начали подпадать под власть турок, неуклонно наступавших на византийские земли. Даже имя этот грек носил не древнее, а христианское — Андреас.

Отец Андреаса занимал должность при турецком дворе, поэтому жил в турецкой столице, которую греки называли Адрианополис, а турки — Эдирне. Должность отца считалась значительной — одной из самых значительных, которые позволялось занимать иноверцу среди мусульман, так что родитель смог дать двум своим сыновьям хорошее образование. Особенно преуспел в науках младший, Андреас, из-за чего отец даже отправил его в Константинополь — поучиться ещё.

Пусть великий город казался уже не тот, что прежде, и турки грозились захватить его, но высшие школы там по-прежнему существовали, а библиотеки наполнились прекрасными рукописями. Отец надеялся, что сын выучится на юриста, однако Андреас предпочёл философское образование, и на этот выбор родителю не удалось повлиять, поскольку сын довольно скоро после отъезда из дому перестал быть нахлебником — начал подрабатывать частными уроками, а по окончании обучения сделался учителем.

Отец смирился с выбором сына, однако весьма сомневался, что при таком занятии можно скопить достаточно денег, чтобы жениться. Увы, обзавестись семьёй Андреас даже

не думал, а через год после окончания обучения сообщил родителю в очередном письме, что скопил небольшую сумму и отправляется путешествовать.

Молодой человек изъездил весь Пелопоннес, некоторое время жил в Афинах, продолжая зарабатывать уроками, и вернулся домой лишь тогда, когда отец в письмах начал жаловаться на здоровье и спрашивать: «Увижу ли я тебя, сын мой, до того, как умру?»

Это оказалась уловка. Андреас, вернувшийся домой, обнаружил, что отец совершенно здоров, и в итоге родитель с сыном поругались.

— Отец, — возмущённо воскликнул сын, — чтобы приехать, я оставил в Афинах хорошую должность, на которую меня снова уже не возьмут! Я оборвал многие связи! Я оставил друзей и тех, кто близок мне по духу! И для чего? Для того чтобы обнаружить, что ты мне лгал?

— Ах, ты, неблагодарный! — сетовал родитель. — Для того ли я воспитывал тебя? Для того ли позволил тебе учиться, чтобы ты оставил своего старого отца и много лет пропадал неизвестно где? Ты должен помогать отцу, а не бродяжничать! Я лишу тебя наследства!

— Мне не нужно наследство, отец, — отвечал Андреас. — Пусть оно достанется моему брату. Так будет даже лучше.

В итоге спорщики, конечно, помирились. Сын попросил у отца прощения за дерзкие слова, а отец сказал, что желает сыну только добра и очень рад видеть. И всё же каждый остался при своём мнении.

Андреас с помощью старшего брата, давно женатого и обзаведшегося детьми, нашёл себе учеников в Эдирне и твёрдо сказал, что, как только накопит денег, снова уедет, однако хитрый отец не собирался сдаваться. Чтобы удержать сына в Турции, он использовал все свои связи при турецком дворе, поэтому Андреас совершенно неожиданно для себя получил должность, от которой не отказываются.

Молодому учителю предложили преподавать греческий язык сыну самого султана, и не просто сыну, а наследнику престола! Жалование на должности полагалось весьма приличное, однако для исполнения обязанностей следовало отправиться в Манису, поскольку именно там находился удел наследного принца, и именно там этот наследник жил — отнюдь не в Эдирне.

Принцу, которого звали Мехмед, недавно исполнилось четырнадцать, и значит, учителю следовало провести с ним в Манисе по меньшей мере четыре следующих года. Нечего было и думать о возвращении в Афины, поэтому если б Андреас мог, то отказался бы. Увы, такой отказ навлёк бы немилость султана на всех родственников Андреаса, так что пришлось покориться судьбе.

Вот почему скрипучая повозка теперь везла молодого грека по дороге к Манисе — городу, являвшемуся центром одноимённого удела... или санджака, как это называлось у турок.

Мехмед ненавидел Манису. Ненавидел до зубовного скрежета. Сбежал бы, если б мог, но высокая стена, окружавшая манисский дворец, сдерживала все порывы, превращая жилище наследника в настоящую тюрьму. Мехмед покидал пределы своей тюрьмы лишь раз в неделю, по пятницам, чтобы посетить городскую мечеть, однако это не приносило радости, потому что принц не мог ни на мгновение укрыться от бдительных глаз своего главного наставника — муллы Ахмеда Гюрани, который при малейшем подозрении крепко хватал Мехмеда за рукав кафтана.

Как нарочно, мулла был человеком нестарым и весьма крепкого телосложения, а Мехмед — щуплым, как большинство отроков, поэтому если уж мулла схватит, то не вырвешься. Но как же хотелось! Как же надоело всё время жить под надзором! Как же надоело всё время подчиняться мулле и другим учителям, и даже собственным слугам, которые, хоть и кланялись, но при этом повелевали, ведь принц не сам решал, когда просыпаться, когда принимать пищу, когда идти на прогулку в сад, и когда ложиться спать!

Как же надоело Мехмеду всё время делать то, что хотят другие, а не то, что он сам хотел! А главное — оставалось непонятным, для чего надо слушать других. Всё равно все всегда оставались недовольны и втайне думали, что наследник престола не может сделать ничего, как следует, то есть не имеет никаких способностей, да ещё и урод к тому же.

Как же не нравился принцу собственный нос, похожий на клюв хищной птицы! С годами этот нос становился всё больше, поэтому Мехмед старался лишний раз не смотреться в зеркало. А ещё он ненавидел свои рыжие волосы. Почему ему достались именно рыжие? Почему!? Если б они оказались темнее, то были бы золотисто-каштановые, и это считалось бы красиво. Окажись они светлее, были бы цвета красного золота, и это тоже считалось бы красиво, но ему достались именно рыжие. Единственный цвет, который считался некрасивым! За что же такое невезение! Хорошо, что эти волосы скрывались под тюрбаном.

Мехмед с тоской вспоминал те годы, когда не думал о своём облике. В те годы принц являлся ребёнком, и его окружали товарищи, которые не обращали особого внимания на лицо или цвет волос. Тогда ценилось другое — ловкость, умение быстро бегать, метко кидать камни. В этом Мехмед преуспел, но теперь игры со сверстниками сделались недоступными, потому что сверстников во дворце не осталось. Последний раз принц забавлялся детскими играми в двенадцать лет, а затем ему сказали, что он взрослый.

Теперь Мехмеда окружали одни взрослые, которые только и делали, что воспитывали его или помогали воспитывать. Все они надоели до тошноты, но их приходилось терпеть. Даже свою мать, жившую на женской половине дворца в Манисе, Мехмед лишь терпел.

Ах, если бы мать хоть раз выслушала сына! Если бы хоть раз попыталась понять! Увы, она не пыталась. Вот почему принц приходил в покои к матери лишь потому, что его к ней приводили, и раздражённо уворачивался, когда она пыталась погладить его по щеке.

Ласковые материнские укоры уже давно начали резать слух так, что сын стискивал зубы.

Ах, если бы она хоть раз посмотрела на Мехмеда внимательным взглядом, который проникал бы прямо в сердце, но мать смотрела куда-то мимо и всё твердила:

— Сынок, ты должен стараться, чтобы твой отец оказался доволен.

Вот, вокруг чего крутились её мысли — удовольствие или неудовольствие человека, который много лет назад ненадолго удостоил её своим вниманием.

— Мой отец давно тебя забыл! — кричал ей сын, уже зная, что не докричится: — Он видеть тебя не хочет, а ты только и думаешь о том, как бы ему угодить! Зачем!?

— Не нужно шуметь, Мехмед, — тихо возражала мать. — Всё совсем не так, как ты думаешь.

— Я не слепой! — настаивал принц. — Я всё вижу! Он забыл тебя так же, как и меня! Если бы не умерли оба моих старших брата, он бы и не вспомнил обо мне. И даже сейчас почти не вспоминает! И видеть не хочет! Зачем он поселил нас с тобой здесь, вдали от себя!? Почему не приезжает, чтобы повидаться!?

— Сынок, у твоего отца на это есть причины, — кротко повторяла мать. — У правителя такой большой страны очень много дел. А здесь мы живём затем, чтобы ты был удалён от дурных влияний. Уединение полезно. Твой отец сам так сказал. Ты помнишь?

— Не помню, — тихо отвечал Мехмед, в очередной раз устав кричать. — Это было слишком давно. Я уже стал забывать, как отец выглядит. Я даже рисую его, чтобы не забыть.

Конечно, Мехмед говорил всё это лишь потому, что любил свою мать. Ребёнок не может не любить свою мать, даже если хочет избавиться от этого чувства. Да, Мехмед любил, но любовь смешивалась с презрением, потому что мать утратила всякую гордость. Он не мог этого не замечать. Хотел бы не замечать, но оно само лезло в глаза, а испытывать презрение одновременно с любовью для Мехмеда было так мучительно! Но особенно мучительно казалось сознавать, что ответной любви нет.

— Ты любишь меня только потому, что я сын своего отца, его сын! — кричал принц. — Самого меня ты не любишь! Я здесь, рядом с тобой, а отец далеко, но ты хочешь, чтобы он приехал, а на меня смотришь только потому, что я на него похож. Почему ты меня не любишь? Ведь я не забыл тебя, а он забыл!

— Ну, разве можно такое говорить, сынок. Я люблю тебя, — отвечала мать, тянула руки к Мехмеду, но тот отстранялся:

— Нет, меня ты не любишь! И ты, как безумная! Видишь не то, что есть.

Поняв, что мать уже давно живёт в мире своих утешительных выдумок, Мехмед начал презирать её, а отца, сделавшего её такой, проклинал. Но ведь и отца принц любил. Проклятия не убивали эту любовь, а лишь отравляли, придавали ей горький вкус. Чувство к отцу было таким же двойственным, как и к матери — любовь, смешанная с «отравой», но не с презрением, а с ненавистью! Принц очень ждал отцовского приезда, ждал не меньше, чем ждала мать, но понимал, что никто не приедет.

За минувшие годы это стало привычным — ожидание встречи, которая почти наверняка не состоится. Принц находился в таком положении почти всю жизнь — всё время, сколько себя помнил. «Почему со мной так?» — спрашивал себя Мехмед. Это казалось страшной несправедливостью. В сердце рождался гнев, но частые вспышки ярости, когда принц причал, почти срывая голос, отнюдь не способствовали тому, чтобы что-то изменилось.

До пяти лет Мехмед жил в Эдирне в гареме вместе с матерью и ждал того дня, когда исполнится больше шести, ведь по достижении этого возраста всех принцев забирали из гарема и начинали воспитывать на мужской половине дворца. Мехмед думал, что тогда станет видеть родителя часто, однако уже в пять лет был отослан в Амасью — одну из резиденций, которая располагалась за много-много дней пути от столицы. Отец стал для сына ещё более недоступным, чем раньше.

Оказалось, что к тому времени умер один из двух старших братьев Мехмеда, живший в Амасье. Пятилетнему Мехмеду следовало занять место в освободившемся дворце, но зачем так нужно — маленький мальчик не понимал. Он воспринял всё произошедшее как незаслуженное наказание.

Когда Мехмеду уже исполнилось одиннадцать, умер второй, то есть последний из его старших братьев. Второго брата, как и первого, Мехмед никогда не видел и поэтому не грустил, а обрадовался, ведь новая смерть стала причиной того, что Мехмеда перевезли поближе к столице — в Манису, после чего отец нарочно приехал посмотреть на одиннадцатилетнего сына, теперь оказавшегося единственным наследником престола.

Мехмед с надеждой ждал отцовского приезда, но как только предстал перед родителем, то не выдержал, сам всё испортил, высказал то, что накопилось в сердце за минувшие годы. Отец пришёл в ужас от подобной невоспитанности и призвал муллу Гюрани, чтобы мулла занялся воспитанием будущего султана.

Следующая встреча с отцом состоялась, когда Мехмеду исполнилось двенадцать. Принца привезли в Эдирне, и тот полагал, что теперь всё наладится. Он искренне раскаивался в своей выходке годичной давности и даже принёс извинения, но отец, не прожив с сыном под одной крышей и двух месяцев, отправился в Манису, чтобы отдохнуть там некоторое время от государственных дел, а затем совершить военный поход в Азию.

— Теперь ты султан вместо меня, — сказал родитель.

Правление Мехмеда длилось недолго. Владыки северных стран нарушили недавно заключённое перемирие и пошли войной на Турцию. Отец Мехмеда вернулся, чтобы отразить их нападение, и сумел, но сына не взял с собой на войну, а по окончании военных действий опять удалился в Манису. Мехмед снова остался в Эдирне один.

Однако и это длилось недолго. Прошло менее двух лет, а затем великий визир Халил-паша уговорил отца Мехмеда вернуться, потому что сын «не способен править», «все дела в беспорядке», и тогда отец Мехмеда вернулся в Эдирне, снова принял власть, а самого

Мехмеда сразу отослал всё в ту же Манису.

Принц почти смирился с мыслью, что никогда не сможет угодить отцу, никогда не сможет заслужить его любовь, из-за чего ненависть только крепла. Это становилось всё более мучительно — чувствовать любовь и ненависть одновременно.

Временами Мехмед забывал, что ненавидит, но когда в очередной раз встречался с матерью и сознавал, что сам находится в таком же положении, как она — положении покинутого человека, чья любовь безответна, — то начинал ненавидеть отца с прежней силой.

* * *

Андреас никогда бы не подумал, что Маниса — такое захолустье. Город, укрывшийся в тени огромной горы, сам казался совсем не большим. Красивые дома в нём можно было перечесть по пальцам, да и рыночная площадь с лавками по соседству выглядела бедновато.

Дворец в Манисе раскинулся посреди города и отделялся от улиц высокой каменной стеной. Наверное, всё-таки следовало подъехать к дворцу по главной улице, на которую смотрел главный вход, но старик-возница решил срезать путь, а в итоге ничего не выгадал. Повозка быстро достигла дворца, но долго-долго ехала вдоль каменной ограды прежде, чем показались огромные деревянные ворота, украшенные большими круглыми шляпками гвоздей, вбитых так, чтобы получился незамысловатый узор.

Андреас проворно соскочил с повозки и хотел постучать, но тут откуда-то сверху раздался голос, весьма грубо крикнувший по-турецки.

— Здесь нельзя стоять! Следуй мимо, чужестранец!

Оказалось, из-за верхнего края стены высунулся стражник в шлеме луковичной формы, вооружённый копьём и выглядевший грозно, однако Андреас совсем не думал его бояться, а ответил тоже по-турецки:

— Я не чужестранец. Я — подданный и слуга великого султана Мурата, да продлятся его дни. Мне предписано явиться сюда, и я явился.

— Предписано? — переспросил воин. — Тогда я позову своего начальника, но тебе же хуже, если ты врёшь.

«Не очень-то вежливо», — подумал грек. В Эдирне, когда он приходил во дворец, то не сталкивался с таким обращением, ведь охрану предупреждали, что придёт сын дворцового чиновника, а здесь Андреас не имел отцовской поддержки и всё же решил не унывать.

Меж тем по ту сторону ворот слышались шаркающие шаги, затем правая створка приоткрылась, и Андреас, ожидавший увидеть начальника стражи с саблей на боку, удивился, потому что увидел человека невоенного.

Судя по большим усам, завитым кверху, это был кто-то из старших дворцовых служителей — у младшего усы были бы поменьше — да и гордый вид говорил о высоком ранге.

Чёрный длиннополый кафтан, препоясанный тёмно-зелёным кушаком, словно отбрасывал на лицо служителя тень и делал своего обладателя неприветливым подобно стражу, но вряд ли тёмные цвета являлись результатом личного выбора. Скорее всего, они соответствовали дворцовым правилам, то есть служитель на поверку мог оказаться дружелюбным.

— Как тебя зовут? — строго спросил мрачный усач по-турецки.

Когда Андреас назвал своё имя и фамилию, а также имя своего отца, лицо служителя посветлело:

— Значит, ты тот самый учитель, которого мы ждём?

— Да.

— При тебе должна быть бумага.

— Она есть, — Андреас порылся в дорожном мешке, лежавшем на повозке рядом с сундуками, и вынул скатанное в трубку письмо в кожаном чехле, но служитель сделал знак, что верит на слово, после чего створка ворот открылась шире, и на городскую улицу вышли четверо носильщиков.

Как только престарелый владелец повозки отвязал сундуки, эти вещи отправились во дворец, а молодой грек, расплатившись со стариком, вскинул на плечо дорожный мешок и последовал за служителем.

* * *

Андреас удивился, насколько безлюдным и пустым оказалось жилище принца. Возле ворот несли службу четыре десятка стражей, но они не могли заполнить огромное пространство внутреннего двора. Колодец, стоявший посреди этой пустоты, казался маленьким, будто потерянная кем-то фреска, а галереи с тонкими колоннами, тянувшиеся по периметру, выглядели необычайно длинными. Здесь невольно приходила мысль, что человек мал — он лишь песчинка в огромном космосе.

Дворцовые залы и коридоры также были пусты. Носильщики с сундуками куда-то пропали, а другие слуги не показывались. Лишь эхо сопровождало Андреаса и служителя. Каждый шаг по мраморным плитам пола отчётливо слышался в окружающей тишине. Каждый шорох одежды становился громким.

Молодому учителю даже не верилось, что скоро самому придётся стать обитателем этой гулкой пустоты. А ещё он размышлял, как же его ученик, принц Мехмед, ощущает себя здесь. «Наверное, ему скучно», — подумал грек, однако не следовало делать поспешных выводов заранее. Сведений было слишком мало, несмотря на то, что учитель ещё до отъезда из

Эдирне расспрашивал о своём ученике всех, кого мог.

Как ни странно, Мехмед уже успел побыть султаном. Когда мальчику исполнилось двенадцать, отец передал ему трон, а сам удалился в этот самый дворец — в Манису. Разумеется, двенадцатилетний сын не справился с обязанностями правителя. Никто бы в таком возрасте не справился, и всё же отец оказался разочарован, поэтому, понаблюдав за правлением чуть менее двух лет, снова поменялся с сыном местами.

«А что же Мехмед? — думал Андреас. — Насколько охотно он вернулся в Манису? Чувствует ли себя наказанным? А может, оказался рад удалиться от непосильного дела?» Это пока оставалось тайной, как и характер Мехмеда.

Увы, разузнать о характере принца у кого-либо в Эдирне не удалось. О Мехмеде говорили так, будто всё в нём соответствует идеалу, а ведь никто не идеален. Даже о том, что двухлетнее правление оказалось неудачным, никто прямо не сказал — Андреас догадался сам, благо, это было легко, а вот судить о характере мальчика лишь на основании славословий не мог. Все говорят: «Достойный сын своего отца, подающий большие надежды», — а кто знает, как там на самом деле. Оставалось лишь гадать — тихоня или сорванец?

Тихий и скромный ребёнок с радостью сложил бы с себя султанские обязанности, а в здешнем дворце чувствовал бы себя хорошо и спокойно, однако новый учитель снова и снова возвращался к предположению, что Мехмед совсем не тих и не скромен, и что во дворце принцу скучно.

Честно говоря, молодой учитель предпочёл бы получить именно такого ученика — не тихого и не скромного, то есть трудного. Занятие с покладистым казалось Андреасу слишком лёгкой задачей. Настоящий интерес виделся греку лишь там, где есть препятствия: лень или упрямство, с которыми придётся терпеливо бороться, а для этого надо разгадать ученика, понять его характер, склонности и, ничего не ломая, направить умственное и духовное развитие мальчика в правильное русло.

«Получится ли это с Мехмедом? Получится ли сделать его лучше, чем он есть сейчас?» — думал Андреас, когда, наконец, достиг покоев главного распорядителя.

В отличие от остального дворца там жизнь пусть не кипела, но ощущалось оживление. Одни челядинцы — все в тёмных одеяниях, препоясанные зелёными кушаками — приходили, чтобы сделать устный доклад и получить повеления. Другие приходили с какими-то записями. Третьи просто ждали, стоя возле дверей большой комнаты, где в дальнем конце на большом зелёном тюфяке с кисточками сидел человек, манерами и осанкой чем-то похожий на правителя.

В Эдирне дворцовые службы находились в управлении у разных чиновников, потому что султанский двор был велик, но в Манисе делами заправлял один человек, внушавший трепет всем слугам. Вот почему челядинец, приведший Андреаса, вдруг стал куда менее степенным,

поспешно забрал себе дорожный мешок новопривывшего учителя и сказал:

— Иди, представься и вручи бумагу.

* * *

Главный распорядитель в отличие от подчинённых носил одежду ярких цветов и с узорами, что сразу говорило о его высоком ранге. Также внушала почтение убелённая сединами борода, ведь Андреас знал, что в Турецком государстве носить бороду имеют право не все, а лишь султан, высшая знать, а также люди духовного звания.

Самому Андреасу борода не полагалась, поэтому он сбрил её вскоре по приезде из Афин и даже усы не оставил, пусть усы и не были под запретом. Греку показалось забавным, что без бороды и усов он выглядит лет на пять моложе своего возраста, однако главный распорядитель, глядя на безусое лицо нового учителя, нахмурился:

— Мы думали, ты старше.

— Моя молодость — недостаток?

Главный распорядитель подумал немного:

— Нет. Пожалуй, так лучше. А то прежний учитель греческого языка был стар, начал жаловаться на здоровье и покинул свою должность, ведь плохое здоровье — единственно достойная причина, чтобы уйти со службы великого султана. Ты молод, и на здоровье жаловаться не можешь. Значит, нам не придётся искать ещё одного учителя вместо тебя. Ты будешь состоять при наследнике престола столько лет, сколько понадобится. Кстати, ты быстро бегаешь?

Последний вопрос показался греку очень странным:

— Что?

— Я спросил, быстро ли ты бегаешь, — повторил распорядитель.

— Полагаю, что быстро, — ответил Андреас.

— Принц, вероятнее всего, пожелает это проверить, — невозмутимо проговорил собеседник и пояснил. — Ты должен уметь бегать быстрее, чем он. Тогда заслужишь его уважение, и занятия греческим языком окажутся успешными. Прежний учитель был слишком стар, чтобы бегать, и потому обучение давало мало плодов. Значит, твоя молодость — совсем не недостаток. Нынешние обязанности тебе по силам.

Главный распорядитель даже улыбнулся, но соль шутки оставалась понятной лишь ему. Андреас так и не решился спросить: «Мне придётся бегать за своим учеником, или он станет бегать за мной?»

Как бы там ни было, собеседник намекал Андреасу, что стать учителем принца — тяжёлая работа, от которой прежний учитель греческого просто отказался. Новый учитель тоже не считал своё назначение большим счастьем, потому что хотел вернуться в Афины, но тут получалось, что он пожалеет о своей участи, даже если поначалу радовался.

Молодой грек вдруг припомнил странное поведение чиновников в Эдирне. Например, чиновник, который составил для него удостоверяющее письмо, как-то очень горячо желал новому учителю удачи, но грек тогда не насторожился. Во-первых, отказаться от должности всё равно не мог, а во-вторых, учитель не только предпочитал получить строптивного ученика, но даже мечтал о таком.

Тем не менее, слова распорядителя заставили насторожиться теперь: «Неужели, всё настолько плохо, что превосходит мои самые смелые пожелания? Неужели мне достался вконец испорченный мальчишка?»

Меж тем лицо главного распорядителя стало непроницаемым:

— Ты сможешь приступить к своим обязанностям завтра.

Грек кивнул, а собеседник заговорил буднично и монотонно:

— Обучение принца книжным наукам происходит с восхода солнца до полудня ежедневно, кроме пятницы. Сам договорись с другими учителями, в котором часу будут твои уроки. Я в эти дела не вмешиваюсь.

— Я понял, почтеннейший господин, — Андреас поклонился.

— Тебе станут выдавать бумагу, чернила и другие письменные принадлежности в том количестве, в котором тебе нужно. Если тебе понадобятся книги, ты можешь обратиться к нашему библиотекарю. Дворцовая библиотека обширна. Там есть книги и на греческом языке.

— Я понял, почтеннейший господин, — Андреас поклонился.

— Ты будешь жить в отдельных покоях в той же части дворца, что и наследник престола, — добавил главный распорядитель. — У каждого учителя есть свои покои. Пищу каждый принимает у себя в комнатах. Для омовений тебе разрешено пользоваться дворцовыми банями, но ты должен будешь сказать слугам заранее, что тебе нужно туда. Жалование тебе станут выплачивать раз в полгода. Это значительная сумма, поэтому всё, нужное тебе помимо жилья, пищи и бани, ты будешь оплачивать себе сам.

— Я понял, почтеннейший господин, — Андреас поклонился.

Распорядитель ещё о чём-то задумался, а затем произнёс:

— Тебе наверняка говорили, но я всё-таки ещё раз скажу, во избежание неприятностей. Главный учитель наследника престола — многоуважаемый мулла Гюрани. Этот достопочтенный человек и кладезь мудрости отвечает перед великим султаном, нашим повелителем, за обучение наследника. Все остальные учителя, и ты тоже, подчиняетесь многоуважаемому мулле. Если тот говорит что-то, его слов нельзя слушаться. Следует всё исполнить в точности.

— Многоуважаемый мулла знает греческий язык? — спросил Андреас.

— Насколько мне известно, нет, — ответил главный распорядитель.

— Но как же тогда многоуважаемый мулла сможет давать мне указания об обучении наследника престола этому языку? — спросил грек.

Главный распорядитель явно считал этот вопрос неуместным, но всё же ответил:

— Многоуважаемый мулла знает достаточно, а в затруднительных случаях просит

совета у Аллаха. Аллах велик и знает всё! Поэтому многоуважаемый мулла, направляемый Аллахом, может давать указания всем учителям, и, конечно, тебе, язычнику, а ты обязан исполнять.

— Благодарю за разъяснения, почтеннейший господин, — Андреас поклонился. — Теперь я всё понял.

За время путешествий по ещё не покорённым турками греческим землям, где повсюду исповедовалось христианство, Андреас успел забыть, что его вера может считаться для кого-то языческой. Даже при дворе султана к христианам относились вполне терпимо. «А вот здесь мне часто будут ставить в вину мою веру», — понял молодой грек, однако не торопился сожалеть о своей участи. Ему всё больше и больше хотелось увидеть ученика.

* * *

Покои, в которых поселили Андреаса, оказались просторными, пусть и скудно обставленными. Он не без радости оглядел две большие комнаты с белёными стенами, резными деревянными решётками на окнах и деревянным полом, почти скрытом коврами.

Главная комната сообщалась с дворцовым коридором, а вторая, поменьше, сообщалась только с главной и служила спальней. В спальне вместо кровати было устроено просторное возвышение, и не обнаружилось никакой мебели кроме маленького круглого столика. В главной комнате центральное место занимала софа и ещё один круглый столик. Вот и вся обстановка! Значит, свободного пространства во дворце и впрямь оставалось с избытком, а мебели не хватало.

Вскоре выяснилось, что такими же просторными полупустыми покоем располагали все учителя принца. Грек узнал об этом, поскольку заглянул к каждому из коллег, вежливо представился и договорился на счёт того, когда станет проводить свои занятия.

Самая трудная беседа была с муллой Ахмедом Гюрани, потому что главный учитель наследника не мог полностью одобрять нового преподавателя из-за различий в вере. Мрачная фигура чернобородого человека в чёрных одеждах, восседавшая на ковре, даже вызвала у Андреаса некоторый трепет.

Мулла выглядел физически развитым, отнюдь не старым. Широкая густая борода свидетельствовала об отменном здоровье, а крупные руки с толстыми пальцами казались более привычными к некоей тяжёлой физической работе, а не к каллиграфии.

Мулла Гюрани явно был из тех богословов, которые ради утверждения своей правоты используют не только слово, но также камни и палки, чтобы наказывать грешников. Рука этого муллы казалась вполне способной схватить факел или даже меч, однако в отношении язычника, назначенного обучать наследного принца греческому языку, мулла проявил благодушие.

Главный наставник, огладив бороду и не без сожаления подняв глаза от раскрытой книги, которая лежала перед ним на низкой деревянной подставке, произнёс:

— Ты, конечно, знаешь, что я по своей воле не подпустил бы к наследнику престола ни одного язычника, однако я смиренно склоняюсь перед волей великого султана. Так что если ты не будешь внушать наследнику никаких крамольных мыслей и учить только греческому, мы с тобой поладим.

Андреас решил, что не следует обсуждать с муллой что-то ещё, поклонился и вышел, после чего нанёс визиты прочим преподавателям.

Из разговоров с коллегами выяснилось, что во всякий учебный день у наследника первым уроком являлось мусульманское богословие, которое преподавал мулла Гюрани. Занятие длилось час, а вот последующие часы распределялись между остальными учителями, и Андреас с изумлением обнаружил, что учителя больше всего не любят час, который следует после урока богословия.

Каждый из преподавателей с готовностью отдавал в распоряжение Андреаса именно этот час, а вот за другое своё время держался мёртвой хваткой, так что выбор у грека оказался невелик. Следовало заниматься с принцем или во втором часу после восхода солнца, или незадолго до полудня, то есть сделать греческий самым последним уроком, чего очень не хотелось. На последнем уроке ученик всегда утомлён и плохо воспринимает что-либо.

Вот почему Андреас решил рискнуть и забрал себе все часы после богословия, а затем, вернувшись в свои комнаты, долго раздумывал, кем же стал в глазах коллег — дураком или благодетелем.

* * *

Принц Мехмед занимался книжными науками в одной из комнат своих покоев, а преподаватели приходили в этот класс по очереди.

Андреас пришёл чуть заранее и, сидя на ковре в «прихожей», куда выходили двери «класса», не без волнения ожидал, когда эти двери откроются, и из них выйдет мулла Гюрани, ведь тогда новый учитель смог бы, наконец, зайти, чтобы увидеть мальчика, которого предстоит учить греческому.

Андреаса так захватило ожидание, что он не видел ничего, кроме дверей, покрытых искусной резьбой. Вот почему грек не сразу заметил, как к нему подошёл один из служителей и, согнувшись в поклоне, подал на вытянутых руках три хорошо переплетённые не то книги, не то тетради в кожаных обложках.

— Что это? — спросил Андреас.

— Старые греческие тетради наследника престола. Возможно, новый учитель захочет

взглянуть, — ответил слуга.

— Хорошо, положите их в комнате для занятий. Не исключаю, что это действительно понадобится, — ответил грек.

Наконец, двери распахнулись. Из них скорым шагом вышел мулла, судя по всему, не слишком довольный результатами урока, а следом семенил личный прислужник муллы, неся стопку тяжёлых книг, а также короткую, довольно толстую указку.

Когда эти двое миновали широкий дверной проём, за их спинами стала видна комната и тонкая отроческая фигура четырнадцатилетнего принца — тот в жёлтом кафтане и небольшом белом тюрбане сидел на коврах.

Мехмед смотрел куда-то в стену, а не на вход, то есть повернулся в профиль, поэтому стало возможно рассмотреть его горбатый нос с острым кончиком, немного похожий на клюв хищной птицы. Конечно, эти черты казались очень далеки от правильных, и всё-таки мальчика вряд ли можно было назвать некрасивым. Скорее необычным, ведь эта необычная внешность притягивала почти так же, как «правильная» красота.

— Господин, ты можешь войти, — сказал Андреасу челядинец с греческими тетрадами в руках, после чего поспешно положил свою ношу в классе, на круглый столик недалеко от входа и, дождавшись, когда новый учитель зайдёт, так же поспешно вышел, закрыв двери.

Андреас остался с учеником наедине, но Мехмед будто не замечал, что новое занятие началось. Он сидел на коврах с совершенно безразличным выражением на лице, как если бы отрешился от всего земного. Принц даже не повернулся, поэтому Андреас, молча пройдя через комнату, сел напротив ученика на ковры, а не на тюфяк, лежавший чуть в стороне и предназначавшийся специально для учителей.

Грек разглядывал турецкого принца и не мог не отметить, что по-настоящему восточным в Мехмеде был лишь нос. Если бы не эта деталь, лицо могло бы показаться лицом европейца. На светлой, чуть загорелой коже хорошо выделялись тёмно-рыжие брови. Тюрбан скрывал волосы, но цвет волос и бровей обычно совпадает, поэтому Андреас мог приблизительно представить, что находится под головным убором, а затем удивился — мальчик рыжий, а веснушек нет.

Глаза у мальчика были светло-серые, большие, опущённые рыжеватыми ресницами, а взгляд оказался пронзительный — когда принц посмотрел прямо на Андреаса, то грек забыл даже о носе мальчика и видел только глаза.

Впрочем, очень скоро пришлось обратить внимание на жёсткую линию рта и на тонкие, чётко очерченные губы, потому что четырнадцатилетний ученик усмехнулся и спросил:

— Ты мой новый учитель греческого?

— Да, принц Мехмед, — запоздало склонив голову в приветствии, произнёс наставник. — Я надеюсь, что теперь мы будем во всякий учебный день, каждый раз в это время, заниматься греческим.

— Каждый раз в это время? — Мехмед поднял брови. — Во всякий день?

— Да.

— Ты сам выбрал это время? — Мехмед посмотрел на учителя, как на полнейшего идиота.

— Да. У меня был выбор — или заниматься с тобой в это время, или сделать греческий самым последним уроком. Я предпочёл это, чтобы...

— Ну и зря, — оборвал Андреаса принц и засмеялся.

Такое поведение являлось дерзостью, но молодой учитель не раз сталкивался с подобными выходками, когда занимался с прежними своими учениками, и по опыту знал, что лучший способ борьбы с дерзостью — не обращать на неё внимания.

— Я зря выбрал это время? — спросил Андреас, как ни в чём не бывало. — Почему зря?

— Потому что именно в это время меня учить труднее всего, — с вызовом ответил Мехмед и пояснил: — Я и так-то не очень прилежен в учёбе, а именно в это время в меня будто шайтан вселяется. Ты ничему не сможешь меня научить, а вот я буду испытывать твоё терпение.

Принц говорил небрежно, словно не о себе. Да и выражения, которые он использовал, не подходили мальчику его возраста. Так мог бы сказать кто-то из взрослых: «Ты не прилежен в учёбе. Ты испытываешь моё терпение». Очевидно, Мехмед передразнивал своих учителей, а заодно насмеялся и над новым, но главный вывод, сделанный Андреасом, заключался в том, что ученик испорчен. Принц уже прошёл ту стадию, когда замечания ранят сердце и заставляют задуматься. Сердце Мехмеда огрубело, и теперь он принимал любые неодобрительные слова на свой счёт с полнейшим безразличием — поэтому и повторял их небрежно. Даже слово «шайтан».

«Неужели, здесь дошли до того, что поминают шайтана?» — Андреас с трудом в это верил, поскольку помнил, что чиновники в Эдирне, говоря о принце, выбирали слова очень осторожно. Получалось, что Мехмед своей строптивостью настолько утомил наставников в Манисе, что они срывались на него, открыто злились. Конечно, это недопустимо. Правда, голову за такое не потеряешь — разве что лишишься должности, однако нет смысла гнать учителя с должности, если другой через некоторое время начнёт вести себя так же.

«Ну и мальчик мне достался!» — подумал молодой грек, искренне удивился и, не скрывая этого удивления, спросил:

— В самом деле? В тебя вселяется шайтан?

Мехмед улыбнулся, будто чертёнок, замышляющий пакость:

— Да.

— То есть ты ведёшь себя неподобающе?

— Да. Я даже могу сбежать с урока.

«Вот, почему главный распорядитель осведомлялся о моём умении бегать!» — подумал Андреас, а вслух спросил:

— Почему же с нынешнего урока не сбегаешь?

Принц смутился, но почти сразу нашёлся и продолжил всё с той же наглостью:

— Хочу на тебя посмотреть. Мне сказали — у меня новый учитель. И мне стало любопытно.

— Ну, и что ты обо мне думаешь? — с нарочитым спокойствием спросил Андреас.

— Я думаю, что ты дурак, и другие учителя обманули тебя очень легко! — победно воскликнул Мехмед. — Теперь они ни за что не захотят поменяться с тобой временем уроков. Ты так и будешь мучиться.

— Пока что я не мучаюсь, — пожал плечами грек.

Принц посмотрел на него с подозрением:

— Нет? А что же ты сейчас делаешь?

— Веду интересную беседу с необычным мальчиком, — ответил Андреас.

На лице Мехмеда отразилось что-то вроде досады:

— И тебе всё равно, что я оскорбляю тебя?

— Пока что не оскорбил.

— Я назвал тебя дураком! — принц вскочил.

— Ты привёл весьма убедительный довод в подтверждение своих слов, — невозмутимо ответил молодой грек. — Я подумаю над ним. Если я, по твоему мнению, выбрал неправильное время, то, может, мне всё же удастся исправить дело. Если я пойму, почему именно на втором уроке в тебя, как ты сказал, вселяется шайтан...

— Ты не только дурак! — начал кричать Мехмед. — Ты урод! Сын осла! Грязный оборванец! Ты... — принц вдруг замолчал и расплылся в язвительной улыбке. — Ну, вот теперь я просто обозвал тебя и не привёл ни одного довода в подтверждение своих слов. Как тебе теперь, учитель?

— Да, шайтан разбушевался, — Андреас покачал головой, а затем вдруг поднял руку и перекрестил принца-мусульманина.

Мехмед вздрогнул, испугался:

— Со мной нельзя так делать, — тихо проговорил он, то есть уже не кричал.

— Однако помогло, — задумчиво проговорил грек. — Согласно моей вере, это помогает от разбушевавшегося шайтана. Шайтан успокоился.

— Нет, — принц снова язвительно улыбнулся. — Шайтан не успокоился, потому что сейчас я сбегаю с урока.

Андреас лишь пожал плечами, а мальчик направился к выходу из комнаты и вдруг обернулся:

— Кстати, а почему ты сидишь, когда я на ногах? Я — принц, и ты не имеешь права сидеть, если я не сижу.

Молодой грек поднялся на ноги:

— Прости меня, принц Мехмед. Ты мне столько всего наговорил, что я как-то забыл о церемониях.

Мехмед подошёл к двери и снова обернулся:

— А ты не собираешься меня ловить?

— Я должен?

— Другие учителя ловят.

— Так вот, в чём дело! — Андреас засмеялся, искренне и добродушно. — Ты просто играешь с учителями в догонялки. Здесь, во дворце, наверное, нет твоих сверстников, с которыми ты мог бы играть, и потому ты играешь с учителями.

Несомненно, принц стремился сделать всё, чтобы преподаватель начал ругаться, а когда вместо замечаний последовало одобрение, пусть не прямое, строптивый ученик растерялся.

Андреас рассчитывал, что так и будет, но несколько не лукавил, когда искал извинение для мальчика, стремившегося сбежать с урока. Молодой учитель искренне хотел увидеть в своём ученике что-то хорошее, проникнуться к Мехмеду симпатией, ведь чему-то научить можно лишь того, кто тебе нравится. Если ты ненавидишь своего ученика, то не сможешь научить ничему.

Молодой наставник продолжал понимающе улыбаться, а принц растерянно смотрел на него. Как видно, четырнадцатилетнему сорванцу никогда в голову не приходила простая мысль, что он ещё отчасти ребёнок, поэтому детское желание поиграть вполне оправданно. Мехмед вдруг взглянул на своё поведение с другой стороны, не предосудительной, и вдруг поверил, что не так плох, как говорят другие. Огрубевшее сердце чуть размякло.

— Значит, сверстников действительно нет? — уже серьёзно спросил Андреас.

Принц не ответил и всё с той же растерянностью, которую у него не получалось скрыть, повторил свой вопрос:

— Ты собираешься меня ловить?

— Я полагаю, принц Мехмед, что, если ты хочешь играть с кем-то в игры, то надо просто попросить, а не заставлять. Сейчас ты пытаешься заставить.

— Значит, не будешь ловить?

— А зачем ты меня заставляешь? Боишься просто попросить? Боишься, что я не соглашусь?

— А ты бы согласился? — наследник престола, продолжая стоять возле дверей, каждое мгновение колебался, открыть их или нет. — Если я тебя попрошу, ты согласишься?

— Я полагаю, принц Мехмед, что перед тем, как просить, лучше сначала проявить уважение к своему товарищу...

— А если я не проявил, то товарищ откажется, — закончил Мехмед усталым голосом, показывая, что слишком часто слушает поучения.

— Нет-нет, я не утверждаю, что обязательно откажется, — поспешно возразил учитель, но не сделал ни одного шага к дверям. — Я хотел сказать, что если проявлять уважение, тогда на твою просьбу почти наверняка ответят «да», а если ты уважения не проявляешь, тогда «да» и «нет» одинаково вероятны. Многое зависит от того, что за товарищ тебе попадётся. Он может простить тебе твою дерзость и сказать «да», а может не простить и

сказать «нет». А может просто не обратить внимания на дерзость, и тогда всё-таки скажет «да», — Андреас снова улыбнулся и хитро сощурился. — Так что же? Дерзнёшь попросить меня поиграть с тобой в догонялки?

Принц слушал очень внимательно, а когда услышал вопросы, то окончательно растерялся, смутился и потупился. Затем он поднял глаза на учителя, хотел что-то сказать, но смутился ещё сильнее.

Для Андреаса это была маленькая, но победа. Он ведь готов был на первый раз уступить этому мальчику — побегать с ним по коридорам дворца. И вдруг оказалось, что Мехмед согласен на меньшее — согласен остаться в классе. Принц, конечно, понимал, что подверг терпение учителя большому испытанию. Мальчик не ожидал, что терпение окажется так велико, а теперь боялся испытывать дальше, боялся обнаружить, что оно всё-таки имеет пределы. Поэтому и не задал вопрос, опасаясь услышать: «Нет, я с тобой бегать не стану».

«Всё не так плохо. Принц не так уж испорчен», — думал молодой грек и, стараясь не слишком явно радоваться, наблюдал, как Мехмед бредёт на своё место.

— Я раздумал убежать, — пробубнил наследник престола, усаживаясь на ковёр. — Давай лучше заниматься греческим.

— Ты позволишь мне посмотреть, принц Мехмед? — спросил Андреас, указывая на тетради, лежавшие на столике возле дверей.

— Тебе нужно моё разрешение? — удивился мальчик.

— Эти тетради — твои, — невозмутимо пояснил учитель. — Перед тем, как трогать чужие вещи, нужно спрашивать разрешения, поэтому я спрашиваю.

Принц помялся:

— Нет, не позволю.

— Почему? — спросил Андреас, но покорно отвернулся от столика с тетрадями и снова уселся на ковёр напротив ученика. — Почему ты не хочешь, чтобы я туда заглядывал?

— Там очень много ошибок, — небрежно ответил Мехмед. — Не хочу, чтобы ты их видел.

— Тебе стыдно за свои ошибки? — учитель постарался произнести это как можно мягче.

— Нет, не стыдно, — гордо ответил мальчик, но, конечно, это был наивный детский обман, и потому учитель всё так же мягко произнёс:

— Я думаю, принц Мехмед, что ошибок, которые ты сам исправил, стыдиться не нужно, а вот те, которые не исправлены — совсем другое дело. Однако я не говорю, что мы должны исправить всё прямо сейчас. Такие вещи невозможно сделать за один урок.

Они сами не заметили, как урок закончился. И для Андреаса, и для Мехмеда стало полной неожиданностью то, что дверь класса приоткрылась, и служитель напомнил о необходимости начинать другое занятие:

— Принц Мехмед, господин учитель, час истёк. Учитель математики уже ждёт.

Молодой грек покорно поднялся и поклонился ученику:

— До свидания, принц Мехмед. Надеюсь, завтрашний урок окажется таким же полезным для тебя и интересным для меня.

— Интересным? — эхом отозвался принц.

— Да.

* * *

Мальчишка своей строптивостью заставил Андреаса попотеть, но оказался и вправду весьма интересным учеником. Модой грек уже нисколько не жалел, что приехал в Манису. Об этом он сказал учителю географии, с которым повстречался возле своих покоев. Географ — пожилой генуэзец с малиновым беретом на полуседой голове — очень хотел знать, как прошёл первый урок у преподавателя-новичка.

Пусть генуэзец был католиком, а Андреас исповедовал православие, но вдали от христианских земель это различие потеряло важность — два единоверца не чуждались друг друга, поэтому учитель географии напросился в гости.

Правда, Андреас не знал итальянского языка, а генуэзец — греческого, и для общения пришлось использовать язык мусульманской страны, но это тоже показалось пустяком, так что географ, ступив вслед за Андреасом в покои и закрывая за собой деревянную двустворчатую дверь, начал беседу именно по-турецки:

— Моё занятие сегодня должно начаться после урока математики. Это ещё не скоро, и потому, если мне будет позволено, я хотел узнать, что думает новый учитель о своём новом ученике.

Андреас жестом предложил гостю присесть на софу, а сам остановился в задумчивости посреди комнаты и посмотрел в окно, забранное деревянной решёткой с причудливым узором.

— Я думаю, — начал грек, — что принца Мехмеда недооценивают.

— Недооценивают? — оживился генуэзец. — Он ещё более упрямый, чем мы думаем?

— Нет-нет, я совсем не это имел в виду, — сказал Андреас. — Я думаю, что принц Мехмед очень умный и способный мальчик, но он сам почему-то уверен, что способен лишь на дерзости. Впрочем, даже дерзить у него получается отменно. Когда мы с ним говорили, я едва мог подобрать правильные слова для ответа. Мне оказалось трудно спорить с этим мальчиком, несмотря на то, что ему всего четырнадцать, а мне двадцать девять. Вроде бы я должен быть намного умнее его, но временами мне думалось, что я сейчас скажу глупость, и урок пропадёт зря.

— Умный и способный? — генуэзец недоверчиво сдвинул брови и продолжал ехидным полушёпотом. — К чему это притворство? Нас сейчас никто не слышит, поэтому незачем расхваливать добродетели принца, которых нет.

— Я говорю так не потому, что опасюсь чужих ушей, — возразил грек. — Я действительно думаю, что принц Мехмед гораздо умнее, чем кажется. А если он плохо

учится, то, возможно, потому, что его учителя не достаточно умны, чтобы объяснить ему, зачем нужно...

Учитель греческого не договорил, заметив, что учитель географии смотрит куда-то в сторону. Андреас проследил за взглядом собеседника и увидел, что в дверях покоев стоит Мехмед. Откуда только взялся!? Ведь принцу сейчас полагалось заниматься математикой. Получалось, что он всё-таки осуществил недавнее намерение сбежать с урока.

— Почему ты так сказал!? — крикнул наследник престола, глядя на молодого грека, а в глазах и во всём лице мальчика читалось такое мучение, которое испытывает разве что жертва диких зверей, разрываемая на части зубами и когтями.

— Принц Мехмед... — только и проговорил Андреас, почувствовав, будто уличён в чём-то постыдном, а ведь он не сказал о Мехмеде ничего плохого.

«Я должен был вести себя осторожнее, — упрекнул себя молодой учитель. — Когда мальчик, который давно никому не открывал своё сердце, всё же отваживается открыть, то его ранит любой пустяк». Ученик, наверное, обиделся, что учителя обсуждают его за его спиной, и решил, что они злословят.

— Почему ты сказал, что я умный!? — снова крикнул принц. — Ты заметил, что я подслушиваю, да? Поэтому так сказал? Хотел задобрить меня?

— Принц Мехмед, я же стоял спиной. Как я мог заме...? — Андреас не успел договорить, потому что наследник престола вдруг сорвался с места и побежал куда-то дальше по коридору.

В открытую дверь стало видно, как вслед за принцем по коридору пробежали служители в тёмных одеждах, препоясанные зелёными кушаками, а ещё через несколько мгновений раздался голос учителя математики, араба по происхождению. Этот учитель был не слишком стар, но грузен и потому не мог бегать за четырнадцатилетним сорванцом:

— Принц Мехмед, принц Мехмед, ну что ж такое! Зачем эти шалости?

Наконец, грузная фигура учителя поравнялась с дверью в покои Андреаса, где по-прежнему находились сам Андреас и его гость — генуэзец, преподававший географию. Араб, увидев коллег, беспомощно развёл руками и произнёс всё так же по-турецки:

— Он опять! Опять!

Генуэзец снова оживился:

— Ну, вот. Я же говорил. Мальчишка просто несносен! Если б мог, он бы с каждого урока убегал. Хорошо, что слуги ловят нашего ученика, но, увы, поймать его в его же покоях удаётся не всегда. Теперь станут целый час ловить по всему дворцу. Или даже два часа. Боюсь, мой сегодняшний урок пропал так же, как урок математики.

На следующий день молодому учителю ещё больше, чем прежде, не терпелось увидеть ученика. Хотелось, чтобы урок мусульманского богословия поскорее закончился, ведь тогда стало бы ясно, как беседа с генуэзцем, подслушанная принцем, отразилась на обучении греческому языку. Могло оказаться, что она отпугнула мальчика и обесценила ту победу, которую одержал Андреас на вчерашнем уроке. Но всё могло и обойтись.

К счастью, обошлось. Ученик вёл себя на удивление тихо, не дерзил... и всё-таки верил учителю меньше, чем в конце вчерашнего занятия. Вчера казалось, что Мехмед станет с готовностью «исправлять ошибки», то есть повторять уже изученные когда-то правила грамматики, а сегодня выяснилось, что принц сомневается.

Андреас, усевшись на ковры напротив ученика, открыл, было, книгу и уложил на низкую деревянную подставку, но выяснилось, что следует оставить это, опять мягко убеждать, ведь Мехмед произнёс:

— Ты вчера сказал, что мои учителя, наверное, не слишком умные, поэтому не могут объяснить мне, зачем нужно учиться.

— Да, я так сказал, — кивнул грек.

— Тогда объясни, зачем мне нужно учить греческий.

Дискуссия обещала стать приятной. Учитель поймал себя на том, что рад предстоящему разговору и даже любит собеседником. Андреас обратил внимание, что сегодня на принце зелёный кафтан, а не жёлтый, из-за чего брови и ресницы мальчика показались ещё рыжее, чем вчера, а глаза приобрели изумрудный оттенок — очень красивый.

Андреас размышлял об этих глазах, когда принц повторил свой вопрос:

— Зачем мне греческий?

Мальчик говорил без всякой издёвки. Ему явно хотелось согласиться с учителем, однако учителю всё-таки следовало потратить время и силы на убеждение. Потому-то Андреас и начал дискуссию с вопроса:

— А если бы я сказал, что учить греческий тебе не нужно, ты бы поверил?

Мехмед задумался лишь на мгновение, после чего весело улыбнулся:

— Нет, не поверил бы.

— Значит, ты уверен, что греческий тебе необходим.

— Мой отец не знает греческого, и хорошо живёт, — возразил принц.

— Однако твой отец хочет, чтобы ты изучал этот язык, — напомнил Андреас. — Значит, видит в нём пользу. А ты веришь своему отцу?

— Да, но этого мало, — сказал Мехмед.

— Мало?

— Да, — кивнул наследник престола и, наконец, сформулировал. — Мне мало верить, потому что я хочу понимать. Умом.

— Умом? — переспросил молодой грек. — Значит, ты по-прежнему веришь моим вчерашним словам о том, что умён?

Мехмед снова улыбнулся и сказал:

— Учитель, я хочу, чтобы ты меня не уверил, а убедил, но ты всё повторяешь: «Веришь? Веришь?»

— Что ж, — Андреас кивнул. — Тогда, думаю, ты согласишься, что греческий нужен тебе затем, чтобы ты, принц Мехмед, когда станешь правителем, мог лучше понять своих подданных-греков.

— И тебя? — чуть смутившись, спросил принц.

— И меня, — мягко произнёс учитель, ведь слова «и тебя» прозвучали в устах мальчика по-особенному. «Его сердце не закрылось, а наоборот — раскрылось для меня ещё больше», — с радостью подумал Андреас. Ему вдруг показалось, что Мехмед не хочет больше никаких доводов и согласен начать обучение, однако принц всё же продолжал спорить. Возможно из простого упрямства:

— Учитель, но ведь ты умеешь говорить по-турецки. Мы с тобой поймём друг друга, — сказал ученик.

— А как же другие греки? К примеру, те, которые живут вне Турции. Они не знают турецкую речь, но среди них есть очень умные люди, интересные собеседники, которые через беседу покажут тебе мир с новой, непривычной стороны.

Принц слушал без особого воодушевления, поэтому Андреас поспешно добавил:

— Наверное, сейчас для тебя это не очень ценно, ведь ты начал учиться не так давно, и тебе всё ново, но со временем, когда тебе покажется, что ничего по-настоящему нового уже не осталось, то приятно будет встретить человека, который говорит тебе такое, о чём ты прежде не слышал и не задумывался.

— А толмачи на что? — продолжал возражать Мехмед.

— Если пользоваться услугами толмача, то доверительный разговор не получится, — заметил учитель. — Собеседник будет не так откровенен, как мог бы. И не откроет тебе всего, что мог бы открыть.

Мехмед погрузился в размышления, а затем произнёс:

— Люди всегда скрытные. Бывает, я задаю вопрос, а они врут, что не знают ответа.

— Врут? — не понял Андреас. — Зачем им это?

— Они думают, что мне не надо знать. Поэтому врут, говоря, что сами тоже не знают.

Теперь стало ясно, откуда у ученика такие мысли. «Когда ребёнок задаёт взрослым неудобные вопросы, то взрослые обычно отмахиваются», — подумал молодой грек, а Мехмед меж тем продолжал:

— Мой прежний учитель греческого тоже врал мне. Я думаю, что греки, про которых ты говоришь, будут врать так же, если решат, что мне не надо знать то, что они могут рассказать, — он гордо вскинул голову. — Но тогда я уже стану султаном. И если захочу, чтобы они сказали правду, то заставлю. Есть способы, и не надо учить греческий язык.

Несомненно, ученик говорил о пытках, и Андреас мысленно содрогнулся от такой кровожадности, но внешне остался спокойным и продолжал убеждать:

— Обычно собеседник отказывается отвечать, когда не надеется, что ты его поймёшь. Если ты будешь говорить с ним на его языке, это будет способствовать доверию. Собеседник

решит, что ты готов понять, и откроется тебе.

Принц снова задумался:

— Как в тайных переговорах между государствами?

«Не только», — хотел ответить грек, но вместо этого произнёс:

— Да, например.

— Великий визир Халил-паша знает греческий, — задумчиво проговорил Мехмед, теперь будто принимая противоположную сторону в споре. — Мой отец очень ценит этого слугу, потому что на переговорах с греками тот очень полезен.

— Вот видишь, — кивнул Андреас, а принц меж тем показал, что желает новых доводов:

— А ещё для чего мне греческий?

— Для того чтобы прочесть много греческих книг, которые не переведены на турецкий, — продолжал убеждать учитель. — Увы, не переводят обычно самое интересное.

— Почему? — удивился принц. — Самое интересное должны переводить в первую очередь.

— В первую очередь переводят то, что считается полезным, — улыбнулся Андреас. — А вот тексты, которые призваны развлекать, часто остаются непереверждёнными. Ты ведь не станешь спорить, что наиболее интересно то, что развлекает, а не наставляет.

Мехмед показался куда более воодушевлённым, чем прежде, но настоящего интереса пока не появилось, и тогда учитель спросил:

— А что ты хотел узнать у своих учителей, но не узнал?

Принц на мгновение опустил взгляд:

— Много чего. Сейчас точно не вспомню.

Ученик явно помнил, но почему-то не хотел говорить, а учитель не стал настаивать:

— Что бы это ни было, греческие книги, которые не переводились, говорят об очень многих предметах. Ты наверняка найдёшь там ответы на свои вопросы.

В глазах Мехмеда появилось напряжённое внимание, как будто он услышал то, чего давно ждал, или нашёл то, что давно искал, однако лицо осталось нарочито задумчивым, как если бы мальчик боялся спугнуть долгожданную удачу.

— Так это достаточная причина, чтобы учить греческий? — спросил Андреас.

— А если я просто прикажу перевести всё это? — возразил принц и опять вскинул голову, представляя, что уже вырос и является правителем.

— Перевод может отличаться от оригинала, — заметил грек. — Иногда это различие весьма серьёзное. Переводчик может выбрасывать из книги целые куски, которые считает ненужными, а остальное переиначить соответственно своим убеждениям, искажая мысли автора.

— Я прикажу перевести так, чтобы ничего не отличалось.

— А как ты проверишь, что твоё повеление исполнено в точности?

— Поручу кому-нибудь проверить, — чуть подумав, произнёс Мехмед.

— А как ты узнаешь, что тот, кто проверил, ничего не пропустил? — не отставал Андреас.

— Поручу ещё кому-нибудь проверить снова, — произнёс принц, но явно понял, что слишком уж много препятствий возникает на пути к чтению нужной книги — сперва ждать перевода, затем ждать, пока проверят, а затем снова ждать...

Учитель хитро улыбнулся:

— Не проще ли самому выучить язык, принц Мехмед? — однако перестал улыбаться, услышав от ученика новый вопрос:

— А если я не смогу выучить хорошо? — произнеся это, Мехмед сразу сник. От прежней гордости не осталось и следа. Теперь он считал себя жалким, никчемным, и это проявлялось так явно, что Андреас, не раз встречавший учеников, не верящих в себя, всё равно поразился:

— Почему не сможешь?

— Все говорят, что я глупый, и у меня нет способностей, — вздохнул мальчик.

— А я говорю, что ты умный, — напомнил учитель.

— Почему? — осторожно спросил Мехмед, и из этого следовало, что вчера он, сбежав с урока математики, услышал только самое окончание той беседы, которую вёл новый учитель греческого с учителем географии.

— Ты умный, — повторил Андреас. — Пусть ты мало знаешь, но не задаёшь глупых вопросов. Твои вопросы всегда такие, на которые мне довольно трудно ответить. Мне, человеку, которому двадцать девять лет, трудно отвечать на опросы четырнадцатилетнего мальчика. Это значит, что мальчик умён. Окажись ты глупым, я отвечал бы на твои вопросы с лёгкостью.

Ученик воспрянул духом. Глаза загорелись:

— А способности? Они у меня есть?

— Обычно их наличие или отсутствие проявляется, только если заняться чем-нибудь всерьёз, — ответил учитель. — Однако я совсем не уверен, что ты всерьёз занимаешься учёбой.

Мехмед потупился, снова вздохнул:

— Это потому что у меня нет упорства. А без упорства ничего не достигается.

— У тебя нет упорства? — Андреас снова поразился. — Откуда такие мысли? Неужели так говорят твои учителя?

— Да, мулла так говорит, — признался принц.

— А он говорил тебе, что ты упрям, как осёл? — спросил учитель. Если уж Андреас заметил упрямство своего ученика, то мулла тоже должен был заметить и сказать про это хоть раз!

— Да, мулла ругал меня и за это тоже, — признался Мехмед.

— Тогда я могу тебя образовать — упорство у тебя есть, — серьёзно сказал грек. — Дело в том, что упрямство и упорство это почти одно и то же. Упорством называют неуклонное стремление к чему-то, а упрямством — такое же неуклонное стремление

оставаться на месте. Сейчас ты стремишься не учиться, но если бы ты попробовал проявить неуклонное стремление к изучению греческого...

— Я попробую, — вдруг произнёс Мехмед и от волнения даже не заметил, что перебил учителя. Впрочем, Андреас уже не хотел заканчивать фразу, снова залюбовавшись пронзительным взглядом серых глаз, ведь принц, мгновение назад смотревший куда-то в пол, на ковры, снова посмотрел на собеседника.

В глазах мальчика отразилось не только согласие, но и надежда. Мехмед надеялся, что всё получится, однако учитель заподозрил, что принц станет учиться не по собственному желанию, а из желания угодить. Это и подтвердилось, когда мальчик сказал:

— Я постараюсь, чтобы ты был доволен.

Андреас мягко улыбнулся:

— Это, конечно, хорошо, что ты хочешь сделать мне приятное, но всё-таки постарайся учиться не только ради меня, но и ради себя. Учись не потому, что кто-то хвалит, и не потому, что кто-то может наказать, а ради овладения знанием. Я подозреваю, что тебе будет весьма интересно познавать мир, а изучение наук это лучший способ познания мира.

— А почему ты думаешь, что мне интересно познавать мир? — спросил Мехмед и смутился. Наверное, мальчик слышал ободряющие слова очень редко, из-за чего они стали так ценны для него — гораздо ценнее, чем обычно бывает похвала для ребёнка, если он окружён любовью.

— Моё мнение опять расходится с тем, что говорят другие твои наставники? — спросил Андреас.

— Да, — неохотно признался принц. — Они говорят, что мне ничего не интересно.

Теперь Андреасу тоже следовало признаться:

— Просто я вижу, что у тебя большие и внимательные глаза. Люди с такими глазами всегда стремятся познавать мир. Физиологи говорят, что чем больше у человека глаза, тем шире он открыт миру и охотнее стремится к познанию, а у тебя глаза больше, чем у многих людей, которых я встречал. Значит, тебе должно быть интересно. Интерес пропадает только, если ты устал, или если тебя ведут не тем путём, по которому ты сам хотел бы идти. И получается, тебе нужно просто чаще отдыхать и самостоятельно выбирать дорогу к познанию. Вот и всё.

Мехмед глянул в сторону своих старых греческих тетрадей, которые всё так же лежали на столике возле дверей, затем снова повернулся к Андреасу и с волнением объявил:

— Учитель, если ты говоришь, что я должен сам выбрать дорогу, по которой пойду к знанию, тогда я выбрал! Начни со мной заниматься с самого-самого начала. Я не хочу продолжать тот путь, который прошёл с другим учителем. Я хочу пройти весь путь с тобой. Давай начнём с чистой тетради, как будто я совсем ничего не знаю. Не спрашивай меня о том, что мы с прежним учителем проходили, а чего не проходили. Веди меня своей дорогой, а если мне попадутся знакомые места, это значит, что мы просто пройдем их быстрее и легче. А ещё я хочу читать те греческие книги, о которых ты говорил — книги, которые никто ни разу не переводил на турецкий язык. Когда мы будем их читать?

— Тогда, когда ты заново научишься читать, принц Мехмед, — ответил Андреас.

* * *

Говоря о книгах, которые не переводились на турецкий язык или переводились искажённо, Андреас подразумевал, прежде всего, те сочинения, которые мало подходят для мальчика, да и не для каждого взрослого человека годятся. Вот почему после урока грек отругал себя за болтливость и сам себе велел: «О тех книгах даже не заикайся. В конце концов, есть другие. Греческих книг, которые не переводились, существует великое множество. Есть и те, которые Мехмеду подойдут и понравятся ему».

Турецкому принцу не следовало читать то, о чём постоянно вспоминал Андреас — греческие сочинения, где упоминались особые человеческие чувства и пристрастия, свойственные и самому Андреасу, то есть однополая любовь.

У христиан, как и у мусульман, склонность к таким чувствам считалась постыдной, и потому молодой грек уже много лет скрывал от семьи эту сторону своей натуры. То есть его особые пристрастия как раз и стали причиной того, что он жил вдали от отца и брата, вместо того, чтобы поселиться в Эдирне и жениться, как ему неоднократно советовали.

В Эдирне такому человеку как Андреас просто не было места, и потому он впервые проявил свои пристрастия только в Константинополе во время обучения, а затем — в Афинах, где нашлось сразу несколько «единомышленников».

Афинские единомышленники были ровесниками Андреаса или людьми чуть постарше, причём все как один оказались высокообразованными. Они хорошо знали друг друга, но таились от окружающих, а в итоге получилось что-то вроде философского кружка.

Однажды оказавшись приглашённым на их собрание, молодой грек сразу понял, что это редкая удача. Чтобы не лишиться общества новых знакомых, он задержался в городе надолго и именно там научился жить так, словно стремился перенестись в старые времена — времена Сократа, Платона и Аристотеля.

Иногда даже казалось, что старые времена вернулись, ведь участники кружка во многом уподобились эллинам — к примеру, вели беседы, весьма предосудительные по христианским меркам, а иногда, если оказывались наедине вдвоём, то выказывали друг другу особую симпатию, ещё более предосудительную.

Бывало, что вся компания единомышленников собиралась на пирах в доме самого богатого из них. Тогда беседа становилась интереснее, а проявление особой симпатии затруднялось, но затруднения никому не приносили огорчений, ведь после жаркого спора и нескольких чаш разбавленного вина остаётся только одна мечта — погрузиться в сон.

Пирры и споры обычно проходили не в комнатах, а в саду, усаженном оливами и

украшенном статуями древних богов. Гости устраивались не на стульях за столом, а на особых ложах, чем-то похожих на турецкие софы без обивки, и каждый получал в руки чашу старинной формы, чтобы как можно больше подражать эллинам.

Случалось, что гости, увлекшись подражанием, приносили мраморным богам бескровные жертвы, и пусть кто-то назвал бы это идолопоклонством, Андреас полагал, что судить так могут лишь люди поверхностные. Участники пира просто хотели почтить великое прошлое здешних краёв — прошлое, когда многое было дозвоительно и возможно.

Ах, как хотел бы молодой грек оказаться в древних Афинах, но понимал, что никогда не окажется. Кружок единомышленников — вот всё, чем приходилось довольствоваться. Сад с мраморными статуями ещё хранил следы прошлого, а с внешней стороны высокой каменной ограды всё стало иначе. Времена изменились, и потому теперь, живя в Манисе, Андреас напомнил себе: «Даже если у моего турецкого ученика обнаружатся особые склонности, потворствовать их развитию не следует. Потворствовать — это крайность, совсем не нужная для успешного постижения наук. В наше время следует всячески избегать крайностей».

Рассуждения о «крайностях» мог понять только тот, кому довелось узнать об особом методе обучения, основанном на любви. Молодой грек получил это знание в Константинополе, но метод открыли не там, а много столетий назад на Пелопоннесе, где эллины заметили, что влюблённость в учителя заметно усиливает тягу ученика к знаниям.

Открытие послужило воспитательным целям, но не так, как думали многие профаны, ведь ученику, чтобы хорошо учиться, не требовалось сближаться с учителем физически — достаточно было просто любить.

Андреас это понял и пусть, влюбившись в своего учителя в Константинополе, переступил последний предел, но, когда обучение окончилось, а учитель с учеником дружески распрощались, молодой грек решил, что не станет всем подряд передавать свой опыт. Следовало сдерживаться, и не только из-за современных нравов, но и потому, что вокруг оказалось слишком много примеров, когда любовь не доходила до таких отношений.

«Моего учителя окружала целая толпа учеников, но лишь я стал особенным, и это к лучшему», — напоминал себе Андреас, который не желал бы стать одним из многих и потому сам не стремился сделаться особенным учителем для каждого.

Передаче опыта препятствовало и то, что молодому греку в отличие от его константинопольского учителя чаще всего доставались ученики малолетние. «Не путай педагогику с педофилией», — эти слова своего наставника Андреас усвоил твёрдо, так что с мальчиками придерживался принципов христианской этики — никакой физической близости. Однако — чего уж греха таить — Андреас знал, что привлекателен и внешне, и душевными качествами, поэтому часто делал так, чтобы очередной мальчик, едва вступивший в пору отрочества, влюбился.

Поскольку ученики молодому греку в основном попадались строптивые, это был чуть ли

не единственный способ привить таким упрямым любовь к учёбе, а самое занятное во всём происходящем казалось то, что мальчику, чтобы влюбиться, не требовалось иметь особые склонности — не каждый захочет разделить с учителем ложе, но сердечно привязаться к учителю может каждый.

Мальчики даже не понимали, что с ними происходит, однако ими овладевала эйфория любви. Они были готовы сделать для Андреаса почти всё за его улыбку, за одобрительные слова, но он требовал лишь одно — овладевать научным знанием.

Затем любовь у мальчика проходила, усвоенное знание оставалось, а молодой учитель заранее готовил ученика к такому повороту событий, не уставая повторять, что ученик должен учиться не столько ради учителя, сколько ради себя самого.

Вот так Андреас совмещал приятное времяпровождение с полезным. Вот поэтому он так любил свою профессию, и пусть родители учеников не одобрили бы его метода, но родителям вовсе не обязательно было знать, в чём секрет, и почему их чадо вдруг воспылало любовью к учёбе. Учитель ведь не переступал черту. С малолетними — никогда.

Даже если у мальчика были склонности, следовало ограничиться любовью духовной. Она получила название «платоническая», и пусть поборники христианской морали нередко называли мерзостью даже такие отношения, однако Андреас лишь усмехался, слыша подобное. Уж он-то, не первый год занимаясь преподаванием, знал, насколько часто учителя, даже убеждённые христиане, пользуются методом эллинов и влюбляют в себя своих учеников, хоть и не оставляют влюблённым никакой надежды на взаимность.

Если не переступать границу, эти игры в любовь могли показаться безобидными, особенно в сравнении с методом других учителей — таких, кто не отличался ни внешней, ни внутренней красотой и оказывался способным только тиранить учащихся, воздействовать не любовью, а страхом.

Принцу Мехмеду не повезло — главный его наставник, мулла Гюрани, оказался как раз таким тираном, а остальные учителя подстраивались под муллу. Лишь Андреас не собирался подстраиваться!

* * *

Мехмед проявил упорство в изучении греческого языка, и пусть успехи поначалу оказались скромные, Андреаса это всё равно радовало, ведь очень приятно заниматься с учеником, который настолько внимателен, что ему ничего не надо повторять дважды — мальчик во все глаза смотрел на учителя и ловил каждое слово.

Заглянуть в старые тетради принц по-прежнему не позволял, но своих ошибок больше не стыдился и даже сам смеялся, когда выяснилось, что нужно довольно серьёзно поправить произношение, потому что прежний учитель — старик — из-за отсутствия части зубов

выговаривал некоторые звуки своеобразно.

Когда начали изучать правила грамматики, Андреас схитрил. Пусть он учил Мехмеда вроде бы заново, но сам всё время помнил, что мальчик уже многое знает, поэтому можно было тратить на объяснение меньше времени, чем затрачивалось обычно.

Вместо объяснений учитель, рассказав про очередное грамматическое правило, всегда просил, чтобы ученик сам подобрал к правилу примеры. Принц тоже хитрил — вспоминал те примеры, которые приводил прежний наставник, но Андреас настойчиво просил новых, и Мехмед, вздохнув, начинал соображать.

Попутно обнаружилось ещё одно затруднение — правила Мехмед усваивал, а говорить всё равно не мог, потому что слов не хватало.

— Значит, будем больше читать, — сказал Андреас, однако никаких сложных книг не давал.

Поначалу учитель и ученик читали вслух греческие пьесы, написанные нарочито простым языком, то есть комедии. Андреас читал за одних персонажей, а Мехмед — за других. Кто за кого будет читать, договаривались заранее, и читали с выражением, старались менять голоса. Принц увлёкся чтением, но читать за женщин почему-то не хотел — только за мужчин, пусть Андреас и объяснил ему, что в греческих пьесах все роли написаны для мужчин.

Затем учитель и ученик начали читать греческую поэзию, которую Мехмед сначала просто переводил, а затем выучивал наизусть и декламировал по всем правилам, то есть стоя и взмахивая руками в нужные моменты.

Запоминал мальчик удивительно легко, а декламировать очень полюбил. Ему нравилось, что после удачной декламации учитель считает своим долгом выразить одобрение аплодисментами, как в театре. Причём из-за этого даже оказалось позабыто правило о том, что учителю нельзя сидеть, когда принц на ногах:

— Садись, — повелевал Мехмед своему учителю. — Ты же зритель.

Занимаясь чтением по книге, учитель и ученик сидели не друг напротив друга, а бок о бок, как товарищи, потому что Андреасу требовалось видеть, что читает принц. Конечно, Мехмед читал вслух, но произношение у него было пока не очень хорошим, и к тому же он не всегда читал слова правильно, поэтому учитель, чтобы без конца не просить ученика перевернуть книгу: «Дай-ка посмотреть, что там за слово», — просто садился по левую руку от него — именно по левую, ведь справа от Мехмеда лежала новая тетрадь для записей.

Когда в стихотворении встречалось неизвестное слово, мальчик тут же записывал само слово по-гречески вместе с турецким переводом, а зачем продолжалось чтение, однако с каждым днём ученик обращался к тетради всё реже, потому что в голове запас слов тоже пополнялся — не только в тетради.

Прошло не более трёх месяцев, но Мехмед уже не на каждой строчке спрашивал учителя:

— Как переводится это слово? — а однажды, когда учитель нарочно дал простое стихотворение, Мехмед всё прочитал и перевёл без единой подсказки. Конечно, львиная доля этого успеха принадлежала прежнему учителю, занимавшемуся с принцем два или три года, но лишь теперь ученик научился пользоваться знаниями, полученными тогда.

Мехмед был доволен, и Андреас — тоже. Оказалась пройдена важная ступень в обучении, так что преподаватель должен был выразить ученику своё одобрение как-нибудь более явно, чем просто словом:

— Молодец! — сказал Андреас, хлопнув мальчика по спине.

Дружеское похлопывание казалось подходящим к случаю, однако последствия оказались неожиданные — Мехмед выгнулся, стиснул зубы. Он выглядел так, как будто ему чрезвычайно неприятно, но Андреас не мог понять природу этого чувства. Было ли принцу неприятно физически, или он испытал нравственное отвращение? Может, оказалось нарушено правило, запрещавшее прикасаться к сыну султана? Или мальчику просто не понравилось, что учитель обращается с ним, будто с приятелем?

— Прости, принц Мехмед, — пробормотал Андреас, сильно озадаченный.

— Спину не трогай, — резко, в крайнем раздражении проговорил ученик.

— Хорошо, не буду, — согласился грек, пытаясь понять, в чём дело.

Тон у ученика сделался такой, как в самый первый день, когда в мальчика будто «шайтан вселился». Но почему? Учитель никак не мог взять в толк.

— Ещё раз прошу прощения, принц Мехмед, — проговорил молодой грек. — Я не думал, что это будет... неприятно.

Мехмед сидел и смотрел куда-то в книгу между строк, но, услышав повторное извинение, вдруг повернулся, и Андреас увидел, что большие серые глаза пылают гневом, а всё лицо ученика как будто перекосилось.

— Ты насмехаешься!? — крикнул принц. — Не думал!? А о чём ты думал!? Или ты просто забыл!? Тебе плевать, что со мной происходит на первом уроке!?

— Ещё раз прости, принц Мехмед, но я не понимаю, — Андреас говорил совершенно искренне, поэтому четырнадцатилетний мальчик, взглядевшись в собеседника и не увидев даже намёка на притворство, злобно рассмеялся:

— Выходит, ты не знал? И не догадывался? А ещё меня называют идиотом! Я бы на твоём месте уже сто раз догадался.

— О чём?

— Ты ещё спрашиваешь!? — наследник престола вскочил и продолжал уже с высоты своего роста выкрикивать слова в лицо учителя, от растерянности позабывшего встать. — Ты каждый раз ждёшь у дверей, когда окончится мой урок с муллой! Значит, ты уже сто раз

видел эту проклятую палку, которую носит прислужник муллы! И ты ни разу не задумался, для чего она!?

— Палка? — Андреас, наконец-то, начал понимать. — Я думал, это указка.

Мехмед опять злобно захохотал:

— Указка!? Ну, конечно! Указка! И этой указкой мулла имеет право лупить меня по спине каждый день кроме пятницы, потому что в пятницу уроков нет. Ты не знал!? Да весь дворец знает! Все кроме тебя знают! А сегодня ты мне тоже решил добавить как поощрение!? Ах, благодарю, добрый учитель! Благодарю, что хоть ладонью ударил, а не указкой.

— Тебя бьют? — молодому греку просто не верилось. — Я никогда не думал, что на принца можно поднять руку.

— Я тоже не думал, что такое возможно, — это Мехмед произнёс уже тихо, потому что устал кричать. — Я не думал, что такое возможно, пока мой отец не разрешил мулле наказывать меня.

В голосе принца появилась горечь — такая, как если бы прозвучало: «За что отец поступил со мной так? За что? Отец должен защищать сына, но мой отец поступил наоборот».

Размышляя об этом, Андреас не сразу спохватился и сообразил, что лучше подняться на ноги, а теперь с высоты своего роста взирал на тюрбан понурившегося ученика:

— Давно это продолжается? — по-прежнему с изумлением в голосе спросил грек.

— Давно, — буркнул принц.

— Насколько давно?

— С тех пор, как мне исполнилось одиннадцать.

Мехмед, поднял голову и посмотрел в лицо учителю, но, вопреки ожиданию Андреаса, большие серые глаза, опущённые рыжеватыми ресницами, оказались совершенно сухими. Ни одной слезы!

— Когда я был правителем вместо отца, это прекратилось, — с нарочитым безразличием продолжал объяснять принц, — а сейчас опять началось.

— И сколько ударов палкой тебе случается получить за одно наказание? — мягко выспрашивал Андреас.

— Обычно — три, — сказал принц. — Таков обычай. Но иногда мулла ради моего вразумления нарушает обычай и бьёт шесть раз.

— И часто?

— Однажды это продолжалось три недели подряд, но обычно я учусь лучше. Вернее, всё равно плохо, но не настолько плохо, чтобы меня бить.

— Но почему мулла полагает, что тебя надо бить?

— Я же упрямый, как осёл, — усмехнулся Мехмед. — Никак не желаю усваивать божественную мудрость. Плохо выучиваю суры из Корана. Делаю слишком много ошибок, когда рассказываю суры наизусть. К тому же у меня в голове ничего не держится. Я выучиваю, а на следующий день могу и забыть то, что выучил накануне.

— У тебя в голове ничего не держится? — не понимал Андреас. — Тогда почему же ты так хорошо запоминаешь греческие стихи?

— Греческие стихи — другое, — вздохнул Мехмед. — Их я хочу запомнить, а суры не хочу.

— Но ведь тебе нужно учить Коран, — вкрадчиво сказал учитель. — Разве нет?

— Что мне нужно, я сам решу, — отрезал принц и опять сел на ковёр, скрестив руки на груди.

Андреас опустился рядом и произнёс всё так же вкрадчиво:

— Безусловно, тебе самому видней, но всё же скажи мне, отчего ты не хочешь учить Коран.

— А ты бы сам учил, если б его вколачивали в тебя палкой? — спросил Мехмед.

Было видно, что мальчик по-прежнему разозлён, но слепого безудержного гнева уже нет. Принц теперь мог вести разумную беседу.

— Если говорить обо мне, — произнёс Андреас, — то вначале я бы злился так же, как ты, а затем выучил бы то, что от меня требуют. Я бы сделал это не из страха наказания, а чтобы доказать самому себе, что способен всё выучить. Я бы посмотрел на других людей, которые знают Коран, и подумал: «Разве я хуже их?» Помнишь, что я говорил тебе не так давно? Учись не потому, что кто-то может наказать, и не потому, что кто-то хвалит, а ради овладения знанием. А теперь я также говорю тебе, что ты можешь превратить своё обучение в интересное состязание. Что если в итоге ты будешь знать Коран лучше, чем мулла?

— Лучше, чем мулла? Как это? — не поверил Мехмед, но его руки, скрещенные на груди, сами собой опустились вниз, и это означало, что мальчик открыт учителю, то есть готов поверить.

— Мулла, когда проверяет твои знания, держит перед собой открытый Коран, да?

— Да, — кивнул принц.

— И этот Коран открыт на той странице, где помещена сура, которую ты рассказываешь наизусть. Да?

Мехмед просиял:

— Верно, учитель. Значит, мулла уже сам не помнит Коран наизусть, а от меня требует, чтобы я знал! Так и скажу мулле завтра: «Сперва ты расскажи мне отрывок наизусть, а затем — я тебе».

Андреас не на шутку испугался:

— Нет-нет-нет, принц Мехмед. Ни в коем случае! Побереги свою спину!

— Спина выдержит, — улыбнулся Мехмед. — Она крепче, чем палка муллы. И я ему это докажу! — руки мальчика сжались в кулаки.

— Принц Мехмед, не лучше ли доказать мулле, что ты совсем не похож на осла? — возразил учитель.

— Если я выучу всё, как следует, мулла решит, что палка помогает в моём воспитании, — твёрдо произнёс наследник престола. — Я не хочу, чтобы мулла так решил. Даже тогда, когда он бил меня три недели подряд, я не сдался. А затем лекарь сказал ему,

что дальше меня бить — опасно для моего здоровья. И мулла на время перестал, пока лекарь снова не сказал, что можно. А затем я... случайно... хорошо выучил один отрывок из Корана. Мулла сказал, что на мою дурную голову снизошла милость Аллаха. Да, иногда бывает, что она снисходит, но это не потому, что я сам хорошо учу. Так случайно получается, а мулла никогда не дожждётся, что я покорюсь. Не дожждётся! Его палка сломается раньше, чем моё упрямство!

— Принц Мехмед, — не отставал учитель. — Я, конечно, призываю тебя, когда ты учишься, не думать о возможной похвале или наказании, но если тебе важно, что думают другие о твоей учёбе, то не лучше ли оглядываться на своего отца, а не на муллу. Твой отец окажется доволен, если узнает, что ты выучил весь Коран.

Пусть мальчик таил обиду на отца, разрешившего использовать палку, но вряд ли эта обида была так уж велика, чтобы её не простить. «Дети прощают быстрее и охотнее, чем взрослые», — подумал Андреас и оказался прав, ведь на лице принца отразилась душевная борьба. Мехмед не хотел уступить мулле, а порадовать родителя хотел.

Видя, что упрямство ученика ослабевает, учитель начал настаивать:

— Принц Мехмед, прошу тебя. Попытайся учить Коран лучше. Попробуй хоть один раз стать на уроке у муллы старательным учеником и посмотри, что из этого выйдет. Если тебе не понравится, ты всегда сможешь вернуться к своему прежнему поведению.

Ученик не отвечал, а Андреас больше не настаивал, но всем своим видом показывал, что же хочет услышать в итоге.

— Ну, хорошо, — мальчик, наконец, уступил. — Один раз я попробую.

* * *

Мехмед, сидя на коврах перед муллой, рассказывал ему наизусть двадцать девятую суру из Корана. Арабский язык, на котором был написан Коран, являлся для турецкого принца таким же чужим, как греческий, но Мехмед, начавший чувствовать в греческом языке красоту звучания, теперь почувствовал такую же красоту и в арабских словах.

Арабская речь принца сделалась ритмичной и плавной — такой же, как если бы он декламировал греческие стихи — но сейчас Мехмед не чувствовал особого удовольствия от декламации, потому что боялся сбиться. Двадцать девятая сура казалась ему слишком длинной по сравнению с теми стихотворениями, которые доводилось читать по-гречески. Она состояла из шестидесяти девяти аятов, но принц запомнил их все.

Правда, первую половину Мехмед заучил в течение последней недели по указанию муллы, но заучил плохо, поэтому пришлось повторить, а вот вторую половину прочёл сам и выучил без чьего-либо надзора.

Ради этого Мехмед почти целую ночь не спал, так что, рассказывая наизусть суру, не раз

повторенную за минувшие ночные часы, чувствовал, что у него немного кружится голова, будто он куда-то плывёт на облаках. Это ощущение казалось странным и новым, и могло бы даже стать приятным, но его отравляла навязчивая мысль, повторявшаяся в такт ударам сердца: «Только бы не сбиться».

Принц не сбился, и пусть по окончании декламации он сам уже знал, что допустил, по меньшей мере, две ошибки во фразах, но мулла всё равно смотрел на своего ученика, поражённый:

— Ты выучил суру до конца? Когда ты успел?

— Вчера ночью мне не спалось, учитель, — ответил Мехмед, — и, чтобы бессонные часы не пропали в праздности, я стал читать Коран.

Конечно, наследник престола лукавил. Спать ему минувшей ночью очень даже хотелось, но в то же время хотелось бросить вызов самому себе: «Смогу я выучить суру целиком или не смогу?» Мехмед одержал победу, выучил и теперь радовался своей победе. Он радовался ещё ночью, когда на небе начали меркнуть звёзды, и принц позволил себе, наконец, провалиться в сон.

«Я сумел», — думал он и считал себя хорошим учеником, в то же время понимая, что вовсе не обязательно покажется таковым для учителей. Бессонная ночь означала, что сразу после неё Мехмед сможет быть внимательным только на первом уроке и, конечно, на уроке греческого, а во время остальных занятий начнёт клевать носом или даже заснёт, и преподаватели за это не похвалят.

Бессонная ночь означала, что и после полудня, когда настанет время для некнижных наук, то есть для воинских упражнений, принц останется утомлённым, и наставники непременно за что-нибудь поругают — за пропущенный удар деревянной сабли или неметкую стрельбу из лука.

Мехмед вполне ожидал услышать недовольное: «Что это с тобой сегодня?» — но ещё ночью, заучивая двадцать девятую суру, он мысленно махнул на недовольных наставников рукой.

Увы, день принца был расписан по часам, а свободное время оставалось только вечером, поэтому, когда Мехмед понял, что для того, чтобы выучить суру, вечера никак не хватит, пришлось пожертвовать ночным сном.

«Теперь посмотрим, что из этого выйдет», — думал наследник престола, сидя перед изумлённым преподавателем, а мулла меж тем чуть поёрзал на своём тюфяке и улыбнулся в бороду:

— Молодец. Ты всё выучил и, кажется, без ошибок. Но насколько хорошо ты понял то, что выучил?

Мулла по уже заведённому порядку начал задавать Мехмеду вопросы на арабском языке, начинавшиеся со слова «что» или «почему». В ответ на каждый такой вопрос принц должен

был произнести также по-арабски «в Коране сказано», а дальше ещё раз рассказать один из аятов, подходящий по смыслу. Это было довольно просто, и Мехмед подумал, что мог бы выполнять такое упражнение даже в полусонном состоянии.

— Молодец, — снова улыбнулся мулла, весьма довольный. — Наконец-то, ты стал учиться. Наконец-то, мне удалось выбить из тебя лень и упрямство. Наконец-то, мои труды начали приносить плоды. А если ты и дальше будешь радовать меня, я напишу твоему отцу письмо, где скажу о тебе хорошие слова.

Мехмед предвидел такие речи и поначалу хотел просто промолчать, но вдруг, повинувшись внутреннему порыву, произнёс:

— Я выучил суру не для того, чтобы меня похвалили. И не потому, что стал бояться наказания. Я выучил её ради стремления к знаниям. Когда я учил, то бросил вызов самому себе и победил, потому что заставил своё же упрямство сражаться со своей ленью, а в сражении упрямство стало упорством. Я обернул своё же упрямство себе на пользу.

Эти слова мулле не понравились, но он не принял их всерьёз, поэтому не рассердился:

— А не переоцениваешь ли ты себя? — с лёгкой насмешкой спросил Ахмед Гюрани.

— Нет, — спокойно ответил принц и продолжал. — А ещё я думаю, что свои пороки человек может победить только сам. Никто не сделает это за него. Даже с помощью палки. Я знаю, что учеников наказывают ради их же блага, но, по-моему, это не помогает. Ученик может исправиться только сам. Учитель не может исправить его, как бы ни старался. Даже тысяча ударов не поможет.

— Наконец-то, мне удалось выбить из тебя лень, — задумчиво повторил наставник, поднимаясь на ноги и сохраняя на лице всё такое же выражение довольства. — Однако мне нужно ещё много потрудиться прежде, чем отправлять твоему отцу письмо с хорошими вестями, потому что твоё упрямство осталось при тебе. Что ж, потружусь ещё ради твоего блага и блага государства.

Мехмед подумал: «Мулла пытается присвоить себе мою победу», — и поэтому не огорчился из-за того, что письмо не будет отправлено. В письме отправитель говорил бы лишь о собственных заслугах, а не об успехах своего ученика. Что за интерес ученику стараться ради такого послания!

— Мне виднее, в чём для тебя благо, и как этого блага достичь. Старшим всегда виднее, — назидательно произнёс мулла и, очевидно, ждал, что Мехмед ответит, пусть и с неохотой: «Да, учитель».

Ответа не последовало. Поэтому наставник, подождав немного, выразился яснее:

— Ты должен благодарить меня, благодарить за мои усилия, но вместо этого возгордился. Разве ты знал бы сейчас хоть один аят из Корана, если бы не я? Нет. Ты так бы и остался неучем. Вот неблагодарный! Стоило появиться успеху, и ты сразу забыл, кому обязан. И твердишь «я», «я».

Наследник престола, продолжая молчать, показывал, что остался при своём мнении, и

тогда мулла сделал знак прислужнику, чтобы подал палку. Принц вопросительно посмотрел на своего учителя, а тот повелел:

— Встань и наклонись.

Мехмед поднялся и склонился, упершись руками в колени, как уже привык делать. Лишь спросил раздражённо:

— За что на этот раз? За упрямство?

— За неуважение к учителю, — ответил мулла и нанёс три удара, по обыкновению оттягивая каждый следующий удар, чтобы ученик лучше прочувствовал предыдущий.

Принц вытерпел все три. Хоть и вздрагивал, но не издал ни единого звука. Даже тихий вздох означал бы проявление слабости, а Мехмед не хотел казаться слабым. Для неоднократно битой спины каждый удар становился куда более чувствительным, чем если бы удары наносились впервые, и всё же принц терпел и готовился терпеть ещё.

Мехмеду вдруг вспомнился последний аят из другой суры, десятой. Там говорилось, что невзгоды надо терпеть. Наследник престола процитировал аят мулле — разумеется, по-арабски — за что получил ещё три удара, а затем мулла отдал палку прислужнику:

— На сегодня хватит. Урок окончен.

Мехмед снова уселся на ковёр и, стараясь казаться безразличным, вперил взгляд в стену. В глазах не было слёз. Их, как обычно, засушила злость. «Ну, вот. Я попробовал стать прилежным. Я сделал то, за что положено хвалить, но меня опять наказали. Учись — не учись, а всё равно накажут. Тогда зачем учиться? Это трудно. Проще не учиться», — сказал себе принц, однако прекращать изучение Корана уже не хотелось. Упрямство превратилось в упорство.

Именно теперь, когда Мехмед с полным правом мог бы не усваивать божественную мудрость, он хотел усваивать. Оставался лишь один вопрос — когда? Уж точно не на уроках муллы. Принц подумал, что придётся изучать Коран по вечерам, а от муллы свои знания тщательно скрывать. Ну, и в виде особой милости выдавать их учителю небольшими частями.

Ученик не видел, а только слышал, как мулла вместе с прислужником выходят из комнаты прочь. Мехмед знал, что сейчас войдёт Другой Учитель, и вдруг глаза сами собой наполнились слезами.

Принц почувствовал, что слишком устал и больше не может терпеть несправедливость в отношении себя. Мехмед устал терпеть наказания, которых могло бы и не быть, устал видеть в чужих глазах вечное неодобрение, устал думать, что все кругом — враги. Раньше, если становилось особенно трудно, принц говорил себе, что когда-нибудь вырастет и после отцовской смерти получит настоящую власть — власть над всеми наставниками и слугами, которые отравляли ему жизнь здесь, в Манисе.

Мехмед говорил себе, что всех казнит или сошлёт подальше, а затем появился Новый

Учитель, который в первый же день стал для принца чуть и не единственным человеком, которого хотелось не казнить или сослать, а наоборот — приблизить к себе.

Новый Учитель появился во дворце без особенной причины, поэтому появление казалось чудом, подарком судьбы, заставившем Мехмеда вспомнить о том, что в жизни есть что-то кроме душевных страданий, физических страданий и вечного противостояния со всеми.

Новый Учитель оказался красив и умён. Мехмед понимал, что Этот Человек не из тех кого никто не любит. Принц подозревал, что Этого Учителя любили многие, но Учитель почему-то проявил неподдельный интерес к Мехмеду и не отвернулся, когда Мехмед показал все самые непривлекательные стороны своей натуры. Учитель так и сказал, что было «интересно» их увидеть.

А ещё Новый Учитель как-то незаметно дал понять, что готов полюбить Мехмеда — такого, как есть — и принц мысленно говорил «да», пусть и не очень понимал суть этой любви.

Мехмед лишь догадывался о том, как собирался Учитель полюбить его. Не так, как отец любит сына. Не так, как брат любит брата. Не так, как друг любит друга. Не так, как слуга любит господина. Догадки принца строились лишь на отрицании уже известного, и об Учителе он не знал почти ничего. Но это стало не важно.

* * *

Андреас с беспокойством ждал очередного урока, поскольку помнил, что в прошлый раз дал своему ученику совет, и ученик обещал этим советом воспользоваться. Учитель не знал, сможет ли Мехмед сделать всё правильно и угодить мулле. «А если не сможет?» — спрашивал себя грек, ведь последствия ошибки несдержанного принца могли сказаться на занятиях греческим языком. Мехмед наверняка возложил бы вину за собственный провал на своего учителя-советчика.

Андреас не боялся услышать от ученика резкие слова — и так достаточно наслушался — но Мехмед перестал бы доверять своему преподавателю, перестал бы слушать новые советы, и это заставляло молодого грека беспокоиться. Затруднение оказалось бы куда серьёзнее, чем в тот раз, когда Мехмед, сбежавший с урока, подслушал разговор Андреаса с учителем географии.

Вот почему, ещё только войдя в класс и видя, что ученик сидит спиной к дверям, молодой грек очень огорчился. «Дело плохо», — сказал он себе, а затем служитель закрыл двери класса, принц услышал этот звук, обернулся к учителю, и Андреас впервые за то время, что занимался обучением наследника престола, увидел в глазах у своего ученика слёзы.

Молодой грек мысленно приготовился услышать о себе столько оскорбительных слов, сколько не слышал за всю жизнь, но Мехмед ничего такого не сказал. Четырнадцатилетний принц вскочил, подбежал к учителю, обнял его так крепко, что Андреасу стало трудно дышать, и уткнулся лицом ему в грудь.

— Учитель... учитель... — повторял ученик, захлёбываясь рыданиями.

Тюрбан с его головы свалился, и оказалось, что у турецкого принца под тюрбаном прячется пушистая тёмно-рыжая шапка, но это была не шапка, а собственные волосы Мехмеда, которые, наверное, могли бы завиваться колечками, если бы были острижены не так коротко.

Помня, что спину мальчика трогать нельзя — слишком больно — Андреас пальцами правой руки зарылся ему в волосы, а левую положил Мехмеду на шею:

— Прости меня, мой ученик. Как видно, я дал тебе плохой совет. Прости меня, — с искренним состраданием проговорил учитель и не знал, что ещё добавить. Андреас готовился признать, что совершил педагогическую ошибку. Не следовало так рисковать. Не следовало пытаться исправить успеваемость своего ученика сразу по всем предметам, а не только по греческому языку. Не следовало торопить события. Возможно, имело смысл самому поговорить с муллой? Правда, Андреас даже сейчас не представлял, как смог бы убедить этого жестокого человека отложить палку хоть на время.

— Прости меня, мой ученик. От моего совета стало только хуже, да? — проговорил учитель, но Мехмед, шмыгнув носом, вдруг сказал:

— Учитель, тут не твоя вина.

— Что? — Андреас не ожидал, что этот четырнадцатилетний мальчик окажется таким взрослым, то есть способным взять на себя ответственность за собственный поступок, даже совершённый по чьему-то совету. Лишь взрослые люди считают себя полностью ответственными за свою судьбу, да и то не все. Некоторые в этом смысле остаются вечными детьми, до самой старости обвиняя в своих бедах кого угодно, только не себя.

— Ты не виноват, учитель, — повторил Мехмед и, взглянув на Андреаса, в очередной раз заставил грека восхититься: «До чего же красивы эти глаза».

— Тебя били, мой ученик? Сколько раз ударили?

— Шесть, учитель, но я сам виноват. Нельзя исправить все ошибки за один урок. Помнишь, ты говорил так? Я согласен. Нельзя.

— И в чём же состояли твои ошибки с муллой? Расскажи мне, — попросил Андреас, мягко отстраняя мальчика от себя и призывая сесть.

Мехмед послушно отстранился, сел и начал утирать остатки слёз рукавом кафтана, на этот раз синего. Наибольшая часть слёз уже успела впитаться в учительский кафтан — как всегда светлый и маркий — но к концу урока эти мокрые пятна обещали высохнуть.

Затем Андреасу пришлось подождать, пока принц вернёт на место свой тюрбан — заново наматает на голову — и только после этого следовало задать повторный вопрос:

— Расскажи мне, мой ученик, в чём, по твоему мнению, состояли твои ошибки. Пусть я не знаю арабского языка, но всё равно попробую понять.

— Дело не в арабском, учитель, — ответил Мехмед. — Я начал совершать ошибки раньше, чем начал учить арабский.

— О чём ты говоришь?

— Я с самого начала был не очень послушным... — принц помялся, — то есть совсем не послушным сыном. Я грубил и дерзил своему отцу. И всем вокруг тоже дерзил. И все привыкли, что я такой. Поэтому теперь, даже когда я не такой, то есть если я просто не согласен и говорю об этом без дерзостей, на меня продолжают сердиться, потому что привыкли так делать за много лет. Поэтому мулла не перестанет сердиться, если я что-то выучу хорошо.

— А ты выучил?

— Да. Я выучил большую длинную суру. Хорошо выучил. Почти всю ночь учил и выучил. Но я сказал мулле, что учил не ради его похвалы, а ради овладения знанием, а он решил, что это дерзость, и рассердился. А если я снова что-то выучу хорошо, он всё равно сердиться не перестанет, потому что увидит, что я опять учил не ради него. Коня, который скачет во всю прыть, нельзя сразу остановить. Вот и с муллой так, и со всеми остальными будет так, даже если я начну учить. Все продолжают сердиться, потому что привыкли считать меня дерзким.

— Я не сержусь, мой ученик. Помни об этом. Я не сержусь, — сказал Андреас и протянув руку, потрепал мальчика по плечу. — Я нахожу прекрасным, что ты пытаешься исправить свои ошибки, даже очень старые.

Следующая минута прошла в молчании. Каждый думал о своём. Вернее, ученик думал о чём-то, а учитель пытался угадать его мысли: «Я дал ему необдуманый совет, а этот мальчик по-прежнему доверяет мне. Почему?»

Меж тем Мехмед глубоко вздохнул и произнёс:

— Учитель, можно, мы сегодня не будем заниматься греческим? Я устал. Очень устал.

— Тогда давай просто поговорим, — предложил преподаватель.

— О чём? — спросил принц.

— О чём угодно, но на греческом языке.

— Учитель, я же не говорю, — грустно произнёс Мехмед. — Мне не хватает слов.

— А ты скажи что-нибудь простое, — ободрял учитель. — Можешь даже вставлять в свою речь турецкие слова, если не знаешь подходящего греческого слова. Просто попробуй поговорить. Вырази свою мысль. Любую.

Принц задумался и думал довольно долго, а учитель терпеливо ждал, но вот, наконец, Мехмед, слегка запинаясь, произнёс по-гречески:

— Я некрасивый, да?

— Почему ты думаешь, что ты некрасивый? — тоже на греческом спросил учитель.

— Я некрасивый, — повторил принц, но теперь уже утвердительно. — Я смотрю в зеркало и вижу, что некрасивый.

— Ты думаешь о том, понравится ли девушке? — спросил Андреас.

— Да, я об этом думаю, — ответил Мехмед.

— Ты красивый, — улыбнулся учитель, — потому что понравиться ты можешь.

— Но чем я могу понравиться? — с некоторым удивлением спросил ученик.

— У тебя очень красивые глаза, — сказал Андреас.

— Да?

— Да.

— А ещё что у меня красивое?

— У тебя красивая осанка. Красивые широкие плечи.

Уверенности, что ученик поймёт ответы, не было, поэтому Андреас не просто произносил слова по-гречески, но и показывал, о чём говорит. Говоря о плечах, он сам распрявился, а затем легонько дотронулся правой рукой до плеча Мехмеда.

— Они сутулые, — грустно возразил принц по-турецки.

— Ты сутулишься не всегда. Когда ты расправляешь их и гордо держишь голову, это красиво.

Теперь Мехмед поверил, и его охватило воодушевление. Он опять перешёл на греческий:

— А ещё что у меня красивое, учитель?

— У тебя чистая белая кожа. Без веснушек. Это красиво, — Андреас не мог прикоснуться к лицу принца, поэтому показал на себе.

— А есть ещё что-то, учитель? — ученик смотрел на молодого грека и восторженно ловил каждое слово. — Есть ещё что-то?

— Да, есть, — отвечал Андреас. — У тебя красивые волосы.

— Они рыжие.

— Это не важно. Они густые и красиво блестят. Жаль, что тебе нельзя отрастить их чуть длиннее.

Учителю захотелось снова зарыться пальцами в эту рыжую шапку, но тогда пришлось бы снять с принца тюрбан, а повода не было. Это казалось возможным сделать разве что в шутку, чтобы получилась эдакая дружеская возня, но такое поведение учителя могло не развеселить мальчика, а озадачить, поэтому Андреас не решился сделать то, о чём думал. Учитель не имел сегодня права на ошибку, и потому воздействовал без риска — словами.

— Наверное, это всё, учитель? — Мехмед немного сник. — Больше ничего красивого нет?

— У тебя красивые уши, — улыбнулся Андреас. — Они не торчат, а плотно прилегают к голове. Это красиво, — он опять показал на себе.

— Учитель..., - Мехмед вдруг весь засиял. — Я понимаю... Я понимаю тебя, как никогда раньше..., - он больше не находил слов и перешёл на турецкий язык, но учитель не прерывал ученика. — Помнишь, ты говорил, что я должен учить греческий, чтобы лучше понять своих подданных?

— Да, помню, — по-гречески ответил Андреас.

— Ты был прав, — произнёс принц тоже по-гречески, а затем опять перешёл на турецкий: — Учитель, когда ты говоришь по-гречески, это слышится мне совсем иначе в

сравнении с тем, когда ты говоришь по-турецки. Когда ты говоришь по-турецки, то будто прячешься, а когда по-гречески, твои слова идут от самого сердца. Я чувствую это. И понимаю тебя лучше. Твои чувства передаются мне... Но я не вполне понимаю, что чувствую... Учитель, почему мне так приятно слышать то, что ты говоришь обо мне? Почему я так волнуюсь, когда ты говоришь, что я красивый?

— Я сказал, что ты можешь понравиться девушке, — опять по-гречески ответил Андреас. — Да, тут есть, из-за чего взволноваться.

— Нет, — Мехмед снова говорил по-гречески. — Ты сказал не только про девушку. Ты сказал, что я понравился тебе самому. Тебе самому. Тебе приятно смотреть на меня и прикасаться ко мне. Я слышал это ясно. В твоём голосе это было.

Андреаса словно ударили по голове подушкой. Он вытаращил глаза на ученика и перешёл на турецкий:

— Я такого не говорил!

Мехмед тоже перешёл на турецкий, произнеся очень тихо:

— Это и есть то, что называют «грех народа Лута»?

Лут — так мусульмане называли праведника Лота, оказавшегося единственным человеком, который, живя в городе Содоме, не разделял особое пристрастие содомян. И всё же Лот принадлежал к числу жителей, населявших Содом, что дало мусульманам повод назвать «грех» содомян не именем города, а будто бы именем самого Лота. Как-то несправедливо. Вот почему Андреасу не нравилось слышать про «грех народа Лута» и вообще про «грех», но в устах Мехмеда упоминание о грехе не звучало осуждающе. Принцу было всё равно, как это называется — лишь бы как-нибудь назвать, чтобы спросить о дальнейшем.

Мальчик угадал в своём учителе то, что учитель скрывал, но открытие не испугало Мехмеда, не заставило вздрогнуть от отвращения, а наоборот. Принц по-прежнему выглядел воодушевлённым и решил слепо довериться учителю, заранее давая согласие на то, о чём не имел полного представления.

«Ну, надо же! Ему не противно», — подумал грек, но не питал иллюзий, ведь неопытный мальчик мог позднее пожалеть о содеянном, несмотря на то, что сейчас сам напрашивался. Вот почему ученика следовало разочаровать. Не только христианская этика, но и здравый смысл призывали поступить так:

— Ах, вот ты что, дерзкий мальчишка! — гневным шёпотом произнёс Андреас, и в глазах грека, теперь не вытаращенных, а сузившихся, был лишь колючий, обжигающий холод. — Я даже не думал, что ты в своей дерзости можешь зайти так далеко! Я думал, что тебе не удастся оскорбить меня, но тебе удалось. Ты оскорбил меня и как человека, и как учителя! Ты обвинил меня в гнусных намерениях!

Теперь уже Мехмед вытаращил глаза и озадаченно пробормотал:

— Обвинил?

— А как ещё это назвать? — продолжал шипеть Андреас. — Даже малейший намёк на

такие намерения — тяжкое обвинение! Ты хоть понимаешь, что такое сказал? И я сейчас даже не рассуждаю о том, почему совращение мальчика хуже, чем совращение девочки. Я оскорблён уже тем, что обо мне думают, как о совратителе. Когда взрослый человек, пользуясь своей опытностью, совращает ради своего удовольствия юную невинную душу, это гнусно. А когда такое делает учитель по отношению к юному ученику, это гнусно вдвойне, потому что учитель знает, как завоевать доверие, причём знает лучше, чем простой развратник. То, чего развратник добивается с великим трудом, учитель добьётся просто и легко. И ты обвиняешь меня в том, что я хочу воспользоваться своим знанием, чтобы совершить гнусное дело?

— Учитель, я... — принц не находил слов даже на своём родном, турецком, языке.

Мальчик потупился, затем, как видно, всё же подобрал какие-то слова, робко взглянул на учителя, но учитель не дал ученику высказаться:

— Глупый дерзкий мальчишка! — снова зашипел Андреас. — Надеюсь, у тебя хоть достанет ума никогда и никому не повторять этих твоих слов обо мне. Мне прекрасно известно, что по здешним законам меня могут казнить даже по одному твоему обвинению, ложному и необоснованному. Но сейчас я говорю о тебе. Эта твоя новая шалость обойдётся тебе слишком дорого. За тобой всю жизнь будет тянуться грязный след как за жертвой совратителя, пусть несостоявшейся жертвой. И даже после твоей смерти ты не избавишься от дурной славы. Подумай, нужно ли это тебе, принц Мехмед. Весь остаток урока предлагаю тебе поразмышлять об этом.

Учитель одним резким движением поднялся на ноги и вышел, закрыв за собой двери, а ученик растерянно смотрел вслед.

Андреасу стоило большого труда сохранять каменное лицо, когда он, выйдя из класса, сказал служителям:

— Не заходите в комнату до истечения часа. Это часть воспитания.

Лишь добравшись до собственных покоев, Андреас снял с лица воображаемую каменную маску. Он улыбнулся, а затем беззвучно расхохотался: «Надо же! Сегодня с урока сбежал я».

Часть II Урок осторожности

Четырнадцатилетний принц был не настолько невинен, как думали многие. Пусть за ним присматривали всё время, когда он бодрствовал, и даже часть того времени, пока он спал, но даже при таких обстоятельствах Мехмед умудрился узнать кое-что. Все открытия происходили неожиданно, однако не ошарашивали, а радовали, потому что указывали дорогу.

Наверное, первые шаги по этой дороге Мехмед сделал лет в одиннадцать — как раз тогда, когда два старших брата умерли, и он стал наследником престола, ведь именно тогда случилось познакомиться с одним из отцовских визиров, которого звали Заганос-паша.

Визир оказал на принца большое влияние, а началось всё с того, что мальчик почувствовал в этом человеке что-то общее с собой. У Заганоса-паши был крупный нос и широкая тёмная короткая борода, которые делали визира немного похожим на Мехмедова отца. Казалось, это что-то значило.

Приехав в Манису в первый раз, визир, похожий на отца, сказал:

— Меня назначили следить за твоим обучением, проверять твои знания, — то есть этот сановник назвался наставником, но не таким, как мулла Гюрани или другие учителя. Визир ничему Мехмеда не учил, а просто время от времени приезжал, и тогда устраивалось что-то вроде экзамена.

В то время Мехмед учился лучше, чем теперь, а Заганос, экзаменуя принца, проявлял снисходительность, так что почти всегда оставался довольным. Неудивительно, что мальчик не боялся своего экзаменатора, а ждал его — конечно, меньше, чем родителя, всё равно никогда не приезжавшего — но ждал и по-детски привязался.

Пожалуй, в те времена никто не хвалил Мехмеда больше, чем отцовский визир, а принц, даже понимая, что похвала не вполне заслужена, принимал её.

Радовался мальчик и тогда, когда этот наставник, прогуливаясь вместе с ним в дворцовом саду, по-отечески клал ему руку на плечо и рассказывал о будущем, обычно начиная свою речь со слов:

— Однажды ты станешь султаном, и тогда...

Мехмед никак не ожидал, что станет султаном уже в двенадцать лет, и почувствовал растерянность, когда узнал, что станет, но затем оказалось, что Заганоса-пашу назначили помогать новому султану в государственных делах, и эта весть принесла успокоение.

Уже в Эдирне, когда Мехмед приступил к своим обязанностям, выяснилось, что у Заганоса есть «друг», очень близкий, с которым этот визир стремился увидеться при всякой возможности. Это был евнух Шихаб ад-Дин, который занимал должность начальника «белых евнухов», личных слуг в покоях султана.

Судя по внешнему виду и имени, Шихаб ад-Дин являлся персом и оставался в Персии хотя бы первые двенадцать лет жизни, потому что не забыл язык и обычаи своего народа, но ничего определённого Мехмед не знал. Евнух не стремился рассказывать, когда и почему стал евнухом.

Разумеется, султан спросил у Заганоса, ведь тот знал про своего «друга» всё, но визир ответил уклончиво:

— Это совсем не приятная история, мой повелитель. Лучше я поведаю её тебе, когда ты станешь взрослее, чтобы она принесла тебе меньше огорчения.

По глазам визира было видно, что и самого Заганоса она огорчает, поэтому Мехмед согласился подождать и знал лишь, что в итоге Шихаб ад-Дин оказался при турецком дворе, сумел выслужиться, возвыситься и теперь именовался Шехабединином-пашой, то есть на турецкий лад.

Правда, выглядел евнух-перс не так, как большинство пашей. Два длиннополых кафтана из тяжёлых дорогих тканей, одетые один поверх другого, не могли скрыть тонкую фигуру, а белый тюрбан не скрывал того, что Шехабедин по персидскому обычаю носил длинные волосы — тёмные волнистые пряди спускались до самых плеч.

Очень часто случалось, что Заганос-паша приходил в личные покои Мехмеда, чтобы сделать устный доклад, а «друг» под неким предлогом приходил тоже, оказывался рядом с Заганосом, и тогда двенадцатилетний султан начинал чувствовать себя неловко.

Лицо Шехабедина-паши — безусое и безбородое, как у многих евнухов — отличалось тонкими благородными чертами. Оно могло считаться красивым, но Мехмед очень боялся показать, что смотрит на этого человека с удовольствием. Смотреть в присутствии Заганоса на его красивого друга казалось приятно, но так же стыдно, как смотреть на чужую жену, и в то же время хотелось смотреть. Впрочем, на Заганоса малолетний султан тоже смотрел — смотрел, чтобы понять, почему визир «дружит» с этим евнухом.

Мехмеду было всего двенадцать, но он уже вполне понимал, в чём состоят интересы мужчин, поэтому удивлялся. Как может мужчина дружить с евнухом, если это и впрямь дружба? О чём этим двоим беседовать? О государственных делах? Но подобные разговоры казались мальчику скучными. «Друг это такой человек, с которым можно проводить целые дни, и не надоест, — рассуждал Мехмед. — Но как эти двое могут целыми днями говорить только о делах?»

Возможно, Заганос и Шехабедин говорили также о поэзии, но и тут мальчик плохо представлял себе их беседу, потому что в то время знал лишь стихи о прекрасных женщинах и девушках. «Может ли евнух много знать о женщинах и девушках? — спрашивал себя Мехмед. — Даже если что-то и знает, то гораздо меньше, чем любой мужчина. Зачем Заганос дружит с ним? Может, они вместе увлекаются соколиной охотой или разведением лошадей?»

Иногда двенадцатилетнему султану хотелось прямо спросить: «Почему вы дружите?» Вот тогда и возникла догадка, которая казалась невероятной: «Неужели это и есть то самое, о чём все так не любят упоминать?»

Увы, Мехмед, хоть и назывался султаном, но по-прежнему считался ребёнком, поэтому взрослые люди говорили с ним не обо всём, а заставить он не мог — не было власти. Всё его правление сводилось к участию в дворцовых церемониях в некоторые дни, когда проходило заседание дивана, и в пятницу, когда следовало торжественно выезжать из дворца на молебен в мечеть. Отдавать приказы двенадцатилетний султан, конечно, пробовал, но «ошибочные» его приказы не исполнялись.

Более того — титул правителя вовсе не избавил Мехмеда от необходимости часами сидеть в «классе» со своими учителями, также переехавшими в Эдирне из Манисы, и на этих уроках все учителя сами решали, что рассказывать ученику-султану, а чего не рассказывать.

Как это обычно бывает, наставники не говорили как раз о том, о чём мальчик больше всего хотел знать, да ещё и делали вид, что тех вещей, о которых лучше не говорить детям, просто не существует. Такая ложь ужасно раздражала Мехмеда — особенно с тех пор, как он совершенно случайно наткнулся на поэзию странную и удивительную.

Всё случилось, когда двенадцатилетний султан читал на уроке турецкого языка разные стихи, переведённые с персидского языка, и увидел в книге стихотворение, где мужчина признавался в любви юноше.

Наверное, Мехмед даже не успел бы дочитать этот стих до конца, если бы учитель турецкого — весьма старый человек — во время урока не отлучился по нужде. Характерно переминаясь, старик извинился и вышел, дав ученику задание:

— Прощу тебя — почитай пока что-нибудь, Мехмед Челеби. А я сейчас вернусь.

Мехмед всегда любил поэзию, поэтому взял в руки толстенную книгу, указанную учителем, начал открывать страницы наугад и читать, пока не попалось то необычное стихотворение. Ученик удивился, потому что привык читать про женщин и девушек, но стихотворение показалось красивым, поэтому он не прервал чтение.

Сначала у Мехмеда возникло предположение, что про любовь к юноше пишет женщина, пусть женщины и занимались стихосложением крайне редко. Однако затем начали попадаться слова, по которым стало ясно — пишет мужчина. Мехмед был потрясён! Казалось удивительным, что мужчина может любить юношу и восхищаться его глазами, локонами, тонким станом. Красота стиха манила и заставила прочитать все строки.

Захотелось перечитать ещё раз, но тут вернулся старый учитель и увидел, что ученик крайне взволнован. Мехмед рассказал, на что наткнулся, а затем спросил, откуда берутся такие стихи.

Старик смутился. Он всеми силами стремился избежать разговора, но двенадцатилетний султан так упорствовал, что наставник вроде бы сдался:

— Хорошо. Расскажу завтра, — пообещал он.

— Почему завтра? — спросил Мехмед.

— Сегодня время урока уже подходит к концу. Завтра будет время, — сказал наставник, однако на завтрашнем уроке ничего не рассказал.

— Ты обещал, что расскажешь! — возмутился Мехмед.

— Про что? — захлопал глазами старик.

— Про стихотворение из книги.

— Какое стихотворение? Мехмед Челеби, прости своего старого учителя. Память у меня совсем плохая. Всё вылетает из головы.

Сама книга никуда не делась, но найти в ней странное стихотворение Мехмед почему-то не смог, сколько ни листал. Мальчик закричал, что отказывается заниматься, пока не найдёт, и листал, листал. А оно исчезло! Учитель, наверное, отнёс книгу библиотекарям, и те удалили страницу, чуть склеив основания двух соседних страниц, чтобы не видно было, где удалённая отрезана от переплёта.

Это Мехмед понял чуть позднее, а в тот день упорно листал книгу и корил себя, что из-за небывалого волнения плохо запомнил стих. Запомнилось лишь содержание. Ах, если бы удалось запомнить хоть несколько строк так, как они были написаны! Тогда мальчик процитировал бы это Заганосу-паше и Шехабеддину-паше, чтобы посмотреть на лица этих двоих. Двенадцатилетний султан сразу понял бы, насколько знакомо его советникам то, о чём говорится в стихе.

Конечно, Мехмед всё же попытался завести с ними разговор, когда визир со своим «другом» в очередной раз явился для доклада, но беседа получилась неумелая.

Малолетний султан, сидя на возвышении среди подушек и стараясь вести себя, как взрослый, небрежно спросил:

— Заганос-паша, скажи, а ты читал стихи, где мужчины признаются в любви юношам?

Вопрос никак не был связан с темой доклада, да и сам по себе казался из ряда вон, поэтому все слуги, также присутствовавшие в комнате, растерялись. Секретарь, стоявший рядом с визиром, чуть не выронил свиток и тростниковую палочку для письма, но сам визир не растерялся и спокойно улыбнулся:

— Тебе случилось прочитать такой стих, мой повелитель?

— Да. А ты читал?

— Мне случалось, — ровным тоном ответил Заганос.

— И что ты думаешь об этом?

— По-моему, подобная поэзия — бесстыдство, — ответил визир совершенно равнодушно, то есть почему-то не возмущался, а ведь бесстыдство должно возмущать. Получалось, Заганос лгал, и на самом деле такая поэзия ему нравилась, однако двенадцатилетний султан огорчённо вздохнул: «Даже Заганос мне лжёт. Даже он!»

Мехмед повернулся к евнуху:

— А ты читал, Шехабеддин-паша?

— Да, что-то такое читал, — признался тот.

— И что думаешь?

— Честно говоря, это не произвело на меня никакого впечатления, — евнух развёл руками, как если бы извинялся за подобные слова, а в его глазах светилось лукавство и вопрос: «Неужели ты надеялся, что мы сейчас признаемся тебе в чём-то эдаком? Да ещё в присутствии слуг».

Евнух был прав — ответ не мог оказаться иным. Заганос, полюбив Шехабеддина так, как мужчина любит юношу, не мог в этом признаться во всеуслышание. Так же и Шехабеддин не мог признаться, что благосклонно принял такие чувства.

* * *

Когда Мехмед начал утверждать: «Я понравился тебе», — это не стало для Андреаса совсем уж неожиданным. Да, предпосылки были, пусть грек и не отдавал себе в этом ясного отчёта. Единственное, чего молодой учитель никак не ожидал, так это того, что всё проявится настолько ярко. Пусть в его педагогической практике Мехмед оказался не первым учеником, который, влюбившись, сделался слишком догадливым, но Андреасу ещё никогда не доводилось притворно возмущаться и клеймить позором «гнусные намерения».

Игра в любовь впервые приняла такой серьёзный оборот, однако Андреас не испугался, что история получит огласку, и что, возможно, придётся распрощаться с жизнью.

Даже если бы Мехмед решил отомстить учителю и рассказать о своих наблюдениях, никто бы мальчику не поверил. Все решили бы, что строптивый принц просто не хочет учить греческий, и что пытается вот таким странным образом избавиться от нового учителя. От Мехмеда привыкли ждать любых выходов.

И всё же с принцем всё оказалось труднее, чем в других случаях, потому что это был очень дерзкий мальчик, то есть такой, который привык всегда говорить то, что думает. Принц не побоялся откровенно объяснить с учителем. Прежние ученики — а точнее некоторые из множества учеников — боялись.

Первым из таких учеников, проявивших особую склонность, оказался греческий мальчик, который чем-то напоминал турецкого принца, поскольку отличался вздорным характером. Однако, проявляя дерзость на уроках, тот мальчик всё же не решился на признание подобно Мехмеду. Ученик чувствовал в учителе особые склонности, как и в себе самом, но стыдился своих открытий, поэтому ждал, что учитель откроется первым, однако этого не произошло, а закончилось всё прозаично — мальчик влюбился в девочку, начав относиться к учителю лишь как к другу.

В другой раз догадливость проявил уже взрослый ученик, которому минуло

восемнадцать, но и тогда Андреас не предпринял ни одного шага навстречу. Это тянулось несколько месяцев, а затем занятия окончились, и учитель уехал из города. Объяснения так и не случилось.

«И хорошо, — подумал тогда учитель, вспоминая восемнадцатилетнего ученика. — Если он всё же решит пойти по моему пути, то, возможно, мы ещё встретимся, но он должен принять решение сам, взвесить все «за» и «против» своего выбора».

Подталкивать кого-то на опасные пути и тем самым брать на себя ответственность за чужой выбор Андреас не хотел. К тому же, он знал, пусть и на чужом опыте — если ты побуждаешь робкого юношу сделать выбор в твою пользу, впоследствии это может обернуться против тебя самого. Очень неприятно бывает обнаружить, что юноша, к которому ты успел привязаться, стыдится вашей связи даже тогда, когда вы наедине. Нет, пусть робкий решает сам, даже если предпочёл бы переложить бремя выбора на чужие плечи. Пусть решает сам!

Конечно, молодой грек не являлся таким уж праведником и однажды всё же пошёл навстречу желаниям одного из своих подопечных. Это случилось в Афинах. Ученику было девятнадцать лет, и он посещал занятия в высшей школе, а Андреас оказался нанят отцом своего ученика, мечтавшим, чтобы сын не просто занимался как-нибудь, но стал одним из лучших.

Ученик оказался слишком взрослым, чтобы на него подействовали игры в платоническую любовь. Вернее, началось всё с неё, но очень быстро перешло в область физическую. Это стало особенной историей обучения, которую Андреас до сих пор не знал, как расценивать — как свою победу или своё поражение — ведь, несмотря на то, что обучение дало результаты, молодой учитель до сих пор спрашивал себя: «Не слишком ли дорого пришлось заплатить за успех?»

По крайней мере, осталось, что вспомнить, и воспоминания не вызывали чувство стыда, потому что результатом своей работы Андреас мысленно любовался даже спустя время, освободившись от чар любви. Совсем по-другому было бы, если б дело касалось малолетнего. Весьма неприятно бывает посмотреть на такого возлюбленного отрезвившимся взором, ведь тогда ты увидишь не прекрасного мальчика, а обычного мальчишку, пусть и не лишённого талантов, но всё же обычного, которому не суждено стать великим человеком.

Иногда Андреасу удавалось обрести ясность взгляда ещё до того, как любовь пройдёт, и это помогало не сбиться с пути — вовремя осознать, насколько всё напоминает комедию. По мнению молодого грека, весьма смешным мог показаться мальчик, который с горящими от любви глазами чуть ли не просил: «Соблазни меня. Соблазни!» Если сказать такому глупцу: «Соблазнять тебя было бы непедагогично», — он бы даже не понял учителя.

У Мехмеда в глазах и в голосе как раз присутствовала эта смешная наивность, поэтому Андреас даже не попытался объяснить ему, как взрослому, суть педагогического метода, открытого эллинами. Пришлось просто разыграть возмущение и сделать вид, что ученик

На следующий день после злополучного разговора Мехмед сильно удивил Андреаса. Учитель ожидал, что теперь-то ученик уж точно сделается таким, как был в самую первую встречу — грубым и не желающим учиться — однако ничего этого не произошло.

Казалось, возвращение принца к грубостям будет естественным, ведь многие мальчишки — самые обычные, не догадливые — пробовали испытывать терпение своего преподавателя, когда он вёл себя не так, как им бы хотелось. Они даже начинали открытый торг — дескать, если станешь снова приветливым, я буду учиться, а если не станешь, то не буду. Наглецы, да и только!

Андреас, уже имея опыт, сумел бы объяснить очередному наглецу, что не торгуется, и не поддастся бы давлению, а вот Мехмед совсем не имел опыта противостояния с учителями, подобными Андреасу, и всё же каким-то образом угадал, что грубость — путь тупиковый. Наверное, ученику помогли природный ум и сообразительность, и в итоге он избрал совсем иную дорогу.

Когда Андреас вошёл в классную комнату то увидел, что наследник престола не просто обернулся ко входу, а встал, желая таким образом приветствовать вошедшего.

Преподаватель поклонился своему высокородному ученику, а ученик вдруг произнёс по-гречески:

— Доброе утро, учитель.

Андреас удивился ещё больше, но ответил очень сдержанно и спокойно на том же греческом:

— Доброе утро, мой ученик.

Затем преподаватель направился на своё место на тюфяке, жестом предложив принцу сесть напротив, но принц не желал садиться, а пытался заглянуть Андреасу в глаза и сказал всё так же по-гречески.

— Учитель, прости меня.

«Как мило», — подумал грек, но поднял руку, призывая к молчанию:

— Не будем говорить об этом.

Во время всего урока Андреас проявлял такую же сдержанность. Больше не садился с учеником бок о бок, как с товарищем, и не просил декламировать стихи.

Наверное, в прежние времена Мехмеду могло бы показаться, что занятие прошло скучно, но принц не скучал. Он точно выполнял все указания преподавателя и стремился

говорить только по-гречески. Например, раньше принц использовал турецкий язык, чтобы спросить:

— Что означает это слово? — а теперь понял, что задать вопрос лучше на том языке, который изучаешь.

Так же по-гречески Мехмед спрашивал:

— Я правильно сказал, учитель? Я правильно перевёл? — и ждал, когда похвалят.

Андреас, конечно, хвалил, говоря «правильно», «хорошо», но произносил слова похвалы всё так же сдержанно, поэтому Мехмед был заметно огорчён. Ученик не догадывался, что учитель мысленно улыбается и хвалит гораздо больше: «Мой умница! Ты мой чудесный ученик! Мы занимаемся не более трёх месяцев, и уже такие успехи — ты перестал бояться разговаривать. Как же я доволен! Как доволен!»

Нынешний успех казался сродни чуду, ведь за предыдущие годы Мехмед, занимавшийся с другим учителем, так и не заговорил по-гречески, а тут вдруг заговорил. Правда, принц не боялся разговаривать лишь потому, что теперь страшился чего-то другого, и этот новый страх оказался больше, чем страх показаться бесталанным учеником. Чего боялся мальчик? Того, что учитель вдруг сам решит пожаловаться на своего ученика? Или того, что любовь учителя уже никогда не вернётся?

Андреасу, который притворился оскорблённым подозрениями, следовало через некоторое время всё-таки простить Мехмеда, ведь этот учитель стремился воздействовать на учеников любовью, а не страхом, однако грек решил выждать.

«Я и так поспешил, когда подал этому мальчику совет, как поладить с муллой, — думал Андреас. — Я совершил ошибку, потому что мной руководило сострадание, однако если я действительно хочу помочь, то не следует больше торопиться. Не следует. Пусть всё идёт своим чередом». Вот почему учитель не стремился вступить с учеником в доверительную беседу, как делал прежде, и не стремился спрашивать: «Что тебя тревожит?» Слишком быстро простить оскорбление, пусть мнимое, означало избаловать мальчика, а учитель стремился совершенствовать своего ученика. Совершенствовать, а не портить. В этом заключалась суть всякого обучения — сделать так, чтобы обучаемый стал лучше, чем был.

* * *

Время шло. Почти окончилась осень. Зелёные горы и равнины, окружавшие Манису, стали всё больше приобретать жёлтый оттенок. Дни становились короче, а вечера — длиннее, и вот в один из таких вечеров Мехмед снова удивил учителя, но теперь не слишком приятно.

Всё случилось, когда Андреас, удобно расположившись на софе в своих покоях, при свете одного-единственного светильника, стоявшего в стенной нише, читал книгу — совсем маленький томик, который можно держать одной рукой, и рука не устанет.

Книга, называвшаяся «Пир», происходила не из дворцовой библиотеки, а из личной библиотеки молодого грека, хранившейся в одном из дорожных сундуков, причём являлась у Андреаса одной из любимых, так что он знал содержание томика почти наизусть.

Рука с книгой, хоть и не уставала, но часто опускалась на край софы, ведь достаточно было прочитать первые пару строк на странице, чтобы вспомнить остальное. Грек не столько читал, сколько вспоминал тех, с кем обсуждал эту книгу во время пира в саду, усаженном оливковыми деревьями и украшенном статуями. Воспоминания приносили удовольствие, поэтому, когда их прервал лёгкий скрип открывающихся дверей, стало досадно.

Впрочем, досада на лице молодого грека тут же сменилась удивлением, потому что он ожидал увидеть некоего служителя, но вместо этого увидел ученика. Вне всякого сомнения, Мехмед опять сбежал от своих челядинцев!

Принцу не полагалось ходить по дворцу в одиночестве, однако мальчик явился один. Но зачем он явился? Честно говоря, выяснять это Андреас не очень-то желал и даже подумал: «Шёл бы ты прочь. Прячься от своих слуг где-нибудь в другом месте». Пусть наследник престола имел право не спрашивать разрешения на то, чтобы войти в чьи-либо покои на мужской половине дворца, поведение Мехмеда, явившегося без приглашения, показалось Андреасу бесцеремонным.

Между тем принц проскользнул в полуоткрытые двери и аккуратно, стараясь производить как можно меньше шума, закрыл их, а затем осторожно прошёл по коврам к софе и — опять без приглашения! — уселся.

После этого ученик посмотрел на учителя так, как если бы был собакой, которая ластится к хозяину, и произнёс по-гречески:

— Учитель, я здесь с тобой посижу, пока меня не нашли.

— Принц Мехмед, тебе не следует так поступать, — строго сказал Андреас тоже по-гречески.

Принц продолжал всё на том же языке:

— Учитель, прошу тебя, забудь ту мою дерзость. Я не хотел сказать ничего обидного. Так вышло само. Помнишь, я говорил тебе, что на меня все сердятся? Все привыкли, что я дерзкий, а ты... сказал мне тогда... что, не сердись, и чтобы я помнил об этом. Учитель, почему же тогда ты сердись? Не сердись, учитель, — принц придвинулся чуть ближе к софе. — Учитель, прошу тебя, не сердись.

Андреас не мог сходу придумать ответ. Умный ученик опять оказался очень убедителен в своей логике и к тому же, желая понравиться, продолжал говорить по-гречески:

— Учитель, ты же видишь, что я очень стараюсь, чтобы ты меня простил. Почему ты не прощаешь? Почему?

Наконец, Андреас ответил — тоже по-гречески:

— В тот день, когда я посчитал себя оскорблённым, ты перешёл границы дозволенного. Сейчас ты их тоже переходишь. Я знаю, что сын правителя не должен спрашивать разрешения, чтобы прийти к человеку, чей ранг ниже, но ты не только сын правителя, но и мой ученик, поэтому тебе следует у меня спрашивать.

— Учитель, можно я здесь посижу? — спросил Мехмед.

— А если я скажу, что нельзя, ты уйдёшь?

Выражение собачьей преданности на лице ученика сменилось отчаянием. Он встал, но не уходил, будто что-то притягивало его к учителю. Теперь принц больше не притворялся. Мехмед стал самим собой, и из-за этой искренности, которая так подкупала, поведение принца вдруг перестало раздражать учителя. «Возможно, уже пора даровать прощение? — подумал Андреас. — Ведь целый месяц прошёл с тех пор».

Мехмед всматривался в лицо учителю и, должно быть, уловил колебания, поэтому спросил по-турецки:

— Учитель, почему ты меня больше не любишь? Ты же любил. Я не знаю, как ты меня любил, но ты любил. А теперь ты холоден. Прошу тебя, стань прежним. Стань.

Андреас вдруг понял, что месяц назад, произнося возмущенную речь, сказал не совсем то, что следовало, чтобы действительно изобразить из себя праведника. Учитель, даже сознавая свой долг, не смог солгать своему ученику — не смог объявить, что сам особых склонностей не имеет, а говорил лишь о том, что недопустимо совращение невинных. Вот почему принц теперь уверенно твердил: «Ты любил меня».

Впрочем, даже сейчас было ещё не поздно сказать принцу: «Я не тот, кем ты меня считаешь», — однако солгать своему ученику Андреас по-прежнему не мог. Это казалось так просто, но язык не поворачивался, и потому молодой учитель удивился сам себе, а Мехмед всё продолжал просить по-турецки:

— Учитель, скажи, что мне сделать, чтобы ты стал прежним. И скажи, как мне тебя любить и не оскорбить. Скажи, что дозволено, а чего не дозволено. Я ничего не понимаю, но хочу понять. Объясни мне!

Пожалуй, для истинного учителя не бывает большего искушения, чем то, которое выражено в просьбе «объясни мне». Это любимейшее занятие всех настоящих учителей — объяснять, растолковывать, давать знание.

Увы, то, что просил объяснить Мехмед, являлось знанием особого рода. Объяснить в данном случае означало уже наполовину совратить, а учитель не раз говорил себе, что нельзя этого делать. Андреас уже давно решил, что не станет читать с учеником особые книги, не станет потакать развитию особых склонностей этого мальчика и даже о самом себе правды не скажет, но Мехмед вёл себя так необычно! Он был так смел в своём желании узнать запретное и так открыт! И всячески показывал, что готов слушать и понять.

Принц снова перешёл на греческий:

— Я говорю с тобой на твоём языке. Ты уверял меня, что если делать так, то будет доверие, и мне расскажут то, что я хочу знать. Но ты всё равно мне не веришь. Значит, ты обманул меня, как другие?

Андреас не обманывал. Вот почему для него настойчивая просьба Мехмеда вдруг стала вызовом. «А смогу ли я объяснить этому мальчику всё так, чтобы душевная чистота осталась? — подумал грек. — Я попробую открыть ему лишь возвышенную сторону любви между мужскими началами, разумеется, упомянув о том, что есть и другая сторона, которую вовсе не обязательно изведали все те, кто познал возвышенную любовь. В конце концов, знание, если оно даётся тому ученику, который стремится его получить, это благо. Если скрывать, ученик всё равно будет стремиться получить знание. Но от кого и как он это получит? Может быть, я не развращу, а наоборот — спасу своего ученика от развращения?»

Андреас считал, что в любви между людьми одного пола присутствует не больше низкого и развратного, чем в любви между людьми разного пола. Думая так, грек или опередил своё время, или, наоборот, остался далеко позади, ведь эллины тоже так думали, а когда учитель говорил ученику, что соращение мальчика хуже, чем соращение девочки, то рассматривал всё с точки зрения тех нравов, которые царили вокруг.

История с соращением девочки, даже получив огласку, могла обрести вполне благополучное завершение, если заканчивалась свадьбой. «Кто же знает этих девочек! Кто знает, что творится у них в головах, — думал Андреас, у которого никогда не было учениц, а только ученики. — Если девочка сама напрашивалась, то, возможно, свадьба для неё станет исполнением мечтаний, даже если муж окажется намного старше. Неизвестно, сделается ли брак счастливым, но, по крайней мере, девочка получит то, что хотела».

А вот если достоянием молвы становилась история мужчины с мальчиком, то мальчик оказывался в куда худшем положении, чем девочка. Свадьбой это закончиться никак не могло, и всё, что ожидало такого мальчика в будущем — позор, позор и ещё раз позор. Единственным выходом оставалось уехать куда-нибудь, куда слухи о соращении не дошли, и попытаться начать там новую жизнь, но для принца такое бегство от молвы было невозможным. Куда уехать принцу?

Андреас не хотел погубить Мехмеду жизнь, так что месяц назад, говоря про «грязный след», который тянется за жертвой соратителя, не лгал. Правда, теперь учитель оценил свои слова по-новому и задумался: «Если я всего лишь объясню, то ничего плохого не случится. Если правильно объяснить, то всё будет хорошо».

— Ты обманул меня? — меж тем повторил Мехмед, и времени на раздумья у молодого грека оставалось всё меньше.

Где-то в коридоре слышались возгласы дворцовой челяди. Судя по всему, слуги, бродя с факелами по тёмному дворцу в поисках Мехмеда, теперь заглядывали в покои к каждому из учителей и спрашивали:

— Вы не видели принца?

Андреас положил книгу, поднялся с софы, подошёл к дверям, широко раскрыл их и крикнул по-турецки:

— Он здесь!

Мехмед, чуть не плача, хотел выбежать вон, но Андреас поймал его за плечи, развернул к себе и сказал по-гречески:

— Я выполню твою просьбу, всё объясню тебе, но при условии.

— Что за условие, учитель? — по-турецки спросил принц, и молодой грек вдруг почувствовал, что мальчик, только что казавшийся похожим на дикую птицу, рвущуюся на волю, вдруг обмяк.

— Я объясню, но ты должен поверить мне целиком и полностью, не усомниться ни в одном моём слове, — по-гречески сказал Андреас.

— Учитель, как я могу поступить иначе! — по-турецки прошептал Мехмед.

* * *

Только что Мехмед был самым несчастным человеком на свете, и вот в одно мгновение стал самым счастливым. Как же хотелось принцу обнять Учителя, почувствовать себя единым с Ним, но это оказалось невозможно. Вместо единства ученик чувствовал, что крепко схвачен за правую руку одним из служителей, тянущим куда-то назад:

— Нужно идти, господин. Уже очень поздно. Не следует ходить по дворцу в такое время.

Наверное, если бы принц постоянно не убегал, служители никогда бы не посмели хватать его за руки. Если бы. «Если бы я всегда оставался послушным, то сейчас мне дали бы больше времени, чтобы попрощаться», — подумал наследник престола.

Ладони Учителя, державшие Мехмеда за плечи, куда-то исчезли, и принц, повинувшись руке служителя, тянувшей назад, вынужденно сделал шаг прочь. Затем ещё один шаг.

Учитель поклонился и сказал по-турецки:

— Доброй ночи, принц Мехмед.

— Доброй ночи, Учитель, — ответил четырнадцатилетний ученик, и всё пятился, пятился, не желая отвернуться.

Наконец, он обратил внимание, что другие учителя, стоя в дверях своих покоев, молча взирают на эту сцену. Мулла Гюрани, вечно сопровождаемый своим прислужником, тоже стоял и смотрел.

— Как жаль, что у нас только один урок греческого в день, — громко сказал Мехмед, и в тишине позднего вечера это показалось просто оглушительно. — Я бы занимался и по два часа. Утром и вечером.

Все посмотрели в сторону Учителя, а Он ответил:

— Принц Мехмед, другие науки не менее полезны, а некоторые — даже более. Особенно — изучение Корана.

Теперь все посмотрели на муллу Гюрани, а тот совсем не выглядел довольным. Он бросил на Учителя Греческого косой взгляд, в котором чувствовалось нечто похожее на ревность, но принц не придавал этому значения. Он был слишком счастлив, чтобы чего-то опасаться.

Думая об Учителе, Мехмед твердил себе: «Он обещал! Он обещал!» — и в этих фразах ему виделся особый смысл, невыразимо прекрасный.

Ученик, конечно, помнил, как сердился и возмущался Учитель, когда речь зашла о странном волнении, которое может испытывать мальчик от слов мужчины. Учитель ни за что не хотел становиться таким мужчиной. Значит, если бы принц признался, что чувствует то же самое волнение от одной только фразы «я объясню тебе», Учитель оказался бы недоволен.

Наверное, это было связано с тем, что для всех во дворце Учитель хотел казаться самым обычным человеком, не имеющим склонность любить мальчиков, и лишь Мехмеду Он приоткрыл Свою истинную суть. С осторожностью и даже сомнением, но приоткрыл! А теперь принц жаждал увидеть ещё больше. Он был так счастлив оттого, что Учитель обещал «всё объяснить»!

Пусть говорить о своём особенном волнении ученик не имел права — Учитель ясно дал это понять — но всё же четырнадцатилетний принц надеялся, что Учитель не только объяснит. «Он может гораздо больше, но не хочет, — решил Мехмед. — Ничего. Со временем захочет. Я заслужу. Я добьюсь».

Думая об этом, принц не боялся чужого осуждения. С тех пор, как он лишился султанского титула и снова сделался принцем, все вокруг только и делали, что не одобряли поведение неудавшегося султана. Мехмед полагал, что терять в глазах окружающих ему совершенно нечего — всё уже потеряно, и хуже не станет, потому что хуже некуда. Вот почему он был так смел и так открыт, и вот почему слова Учителя о недопустимости соращения невинных, сказанные гневным шёпотом, вызвали у принца лишь изумление, а не страх оказаться в положении, когда стыдишься показаться людям на глаза.

Мехмеда и так постоянно стыдили, поэтому он утратил способность стыдиться. Разве что стыдился перед Учителем за свои ошибки в греческих фразах, а вот стыдиться своих чувств к Учителю не мог.

Наверное, Мехмед даже не побоялся бы заявить во всеуслышание, что любит Учителя так, как никого и никогда не любил, но ещё до своей первой встречи с Ним получил от жизни горький урок и хорошо всё усвоил. Принц до сих пор корил себя за то, что нечаянно стал причиной смерти одного молодого дервиша, которого казнили по приказу великого

визира. А ведь казнили почти ни за что — за то, что дервиш читал Мехмеду недозволительные стихи.

Мехмеду тогда было тринадцать лет, и он являлся султаном, но, даже называясь так, не смог спасти того дервиша, своей волей отменить казнь. «Зачем я удерживал его в моих покоях так долго? — думал принц даже теперь, спустя год после тех событий, и стискивал зубы от злости и досады. — Зачем я не замечал тревожных знаков? Если бы я велел ему уйти раньше, возможно, его бы не схватили люди Халила-паши».

Память перенесла Мехмеда в Эдирне, в сад отцовского дворца. Вспомнился ранний летний вечер, когда тринадцатилетний султан после ужина совершал положенную прогулку. Рядом шёл Заганос-паша, но Шехабеддина-паши поблизости от Заганоса не было. Не удавалось заметить этого евнуха и в отдалении, из-за чего Мехмед начал гадать: «Что случилось? Неужели, они поссорились?»

Спросить прямо юный правитель, конечно, не мог, и потому просто произнёс, стараясь казаться безразличным:

— А где же Шехабеддин-паша?

Заганос многозначительно улыбнулся:

— Увы, мой господин, важное дело не позволяет Шехабеддину-паше присутствовать на твоей прогулке, но он предстанет перед тобой позднее, чтобы объяснить причину своего отсутствия. Думаю, она покажется тебе достойной.

«Значит, они не поссорились, а что-то затеяли», — понял Мехмед, но таким же безразличным тоном ответил:

— Главное, чтобы от объяснений мне не стало скучно.

— О! — ещё раз улыбнулся Заганос. — Скучно ни в коем случае не будет!

«Что же они затеяли?» — гадал тринадцатилетний султан. Правда, временами он начинал думать, что ничего не затеяли, и что улыбка Заганоса вовсе не многозначительная, а самая обычная.

Небо на западе начало розоветь, зелень окружающих кустов и деревьев стала казаться темнее, прогулка подошла к концу, а затея всё никак себя не проявляла. Мехмед уже смирился с мыслью, что отправится спать, ничего не дождавшись, но тут всё и произошло — в отдалении, на аллее раздался голос Шехабеддина-паши, небрежно повелевавшего кому-то:

— Иди-иди! Поторапливайся!

Скоро Мехмед увидел и самого Шехабеддина, как всегда разодетого. Тот гордо вышагивал по дорожке сада, а вслед шёл какой-то бродяга-дервиш.

Впрочем, тринадцатилетний султан с первого взгляда понял, что это не простой бродяга. «Красота, облачённая в лохмотья», — вот, что Мехмед подумал, глядя на молодое загорелое лицо с большими тёмными глазами, прямым носом и чувственными губами,

обрамлёнными пушистой тёмной бородой. Волосы, выбивавшиеся из-под дервишского колпака, растрёпанными волнистыми локонами спадали на плечи. Незавязанный ворот рубашки, давно не стиранный, открывал кожу груди — гладкую, почти без волос. Закатанные рукава драного халата позволяли отметить, что у молодого дервиша очень изящные запястья и красивая форма рук. Но главное, что делало дервиша красивым, было внутри него — ощущение полной гармонии с окружающим миром.

Одного взгляда хватило Мехмеду, чтобы понять — у этого дервиша есть всё, что нужно для счастья, и что этот человек не стремился попасть во дворец в надежде получить некую милость. Дервиш пришёл только потому, что Шехабеддин привёл его. Трепета перед султаном оборванец не выказывал, но всё же вслед за своим провожатым почтительно поклонился и потупил глаза.

— Это и есть причина, из-за которой тебя так долго не было, Шехабеддин-паша? — спросил Мехмед.

— Да, мой повелитель, — кивнул евнух. — Я думаю, тебе будет весьма интересно побеседовать с этим дервишем. Он — поэт, — Шехабеддин особенно отметил последнее обстоятельство, но тринадцатилетний султан не понял, о чём речь. В то время он ещё не был знаком с поэзией дервишей — суфийской поэзией.

Не все приверженцы суфизма были дервишами, но все дервиши являлись суфиями, поэтому «странствующие оборванцы» могли держать в памяти, а иногда и сочиняли, множество особенных стихов. И вот пришло время для Мехмеда узнать об этом! Евнух строго посмотрел на дервиша и повелел:

— Прочитай нам что-нибудь из того, что ты читал мне.

Дервиш сразу весь преобразился. Он и раньше казался красивым, а теперь его лицо засветилось новой, вдохновенной красотой. Оборванец расправил плечи, взмахнул правой рукой и, обращаясь даже не к султану, а будто к небесам, прочёл короткое четверостишие на турецком языке.

Когда до Мехмеда, наконец, дошёл смысл стихов, юному правителю только и оставалось, что вздохнуть в восхищении. Поэт сказал, что высшее счастье — лежать на мягкой траве прекрасного сада и, пребывая в опьянении от терпкого вина, держать любимого друга в объятиях.

Это было не то стихотворение, на которое Мехмед наткнулся в двенадцать лет, но появилось странное чувство узнавания и то же волнение. Как же точно поэт смог выразить все мечты Мехмеда! Как же точно!

Теперь стало понятно, что Заганос-паша и Шехабеддин-паша не забыли того давнего разговора, когда малолетний султан вдруг принялся расспрашивать их — читали ли они поэзию о любви мужчин к юношам. Однако Мехмед даже не знал, можно ли похвалить своих слуг за хорошую память. Можно ли поблагодарить за то, что нашли удивительного поэта?

— Этот человек... он... — тринадцатилетний правитель не находил слов, потому что так сложно было молчать о своих истинных чувствах, а вместо этого произнести похвалу более сдержанную.

— Этот человек забавен. Да, мой господин? — подсказал Заганос-паша, стоя за плечом Мехмеда.

— Да, — восхищённо выдохнул юный султан, а визир, добродушно засмеявшись, вышел чуть вперёд и повелел поэту:

— А ну-ка, прочти ещё что-нибудь.

Поэт прочёл более длинное стихотворение. Оно было о том, что в жизни нет ничего настоящего — всё подобно сну или грёзе, которые проходят, поэтому нет ничего постыдного в том, чтобы видеть грёзы, пребывая в счастье опьянения. Поэт сказал, что в этом мире кувшин с вином — единственная радость, а когда видишь дно кувшина, радость заканчивается, но об этом не нужно печалиться раньше времени. Нужно пить вино, пока оно есть.

Тринадцатилетнему султану вдруг вспомнилось то, что он слышал о своём отце — тайные речи, которые произносились шёпотом. Говорили, что его отец пьёт слишком много, то есть это нехорошо. «Может, отец потому так поступает, что когда-то услышал похожее стихотворение?» — спросил себя Мехмед.

Стихи юному правителю тоже понравились, но теперь на смену восхищению пришла грусть.

Заганос-паша тут же заметил это:

— Нет, поэт. Так не годится, — сказал он. — Если ты хочешь, чтобы мы вознаградили тебя, наполни наши сердца весельем.

Поэт прочёл ещё одно стихотворение. Там он восхвалял некоего прекрасного кумира, который способен наполнить жизнь радостью, но было довольно трудно понять, имеется ли в виду прекрасный юноша или кувшин с вином. Об обоих можно было сказать: «Как чудесно слепил тебя создатель». К обоим можно было прикинуть устами.

Теперь Мехмед тоже засмеялся и уже сам повелел поэту:

— Читай ещё!

Поэт приоткрыл рот, но тут Шехабедин-паша заботливо осведомился у юного султана:

— Не устал ли мой повелитель, пребывая на ногах? Может, тебе лучше проследовать в свои покои и взять этого человека с собой?

Мехмед как будто опомнился:

— Да. Там удобнее слушать стихи, — несколько раз кивнул он, а затем ему вдруг пришла в голову новая мысль, как сделать вечер лучше. — И пусть ко мне в покои принесут вино. И фрукты.

— Я распоряжусь, — поклонился Шехабеддин, явно собираясь удалиться, но юный правитель остановил его:

— Нет, ты тоже должен пойти в мои покои, — Мехмед оглянулся на Заганоса. — И ты. Мы все станем слушать стихи.

Визир и его «друг» поклонились.

Мехмед немного смутился, а затем сделал знак, чтобы они преклонили уши, и произнёс совсем тихо:

— Я очень мало знаю о дервишах-поэтах. Вы подскажете мне, как нужно говорить с этим человеком, и о чём его спрашивать, чтобы он сказал что-нибудь интересное.

В итоге отдать распоряжение, касающееся фруктов и вина, поручили не Шехабеддину-паше, а одному из слуг, сопровождавших Мехмеда во время прогулки. Слуга поспешно удалился, а Шехабеддин почему-то взглянул ему вслед с настороженностью, но юный султан вспомнил об этом лишь на следующий день — пока длился счастливый вечер, мысли приходили совсем другие!

Мехмед радовался «сокровищу», которым завладел. Он уже решил, что никуда этого поэта не отпустит. Дервишу следовало остаться во дворце и дальше радовать своего повелителя чудесными стихами. «Теперь так будет каждый вечер», — говорил себе Мехмед, уже находясь в своих личных покоях.

Юный султан сидел у стены на возвышении, заваленном подушками, и смотрел на дервиша, стоявшего посреди комнаты на коврах и вдохновенно читавшего стихи, но теперь взмахивавшего левой рукой, потому что правая держала чашу-пиалу.

— Как ты повелишь, мой господин? — спрашивал Заганос-паша у Мехмеда, когда очередное стихотворение заканчивалось. — Наградим этого дервиша ещё одной чашей вина?

— Да, — весело отвечал Мехмед, и слуга, стоявший с кувшином в углу комнаты, наполнял пиалу поэта.

Сам Заганос вместе с Шехабеддином сидели напротив Мехмеда у противоположной стены на возвышении и также держали в руках пиалы, а ещё одна пиала стояла на круглом резном столике рядом с юным султаном, но Мехмед почти не прикасался к ней. Он и так чувствовал, что опьянён — опьянён восторгом.

Визир и его «друг» этого восторга не разделяли, но весело улыбались, а иногда даже смеялись очередному стихотворению, услышанному от дервиша.

— Ах ты, бесстыдник! — порой восклицал Заганос, обращаясь к суфийскому поэту, причём в этих словах чувствовалась похвала, а не осуждение. Наверное, визир верил в то, что в суфийской поэзии содержание только на первый взгляд непристойное.

Заганос и Шехабеддин ещё в начале общего веселья объяснили Мехмеду, что

содержание стихов не то, каким кажется. Оказалось, что у суфиев есть свой тайный язык поэтических символов, в котором слова «друг» и «возлюбленный» означали Аллаха, а опьянение, прославляемое суфиями, представлялось ни чем иным, как любовью к Аллаху.

Юный султан поначалу кивнул, но чем больше стихов читал дервиш, тем больше сомнений появлялось у тринадцатилетнего слушателя. Например, когда поэт прочитал стихотворение, выражавшее тоску по возлюбленному, то Мехмед никак не мог поверить, что это тоска по Всевышнему.

Если речь шла об Аллахе, то утверждение «я не увижу тебя вновь» казалось глубоко ошибочным. Тоскующему человеку полагалось верить, что встреча обязательно состоится, если Аллах пожелает, но все намерения Аллаха известны только самому Аллаху. Человек не может знать намерения Аллаха и с уверенностью говорить «никогда». А ещё Мехмед помнил, что с Аллахом разлучены только грешники, которые не любят Аллаха, и поэтому их сердца запечатаны, однако тоскующий человек не был похож на грешника. Как можно тосковать, не любя предмет своей тоски?

— Поэт, — меж тем воскликнул Заганос-паша, — ты опять заставил нашего господина грустить. За это стихотворение ты не получишь награду.

Юный султан очнулся от раздумий:

— Нет, он получит. Эти строки красивые, пусть и грустные. Награда заслужена, — он обратился к слуге, стоявшему в углу: — Налей ему!

А меж тем по дворцу уже начали расползаться слухи. Мехмед не знал и даже не догадывался, что уже все слуги шепчутся о том, как юный султан привёл в свои покои некоего оборванца и слушает его непристойные стихи, восхваляющие пьянство и «грех народа Лута». «Ах, какой позор! — качали головами некоторые. — И это наш правитель!»

Мехмед не знал, что все его мечты о том, чтобы оставить странника-поэта во дворце, несбыточны. Об этом знал Шехабеддин-паша, потому что был чрезвычайно опытен в придворных делах, но раскрывать юному султану будущее почему-то не стал. Наверное, не надеялся, что тринадцатилетний правитель поверит.

Поначалу Шехабеддин собирался сделать всё, чтобы продлить Мехмеду удовольствие, задержать распространение слухов, но Мехмед, не подозревая об этом, помешал внуху, пригласив того на свой праздник.

Шехабеддин-паша знал, что челядинцы, приставленные к Мехмеду, докладывают обо всём великому визиру Халилу-паше, но, если бы нашёлся заинтересованный человек, то доклад мог быть сделан не сразу же вечером, а на следующее утро. Увы, Шехабеддин сидел в покоях юного султана вместо того, чтобы вести доверительные беседы со слугами и звенеть кошельком, поэтому доклад великому визиру поступил быстро.

Мехмед же по неопытности ни о чём не догадывался — не догадывался даже тогда,

когда в покое, где происходило веселье, явился кто-то из слуг Шехабеддина и доложил что-то своему хозяину, прошептав на ухо. Евнух нахмурился, а затем прошептал что-то на ухо Заганосу.

Визир решительно поднялся на ноги:

— Мой господин, мы с Шехабеддином-пашой просим извинения, но у нас появилось одно очень важное дело, и нам нужно идти. Надеюсь, наш уход не помешает веселью?

— Не помешает. Идите, — махнул рукой Мехмед. Он вдруг подумал о том, что остаётся с поэтом наедине, но если в начале вечера подобная ситуация показалась бы неловкой, то теперь сделалась даже желательной.

Тринадцатилетний султан хотел оставить дервиша во дворце, но знал, что не сможет приказывать этому человеку: «Ты останешься». Как же приказывать вечному страннику, которому не нужно ни богатство, ни высокая придворная должность! Конечно, странник подчинится, но затоскует, а Мехмед этого не хотел. Казалось возможным только попросить, приманив дервиша чем-нибудь, что притягательно для него — к примеру, хорошее вино. Однако такие разговоры лучше вести наедине.

— Приблизься, поэт, — повелел юный султан, поманив дервиша взмахом ладони, — сядь тут, на ковры. Я вижу, что ты устал оставаться на ногах, да и вино всё настойчивее повелевает тебе сесть.

Дервиш охотно повиновался, а Мехмед велел слуге, всё ещё находившемуся в комнате и державшему кувшин:

— Поставь кувшин на столик и иди. Я позову тебя, когда ты снова понадобишься.

Слуга подчинился неохотно, как будто сомневался, можно ли оставлять юного султана наедине с неизвестным бродягой, но всё же подчинился, а когда двери за слугой закрылись, то Мехмед без всяких обиняков произнёс:

— Ты прекрасный поэт. Ты покоришь моё сердце своими стихами.

По правде сказать, тринадцатилетний султан чувствовал, что от дервиша исходит запах немывтого тела, да и лохмотья не казались прекрасными, но запах и лохмотья совсем не мешали восхищаться поэтом.

Дервиш видел восхищение в глазах тринадцатилетнего правителя и, наверное, чувствовал себя польщённым, но лишь несколько мгновений, а затем его сердце опять наполнилось безразличием к мирской суете. Поэт, уже порядком развеселившийся от вина, улыбнулся, показав ровные белые зубы, и ответил:

— Великий султан, тебе следует знать, что не все стихи, которые я читал, сочинил я сам. Некоторые принадлежат моим братьям-дервишам, а большинство — моим непревзойдённым учителям. Тебя покоришь не я, а учение суфиев.

— Пусть так, — улыбнулся Мехмед. — Поэтому я хочу больше узнать о суфиях и прошу тебя остаться во дворце на некоторое время, чтобы ты мог рассказать мне о них. Сады во дворце прекрасны, а лучшего вина ты нигде не найдёшь. Может, это Аллах через меня

посылает тебе милость и хочет, чтобы ты отдохнул немного в земном раю прежде, чем продолжишь странствия?

Тринадцатилетний султан лукавил, потому что сам не чувствовал себя во дворце, как в раю. Дворец часто напоминал тюрьму, несмотря на то, что здесь присутствовало всё, что должно быть в раю — и сады, и яства, и красивые слуги. Даже гурии со временем появились бы! Пусть у Мехмеда пока ещё не было своего гарема, но это пока. И всё же юный султан совсем не каждый день чувствовал себя счастливым. Если бы рядом не было таких людей как Заганос и Шехабеддин, он не чувствовал бы себя счастливым вовсе.

Меж тем дервиш отвечал:

— Я покоряюсь воле великого султана, через которую выражена воля Аллаха.

— Налей себе ещё вина, — обрадовался Мехмед.

— Повинуюсь, великий султан, — улыбнулся дервиш.

— А теперь прочти мне ещё какое-нибудь стихотворение, — сказал юный правитель. — Грустное оно будет или весёлое, это на твоё усмотрение. Повелевай моим сердцем, как тебе хочется. Заставляй его веселиться или грустить.

Дервиш снова начал декламировать, но был благосклонен. Он прочитал стихотворение, восхваляющее красоту некоего молодого виночерпия, благодаря которому оказался опьянён некий поэт, и Мехмеду нравилась мысль, что это может быть намёком.

Увы, поэт успел прочитать всего один стих, а затем двери в комнату неожиданно открылись.

— Ах, вот оно что! — раздался громкий гневный возглас. — Значит, мне всё доложили верно!

В дверях стоял великий визир Халил-паша, причём за его спиной виднелись не слуги, а вооружённая стража.

Даже в тусклом свете светильников было видно, что лицо великого визира покраснело от гнева, а его борода будто вздыбилась и больше напоминала метёлку, а не бороду второго человека в государстве.

— Зачем ты явился в мои покои, Халил-паша? — спросил Мехмед, сдвинув брови и стараясь выглядеть рассерженным, а не растерянным.

— Мой повелитель, — всё так же гневно отвечал великий визир, — я не потревожил бы твой покой, если бы не новости, которые до меня дошли.

— И что же такое ты услышал? — небрежно спросил Мехмед.

— Мне сказали, что в твоих покоях находится грязный оборванец, который произносит слова, восхваляющие пьянство и разврат, и что ты, мой повелитель, слушаешь эти речи благосклонно. О, мой повелитель, как же ты мог так забыть! А что скажет твой отец, когда узнает об этом? Ты же знаешь, что я не смогу скрывать такое от него!

— Пьянство и разврат? — тринадцатилетний султан старался выглядеть удивлённым. —

Так могут говорить лишь невежды! Всем, кто взял на себя труд хоть сколько-нибудь углубиться в изучение суфизма, знают, что поэты-суфии восхваляют Аллаха и свою любовь к Аллаху. Аллах является для суфия самым лучшим другом и самым желанным возлюбленным, а любовь к Аллаху похожа на опьянение. Только невежды могут приять слова любви к Аллаху за разврат, а саму любовь за пьянство.

Халил-паша выслушал всё это со снисходительной усмешкой:

— Я вижу, мой повелитель, что этот оборванец уже успел наговорить тебе всякой лжи, а ты из-за своей доброты и неопытности поверил ему. Я должен немедленно схватить этого негодяя, пока он не принёс ещё больше бед.

Великий визир сделал знак страже, дервиш растерянно вскочил на ноги, а вслед за ним и Мехмед.

Стража хотела схватить «оборванца», но тринадцатилетний султан сам ухватил его за запястье и закричал:

— Нет! Он никуда не пойдёт! Я — султан, и приказываю вам убираться прочь из моих покоев!

Стража остановилась в нерешительности, и тогда Халил-паша вышел вперёд, произнеся:

— Твой приказ будет исполнен, мой повелитель. Мы все немедленно уйдём, но этот разносчик греха здесь не останется. Это недопустимо! Уже весь дворец шепчется о тебе и этом оборванце, и если немедленно не избавиться от такого опасного человека, то что же будет завтра? Мятеж? Мой повелитель, разве для того твой отец доверил тебе трон, чтобы ты создавал смуту в государстве своими неосмотрительными поступками!?

— Мой отец тоже любит беседовать с дервишами, — твёрдо возразил Мехмед.

— Не с такими! — резко ответил великий визир. — Дервиши, которых твой отец допускал во дворец, были достойные люди. А этот — смутьян!

Лишь позднее Мехмед понял, что Халил-паша сильно преувеличивал опасность, исходившую от «смутьяна». Мятежом это закончиться не могло, но даже в тот вечер, ещё не начав сомневаться в словах великого визира, юный султан всё равно крикнул:

— Нет! Дервиш останется здесь! Останется!

Халил-паша сделал ещё несколько шагов к Мехмеду и к дервишу.

— Я не отдам вам его! Не отдам! — кричал тринадцатилетний правитель, а когда увидел, что в комнату осторожно заглядывают слуги, то приказал: — Сейчас же позовите Заганоса-пашу и Шехабеддина-пашу!

Меж тем великий визир уже схватил руку Мехмеда, сжимавшую запястье суфийского поэта, а другой рукой начал разгибать Мехмеду пальцы. Юный султан даже ужаснулся, насколько легко это происходит. Он почувствовал своё полное бессилие, и это показалось так страшно.

Стоило Халилу-паше разделить Мехмеда и дервиша, как последнего тут же окружили четверо стражей.

— Нет! — крикнул юный правитель, крутанулся, оттолкнув великого визира, всё ещё державшего его за руку, и снова попытался ухватить поэта за запястье, но ухватился за рукав драного халата.

«Бродяга» тоже сопротивлялся, но ничего не мог сделать один против четверых вооружённых людей. Меж тем Халил сгрёб Мехмеда в охапку и дёрнул назад. Послышался треск раздираемой ткани, звон падающей посуды, стук падающей мебели.

Ветхий халат дервиша не выдержал и порвался. Рукав остался у Мехмеда, а самого дервиша уже тащили прочь. Столик, на котором стоял кувшин с вином и две пиалы, оказался опрокинут, своим видом будто доказывая, что веселье закончено.

— Прошу прощения, мой повелитель, — Халил-паша, отпустив тринадцатилетнего султана, спокойно поклонился ему, как ни в чём не бывало.

Гнев великого визира прошёл, но теперь задыхался от ярости юный правитель:

— Да как ты... Как ты посмел!?

— Ещё раз прошу прощения, повелитель, — Халил снова поклонился, но вдруг неожиданным резким движением снова схватил Мехмеда за руку и отобрал кусок драного халата. Казалось, великий визир хотел удалить из покоев юного султана всё, что могло напомнить о дервише в будущем.

Пятясь, кланяясь и всё так же держа в руках оторванный рукав, Халил-паша удалился, а Мехмеда окружили его собственные слуги:

— Цел ли ты, повелитель? Ничего не болит? Может, послать за лекарем?

— Где Заганос-паша и Шехабеддин-паша? — спросил тринадцатилетний султан, оглядываясь вокруг, но увидел только четверых рабов, которые, ползая на четвереньках по ковру с мокрыми тряпками в руках, пытались удалить пролитое вино, пока оно намертво не впиталось.

— Заганоса-пашу и Шехабеддина-пашу ищут, — успокаивающим голосом произнёс один из слуг, стоявший рядом. — Как только найдут, они будут здесь.

— Когда!? Они нужны немедленно! — закричал Мехмед, но ничего не изменилось. Лишь рабы, вздрогнув от крика, начали ещё суетливее промакивать тряпками ковёр.

Прошло полчаса, мучительных полчаса. Мехмед весь извёлся и несколько раз порывался сам идти искать тех, за кем послал слуг, но его уверяли, что Заганос и Шехабеддин вот-вот придут, поэтому будет лучше остаться на месте.

Наконец, Заганос и его «друг» появились в комнате. Тринадцатилетний султан, забыв о своём положении, бросился к ним навстречу и даже не дал им поклониться:

— Вы ушли очень не вовремя, — сходу начал Мехмед. — Почти сразу, как вы ушли, явился Халил и забрал дервиша. Я запретил забирать, но Халил меня не слушал.

— Мы знаем, мой господин, — ответил Заганос-паша.

— Вы должны выяснить, куда увели дервиша. Если в темницу, то вы должны забрать его оттуда, — продолжал тринадцатилетний султан, на что Шехабеддин-паша виновато потупился:

— Мы уже знаем, куда делся дервиш. Да, он в дворцовой тюрьме, но мы ничего не можем сделать.

— Что? — Мехмед не поверил ушам. — Не можете? Почему?

— Мы не можем идти против воли великого визира, — ответил Заганос-паша. — Я — всего лишь третий визир. Я не могу отменить распоряжений вышестоящего.

— Увы, ничего нельзя сделать, — вторил ему Шехабеддин. — Дервиш будет казнён не позднее завтрашнего утра.

— А если я вам приказываю, чтобы вы пошли и забрали дервиша из темницы? — спросил тринадцатилетний султан.

Заганос ничего не ответил, а Шехабеддин грустно вздохнул:

— Мой повелитель, тебе придётся смириться с этой потерей. Ничего нельзя сделать. Мы ничем не можем ему помочь.

— Но как же так? — не понимал Мехмед. — Как же так? Я хочу даровать этому дервишу своё покровительство! Я — султан! Я хочу, чтобы дервиш жил при мне во дворце!

— Это совершенно невозможно, мой повелитель, — ответил Шехабеддин. — Подобные поэты — по характеру всегда смутьяны. Правитель не может держать подле себя смутьяна, даже если хочет. Халил-паша не позволил бы тебе.

Юный правитель посмотрел на евнуха и, наконец-то, начал догадываться, что тот с самого начала предвидел ход дальнейших событий:

— Что!?! — воскликнул Мехмед. — Выходит, ты знал, что Халил захочет его казнить? Ты знал и молчал!?! А зачем ты привёл этого дервиша во дворец, если знал, как всё обернётся? Ты привёл его сюда на смерть! Зачем? Неужели ты думал, что мне будет всё равно, умрёт он или нет, после того, как я с ним побеседую?

— Я надеялся, повелитель, что мне удастся вывести этого человека из дворца так же незаметно, как привести, — смущённо ответил евнух. — Увы, Халил-паша узнал обо всём раньше, чем можно было ожидать.

«Потому-то вы так внезапно ушли из моих покоев, — вдруг со злостью подумал Мехмед. — Вы не хотели испытать на себе гнев Халила».

Юный султан снова почувствовал своё бессилие и беспомощность, а затем представил свою дальнейшую жизнь, которая показалась адом. Что это за жизнь, если никогда не делаешь то, что хочется, и никогда не говоришь то, что хочется, и даже за мыслями своими надо следить. Вот такую жизнь уготовил ему великий визир Халил-паша, полагавший, что Мехмед должен забыть про необычную поэзию и обо всех мечтах забыть, а люди, которых Мехмед считал своими сторонниками, говорили: «Мы ничем не можем помочь».

Захотелось плакать, но слёзы, даже если они прорвутся наружу, не следовало показывать.

— Оставьте меня, — глухо произнёс Мехмед.

Визир и его «друг» повиновались.

— Оставьте меня все! — крикнул юный правитель, выгоняя ещё и слуг, а когда двери закрылись, и он остался один, то упал на возвышение, заваленное подушками, и, уткнувшись лицом в шёлковое покрывало, зарыдал.

— Теперь ты султан вместо меня, — когда-то сказал отец, а теперь Мехмед мысленно спрашивал: «Это шутка, да? Просто шутка!? Почему она никак не закончится?» Ему вспомнились разные досадные случайности, которых накопилось много за минувший год, и которые так или иначе показывали Мехмеду, что его власть — как мираж в пустыне.

Пусть отец объявил при дворе, что передаёт сыну трон, однако не все государи соседних земель, даже узнав об этом, приняли такую новость всерьёз. Во дворец порой приходили письма, где султаном называли не Мехмеда, а его отца. Мехмеду этих писем старались не показывать, но он знал, что их не одно и не два!

А ещё до него доходили слухи о недовольстве янычар, которые почти открыто жалели, что новой войны не будет, пока султан не подрастёт. «Разве я виноват, что мне всего тринадцать!» — в досаде думал Мехмед. Когда Заганос и Шехабеддин говорили, что он укрепит свою власть с помощью войн, юный султан был согласен, но не мог начать воевать уже завтра. Он и саблю-то, как следует, ещё не научился держать, о чём часто повторяли наставники в воинском деле.

Вот почему, когда отцовская «шутка» вдруг закончилась, Мехмед поначалу даже образовался. Он ещё не знал, что его жизнь станет хуже, потому что рядом больше не будет Заганоса и Шехабеддина, а мулла Гюрани окажется даже строже, чем великий визир Халил-паша.

И всё же Мехмед усвоил урок, полученный во время своего правления — урок с дервишем. По отношению к Учителю, которого неожиданно подарила судьба, следовало вести себя более осмотрительно. «А то опять останешься один. И что тогда? Как ты будешь жить? — спросил себя принц и испугался. — Отец и Халил-паша как будто сговорились не любить меня, а всех немногих, кто меня любит, удалять. Так и Учителя удалят».

Мехмед просто не мог представить себе, как переживёт ещё одну потерю. Принц снова почувствовал, что слишком устал ждать, когда по-настоящему унаследует власть и вместе с ней получит всё то, на что имеет право. К примеру, право выражать свои влечения.

Мехмед хотел быть счастливым сейчас — именно сейчас, а не через сколько-то лет! Сейчас! Пусть в тайне от всех, но быть! И теперь это могло осуществиться — появилась тайная любовь, не смешанная с горечью ненависти или презрения. Новая любовь обещала принести не мучение, а радости. Увы, поначалу он забыл об осторожности, поэтому теперь

спросил себя, не слишком ли смело разговаривал в коридоре, прощаясь с Учителем у всех на виду в тот вечер, когда Учитель обещал «всё объяснить»? Следовало ли говорить про своё желание заниматься греческим языком два раза в день вместо одного?

Часть III Обещание, исполненное наполовину

Во время своего недолгого правления Мехмед не ощущал себя султаном. Слишком часто он оказывался в положении, когда что-то требовал у своих слуг или сановников, а ему говорили «нет». «Что же я за повелитель тогда?» — думал Мехмед и лишь в Манисе, познакомившись с Новым Учителем, по-настоящему почувствовал, что такое власть.

Власть — это возможность заставить людей делать то, чего они делать не хотят, а Мехмед обнаружил, что имеет некоторую власть над Учителем — Учитель не хотел открыться, но открылся и дал обещание, которое поначалу не собирался давать.

Увы, эта власть казалась такой непрочной, будто ниточка. Мехмед страшно боялся, что она оборвётся, и потому избегал лишний раз потянуть за неё. Ах, если бы эта нить стала верёвкой, вот тогда Мехмеду стало бы спокойно, но он пока не знал, как превратить нить в верёвку.

Принц внутренне содрогался, вспоминая о том, как спросил Нового Учителя о грехе народа Луга и услышал в ответ гневное шипение, потому что в те минуты нить могла оборваться внезапно и навсегда.

«Как хорошо, что не оборвалась. Как хорошо!» — думал Мехмед, но будущее внушало тревогу. Пусть учитель обещал «всё объяснить», но Мехмед боялся, что опять неосторожным словом испортит всё.

Принц уже не сомневался, что в тот злополучный день, когда Учитель гневно шипел и назвал своего ученика дерзким, это случилось потому, что «дерзкий мальчишка» говорил слишком прямо, а нужно было как-то иначе. Очевидно, прямота в таких делах считалась недопустимой.

«Именно прямота — дерзость, а не сами разговоры», — сказал себе Мехмед, поэтому решил не рассказывать Учителю про стихотворение о любви мужчины к юноше, которое в своё время отказались обсуждать Заганос-паша и Шехабеддин-паша.

«Как жаль, что в этом стихе всё прямо», — думал принц, ведь полузабытая поэзия так волновала! Особенно тем вечером, когда Учитель дал обещание «всё объяснить».

Увы, навязчивые слуги не позволили Мехмеду подольше поговорить с Учителем, давшим обещание, а потащили прочь — дескать, настало время спать — но мальчик, возвращаясь к себе в покои по тёмным дворцовым коридорам, продолжал думать об Учителе и о чудесном мире стихов, потому что там никто не разлучал влюблённых.

Оказавшись у себя и увидев закрытые двери комнаты, где обычно проходило обучение книжным наукам, принц вздохнул, почувствовав, как сладко кольнуло сердце, но и тут челядинцы не позволили задержаться — повели в спальню, поднесли умывание, переодели,

уложили.

По обыкновению, чтобы лишний раз не тревожить битую спину, Мехмед улёгся на живот, обнял подушку, попросил слуг «накиньте на меня одеяло», а когда те ушли, принялся мечтать. При свете ночных светильников он представлял себе красивый сад, про который говорилось в полузабытом стихотворении, и ручей в саду, и юношу в полосатом персидском халате, стоявшего на берегу ручья.

Увы, этот персидский юноша ничем не походил на самого Мехмеда. У Мехмеда никогда не было прямого носа и пухлых губ. Турецкий принц не мог считаться волооким, пусть Учитель и сказал ему однажды:

— У тебя очень красивые глаза.

А ещё Учитель посетовал:

— Жаль, что тебе нельзя отрастить волосы чуть длиннее.

Ах, Мехмед и сам бы хотел это сделать по примеру юноши из стихотворения, но ношение длинных волос было персидским обычаем. Турецкая традиция предписывала стричься коротко или вовсе брить голову, и потому принц, вспомнив об этом, даже пожалел, что родился турком.

А ещё он представил, как выглядел бы Учитель, если б отпустил бороду, хоть борода и не могла появиться в действительности. В Турции носить бороду имели право далеко не все, и Учителю этого не дозволялось, но Мехмед всё же представлял, потому что в стихотворении тот мужчина, который признавался в любви юноше, упомянул, что бородат.

Наверное, борода у мужчины, тоже перса, была широкая, чёрная, волнистая. И нос такой же прямой, как у юноши... и как у Учителя!

Всё это Мехмед увидел во сне. Приснился сад, посреди которого журчал ручей. На берегу стоял юноша, задумчиво глядевший в воду, а неподалёку находился мужчина. Мужчина, медленно приближаясь, декламировал юноше своё стихотворение о любви — то самое персидское стихотворение и, наверно, даже не переведённое на турецкий. Мехмед всё равно не мог разобрать слов, а просто знал, что это тот самый стих.

Вот мужчина правой рукой сжимает левую руку юноши, хочет посмотреть тому в глаза, но юноша отворачивается, смущённо улыбается. Мужчина, левой рукой приобнимает стан юноши. Юноша всё никак не может побороть смущение, и тогда мужчина отпускает возлюбленного, но лишь затем, чтобы сжать ему ладонями голову, повернуть к себе и поцеловать в губы. Юноша не противится...

Мехмед смотрел на всё это и не прятался, но те, на кого смотрел принц, не видели постороннего человека, а точнее — посторонних, ведь Мехмед вдруг обнаружил рядом с собой Учителя. Тот тоже смотрел на двух персов... и улыбался.

— Учитель, Ты думаешь — мужчина поступает гнусно? — спросил ученик, притворяясь, будто не замечает, что Учителю зрелище приятно.

— Нет, это не гнусно, — ответил Учитель.

— А почему? — Мехмед спросил не оттого, что сомневался в словах Учителя, а оттого, что хотел услышать, как Он станет рассуждать на запретную тему. — Почему?

— Хорошо, я объясню тебе, — произнёс Учитель, однако ничего не стал объяснять — просто обнял Мехмеда и крепко прижал к Себе, а во сне у принца не болела спина, поэтому Учитель мог обнимать ученика так же крепко, как ученик сам обнимал Учителя.

Принц почувствовал что-то неизъяснимое. Это оказалось настолько чудесно, что захотелось умереть — так бывает, когда не верится, что в дальнейшей жизни может быть что-нибудь лучше нынешней минуты. «Для чего жить, если всё лучшее уже случилось? — так думал Мехмед, но тут же опроверг это: — Нет, лучше стать может! Может!»

Принц посмотрел вверх, на подбородок Учителя:

— Учитель, поцелуй меня.

Прежде, чем что-то успело случиться, Мехмед проснулся, но теперь ясно осознал свою цель. Вот, чего он хотел, и к чему следовало стремиться — поцелуй.

* * *

Проснувшись, Мехмед с досадой вспомнил, что сегодня пятница, а значит — уроков не будет, и Учителя он сегодня не увидит. К полудню предстояло отправиться на молитву в городскую мечеть, а до этого принцу полагалось посетить баню.

Пожалуй, те чувства, которые вызывало у принца посещение бани, тоже помогли ему понять, что он не таков, как большинство людей. Будь Мехмед подобен большинству, тогда, наверное, относился бы с полнейшим безразличием к тому, что в бане происходит, но оставаться безразличным он не мог. Это началось год назад, когда принц ещё считался султаном. Именно тогда Мехмед узнал об одном обычае, о котором раньше не слышал, потому что это касалось лишь взрослых.

В детстве и даже в двенадцать лет баня не становилась ничем примечательным. Все слуги, которые прислуживали там, раздевались лишь по пояс, и на Мехмеда без крайней необходимости не смотрели, но когда тот повзрослел, кое-что изменилось.

Оказалось, что мусульманину предписывается сбривать себе волосы в области подмышек и... паха. В тринадцать лет там уже появилось то, что нужно сбривать, и вот тогда-то Мехмед узнал об обычае, но тут же услышал:

— Повелитель, тебе не полагается делать это самостоятельно.

Оказалось, что пах султана — место слишком важное. Все боялись, что Мехмед порежется, поэтому его при посещении бани брил евнух, с деловитым видом опускавшийся

на колени перед своим юным господином, сидевшим на каменной скамье.

Евнух — не мужчина, а значит, мог делать то, что по шариату для мужчин считалось запретным. Мужчине запрещалось смотреть на всё, что находится у другого мужчины ниже пояса и выше колен, и уж тем более прикасаться к этим местам, но о евнухах такого не говорилось. Вот почему рабы-евнухи в ряде случаев становились просто незаменимыми.

Тем не менее, даже евнух не притрагивался к тринадцатилетнему султану прямо, а только через платок, держа эту вещь в левой руке. Евнух клал платок на то место, которое брить не требовалось, и, таким образом придерживая Мехмеду кожу, брил вокруг платка, а Мехмед пребывал в странной эйфории.

Это чувство не исчезло даже тогда, когда бритьё стало привычным. Мысли, появившиеся в такие минуты, превращали вполне заурядную процедуру в нечто вопиюще непристойное, и пусть евнух говорил, что в области паха вся кожа очень чувствительна, и что любое прикосновение вызывает «отклик», Мехмед спрашивал себя: «Догадывается ли этот евнух, что у меня чувства особенные? А если он донесёт кому-нибудь?»

Движения евнуха всегда оставались сосредоточенными, без малейшего намёка на то, о чём юный султан в эти минуты думал, но мысли приходили сами собой. К тому же евнух был старый, так что напоминал обезьяну в тюрбане, но и это мыслям не мешало.

В такие минуты восприятие обострялось. Скребущий звук, издаваемый лезвием бритвы, плеск воды где-то неподалёку и даже собственное дыхание казались Мехмеду громче, чем в действительности, а в следующую минуту всё становилось наоборот — вокруг воцарялась полная тишина, сознание мутилось и появлялись неясные грёзы.

Мехмед не мог не думать, что Шехабеддин-паша, друживший с Заганосом-пашой, тоже евнух — такой же евнух, как тот, который занимался бритьём. А ведь Шехабеддин считался красивым. Вот если б он занял место старого евнуха, что было бы? Наверняка, Заганос оказался бы недоволен таким поворотом событий.

Если в двенадцать лет Мехмед ещё сомневался в том, что Заганос использовал своего «друга» как женщину, то в тринадцать эти сомнения начали исчезать, а окончательно ушли в четырнадцать, когда отец забрал у Мехмеда титул султана и отправил сына в Манису.

Возвращение в Манису являлось для Мехмеда наказанием — мягким, но наказанием — и примерно так же оказался наказан визир Заганос-паша, потому что его отправили в почётную ссылку. Разумеется, визира наказали за вызывающее поведение! За что же ещё!

Заганосу велели, чтобы жил в своих владениях — это был хасс Балыкесир — и в столице не показывался. «Друг», хоть и остался при дворе, но с условием, что не станет переписываться или искать встречи с опальным визиром.

Для Мехмеда стало совершенно очевидно, что Заганоса с Шехабеддином разлучили

намеренно, и теперь никто не смог бы разубедить принца в этом, хотя самому принцу и остальным придворным всё объяснили по-другому.

Отец Мехмеда разгневался на Заганоса-пашу якобы за плохие советы, которые ставили под угрозу государство. Дескать, было сочтено неправильным, что визир вместе со своим «другом» советовал Мехмеду захватить Константинополь, то есть сделать то, что отец Мехмеда сам пытался осуществить около двадцати пяти лет назад и потерпел досадную неудачу. Отец Мехмеда во всеуслышание выразил неудовольствие по поводу того, что сын, посаженный на трон, слушал неразумных советчиков весьма внимательно, но ведь Мехмед помнил, что на самом деле вёл себя иначе.

Да, Заганос и Шехабедин что-то такое говорили про войну, но в те годы Мехмеду не было дела до великого города. Мехмеда гораздо больше занимали сами советчики. Он слушал их внимательно лишь потому, что хотел разгадать тайну, связывавшую этих двоих. Слова советчиков пролетали мимо его ушей, если юный султан вдруг замечал, что Заганос мельком взглянул на своего «друга». Это казался особый взгляд, ведь на лице Шехабедина тут же появлялась заговорщическая полуулыбка, которая тоже заставляла юного султана забыть о государственных делах.

И вот тогда-то великий визир Халил-паша стал говорить, что на Мехмеда оказывают «дурное влияние», а в итоге доложил об этом отцу Мехмеда. Дурное влияние может быть самым разным, и неразумные советы начать войну с греками тоже считаются таким влиянием, но великий визир, конечно, упирал не на то, что Заганос советует неправильное. Халил, наверняка, сказал, что Заганоса постоянно видят во дворце вместе с «другом», а среди прочих это видит Мехмед, и что подобное зрелище дурно влияет на неокрепший ум.

Заганоса-пашу с точки зрения закона было не в чем упрекнуть. Связь с евнухом не считалась грехом и преступлением, потому что евнух — не мужчина и не женщина, в отношении которых Коран устанавливал правила. Даже пророк Мохаммед, давший много советов для правоверных на все случаи жизни, не говорил о евнухах почти ничего, да и в тех редких случаях, когда говорил, выражался не слишком ясно.

Слова пророка толковались так, что связь с евнухом допускается, если мусульманин сам не сделал евнухом того, с кем вступил в связь. Но ведь все прекрасно понимали истинную суть подобных связей! А когда Мехмеду исполнилось тринадцать, он тоже почувствовал, что разница между евнухом и мужчиной не так велика, как кажется на первый взгляд.

Неспроста рабы-евнухи ценились у мусульман особенно дорого! Высокая цена установилась, прежде всего, потому, что связь с евнухом являлась для мусульманина своего рода уловкой, чтобы обмануть Аллаха — то есть, даже совершив нечто похожее на грех народа Лута, всё равно попасть в рай! Даже самые строгие толкователи исламских законов, уверявшие, что пророк запретил мусульманам самим заниматься превращением мужчин в евнухов, признавали, что пользоваться плодами чужих трудов никто не запрещал.

Вот почему Мехмеду не раз приходила в голову дерзкая мысль о своём главном

наставнике — мулле Гюрани: «Молодой прислужник муллы — тоже евнух. Мулла может использовать его как женщину и оставаться праведным. И ведь наверняка использует! Зачем покупать евнуха, если у тебя нет жён, за которыми тот мог бы присматривать? Значит, купил затем, чтобы использовать его самого вместо жены!»

После таких мыслей весь окружающий мир начинал казаться Мехмеду лицемерным, ведь мулла выглядел таким строгим, когда говорил о том, что пророк Мохаммед призывал убивать людей, совершивших грех народа Лута! В голосе муллы так и слышался еле сдерживаемый гнев. И этот же человек прикупил себе евнуха!

Заганос-паша говорил, что стихи о любви мужчин к юношам — бесстыдство, а сам почти не скрывал своей связи с Шехабеддином-пашой, то есть с евнухом, который не слишком отличался от мужчины. Заганос посматривал на евнуха так, что окружающим могло стать неловко. Разве это не бесстыдство?

Великий визир Халил-паша был прав, называя это бесстыдством, но и сам тоже лицемерил, потому что желание великого визира противостоять «дурному влиянию», которое Заганос оказывал на Мехмеда, было притворством — частью придворных интриг. Халил беспокоился, что Заганос метит на должность великого визира. Вот из-за чего Халил решил очернить своего соперника и представить бесстыдником!

Даже в мечети в Манисе, сидя вместе с муллой Гюрани в первом ряду на коврах и слушая проповедь имама, Мехмед, уже опять ставший принцем, часто задавал себе вопрос: «А что этот имам делает, когда приходит домой? Наверняка у имама тоже есть какой-то любимый грех. Если не грех народа Лута, то что-нибудь другое».

Мехмед иногда позволял себе мельком оглянуться на некоторых посетителей мечети, которые тоже сидели в первом ряду. Это были знатные люди Манисы, считавшие за честь присутствовать на молитве вместе с наследником престола. «Что у них за тайны?» — думал принц, и это даже стало для него развлечением — пытаться по внешнему виду угадать, есть ли среди этих знатных людей такие, кто испытывает особенные чувства к мужчинам или юношам.

«О, если бы кто-то из вас подарил мне книгу с запретными стихами, я бы озолотил такого человека, сделал бы визиром или даже великим визиром! — думал Мехмед. — Вот вы сидите тут на коврах и ловите каждый мой взгляд, надеясь получить милости, когда я снова стану султаном. Ах, знали бы вы, что упускаете из-за своей мнимой праведности!»

* * *

День прошёл незаметно. Наступило утро следующего, через час должен был начаться урок по изучению Корана, а через два часа — урок греческого. «Как хорошо!» — думал Мехмед и уже радовался, а солнечные лучи, проникшие в спальню через резные решётки на окнах, заставляли улыбнуться лишний раз.

В комнате для занятий солнечные зайчики тоже были, напоминая о светлых кудрях Учителя и о светлых кафтанах, которые Тот носил, так что мысли об Учителе не исчезли даже во время урока с муллой.

Мехмед ждал второго урока и еле-еле мог сосредоточиться на первом, так что строгие замечания не возымели действия, а наказание палкой не случилось лишь потому, что принц настолько размышлялся, что забыл притвориться упрямым ослом.

Мулла велел своему ученику читать вслух новый отрывок из Корана и удивился, когда ученик, скользя пальцем по строчкам, прочитал всё очень легко:

— Сегодня Аллах опять милостив к тебе! — изумлённо воскликнул наставник, и только тут Мехмед спохватился.

Из-за мыслей об Учителе принц совсем забыл, что не хочет показывать мулле свои знания, которые с каждым днём возрастали из-за новой привычки самостоятельно читать Коран по вечерам.

Наизусть Мехмед эту книгу не учил, но читал внимательно и заглядывал в словарь, если попадались незнакомые слова, ведь мальчику стало весьма интересно самому судить о смысле прочитанного, поэтому приходилось читать с опережением — до того, как мулла велит прочесть и объяснит, как надо «правильно» понимать те или иные строки. Впрочем, некоторые выражения казались настолько удачными, что запоминались сами, и Мехмед удивлялся: «Значит, я совсем не ненавижу арабский язык».

Никто не догадывался об этих занятиях. Вернее, не догадывался о том, что они проходят очень часто, ведь слуги лишь два раза видели, как Мехмед, которому в это время полагалось спать, сидел на ковре и при свете единственной лампы читал. Чтение священной книги не предосудительно, когда бы оно ни происходило, а принц оба раза жаловался на бессонницу, поэтому слуги, обнаружив странное поведение, доложили обо всём не мулле, а лекарю.

Лекарь, побеседовав с принцем, заверил всю челядь, что в четырнадцатилетнем возрасте бессонница иногда бывает, так что Мехмед, уложенный спать, безбоязненно вылезал из-под одеяла уже через минуту после того, как за слугами закрывались двери. Достав из шкафчика Коран, а также словарь, взятый в дворцовой библиотеке, принц принимался за учёбу, во время которой мысленно повторял слова Учителя: «Учить не ради похвалы. Учись ради себя самого».

Если б мулла знал о вечерних занятиях, то сразу бы догадался, что на прошлых уроках принц нарочно читал с запинками и перевирал слова — нарочно! Однако наставник ни о чём не догадался и, изумлённый, начал задавать на арабском вопросы, начинавшиеся со слов «что» или «почему», дабы проверить, понятен ли принцу отрывок, прочитанный минуту назад.

Мехмеду в ответ следовало читать мулле подходящий аят — наизусть рассказывать пока

не требовалось, ведь отрывок считался новым, и эта предельная проста упражнения никак не позволяла притвориться дураком. Запинаться во время повторного чтения после того, как ты в первый раз всё прочитал хорошо, казалось бы странно. И даже выбрать не тот аят казалось невозможно. Слишком уж разные они были по смыслу, чтобы их перепутать.

В итоге наставник опять был доволен:

— Аллах сегодня так милостив! — воскликнул мулла, воздев руки к небу, а Мехмед не удержался от усмешки, которая, к счастью, осталась незамеченной.

«Мулла думает, что Аллах совершил чудо, а ведь это чудо совершил я сам, — сказал себе принц. — Сколько же на свете чудес, которые на самом деле не чудеса? А сколько на свете вещей, которые кажутся нам не такими, как есть на самом деле? Хорошее кажется дурным. Дурное — хорошим. Как же в таких случаях найти правильную дорогу?»

Четырнадцатилетний принц никогда не отличался особенной силой веры, но вдруг поднял взгляд вверх подобно мулле и мысленно попросил: «Аллах, то, что будет со мной совсем скоро, это искушение, которое я должен преодолеть, или всё же милость, которую я должен принять с благодарностью?»

* * *

Зима в Турции — хмурое и туманное время, и пусть была ещё только осень, но по мере приближения зимы солнечные дни выпадали всё реже. Вот почему Андреасу показалось чудесным совпадением, что нынешний день стал солнечным.

Окна «класса» выходили на восточную сторону, так что на ковре виднелась россыпь золотых пятен от солнечных лучей, проникавших через резные оконные решётки. «Как красиво», — подумалось греку, а особенно красивым казался мальчик, который сидел среди золотой россыпи и сам уподобился солнечному лучу, поскольку был одет в жёлтый кафтан — совсем как на самом первом уроке несколько месяцев назад.

Четырнадцатилетний принц волновался, поэтому сидел, потупившись, и неосознанно мямл в руках край своего зелёного тканевого пояса, но стоило слуге закрыть двери и оставить Андреаса вдвоём с учеником, как принц тут же вскочил и пробормотал по-гречески:

— Доброе утро, учитель.

— Доброе утро, мой ученик, — улыбнулся Андреас.

По-правде сказать, он и сам волновался, но ждал, что волнение более-менее уляжется, и тогда можно будет начать разговор. Наверное, ждать не стоило, потому что от внимательного, выжидающего взгляда серых глаз, опущённых рыжеватыми ресницами, Андреас почувствовал, что взволнован больше прежнего. Даже немного закружилась голова.

Мехмед, не вытерпев, тихо проговорил по-турецки:

— Учитель, ты обещал объяснить... — но тут же замолчал.

— Да, мой мальчик, я помню, — по-гречески ответил Андреас.

Он сделал глубокий вдох и уже приготовился начать объяснение, но тут осознал смысл своей только что произнесённой фразы. Молодой грек чуть не стукнул себя по лбу: «Как ты сейчас назвал принца!?!»

Мехмед, конечно, не понял, что произошло. Принц не знал и не мог знать, что обращение «мой мальчик» является особенным. Никогда и никого из своих учеников Андреас не называл так. Даже того девятнадцатилетнего ученика, с которым переступил запретную черту.

«Мой мальчик» — именно так называл Андреаса его собственный учитель в Константинополе, то есть тот самый человек, которого Андреас чуть менее десяти лет назад полюбил всей душой и переступил в этой любви последний предел. Такая любовь заставляет любящего внутренне измениться, его жизнь разделяется на «до» и «после», и пусть особые взаимоотношения остались в прошлом, учитель из Константинополиса всё равно продолжал как бы незримо присутствовать рядом, давать советы, ободрять.

«Что же я такое сказал? — сам себе удивился Андреас. — Неужели я хочу стать для этого мальчика особенным учителем? Неужели моя привязанность так сильна?»

А глаза принца, внимательные серые глаза, всё смотрели и смотрели. Затем Мехмед сделал два шага вперёд, робко взял учителя за руку. Это оказалось как раз то, чего Андреасу не доставало, чтобы волнение сразу же улеглось. Стоило только почувствовать, что у мальчика дрожат пальцы, как внутренний голос проговорил: «Успокойся. Он взволнован куда больше тебя».

Вот почему, когда принц спросил по-турецки:

— Учитель, что с тобой? — грек смог спокойно ответить так же по-турецки:

— Ничего, мой мальчик. Я просто собираюсь с мыслями. То, что я расскажу тебе, весьма сложно для понимания. Многие люди думают, что понимают, но на самом деле — нет, а я очень хочу, чтобы ты понял всё верно.

Чуть помедлив, Андреас положил свободную руку Мехмеду на плечо и взглянул своему ученику в лицо:

— Ты помнишь наш позавчерашний уговор? Ты должен...

— ...поверить тебе полностью и не усомниться ни в одном твоём слове, — уже по-гречески произнёс турецкий принц.

Андреас одобрительно улыбнулся, а затем вдруг решил провести небольшой опыт — оставил руку лежать на плече ученика, а другую, которая всё ещё была в руке Мехмеда, мягко высвободил, но лишь затем, чтобы провести подушечками пальцев по мальчишеской щеке. Принц судорожно вздохнул и прикрыл глаза, желая лучше почувствовать прикосновение.

«Ошибки нет, — подумал Андреас. — В сердце этого мальчика присутствует особая склонность, и со временем она станет усиливаться даже без моего присутствия рядом. То знание, которое я могу дать, Мехмеду необходимо, чтобы он вырос достойным человеком, а не сластолюбцем, который идёт в поводу у собственных желаний».

— Нам лучше присесть, — произнёс учитель по-турецки. — Мой рассказ будет долгим, и ты устанешь слушать его, если останешься на ногах.

Мехмед с некоторой неохотой послушался. Как видно, слишком приятным для него оказалось прикосновение, и он предпочёл бы испытать это ещё раз, но Андреас не собирался повторять то, что сделал лишь для проверки своих предположений.

Усевшись напротив мальчика, учитель продолжал уже тише:

— Урока греческого языка сегодня не будет. Я стану говорить по-турецки, чтобы ты лучше понимал, но, прежде всего, пойми, что все мои слова — тайна. Ты не должен обсуждать это ни с кем кроме меня. Обещаешь?

При слове «тайна» мальчик весь обратился в слух, а затем кивнул.

* * *

Теперь всё было не как месяц назад, когда ученик заподозрил в Андреесе особые склонности и спросил, является ли поведение учителя грехом. Месяц назад, если бы принц пожаловался кому-то, Андреас наверняка сумел бы оправдаться, но сейчас, если бы ученик пересказал кому-то содержание намечающегося разговора, то учителя ждала бы казнь. Неминуемо.

Молодой грек сознавал это, но всё же решил рискнуть, и страха не было. Возможно, чувство опасности притупилось из-за прошлого опыта, ведь в Константинополисе, Афинах и других греческих городах Андреас, применяя к очередному ученику метод эллинов, делал это на глазах у родственников такого мальчика и друзей семьи, однако ни разу не был уличён, а ведь окружающие видели, как восторженно смотрит ученик на учителя. Они видели, как учитель одаривает мальчика тёплой улыбкой, одобрительно хлопает по плечу, шутливо треплет за щеку, гладит по голове или целует в лоб, и всё это понималось, как простая дружба.

Конечно, никому из учеников учитель не рассказывал то, что собирался рассказать Мехмеду. Этот шаг таил в себе серьёзную опасность, но Андреас всё равно не боялся, хоть и знал, на что идёт.

По-прежнему разговаривая полужёпотом, чтобы случайно не услышали слуги в соседней комнате, грек начал с того, что спросил ученика о философе Сократе:

— Тебе знакомо это имя?

— Мудрец, которого уважают греки, — ответил Мехмед и пожал плечами.

Вернее, принц сказал менее точно — «мудрец, которого уважают румы». В турецком языке просто не существовало слов, обозначающих многочисленные народы, которые населяли Европейский континент в нынешние и минувшие времена. Турки называли тех, кто жил на территориях, принадлежавших Византийской империи — румы.

Потребовалось бы затратить много сил, чтобы объяснить на турецком языке, чем древнее население Афин, где жил Сократ, отличалось от нынешнего. Так же трудно оказалось бы объяснить точное значение греческого слова «философ», но Андреас не собирался объяснять сейчас, потому что ученик ждал иных объяснений.

— Тебе известно, как Сократ умер? — продолжал спрашивать Андреас.

Ученик наморщил лоб и, наконец, с некоторым замешательством произнёс:

— Кажется, нет.

— Он был казнён.

— За что?

— Это правильный вопрос, — похвалил Андреас и добавил: — Против Сократа было выдвинуто три обвинения, и одно из них состояло в том, что он развращает юношей. Ты понимаешь, что это значит?

У Мехмеда округлились глаза, он несколько раз кивнул:

— Это... это... значит, он... — принц так и не сумел подобрать слово даже на турецком языке.

— Обвинение не было справедливым, — продолжал Андреас, — потому что «развратить» означает сделать человека хуже, чем он был. Сократ делал так, что юноши становились не хуже, а лучше.

— Сократ и юноши... совершали? — Мехмед опять запнулся и признался. — Учитель, я не знаю, как спросить. Не знаю подходящего слова.

Андреас ободряюще взглянул на ученика:

— Неужели, ничего не приходит в голову? Совсем ничего?

Для грека было очень важно, чтобы мальчик подобрал слово для обозначения однополых отношений сам, ведь выбранное Мехмедом слово, пусть даже бранное, показало бы, что же принцу говорили об этом прежде. Наверняка же говорили.

В итоге принц, по-прежнему теряясь, едва слышно спросил:

— Сократ совершал с юношами грех народа Лута?

— Да, согласно твоей вере это называется так, — Андреас тоже стал говорить едва слышно, а затем и вовсе замолчал. Он задумался, следует ли продолжать рассказ о «грехах» эллинов, а Мехмед испугался:

— Учитель, если я сказал то, что тебе обидно, прости меня. Я помню, как ты в прошлый раз рассердился, когда я спросил про «грех народа Лута». Но я, в самом деле, не знаю, как такое назвать. Это — как с греческим языком. Мне не хватает слов.

Принц очень не хотел, чтобы беседа прервалась на том же месте, что и месяц назад, но не мог повлиять на ход событий.

— Говори, как хочешь, — произнёс Андреас и погрузился. — Ты прав, когда утверждаешь, что я — грешник. А раз я грешник, то задумайся, так ли уж тебе важно узнать мои тайны.

— Учитель, — Мехмед по-прежнему сидевший напротив, придвинулся чуть ближе, — мне важно. Я много об этом думал и, в самом деле, хочу знать, что значит слово «любовь» для тебя...

Принц вдруг улыбнулся радостной улыбкой, как если бы ему пришла в голову какая-то новая идея, которую он давно ждал:

— Учитель, — всё так же улыбаясь, проговорил Мехмед, — я неверно спросил про Сократа. Я хотел спросить не так. Я хотел спросить: «Сократ любил юношей?» Скажи мне. Сократ их любил?

Андреас тоже улыбнулся. Он снова обрёл вдохновение для беседы и снова поверил, что поступает правильно:

— Некоторых — да, любил, — ответил грек, — но большинство юношей, которые испытали на себе влияние Сократа, лишь мечтали о том, чтобы он полюбил их. Тебе, возможно, известно, что Сократ не отличался внешней красотой, но его внутренняя красота с лихвой перекрывала это. Этот великий человек умел очень хорошо говорить, поэтому его часто приглашали на пиры ради беседы с ним, но Сократ говорил не только там. Его речи увлекали людей настолько, что он мог остановить прохожего на улице, завести беседу, и прохожий забывал обо всех делах ради разговора с Сократом. Более того — вокруг сразу собиралась толпа, будто это представление в театре. Вот как умел говорить Сократ.

На лице Мехмеда появилось нарочито простодушное выражение:

— Учитель, ты тоже очень хорошо говоришь. Очень хорошо.

Андреас умилился этому простодушному лукавству:

— Ты льстишь мне, мой мальчик. Сократ умел вести беседу гораздо лучше. Он — образец, с которым никто не сравнится, и даже повторить его невозможно. Наверное, ты не знаешь, что один из учеников Сократа, Платон, задался целью воспроизвести речи учителя на письме, потому что сам Сократ никогда ничего не записывал... Так вот у Платона получилось не вполне. Платон до конца жизни переписывал эти речи и никак не мог достигнуть той точности, к которой стремился.

— Сократ любил Платона? — спросил Мехмед.

— Телесной близости между ними не случилось, — ответил Андреас. — К тому времени, когда они повстречались, Сократ уже состарился. Его возраст составлял больше шестидесяти, а Платон был очень молод, но это не значит, что не было любви.

Принц призадумался, а затем сказал:

— Значит, они друг друга не любили.

— Не любили? Почему? — с интересом спросил Андреас и даже изумился: «Надо же! Я ещё ничего не успел рассказать, а у мальчика уже есть суждение».

Меж тем принц уверенно пояснил:

— Я думаю, учитель, что они были просто друзьями, ведь друзья тоже хотят быть вместе, но не так, как влюблённые. Вот если бы они... как ты сказал... сблизились, тогда это считалась бы любовь, а так это дружба.

— Значит, по-твоему, всё просто? — продолжал спрашивать учитель, но теперь мальчишеские суждения не занимали, а скорее забавляли его. — Если привязанность привела к телесному сближению, тогда это любовь? А если не привела, то дружба?

— Да, — кивнул Мехмед. — Друзья не сближаются, а влюблённые всегда сближаются, если им не мешать. И они не настоящая пара, пока не сблизились.

— То есть ты полагаешь, что близости между друзьями быть не может, а любовь без близости — не любовь?

Мехмед кивнул, совсем не ожидая подвоха, так что молодой грек не удержался и тихо засмеялся:

— Ах, мальчик, как же мало ты знаешь!

На лице принца появилось озадаченное выражение. Он, конечно, доверял учителю, но услышанное противоречило всему, что Мехмед успел узнать в жизни — Андреас видел это ясно.

— Но как тогда различаются дружба и любовь!?! — воскликнул Мехмед, совсем позабыв, что об этом лучше говорить тихо.

Андреас приложил палец к губам и глазами указал на закрытые двери класса, поэтому ученик уже шёпотом, но с прежней запальчивостью продолжал:

— Учитель, я не понимаю. Ты говоришь странно, ведь если мы видим двоих, которые ходят вместе и в разговоре согласны друг с другом, то говорим «они друзья». А когда мы знаем, что они ещё и спят вме... то есть у них телесная близость, мы говорим «они не друзья». Разве не так? Это уже не дружба, даже если сами двое твердят, что лишь дружат.

Произнося это, Мехмед явно вспоминал некую историю, которая происходила у него на глазах, и потому грек, чтобы убедить мальчика, оказался вынужден признаться:

— Я могу поведать тебе о своём опыте, и он противоречит тому, что ты сейчас говоришь.

Принц всё больше недоумевал.

— Одно время я жил в Афинах, — начал рассказывать Андреас. — У меня там были и, надеюсь, остаются друзья, то есть такие люди, которые понимают меня и имеют сходные интересы. Мои друзья не считают грехом и преступлением ту любовь, которая может возникнуть между двумя мужскими началами.

— Этих друзей много? — настороженно спросил мальчик.

— Нет, всего несколько.

— А кто они? — продолжал спрашивать Мехмед, но настороженность так и не ушла. Неужели, ученик ревновал?

Желая убедить мальчика, что повода для ревности нет, Андреас заговорил непринуждённо:

— Двое из них — учителя, как я. Ещё один — просто богатый человек, который может жить на доходы с имений и не думать о заработке. Есть также поэт. И ещё один мой друг занимается торговлей. Как видишь, всего пять человек, и эти пятеро не приняли бы в свой круг никого случайного. Они долго присматривались ко мне, прежде чем сделать меня шестым в их собрании. И с тех пор оно не пополнялось. Нас было всего шестеро.

— Среди твоих друзей есть юноши? — Мехмед нахмурился.

— Нет, мои друзья либо одного возраста со мной, либо старше.

Принц кивнул, больше не задавая вопросов. Известие о том, что среди друзей учителя все очень взрослые, сразу успокоило ученика. Теперь Мехмед не ревновал и просто слушал, а учитель продолжал рассказывать:

— Случалось, что мы собирались все вместе или по двое, чтобы поговорить и выпить вина. Случалось, мы говорили о Сократе и сожалели, что живём в иное время, ведь даже во времена Сократа, несмотря на его печальную судьбу, мы могли бы не скрывать свои особые пристрастия, а сейчас можно довериться лишь друг другу. Доверие особенно важно, когда тело из-за воздержания начинает бунтовать. Вот почему случалось, что если двое из нас вели уединенную беседу, то понимали, что могут..., - грек задумался, чтобы подобрать слово помягче, — друг другу помочь.

Мехмед наморщил лоб:

— Учитель, это значит... Ты говоришь про... сближение?

— Да.

— А как это происходило?

Вот уж чего четырнадцатилетнему мальчику не следовало знать! Конечно, в общих чертах он знал — слышал где-то, ведь на улицах многие люди, далёкие от подобных дел, рассуждают об этом в весьма грубой форме. И всё же дополнять такие знания Андреас не собирался.

— Не спрашивай о подробностях, — ответил учитель. — Это не важно. Я просто хотел сказать тебе, что всё, что я делал со своими друзьями, а они — со мной, само по себе не значит ничего. Это не любовь. Да, это грех народа Лута. Но не любовь. То есть не то, о чём ты хочешь знать. Я и мои друзья не чувствовали, что влюблены друг в друга. Сколько бы мы ни... сближались, мы так и оставались друзьями, и для нас были ценнее наши беседы, а отнюдь не то действие, которое эти беседы прерывало.

Последние фразы Андреас произнёс громче, уже не считая свою речь непристойной, но принц по-прежнему оставался задумчивым, будто пытался представить себе пресловутое «сближение»:

— Учитель, а почему для тебя это, — он сделал особенное ударение на последнем слове, — было не важно? Почему?

Андреас пожал плечами:

— Потому что в друзьях мы ценим одни качества, а в тех, в кого влюбляемся, ценим другие. Даже если друг на время берёт на себя роль возлюбленного, он всё равно остаётся другом. От друга мы ждём, прежде всего, понимания, поддержки в трудную минуту, а не благосклонного взгляда и не поцелуя, — учитель мечтательно улыбнулся. — И вот ответ на твой вопрос, как различается дружба и любовь. В дружбе и любви мы хотим разного. Конечно, влюблёнными тоже ценится понимание и поддержка, но главное для них — видеть рядом предмет своей любви, обменяться взглядами, улыбками, прикоснуться. Для друзей это второстепенно. Зато друзья испытывают грусть, если им не о чем говорить. Они чувствуют, что дружба разваливается. А вот для влюблённых диалог не так важен. Влюблённые могут и помолчать, находясь рядом, и не тяготятся этим. Спроси себя, что для тебя первостепенно, и ты поймёшь, которое из двух чувств поселилось в твоём сердце.

— А как различить, если я хочу понять не себя, а других? — спросил Мехмед. Он, наверное, опять вспомнил ту историю о двух «друзьях», которую наблюдал со стороны, а его озадаченное выражение лица по-прежнему забавляло учителя.

— Ты станешь понимать, когда сам познаешь любовь, — снова улыбнулся Андреас. — Полюбив хоть раз по-настоящему, ты получишь особое зрение и, видя неких двоих на улице, сразу сможешь сказать: «Вот те двое любят друг друга, а вот этих связывает лишь дружба».

Мехмед поверил не вполне:

— Учитель! — воскликнул он, но тут же начал говорить тише: — Почему тогда у меня нет уверенности в том, что я видел? Я вспоминаю то, что видел, и сомневаюсь.

— А ты уже любил? — серьёзно спросил Андреас.

— Я люблю, — ответил мальчик и замолчал, не решаясь признаться, что любимый им человек сейчас сидит рядом, но эта нерешительность лишь радовала учителя, потому что слова о любви, сказанные прямо, лишь усложнили бы положение. Позавчера вечером Мехмед тоже почти проговорился Андреасу о своих чувствах, спрашивая: «Как мне тебя любить и не оскорбить?» — но если бы прозвучало прямое признание, Андреас вынужден был бы возразить, что мальчик ещё сам не знает, о чём ведёт речь.

Впрочем, грек всё равно это сказал, глядя на смущённо потупившегося ученика:

— Тебе ещё много предстоит узнать о любви прежде, чем ты сможешь сказать «я люблю» или «я любил».

— Нет, я знаю, что такое любовь, — возразил ученик. — Знаю, потому что знаю, чего хочу, и к чему стремлюсь.

— Да? — молодой грек продолжал оставаться серьёзным и пытался понять, усвоил ли мальчик хоть что-нибудь из недавних объяснений.

Меж тем Мехмед, которого не особенно смутил даже рассказ об особенных друзьях Андреаса, теперь вдруг покраснел. Принц сглотнул, избавляясь от кома в горле, а затем, справившись с собой, вполне спокойно ответил:

— Учитель, ты сам сказал, что от тех, кого любим, мы ждём благосклонного взгляда и... поцелуя. Я этого жду.

«Как видно, мальчик ничего не понял, — с некоторой досадой подумал Андреас. — Я ему про то, что сблизаться физически — не главное, а он только этого и ждёт. Он, должно быть, думает, что раз я не собираюсь допускать ничего физического, значит, не хочу и, следовательно, не люблю. Отсюда и робость. Мальчик слишком боится услышать, что не любим, а иначе, наверное, сам бросился бы мне на шею». И всё же учитель не терял надежду втолковать ученику, что платоническая любовь это сейчас лучше, чем погружение в страсти:

— А если ты не получишь поцелуя, то любовь, которую ты испытываешь, исчезнет?

Принц задумался:

— Не получу?

— Да, представь, что поцелуи невозможны, как и сближение. А теперь скажи, перестанешь ли ты любить.

Мехмед, должно быть, вспомнил свои недавние рассуждения о том, что любовь без близости совсем не та, но теперь, когда любимый человек спрашивал: «Разлюбишь ли ты меня?» — принц не мог ответить: «Разлюблю».

— Учитель, я всё равно не перестану любить, но...

— Что «но»?

— Зачем любовь без...!? — принц опять говорил громче, чем следовало, поэтому учитель произнёс:

— Тише, мой мальчик.

Мехмед опасливо глянул на двери класса, а затем повернулся к Андреасу и повторил уже шёпотом:

— Зачем любовь без поцелуев?

— Лучше я объясню тебе это на примере Сократа, а не на собственном примере, — ответил грек и извлёк из-за пазухи небольшую книгу, которую мальчик уже видел у него в руках позавчера, но, очевидно, не запомнил её. — У Сократа был ученик, юноша по имени Алкивиад, очень способный и к тому же красивый внешне. Думаю, история этих двоих тебя многому научит.

Молодой грек почти сразу нашёл нужную страницу и, теперь усевшись рядом с Мехмедом, ткнул пальцем в строчку:

— Вот, прочитай отсюда и остановись, когда речь Алкивиада закончится. Если встретишь незнакомые слова, спроси меня.

Поскольку книга была греческой, принц начал по привычке читать вслух:

— Сократ любит красивых, всегда стремится побыть с ними... — он поднял глаза на учителя и удивлённо спросил по-турецки: — Откуда эта книга? Из дворцовой библиотеки?

— Не думаю, что в дворцовой библиотеке такая есть, — ответил Андреас. — Это одна из книг Платона, про которого я тебе говорил. Читай дальше. Не обязательно вслух.

Мехмед начал сосредоточенно читать, уже не произнося слов. Пальцем по строчкам мальчик не водил, но выражение лица вполне ясно показывало учителю, о чём сейчас читает ученик. Рука мальчика дрожала, когда он переворачивал страницу, чтобы начать читать следующую. Конечно, при чтении попадались незнакомые слова, но Мехмед позабыл о них спрашивать. Чтение захватило его.

Этого следовало ожидать, ведь Андреас предложил своему ученику почитать один из самых занятных отрывков в Платоновых сочинениях — похвальную речь Алкивиада Сократу. Алкивиад рассказывал о том, как был влюблён в Сократа, и как хотел подарить ему себя, но Сократ отверг это, чтобы показать, что телесная близость не значит ничего, несмотря на то, что Алкивиад был красив и юн.

Не случилось даже поцелуя, и потому Алкивиад не смог до конца понять поступок Сократа, затаил обиду, хоть и старался победить это в себе. Даже произнося похвальную речь, Алкивиад признавался, что обижен, и всё же искренне восхищался Сократом — особенно в той части своей речи, где рассказывал о военном походе, в котором участвовал вместе с этим человеком.

В одном из сражений Сократ спас Алкивиада — вынес его раненого из боя, а когда среди военачальников зашла речь о том, кого надо наградить по итогам сражения, то Сократ не хотел получать награду и настаивал, чтобы её получил Алкивиад. Сам же Алкивиад считал, что недостоин.

— Как жалко, — вздохнул Мехмед, когда окончил чтение.

— Что жалко? — спросил учитель.

— Жалко, что Сократ не любил Алкивиада, — опять вздохнул мальчик.

— Нет, любовь была, — возразил учитель. — Сократ сам говорит об этом.

— Где? — удивился Мехмед.

Андреас перелистнул несколько страниц назад и ткнул пальцем в строчку:

— Вот здесь. Чуть ранее того места, с которого я просил тебя начать чтение. Сократ говорит, что с тех пор, как полюбил Алкивиада, вынужден претерпевать много обид из-за его ревности.

Мехмед обрадовался:

— Значит, они всё-таки...

— Нет, — опять возразил учитель. — Между ними этого не случилось.

— Почему? — в который раз за сегодня спросил мальчик.

— А почему это обязательно должно было случиться? — лукаво спросил Андреас и уже серьёзно продолжал. — Любовь — не только потребность тела, но и потребность души. Когда любовь становится только потребностью тела, это печально.

— Почему? — опять спросил Мехмед.

— Потому что в этом случае любовь теряет почти всю свою красоту, — терпеливо объяснял учитель.

— Почему? — снова спросил Мехмед.

— Любовь прекрасна потому, что преображает человека. Особенно красиво это проявляется в отношении учителя с учеником. Ученик стремится развивать себя, чтобы быть более достойным своего учителя, и в этом стремлении ученик прекрасен. Согласись, что Алкивиад прекрасен, когда искренне восхваляет Сократа вопреки чувству обиды на него. Скажу тебе больше — Алкивиад по характеру был упрям и гневлив, но стремился совладать со своим характером из любви к учителю. Разве это не прекрасно? А разве не прекрасен Сократ в своей бескорыстной заботе об Алкивиаде? Но если бы Сократ получил в награду за свою заботу даже один поцелуй, то забота не была бы бескорыстной и, следовательно, не была бы прекрасной.

Мехмед глубоко задумался, а учитель начал надеяться, что принц попытается примерить всё это на себя, поставить себя на место Алкивиада.

Наконец, Андреас решился спросить:

— Теперь ты понимаешь, мой мальчик, что для учителя и ученика, если они любят друг друга, даже поцелуй вовсе не обязательны? Я уже не говорю про остальное...

— Учитель, но почему те, кто любит друг друга, не должны сближаться, если даже между друзьями это бывает? — спросил принц.

Этим вопросом он несколько расстроил учителя, причём Мехмед и сам заметил, что на лицо учителя набежала тень, поэтому поспешил оправдаться:

— Учитель, если ты сам делал это, значит, это хорошо. Ты не мог поступать плохо. Не знаю, почему у меня вырвалось «грех народа Луга». Учитель, такие слова не подходят к тебе.

— Благодарю, что думаешь так, — улыбнулся Андреас, — но в словах о грехе всё же есть доля истины, потому что грех, по сути, проявление слабости. То, что я делал с друзьями, я делал лишь потому, что не вполне властен над своим телом. Иногда оно приказывает мне, что делать, а не я приказываю ему, и это слабость. Меня извиняет только то, что в таких случаях я думал не только о своих нуждах, но и о пользе для своих возлюбленных. В нынешние времена, когда любовь между двумя мужскими началами считается грехом, лучше довериться другу и разделить с ним тяжесть греха, чем возлагать хоть часть такой тяжёлой ноши на возлюбленного.

— У тебя были возлюбленные? — спросил Мехмед. Он опять ревновал.

— Были, — спокойно ответил Андреас. — Конечно, были, ведь мне уже двадцать девять лет. Почему у меня не может быть прошлого?

Принц успокоился, поняв, что прошлое осталось в прошлом:

— Учитель, а кого ты любил? — спросил он. — Они были похожи на меня?

— Некоторые — да, — ответил Андреас, — Они, как и ты, были моими учениками, но с теми, кто был подобен тебе, я не переступал черту. Если возлюбленному совсем мало лет, то пусть останется чистым и невинным. Так для него лучше.

— А почему возлюбленный не может сам решать, что ему лучше? — многозначительно произнёс Мехмед.

— Потому что он неопытен и не видит возможных последствий, — снисходительно улыбнулся молодой грек и задумчиво добавил: — Я уже говорил тебе, что даже во времена

Сократа к любви между мужскими началами относились по-разному. Её не всегда одобряли. А теперь я скажу тебе больше — Сократ, отказавшись от телесной близости с Алкивиадом, сделал так ещё и потому, что не хотел бросать на своего возлюбленного тень. Если возлюбленный всегда на виду, то даже малейшая тень окажется замеченной, а Алкивиад находился на виду, потому что был воспитанником весьма могущественного человека.

Принц насторожился и, похоже, теперь всё-таки начал сравнивать себя с Алкивиадом.

— Ты ведь знаешь, что Сократ жил в Афинах, — продолжал рассказывать учитель, — а Алкивиад был воспитанником, почти приёмным сыном Перикла, которого с некоторыми оговорками можно назвать правителем Афин.

— Алкивиад был приёмным сыном правителя? — это обстоятельство явно приобрело для Мехмеда глубокий смысл.

— Да, — кивнул Андреас. — Поэтому хорошенько обдумай историю Алкивиада и Сократа.

— Я обдумаю, учитель.

На этом разговор о Сократе окончился, хотя время поговорить ещё оставалось. Урок должен был завершиться примерно через четверть часа, но Андреас больше не рассказывал о запретных вещах, ведь эти рассказы мог случайно подслушать слуга, который по окончании каждого часа заглядывал в комнату и напоминал, что пришло время для следующего занятия.

Вместо разговоров о запретном ученик и учитель теперь сидели бок о бок и вместе читали греческие стихи, как делали недавно — месяц назад. Мехмед старался прочитать без единой запинки, а Андреас одобрительно улыбался, если у мальчика получалось. Теперь между ними всё стало, как раньше... и в то же время по-другому.

* * *

Учительские объяснения, которых Мехмед с волнением ждал, стали невероятно счастливым событием и вместе с тем разочаровали. Принцу хотелось, чтобы в те минуты, когда он находился рядом с Учителем, Этот Наставник сделал бы нечто большее, чем просто провёл пальцами по щеке. Было мгновение, когда Мехмед даже подумал, что вот-вот исполнится мечта. «Сейчас Учитель меня поцелует», — но это не исполнилось, а затем Учитель сказал, что поцелуя не случится, даже если есть взаимная любовь.

Как же всё стало запутанно и сложно! Раньше Мехмед полагал, что любовь не обходится без внешних, всем известных проявлений, а теперь получалось, что обходится, поэтому принц чувствовал себя обманутым. Оказывается, Учитель обещал не совсем то, чего ученик хотел. Даже поцелуев не обещал!

К тому же Учитель не признался прямо, что полюбил своего ученика, и усомнился в том, что любовь ученика настоящая. «Чего же я добился?» — спрашивал себя Мехмед, но весь день после разговора чувствовал на коже щеки странное покалывание, как если бы

пальцы Учителя по-прежнему касались её.

Вечером принц даже не хотел умываться, чтобы ощущение не исчезло, но слуги настаивали, и тогда Мехмед подумал, что потеря будет небольшой. Завтра ожидалась новая встреча с Учителем, и Учитель, пусть даже не признался бы в любви, но уже не оказался бы холоден, и, значит, ученик мог надеяться, что будет одобрительное похлопывание по плечу или случайное соприкосновение рук. Это, конечно, мало, но лучше, чем ничего.

В голове принца вертелся вопрос: «Неужели мы никогда не будем по-настоящему вместе? Никогда?» Это казалось так печально, и такими грустными казались последние слова в речи Алкивиада, где тот утверждал, что не только сам пострадал от пренебрежения со стороны Сократа, но и другие юноши пострадали тоже. Алкивиад назвал имена ещё двух несчастливых юношей, и даже кого-то третьего предостерёг.

Мехмеду захотелось прочитать речь Алкивиада не с той строчки, на которую указал Учитель, а с самого начала, чтобы лучше понять, кто же третий юноша. Судя по всему, Алкивиад, когда произносил похвальную речь Сократу, почти перестал быть учеником. Сократ нашёл себе другого ученика, и вот этого другого Алкивиад предупреждал, чтобы новый возлюбленный Сократа не питал напрасных надежд.

«Неужели Учитель так жесток, хоть и кажется добрым? — спрашивал себя принц. — Неужели Учитель нарочно пробуждает любовь в других, но Сам никого не любит?» Однако принц помнил, что Учитель особенно упирал на то обстоятельство, что Алкивиад был воспитанником местного правителя, почти приёмным сыном.

«Разве этому правителю понравилось бы узнать про своего воспитанника и Сократа? — размышлял Мехмед. — Может, если бы Сократ сделал с Алкивиадом то, чего Алкивиад хотел, Сократа казнили бы за «развращение юношей» гораздо раньше? Неужели Алкивиад не понимал этого? Наверно, он думал только о себе».

Четырнадцатилетний Мехмед вдруг представил, что вот он, стоя рядом с Учителем, держит Его за руку, и вдруг появляется стража, хватает Учителя и уводит прочь, чтобы казнить, как того дервиша, а Мехмед, как ни цепляется за учительскую одежду, ничего не может сделать. И всё же, как ни боялся принц нечаянно погубить Учителя, не мог отказаться от своей мечты — мечты о поцелуе и о том, что следует после.

«Я хочу, и я добьюсь! — думал принц. — Наверное, придётся идти окольными путями, но я дойду до цели». Учитель и раньше намекал, что прямых путей лучше избегать, а теперь объяснил, почему — идти напрямик слишком опасно даже в мелочах. Наверное, поэтому Учитель не хотел никаких признаний в любви, но саму любовь не отвергал и даже поощрял её в тех случаях, когда она проявлялась исподволь.

Например, Учителю нравилось, что ученик стремится говорить по-гречески. Все греческие слова, выученные Мехмедом, для которого этот язык был неродным и весьма сложным для усвоения, означали «люблю», но это тайное значение понимал лишь Учитель,

а остальным людям казалось, что принц просто преуспел в греческом. Вот если бы для поцелуя можно было найти подобную форму, со стороны не кажущуюся проявлением греха!

* * *

Новой встречи с Учителем Мехмед ждал так же нетерпеливо, как ждал предыдущую, но на следующее утро Учитель почему-то повёл себя холодно — не стремился говорить об Алкивиаде и Сократе, не хотел узнавать, есть ли у ученика новые вопросы. Сидя рядом, на коврах, Учитель избегал смотреть Мехмеду в глаза, то есть явно чувствовал неловкость — как будто вчера сделал с учеником что-то неподобающее, а теперь жалел об этом. Опять всё шло не так, как ожидал принц! Опять!

Мехмеду стало досадно, однако он и сам чувствовал что-то странное — как если бы «телесное сближение» с Учителем уже случилось и не принесло ожидаемой радости. Вместо неё было лишь чувство непонятной вины, но принц решил не задумываться об этом и, чтобы победить сомнения, схватил правую руку Учителя, прошептав по-турецки:

— Скажи — теперь всё не как раньше, правда? Ты и дальше будешь рассказывать? Рассказывать о том, что я хочу знать.

— Дальше? — послышался спокойный ответ. — Честно говоря, я сомневаюсь, не сказал ли тебе чего-нибудь лишнего — того, о чём тебе рано слушать.

— Учитель, мне уже четырнадцать! Я взрослый.

— Ты — мальчик, — Учитель мягко высвободил руку из руки Мехмеда, но вовсе не затем, чтобы провести подушечками пальцев по щеке ученика или сделать что-то другое похожее. Просто высвободил.

Принц растерялся, поэтому больше не спорил. Вместо возражений он смог лишь повторить просьбу:

— Учитель, Ты обещал всё объяснить. Всё. А я понял ещё не всё. Поэтому объясни мне снова про ту любовь, где нет поцелуев и остального.

Учитель насторожился:

— Значит, что-то из сказанного мной вчера осталось для тебя непонятным?

Мехмед смутился, потому что задал вопрос лишь затем, чтобы говорить с Учителем о любви. Хотя бы просто говорить. Без признаний, объятий, поцелуев. «Если уж Учитель всего этого не хочет, то пусть будут только разговоры, — решил принц. — Пусть будет хоть что-нибудь!» Ему вдруг опять подумалось, что тонкая нить, связавшая его с Учителем, снова может оборваться. Вчера она вроде бы стала крепче, а сегодня оказалось наоборот.

Именно об этом Мехмед решил спросить:

— Вот есть любовь. Но как её укрепить, если нельзя поцеловать того, кого любишь, и если всего остального тоже нельзя?

— Любовь укрепляется, когда ученик стремится стать лучше, а учитель помогает ему в этом, — прозвучал спокойный ответ. — Я говорил тебе вчера, но, наверное, слишком мало.

Ученик должен развивать себя, постигать то, чему обучает учитель. А ещё лучше, чтобы ученик постигал и другие науки. Тогда развитие будет разносторонним. Ученик станет более достойным человеком, а учитель с радостью увидит такую перемену. Однако это не означает, что ученик становится другим. Он остаётся самим собой, просто развивает те способности и таланты, которые в нём заложены. Ученик раскрывается, как цветок раскрывает лепестки, и тем самым доказывает свою любовь.

«Доказывать... — досада Мехмеда, которая появилась в начале урока из-за внезапной холодности Учителя, теперь стала сильнее. — Разве я не доказал, когда научился говорить на чужом языке? Этого мало? Неужели я должен доказывать каждый день!? Неужели никогда не смогу успокоиться и просто стать счастливым!?»

Понимая, что Учитель не хочет прямых признаний, Мехмед спросил обиняками:

— Учитель, я ведь уже хорошо говорю по-гречески? Правда? Разве мои успехи ничего не значат?

— Повтори это по-гречески, — попросил Учитель.

Мехмед с некоторой запинкой повторил. Он разволновался, поэтому греческие слова, как назло, не вспоминались сразу. И всё же ученик повторил, без ошибок, а Учитель, внимательно вслушиваясь, ответил:

— Произношение у тебя неплохое. И ты уже можешь выстроить фразу, которую не продумывал заранее, но тебе ещё есть, чему учиться. Давай постараемся сделать так, чтобы ты мог говорить без запинок.

Принц всё больше досадовал. Он стремился говорить о любви, а Учитель вместо этого предлагал провести урок греческого языка. Вот почему Мехмеду захотелось сказать что-нибудь резкое, обидное. Пусть он боялся обидеть Учителя, но и держать обиду в себе не мог, поэтому вдруг произнёс, опять по-турецки:

— А разве учитель не должен тоже доказывать, что любит ученика? Как ученик может понять, что учитель не притворяется?

Мехмед удивился сам себе: «Почему я не додумался спросить этого раньше!? Почему я один должен стараться? Пусть Он постарается тоже!»

— Притворяется? А зачем? — Учитель как будто не понимал намёка и по-прежнему сохранял спокойствие, но принц почувствовал, что нашёл слабое место, на которое можно надавить. Теперь Мехмед не просил любви, а требовал доказательств, что она есть!

— Мало ли, зачем, — с вызовом произнёс он. — К примеру, если этого учителя нанял отец ученика, то учитель может притворяться из-за денег. Притворяться, чтобы задобрить ученика, и чтобы ученик лучше учился.

Принц полагал, что заставит Учителя призадуматься, но Наставник лишь улыбнулся и заговорил по-гречески, то есть на языке правды, которая идёт от самого сердца:

— Да, притворство из-за денег вполне возможно. Но тогда учитель будет давать ученику

лишь те знания, за которые получает плату, а если ученик станет просить больше, учитель откажет, ссылаясь на разные обстоятельства. То есть, если учитель не отказывает в знаниях, то доказывает свою любовь. Или этого мало?

Мехмед насупился, а Учитель будто не замечал его досаду и злость, говорил мягко, причём всё так же по-гречески, показывая свою искренность:

— Этого мало?

«Да! Мало!» — хотел выпалить принц, но сдержался, вдруг вспомнив о несдержанном Алкивиаде, и сам начал успокаивать себя: «Если б Учитель меня не любил, то не раскрыл бы свою тайну. Вместо этого были бы уроки греческого — уроки, за которые обещана плата. Учителю за то, что он даёт мне тайные знания, не заплатят. Его лишат головы, если узнают, но Учитель всё равно не отказывает мне».

— Так что же? Этого доказательства мало? — не отставал Учитель, но в то же время давал понять, что ни объятиями, ни поцелуями ничего доказывать не собирается. Если ученик потребует новых доказательств любви, они окажутся такими же, как первое, логическими.

— Этого достаточно, — со вздохом произнёс Мехмед по-гречески и уже почти смирился, что логику Учителя не победить, но тут снова вспомнил прочитанный вчера отрывок — слова Алкивиада о том, что у Сократа были другие ученики.

А ведь Учитель тоже упоминал о своих «возлюбленных», то есть о прежних учениках! Конечно, сейчас у Учителя не было никого кроме Мехмеда и не могло появиться. Но если бы Учителю позволили, он завёл бы себе других?

В стихах о любви между мужчиной и юношей — в стихах, вызывавших у Мехмеда столько восхищения! — у мужчины всегда был только один возлюбленный. Только один! И никто другой даже не упоминался. Юноши не состязались меж собой за любовь мужчины, будто наложницы в гареме. Нет! Мужчина любил только одного, других не замечал, и тем горше показалась мысль, что Учитель может поступать иначе. А если Учитель может так поступать, то любит ли?

— А такое возможно, что у учителя не один ученик, а сразу несколько? — по-турецки спросил принц.

— Да, — последовал спокойный ответ по-гречески.

Очевидно, Учитель пока не понял, как новый вопрос связан с предыдущими. С стороны могло показаться, что Мехмед просто не в настроении и спрашивает первое, приходящее в голову, лишь бы потянуть время и не заниматься греческим.

— А учитель может любить их всех сразу? — продолжал по-турецки спрашивать Мехмед.

Кажется, теперь Учитель всё понял, потому что положил Мехмеду руку на плечо, заглянул в глаза, и взгляд лучился теплотой:

— Один ученик всегда особенный, самый любимый, — это опять было сказано по-гречески.

Под этим тёплым взглядом досада принца начала таять, но сомнения остались, и потому Мехмед упрямо продолжал говорить по-турецки, хотя мог бы на языке Учителя:

— А как учитель докажет наиболее любимому ученику, что любит его больше всех?

— Такому ученику достаётся больше всего внимания, — по-гречески ответил Учитель. — Будь у меня другие ученики здесь, стало бы сразу видно, кого я ценю больше.

С этими словами Учитель убрал руку с плеча Мехмеда, но продолжал смотреть ласковым тёплым взглядом, и принц опять еле удержался от того, чтобы не говорить слишком прямо. Трудно стало совладать с собой, но теперь он говорил на турецком языке из-за волнения, а не из упрямства. На греческом слишком трудно казалось подобрать слова:

— А если ученик хочет стать для учителя особенным, что нужно делать?

— Я уже объяснял, — это было произнесено с лёгкой усталостью и уже по-турецки, но всё так же без раздражения.

Казалось, Учитель готов повторить это столько раз, сколько нужно. Хоть тысячу! И вот опять повторил:

— Ученик должен показать учителю, что слышит его, понимает, полностью согласен и хочет неуклонно следовать по указанному пути. Знаешь, как Сократ нашёл себе одного из учеников? Просто подошёл к нему на улице и спросил, как пройти на городской рынок. Будущий ученик указал направление, и тогда Сократ спросил: «А каким путём идти к истине и добродетели?» Будущий ученик растерялся, и тогда Сократ сказал: «Иди за мной, я покажу». Это очень важные слова, потому что ученик всегда должен следовать за учителем по указанному пути. Только так. Никаким другим образом особая близость между учителем и учеником не достигается. Если ученик не согласен с учителем и выбирает другую дорогу, они не станут близки.

— Учитель, Ты говоришь про телесную близость? — спросил Мехмел.

— Нет, — Учитель покачал головой, — я говорю про духовную, но и телесная близость между учителем и учеником не возникает, если нет близости душ. Я не просто так дал тебе прочитать рассказ Алкивиада о Сократе. Там есть ответы на все твои вопросы. Ты ведь помнишь, как Алкивиад думал о своём учителе? Алкивиад надеялся, что с помощью своей внешней красоты сможет обрести власть над Сократом, крутить им и вертеть, как хочет. Но разве такой человек как Сократ мог попасться в подобные сети?

Сети, верёвки... Получалось, что Учитель избегал прямо говорить о любви не только потому, что прямота опасна — он не хотел подпасть под власть своего ученика, и оттого вёл себя как котёнок, который охотно следует за тобой из комнаты в комнату, но сопротивляется, если начинаешь водить его за собой на верёвке. Значит, Учитель тоже чувствовал нить, связавшую Его с учеником, но не желал, чтобы ученик тянул за неё. Поэтому Учитель не допускал, чтобы она окрепла.

Ещё недавно Мехмед недоумевал, почему нельзя просто любить друг друга. Почему, когда двое вместе, им нужно ещё к чему-то стремиться? Зачем ученику изучать науки, набираться ума, когда он может просто дарить свою любовь учителю? Почему учитель не может просто принять её?

Прямых ответов по-прежнему не было, но ведь Учитель сказал: «Ты должен поверить мне, не усомниться ни в одном слове», — и теперь Мехмед подумал: «Я действительно должен верить». Принц вдруг понял, что иного выбора нет — или веришь и делаешь то, что тебе говорят, или всё закончится ничем. Пусть всё происходит не так, как ты ожидаешь, но с этим придётся смириться. Иначе не случится совсем ничего. Совсем. А это худший исход из всех возможных!

Получалось, что Алкивиад так и не понял этого. И не поверил Сократу, так что всё делал по-своему. Сократ хотел, чтобы Алкивиад следовал за ним вперёд, а Алкивиад стремился оставаться на месте. Он был упрям! Да, это было то самое упрямство, про которое говорил Мехмеду его Учитель ещё давно, когда только уговаривал изучать греческий.

Досада принца исчезла без следа. Снова захотелось идти вперёд, к поставленной цели — заслужить поцелуй и всё остальное. Принц глубоко вздохнул... и несмотря ни на что решился говорить прямо! Он подался вперёд, даже чуть приподнялся с ковра и произнёс по-гречески, лишь краем сознания отмечая, что говорит с ошибками:

— Учитель, я люблю Тебя. И не могу молчать об этом. Ты сомневаешься, что моя любовь настоящая? Но со временем Ты согласишься. А я не стану пытаться соблазнить Тебя так, как Алкивиад пытался это сделать с Сократом. Я покорю Тебя по-другому. Ты увидишь, что я действительно способный ученик, который хорошо усваивает книжную мудрость, а не только воинское дело. И тогда, возможно...

Мехмед не договорил, испугавшись собственной смелости, но Учитель, могший рассердиться на эту прямоту, не рассердился, а рассеянно улыбнулся и сказал:

— Посмотрим.

Тогда Мехмед снова осмелел и по-гречески, пусть и с ошибками, продолжал:

— Я не как Алкивиад. Я всё понял. Алкивиад не делал то, что Сократ ему советовал. Алкивиад любил делать по-своему и не видел, что из-за этого отдаляется от Сократа. А ещё этот ученик думал, что может наградить Сократа только... телесным удовольствием, но ведь Сократ хотел другой награды — хотел, чтобы ученик преуспел в науках. Вот, что стало бы счастьем для Сократа! И если бы Алкивиад дал ему почувствовать такое счастье, то, возможно, Сократ сам наградил бы Алкивиада так, как Алкивиад хотел. Да? Учитель, ведь Ты ждёшь от меня того, чего ждал бы Сократ? Ждёшь потому, что любишь?

И снова Учитель не рассердился на эти прямые вопросы. Лицо Учителя оставалось задумчивым, рассеянная улыбка сохранялась, но во взгляде появилось нечто новое. Учитель смотрел на ученика не просто одобрительно, а восхищённо!

Мехмеду даже показалось, что всё сон. Никто никогда не смотрел на принца так, и не

говорил взглядом: «Ты самый прекрасный на свете». Это ощущалось странно, но настолько приятно, что подобный взгляд невозможно было выдержать долго.

Мехмед смущённо потупился, но тут же снова глянул на Учителя исподлобья, проверяя, не исчезло ли восхищение.

А Учитель всё смотрел и взглядом говорил: «Как долго я искал тебя! И вот, наконец, нашёл». Мехмед даже не удивился, когда руки Учителя потянулись к нему. Так, неуверенно, тянется человек к сокровищу, когда опасается, что оно лишь привиделось. Учитель положил руки принцу на плечи, будто хотел убедиться, что видит человека, а не джинна, который способен принять любое обличье, прельстить, а затем исчезнуть.

— Учитель, что с Тобой? — спросил принц, чтобы победить в себе новый приступ смущения. Вопрос прозвучал, как вчера, когда ученик с нетерпением ждал начала беседы и не понимал, почему Учитель задумчив, и беседа никак не начнётся.

Эх, наверное, Мехмеду стоило хранить молчание, потому что вопрос, как и вчера, заставил Наставника очнуться. Если Он и собирался что-то сделать, то передумал. Учительские ладони безвольно скользнули вниз по плечам Мехмеда, затем — по предплечьям и, наконец, перестали касаться ученика вовсе.

— Мой мальчик, ты всё верно понял. Ты даже не представляешь, насколько верно. Как мне выразить это? Я бы обнял тебя сейчас, но твоя спина... тебе будет больно.

Мехмед, чтобы не упустить последнюю возможность стать чуть-чуть ближе к Учителю, сам кинулся к Нему, крепко обнял за шею, прошептал по-гречески:

— Ты меня любишь? Скажи прямо. Скажи.

— Да, я тебя люблю, — по-гречески ответил Учитель, — и потому не сделаю ничего, что может тебе навредить. Это ещё одно доказательство моей любви, хоть ты и не просил нового, — схватив Мехмеда за запястья, Он заставил ученика разомкнуть объятия и почти силой отстранил от себя. — Мы больше не должны делать так. Я не стану делать этого ради тебя, а ты не делай этого ради меня, чтобы нам не искушать друг друга, ведь это нас погубит.

Часть IV Праздник

Андреас давно такого не испытывал — любовь, отягощённую сомнениями. Казалось, благодаря своему опыту учитель мог видеть ученика насквозь, но когда любишь сильно, то зрение будто притупляется и с каждым днём туманится всё больше.

Сомнения появились не сразу. Поначалу Андреас просто радовался, что мальчик стал учиться лучше, ведь теперь принц хотел преуспеть не только в изучении греческого языка, но и в других науках.

— Учитель, ты не обидишься, если я попрошу заниматься со мной не греческим, а математикой? — однажды произнёс принц, сильно смущаясь, но задал вопрос по-гречески. — Мне очень нужно преуспеть в математике, но я плохо её понимаю.

Андреас согласился объяснить, а поскольку Мехмед сам не мог толком сказать, чего не понимает, греку пришлось поговорить с учителем математики — грузным арабом. Тот охотно жаловался, хоть и отметил, что с некоторых пор Мехмед перестал сбегать с уроков, однако прежнее небрежение ученика к предмету сказывалось, так что задачи по геометрии принцу не давались.

Выслушав араба, Андреас составил для принца упражнения, и теперь вместо того, чтобы заниматься греческим языком, тратил свой час на то, чтобы вычислить длину основания очередного многоугольника, площадь окружности и так далее.

Молодому учителю уже приходилось делать подобное. В Константинополисе, только начав подрабатывать уроками, он подтягивал успеваемость ученикам, отставшим по тому или иному предмету, да и позднее часто занимался тем же, так что с Мехмедом всё удалось.

— Благодарю, учитель, — сказал принц, но теперь беспокоиться из-за своих успехов в астрономии, поэтому Андреас отправился слушать жалобы седобородого коллеги-турка:

— Ох, для принца вся карта звёздного неба, будто горох, рассыпанный на полу. Он путает созвездия и не понимает законов движения звёзд.

«Что ж. Подтянем и тут», — подумал молодой грек. Правда, вначале ему пришлось самому освежить знания по астрономии, но в итоге принц тоже разобрался в предмете.

— Учитель, — восторженно говорил Мехмед, — как жаль, что я не могу изучать все науки с тобой.

Так говорили и прежние ученики Андреаса, а учитель знал, в чём причина появления такой восторженной любви к учёбе. Он не мог не радоваться и всё же был вынужден спустить своего ученика с небес на землю:

— В изучении Корана я не смогу тебе помочь.

Оказалось, Мехмед и сам озабочен этим, но такая перемена взглядов на Коран выглядела странной, даже подозрительной, ведь отношения с муллой у принца были куда хуже, чем с остальными учителями. Вряд ли Мехмед устал получать побои. Но что же заставило мальчика измениться?

На все осторожные расспросы Андреаса ученик отвечал:

— Учитель, ты ведь сам говорил, что я должен стремиться стать лучше во всём, чему меня обучают.

То есть Мехмед уверял, что следует совету Андреаса, но грек слишком хорошо помнил события минувшего лета, когда дал Мехмеду совет стать прилежнее в изучении Корана. Принц попробовал и получил шесть ударов палкой. Так почему же теперь снова хотел угодить мулле?

Мальчик явно переступил через свою гордость. Но ведь это не совершается просто так. «Неужели, — думал Андреас, — за свой поступок принц попросит особую награду, которая идёт вразрез с этикой и здравым смыслом? И ведь придётся отказать, а мальчик поймёт, что гордость принесена в жертву напрасно, и очень огорчится. Может, даже разочаруется в любви». Молодой учитель постоянно пытался вспомнить, не позволил ли себе случайно какую-нибудь вольность: «Возможно, я сам своим поведением дал ученику повод надеяться на нечто безрассудное?» — однако ничего не приходило на память кроме намерений, которые Андреас так и не осуществил.

Мехмед изменился в лучшую сторону — это видел не только Андреас, но и все обитатели дворца — и как же трудно стало молодому греку скрывать своё особенное восхищение принцем и способностями принца, которые только раскрывались. Как же трудно стало удержаться, чтобы не поцеловать Мехмеда хотя бы в лоб! Даже такого поцелуя, поцелуя без страсти, теперь следовало избегать, как и объятий.

С другими учениками Андреас позволял себе больше, но с этим учеником, узнавшим об особых склонностях учителя, уже не мог допустить такого. Принц истолковал бы это превратно — как приглашение к физической близости.

И вот тогда, когда больше всего тревоги вызывала боязнь проявить чувства, у Андреаса появился другой повод для тревог и сомнений, которые отравили жизнь по-настоящему. «А не обманываю ли я себя? — начал думать грек. — Любит ли меня этот мальчик так, как мне бы хотелось? Возможно, для него всё происходящее не так серьёзно, как для меня. Да, он клялся мне в любви, но клятвы в его возрасте легко нарушаются! Вдруг для него это лишь игра? Вполне может случиться, что он повзрослеет и решит, что его влечение ко мне — детские глупости, о которых лучше забыть, чтобы начать жить, как все, то есть увлекаться женщинами. Я даже не знаю, что им движет сейчас. Может, мне только кажется, что принц хочет угодить мне?»

Тревога появилась после очередной краткой беседы с учителем географии — ехидным гегуэзцем. И вот угораздило же Андреаса заговорить с ним! Следовало пройти мимо, не

генуэзец будто нарочно подловил своего коллегу в коридоре дворца:

— Добрый день. Как прошёл ваш урок?

— Добрый день, — кивнул Андреас и непринуждённо спросил: — Не правда ли, принц стал учиться лучше? Особенно в последние полтора месяца.

Учитель греческого ожидал, что учитель географии, наконец, признает принца умным и способным учеником, однако генуэзец лишь улыбнулся:

— Ничего удивительного.

Андреас сначала почувствовал недоумение, а затем уже собрался возмутиться таким ответом, но генуэзец пояснил, по обыкновению ехидно:

— Сейчас зима. Помнится, три года назад, когда принц Мехмед тоже жил здесь, в Манисе, мы наблюдали нечто похожее. Когда наступила зима, принц начал учиться лучше, потому что появилась веская причина. До середины зимы он будет хорошим учеником, а затем опять станет прежним сорванцом.

— И что за причина была три года назад? — спросил грек.

— Верблюжьи бои, — ответил генуэзец. — Бои среди одногорбых верблюдов. Это состязание устраивают неподалёку от здешнего города каждый год в январе. Большой праздник, который собирает множество народа. Прежде всего, местную знать, ведь именно богачи являются владельцами верблюдов, принимающих участие в этом. Принц Мехмед начал учиться лучше, потому что хочет поехать на праздник, однако боится, что многоуважаемый мулла в качестве наказания запретит.

— Но ведь принц Мехмед считается наместником Манисы, — заметил Андреас. — Пусть обязанности наместника на самом деле исполняет другой человек, умудрённый годами, но во время праздников он не может заменить принца. Ведь так? Если на праздник собирается вся знать, принц Мехмед обязан там быть. Думаю, отсутствие принца не останется незамеченным и вызовет толки.

— Да, — невозмутимо ответил генуэзец, — но мулла всегда может объявить, что принцу нездоровится, а праздник длится меньше недели. То есть к тому времени, когда принцу, якобы нездоровому, станет лучше, праздник закончится. Принц очень боится, что мулла скажет так. Это очень действенный способ заставить принца Мехмеда взяться за учёбу. Мне даже жаль, что верблюжьи бои устраиваются только раз в год. Ах, как было бы легче жить всем нам, если б состязания проводились раз в три месяца. Наш ученик учился бы куда лучше!

Андреас не подал вида, что расстроен. Лишь оказавшись у себя в комнатах и плотно закрыв двери, он растерянно присел на софу, а затем уронил голову на руки — настолько тяжёлые были мысли: «Неужели, всё и вправду объясняется так просто? Неужели принц стал учиться хорошо из-за каких-то верблюдов, а вовсе не из-за меня? А я-то уже себе намечтал!» Думать о том, что ты любишь ученика гораздо больше, чем он любит тебя, было очень грустно.

Прошла уже треть зимы — тридцать хмурых и туманных дней, и всё это время Андреас тосковал по Афинам. Конечно, на Пелопоннесе зима тоже была хмурой, но всё же не такой. Да и не в погоде таилась главная причина грустных мыслей. В Афинах у молодого учителя были друзья, и если он испытывал затруднения с учениками, то мог поделиться сомнениями с другом, посоветоваться, а здесь, в Манисе нёс тяжёлую ношу сомнений сам, один.

Андреас поймал себя на том, что ревнует принца ко всем другим наставникам — даже к мулле Гюрани, и чем более довольными становились эти наставники, тем грустнее становилось молодому греку, пусть он и напоминал себе, что неправ, и что должен радоваться успехам мальчика.

Радоваться получалось не всегда. Не получилось и в то утро, когда Андреас, по обыкновению наблюдал, как мулла выходит из «класса» — главный наставник выглядел очень весёлым, самодовольно улыбался, и это означало, что занятие прошло отлично. Более того — Ахмед Гюрани посмотрел на Андреаса с лёгкой насмешкой, как если бы говорил: «Не ты один можешь заставить нашего сорванца учиться. Я тоже могу».

Огорчало и то, что Мехмед выглядел таким же весёлым, как мулла, если не веселее. Принц, чуть подпрыгивая, ходил по комнате из угла в угол.

Молодой грек вдруг почувствовал, что бессилён противостоять влиянию тех условий, в которых живёт принц — здесь всё способствовало тому, чтобы Мехмед выучился угождать перед учителями, изображать покорность. «Принц стал лицемерить. И не так уж важно, делает ли он это из-за меня или из-за верблюдов», — подумал грек. Вот почему он не хотел даже улыбнуться, глядя на счастливого Мехмеда.

«Это ревность, и она нашёптывает мне, что мой ученик испортился, — уверял себя молодой учитель. — А ведь на самом деле всё иначе. Если принц оставил привычку спорить, это не значит, что он стал лицемером. Ведь со мной Мехмед уже давно не спорит. Что же плохого в том, что он перестал спорить ещё и с муллой?»

Когда двери «класса» закрылись, Андреас всё-таки заставил себя улыбнуться и спросил: — Ну что? Сегодня у нас урок греческого языка, или объяснить тебе другой предмет? — однако принц не ответил. Он в одно мгновение подлетел к Андреасу и лукаво улыбнулся: — Учитель, я тебе сейчас такое расскажу!

Радостный ученик даже хотел обнять учителя, но сдержался и начал торопливо объяснять:

— Я не говорил раньше, потому что не знал, сумею ли сделать так, чтобы мулла на время перестал сердиться. Но я сумел. Мулла доволен и сказал, что препятствий нет.

— Препятствий для чего?

На лице мальчика сохранялась лукавая улыбка. Он жестом предложил Андреасу присесть, сам сел на ковры и продолжал:

— Учитель, скажи правду. Тебе в Манисе скучно?

— Да, — признался Андреас. — Если я не занимаюсь с тобой и не готовлюсь к будущим занятиям, мне почти всегда скучно. Даже когда я выхожу в город, это не помогает развлечься.

— Вот-вот, учитель, — подхватил принц, — поэтому я хочу, чтобы ты повеселился. Тебе будет очень весело — обещаю. Даже когда всё закончится, ты будешь ещё долго об этом вспоминать и, значит, ещё долго скучать не будешь.

— Да? — молодой грек уже начал догадываться, о чём речь — о верблюжьих боях, упомянутых генуэзцем. Вот почему Андреас засомневался, что веселье станет незабываемым. Он не любил подобные вещи, и пусть ни разу не видел верблюжьи бои, но видел петушинные и собачьи. Ни то, ни другое не показалось весёлым.

— В Мание есть особое развлечение, — меж тем рассказывал Мехмед. — Каждый год в середине зимы здесь устраивают бои среди одногорбых верблюдов — большой праздник.

«Да, я и так думал», — отметил про себя грек, и эта мысль отразилась на его лице настолько явно, что принц нахмурился:

— Тебе уже рассказали?

— Немного.

— Эх, что ж такое! — Мехмед досадливо хлопнул себя по коленям. — Могу я сделать хоть что-то так, как задумал!? Почему все вмешиваются!?

— Мне не рассказали почти ничего, — поспешил ободрить ученика Андреас. — Я знаю лишь то, что верблюжьи бои тебе очень нравятся. Один твой учитель сказал мне, что ты стал лучше заниматься, поскольку хочешь поехать посмотреть на верблюдов, и что мулла может запретить поездку, если будет тобой недоволен. Мне сказали, что три года назад случилось что-то похожее — ты своей хорошей учёбой заслужил себе право на развлечения.

Принц ехидно хихикнул, а лицо его посветлело, и вернулась прежняя радость:

— Учитель, я стал лучше учиться, потому что хочу поехать на верблюжьи бои с тобой. С тобой! Три года назад всё было по-другому, потому что мулла в то время ещё не стал мне врагом, так что я легко покорился. А сейчас это стало для меня очень трудно. Я уже не покорюсь только ради того, чтобы поехать на праздник. Я сделал это ради тебя, учитель.

Андреас, казалось, забыл все свои недавние рассуждения о том, что у лицемерия нет оправданий:

— Ради меня? — у грека даже голос дрогнул от волнения, а Мехмед продолжал:

— Учитель, я хочу поехать с тобой. Без тебя мне там нечего делать. Я не смогу веселиться, если буду знать, что ты здесь во дворце скучаешь. Ты должен поехать, ведь тебе понравится. Верблюжьи бои нравятся всем. Даже люди, которые не любят крови, смотрят с удовольствием, потому что верблюды во время боя не ранят друг друга. Они просто меряются силой, стремятся придавить друг друга к земле. И иногда кусаются, но редко. Обычно они просто толкаются и стараются навалиться один на другого, а исход боя не ясен до самого конца, потому что верблюд, на которого навалился другой, может вдруг распрямиться, и тогда тот, кто считался почти победителем, опрокинется и проиграет. Это очень интересно наблюдать.

— Я верю тебе, мой мальчик, — Андреас тоже повеселел. — Теперь, когда ты так

интересно мне рассказал, я очень хочу поехать и посмотреть. А в который день начнётся праздник?

— Через несколько дней. В этом месяце, в начале второй декады, — ответил Мехмед и вдруг замялся: — Учитель, не всё так просто.

— В чём дело?

— Учитель, я хочу, чтобы ты поехал, но мулла может не захотеть, — проговорил принц, всё больше смущаясь и опуская глаза. — Ты ему не нравишься. Он спросил меня недавно, кто для меня лучший учитель — он или ты. И я сказал, что он. Я солгал, — Мехмед быстро взглянул на Андреаса и снова потупился. — Учитель, ты не сердишься? Я сделал так ради тебя, чтобы мулла был доволен. Иначе из моей затеи ничего бы не вышло. А ещё я солгал, когда согласился с муллой. Он сказал, что выбил из меня лень и упрямство, а я ответил ему, что это правда. А ведь это неправда! Я лгал.

«Всё-таки угодничает и лицемерит», — подумал Андреас. Ему снова стало грустно, но теперь он уже сам не знал, считать ли поведение принца признаком испорченности. Всё очень запуталось.

— Учитель, ты не сердишься? — с надеждой спросил Мехмед.

Как видно, угодливость по отношению к мулле далась ему нелегко, поэтому молодой грек, чуть подумав, решил не осуждать ученика:

— Нет, мой мальчик, не сержусь. Конечно, я мог бы сказать тебе, что лгать не следует никогда, но бывает, что нас вынуждают. Мне тоже в своё время приходилось лгать, а если бы я никогда не обманывал, то сейчас, наверное, был бы мёртв. Главное, чтобы ты не начал лгать без веской причины. Если ты начнёшь делать так, это будет очень плохо. А ещё хуже будет, если начнёшь лгать самому себе. Никогда не лги себе. Самому себе всегда говори правду.

Принц приободрился, а затем на его лице снова появилась лукавая улыбка:

— Учитель, ты всегда так хорошо говоришь. Всегда знаешь, что сказать. Прошу тебя, придумай, как уговорить муллу. Надо, чтобы он разрешил тебе поехать, но я боюсь просить его об этом. Я не знаю, что делать, если он ответит «нет». Учитель, придумай, как нам всё устроить.

«Ну, вот. Теперь я тоже вовлечён в сомнительные дела. Тоже придётся угодничать», — сказал себе Андреас, но эта мысль почему-то начала его забавлять и не давила на совесть. Молодому учителю опять передалось весёлое настроение ученика. Теперь совесть показалось не угодничеством, а отказом участвовать в затее.

«В конце концов, мальчик так хорошо учился и теперь достоин награды. К тому же, он не просит ничего, что шло бы вразрез со здравым смыслом. Надо уступить. Иначе у ученика пропадёт желание учиться», — решил грек, а вслух произнёс:

— Хорошо. Я постараюсь что-нибудь придумать.

Мехмед был так доволен!

— Учитель! — воскликнул он. — Я верю, что ты придумашь! А если нет, то знай — я никуда без тебя не поеду. И мне незачем будет лгать мулле. Я скажу ему, что плохой из него учитель. Это правда. И пусть он лопнет от злости!

«Тогда снова начнётся наказание палкой. Значит, я должен спасти мальчика от этого», — подумал Андреас и повторил обещание:

— Я очень постараюсь найти решение.

Предвкушая поездку на праздник, Мехмед больше не мог сидеть на месте. Он вскочил и начал крутиться на месте, подпрыгивая на правой ноге. Мальчик был так прекрасен в своей искренней детской радости! И в то же время забавен.

— А ты не позабыл об учёбе? — смеясь, спросил молодой учитель. — Какой сейчас урок?

— Урок греческого языка, — ответил принц по-гречески. Мальчик перестал крутиться и прыгать, снова уселся напротив Андреаса на ковры, а затем вдруг спросил: — Учитель, я ведь знаю достаточно слов, чтобы читать большие книги? У меня есть одна на примете.

— Что за книга? — спросил Андреас тоже по-гречески.

— Она называется «Поход Александра». Её сочинил Арриан.

Книга об Александре Македонском, про которую говорил Мехмед, изначально была написана на латыни, а не по-гречески, ведь её автор являлся римлянином, но, возможно, принцу где-то попался греческий перевод.

— Откуда тебе известно об этой книге? — спросил Андреас.

— Я читал её по-гречески с другим, прежним учителем, которого ты заменил, — признался принц. — Мне понравилось. Мы читали её, так как в Коране сказано, что на Александре была милость Аллаха.

— Значит, эта книга должна храниться в дворцовой библиотеке, — ответил Андреас. — Я сегодня же поищу этот том, а пока Расскажи мне по-гречески, что ты уже знаешь об Александре.

* * *

Затянутое серыми облаками небо протянулось от края и до края широкой жёлто-зелёной равнины, обрамлённой волнистой линией далёких гор, еле проступавшей в туманной дымке. Тут и там были разбросаны небольшие селения, окружённые полями, но основное пространство занимали пастбища, на которых виднелись стада белых и чёрных овец. Город под сенью исполинской вершины остался позади, а дорога уводила всё дальше.

Андреас, восседая на гнедом коньке, ехал вслед за большими повозками, нагруженными так, что нагромождения скарба, укрытого старыми коврами, почти не давали возможности рассмотреть, что делается впереди. Рядом шагали слуги, а вокруг этого каравана сомкнулась

цепь вооружённых всадников — охрана принца.

Сам принц верхом на дымчато-сером породистом жеребце ехал впереди повозок, а сопровождал мальчика вездесущий мулла Ахмед Гюрани на вороном коне, ведь Мехмед мог покидать дворец только под присмотром своего главного наставника.

Андреас старался не показываться мулле на глаза, поскольку отправился на верблюжьи бои без его ведома. Так посоветовал сделать главный распорядитель дворца, и грек внял этому совету — весьма мудрому.

Пусть Андреас не любил врать, но был довольно-таки искусен в интригах и именно поэтому решил обратиться за помощью к главному распорядителю. Формально грек лишь просил совета в «затруднительном деле», но главный распорядитель почти сразу понял свою выгоду и выбрал правильную сторону в этой игре — сторону принца, будущего правителя, а не сторону муллы Гюрани, чья власть неминуемо закончилась бы со смертью нынешнего султана.

— Почтеннейший господин, — говорил Андреас, стоя перед главным распорядителем, по-прежнему восседавшем на зелёном тюфяке, — прошу не отказать мне в совете. Этот совет мне очень важен, ведь я во дворце — человек новый и неопытный.

— Чтобы дать совет, я должен знать хотя бы общую суть дела, — невозмутимо ответил престарелый чиновник.

— Почтеннейшему господину, конечно же, известно, что вскоре принц поедет смотреть на верблюжьи бои, которые устраиваются недалеко от города, — продолжал Андреас с нарочитым смущением. — Так вот принц пригласил меня тоже поехать, но поскольку я, будучи учителем, подчиняюсь многоуважаемому мулле, то, наверное, мне следует спросить у муллы разрешение на такую поездку.

— Да, тебе следует, — ответил чиновник, пока ещё не понимая, что от него требуется.

— А если я не получу разрешение? — спросил Андреас. — Честно говоря, я опасюсь этого, но очень не хочу огорчать принца, который ожидает, что я буду сопровождать его. Вот, в чём моё затруднение. И я был бы очень признателен, если бы получил совет, как сделать так, чтобы принц не оказался огорчён.

— Ну, ещё бы ты не хочешь огорчать принца! — улыбнулся главный распорядитель. — Весь дворец знает, что принц удостоил тебя своей дружбы.

Эти слова не стали для Андреаса неожиданными, ведь молодой учитель постоянно задумывался о том, как выглядят его отношения с учеником со стороны. «Мальчики не умеют быть скрытными — растущую привязанность к учителю не спрячешь, но её можно представить как простую дружбу, а сторонние наблюдатели охотно поверят», — он не раз повторял это себе в Манисе, ведь подобная уловка не раз выручала этого учителя прежде.

Ученики, с которыми Андреас имел дело прежде, все смотрели на учителя влюблёнными глазами. Восторг любви испытывали даже самые обычные мальчишки, не имевшие склонностей, однако никто из окружающих этого не замечал. Даже родственники. Они просто говорили, что ученик с учителем подружились. Так сказал и дворцовый

распорядитель.

— Я очень ценю эту дружбу, — совершенно искренне ответил грек, а его собеседник, наконец, сообразив, как должен себя вести, произнёс:

— Что ж, я дам тебе совет. Поскольку поездка на верблюжьих бои не является частью обучения, тебе не обязательно спрашивать разрешения. Конечно, следовало бы, но это не обязательно.

— Благодарю, почтеннейший господин, — Андреас поклонился, — я всецело полагаюсь на этот совет, данный опытным человеком.

— Я скажу, чтобы тебе дали коня для этой поездки, — продолжал дворцовый чиновник. — И также скажу слугам, что они должны кормить тебя и устраивать на ночлег в одном из шатров принца.

— Благодарю, почтеннейший господин, — Андреас снова поклонился.

— Однако не советую тебе сердить многоуважаемого муллу, — строго предупредил распорядитель. — Если он, увидев тебя, повелит тебе вернуться, тебе придётся вернуться немедленно. Не вздумай спорить с ним и уж тем более ссылаться на меня. Оказывать тебе покровительство я не намерен.

— Ещё раз благодарю почтеннейшего господина за совет и за помощь, — Андреас поклонился в третий раз.

— Я помогаю не тебе, а принцу, — сухо ответил чиновник. — Надеюсь, принц со временем оценит это.

И вот теперь молодой грек, восседая на коне, полученном по указанию главного распорядителя, следовал за повозками и, можно сказать, прятался за ними. Очень не хотелось возвращаться в город, не проведя на празднике ни часа. Вот почему Андреас на время поездки отказался от привычки носить светлое и облачился в чёрную одежду, нарочно купленную, чтобы не выделяться в толпе слуг. Лишь чёрная шапка с оторочкой из лисьего меха, надетая вместо чалмы, отличала грека от них.

Время от времени к Андреасу подъезжал Мехмед и, перекинувшись с учителем несколькими фразами, возвращался на своё место рядом с ничего не подозревавшим муллой. Принц коварно пользовался тем, что благодаря урокам воинского дела очень хорошо держался в седле, а мулла, обычно проводивший время за чтением, ездил гораздо хуже. Понимая, что неумелому всаднику трудно поднять коня в галоп, ученик то и дело срывался с места, а мулла даже не пытался ехать следом.

— Я сейчас вернусь! — кричал Мехмед и делал вид, что устал ехать медленно, поэтому объезжает свой караван, но на самом деле мчался в хвост каравана лишь затем, чтобы несколько минут побеседовать с учителем греческого.

— А что мы станем делать, когда приедем? — весело спросил Андреас по-гречески, когда мальчик в очередной раз подлетел к нему на резвом коне. — Я найду себе место в сторонке, а ты будешь убежать ко мне каждые полчаса?

— Может, и так, — весело улыбался Мехмед. — Поэтому, когда начнутся поединки верблюдов, не уходи далеко, будь поблизости от меня.

К вечеру серая пелена на небе начала рассеиваться. В прорехах между облаками показалось голубое небо, окрашенное золотым светом заходящего солнца.

Сумерки сгущались, но к тому времени принц и вся его свита уже добрались до места, где завтра должен был начаться праздник. Огромный шумный и пёстрый лагерь раскинулся посреди равнины, упираясь краями в ближайšie холмы, а в центре осталась большая огороженная площадка в форме почти правильного круга.

Андреас, внимательно выслушав все пояснения Мехмеда, уже представлял, как завтра с самого раннего утра на эту площадку начнут выводить верблюдов — не больше одной пары за раз, и пока поединок той пары не закончится, следующую не выведут.

Учитывая среднюю продолжительность поединка — не более четверти часа — нетрудно было подсчитать, что за один день могло состояться около двадцати пяти боёв. Кому с кем тягаться, определял жребий, но также существовало правило, что верблюд в течение дня может участвовать лишь в одном поединке.

Также со слов принца Андреас знал, что верблюды сами по себе считались весьма мирными животными. Лишь в середине зимы, когда начинался период размножения, самцы становились злыми, да и то не все. Большинство лишь проявляли беспокойство, не стремясь начать схватку. Вот почему воинственные верблюды считались особенными среди собратьев. Таких верблюдов растили отдельно и воспитывали специальным образом. Их желание меряться силой всячески поощрялось и поддерживалось. Самых воинственных очень ценили, как и их потомство, ведь победителем очередных состязаний обычно оказывался сын кого-то из прежних вояк.

А ещё принц рассказал, что верблюдов, дабы различать их во время поединка, обряжали в яркие попоны, и чем больше одна попона отличалась от других, тем считалось лучше. Нередко на попоне даже помещались имена предков верблюда, если эти предки были известными бойцами, но разобрать написанное могли разве что те зрители, которые находились ближе всех к ограде.

Мехмед, разумеется, прекрасно мог всё прочитать, ведь ему как наместнику Манисы полагалось сидеть возле ограды на почётном месте под навесом, и этот навес — зелёный — Мехмедовы слуги начали устанавливать ещё с вечера.

Под зелёной полотняной крышей устроили широкий и высокий помост, застланный коврами и рассчитанный на то, чтобы там могли усесться несколько человек, а пока челядь занималась установкой шатров принца, сам принц, усевшись под навесом на помосте, принимал знатных гостей, которые то и дело приходили выразить своё почтение.

Пришедшие надеялись, что получат приглашение завтра сесть рядом с Мехмедом, но тот

никого прямо не приглашал. Лишь иногда, если мулла, сидевший под тем же навесом, вмешивался и называл очередного гостя «очень достойным», наследник престола мог дать пришедшему надежду:

— Возможно, я приглашу тебя завтра для беседы, — однако слово «возможно» ни к чему не обязывало.

— Мехмед Челеби, будь милостив, — настаивал мулла, но принц повторял:

— Завтра посмотрим.

* * *

Церемония приветствий, которую скрытно наблюдал Андреас, обещала растянуться очень надолго, поэтому тайный наблюдатель отправился бродить по лагерю.

Теперь, когда сумерки совсем стусились, всё вокруг освещалось лишь кострами, на которых готовилось мясо, издававшее пряно-горелый запах, иногда перебивавшийся запахом дыма, пота и свежего помёта животных.

«Обычный лагерь восточных варваров», — подумал грек, но без неприязни. Такая обстановка привлекала его, как любая новизна привлекает путешественника. Да и как могло не нравиться Андреасу то, что нравилось Мехмеду!

Лагерь под открытым небом, куда принц так стремился последние недели, просто не мог вызывать у Андреаса отторжение. И, тем не менее, грек не чувствовал себя здесь своим человеком. Он ощущал себя чужестранцем, несмотря на то, что провёл в Турции первые восемнадцать лет жизни.

Андреас хотел бы сродниться с этой страной больше, но знал, что никогда не сможет. Греки и турки казались слишком разными. Лишь в отношении одного турка — умного и любознательного четырнадцатилетнего турка — Андреас питал надежду, что найдёт в нём родственную душу, и ради этого мальчика готов был предпринять очередную, пусть безнадёжную, попытку стать частью здешнего общества.

«Ради тебя, мой ученик, я попытаюсь», — думал Андреас, а в темноте смешаться с толпой и стать её частью казалось просто. На грека никто не обращал внимания. Все беззаботно трепали языками, смеялись, пели, и лишь тогда, когда он оказывался возле чьих-нибудь верблюдов, следовал настороженный вопрос:

— Тебе чего тут?

— Прошу прощения. Я просто иду мимо, — отвечал Андреас.

* * *

Ночевать греку пришлось в шатре вместе со слугами Мехмеда, поэтому не стоило беспокоиться, что нечаянно проспичь начало праздника. Андреас гораздо больше

беспокоился, как выполнить просьбу ученика, то есть быть поблизости от него, но не попасться на глаза мулле, однако оказалось, что и об этом думать не нужно.

Утром один из челядинцев вдруг подошёл к Андреасу, с поклоном подал воду для умывания и тихо произнёс:

— Принц велел позаботиться о тебе. Я отведу тебя в такое место, откуда хорошо видно, как сражаются верблюды.

Грек очень удивился, а затем обрадовался, но не за себя, а за принца: «Похоже, мальчик научился повелевать. Раньше слуги относились к нему как к несмышлёному подопечному и почти указывали, что и когда делать, а теперь он указывает слугам. Хорошо. Так и должно быть».

Конечно, здесь также чувствовалось влияние главного распорядителя, велевшего слугам заботиться об Андреасе и ничего не говорить мулле, но сам принц тоже приобрёл среди слуг авторитет — в этом не было сомнений!

«Умница, Мехмед. Умница», — мысленно повторял грек, а меж тем челядинец отвёл его к навесу, приготовленному для принца и муллы. С тыльной стороны этот навес теперь выглядел как обычный шатёр — зелёное полотнище спускалось до самой земли, а вскоре выяснилось, что такая же полотняная стенка есть с левой стороны, и вот там-то — возле левой стенки — кто-то поставил почти пустую телегу.

— Забирайся в телегу, господин. Садись, — сказал челядинец, расстилая на дощатом тележном дне тюфяк, извлечённый откуда-то из-под колёс. — Тебе будет удобно.

О! Это действительно оказалось удобно. Андреас ощутил себя почти так, как если бы сидел на помосте рядом с принцем. Вид на поле для боёв открывался отличный, но гораздо больше влекла зелёная полотняная стенка, находившаяся сбоку на расстоянии вытянутой руки. Хотелось заглянуть за эту завесу, ведь из-за неё доносился раздражённый голос Мехмеда и спокойный невозмутимый голос муллы.

Разобрать, что говорят, не получалось — настолько шумно вдруг стало вокруг. Гомон толпы перекрывался звуками дудок и барабанов, наигрывавших некую однообразную мелодию, а если в верблюжьей поединке наступал переломный момент, то мелодия в свою очередь заглушалась криками «ай-ай-ай-ай-ай!» и свистом.

Греку ещё никогда не доводилось видеть битву между животными, которые были бы настолько большими. Одногорбый верблюд из-за своего размера и телосложения казался горой, которая почему-то имеет голову на длинной изогнутой шее и умеет ходить. И вот Андреас из раза в раз наблюдал, как две мохнатые горы, плавно покачиваясь, движутся навстречу друг другу.

Вот погонщики свели их вплотную. Мохнатые противники стоят бок о бок, жуют жвачку, капая слюной на серый песок у себя под ногами, и тут один из верблюдов не

выдерживает и проявляет злость — например, пытается укусить другого за ухо. Другой ловко уворачивается, выгибая длинную шею, и в то же время начинает напирать на первого, идёт на него грудью.

Андреас и сам не заметил, как увлёкся необычным зрелищем — он забыл о зелёной завесе и следил, как кусачий верблюд не даёт себя толкнуть, уворачивается от противника, идущего вперёд. И вот оба верблюда опять оказались бок о бок, но ничего не предпринимают.

Первый, кусачий, снова пробует ухватить второго за ухо. Второй опять напирал грудью. Первый снова уворачивается — отходит в сторону, но не слишком удачно, потому что второй получает возможность положить свою шею поверх его шеи — там, где она соединяется с туловищем. Теперь второй верблюд пробует своей шеей придавить противника к земле. Если это удастся, то бой окажется выигран.

Первый верблюд, чуть согнув передние ноги, уводит свою шею из-под шеи второго. Верблюды напирал грудью друг на друга, но ничего не выходит. Второй снова кладёт шею на шею первому и пытается закинуть туда же правую ногу, чтобы надавить всей тяжестью своей туши. Первый уворачивается, опять пытается укусить за ухо, и ещё раз, и ещё.

Противники устали. Они движутся по кругу, оставаясь друг напротив друга. Наконец, второй опять кладёт свою шею на шею первому, но первый верблюд уже не пытается увернуться и отойти в сторону. Теперь он склонил голову ещё ниже и просунул её между передними ногами своего противника, под брюхо и идёт вперёд, будто хочет опрокинуть того навзничь. Оба верблюда напирал каждый со своей стороны, толпа зрителей издаёт дружное: «Ооооооооо!» Дудки и барабаны играют громче.

Противники переступают с места на место, но сохраняют всё то же положение. Это длится минуту, две, и вдруг второй верблюд, который рисковал опрокинуться навзничь, резко подгибает передние ноги. Голова первого верблюда, просунутая между ними, оказывается придавленной к земле, но это ещё не конец поединка, потому что задние ноги у обоих противников выпрямлены. Зады торчат к небу.

Придавленный верблюд пытается вырваться, но второй держит крепко — накрыл чужую голову своим брюхом, так что снаружи остался только нос, жадно вбирающий ноздрями воздух. Придавленный всё ещё не оставляет попыток вырваться, но силы его на исходе — отчётливо видно, как его задние ноги, всё ещё выпрямленные, дрожат от напряжения. И вот они подгибаются. Теперь придавленный верблюд лёг полностью, а второй, придавивший его — нет. Это означает, что второй — победитель.

Раздаются крики, свист. Дудки и барабаны начинают играть другую мелодию — такую же однообразную, но другую. К верблюдам подходят погонщики, чтобы растащить соперников. Поединок окончен.

Только теперь Андреас вспомнил о Мехмеде, но оказалось, что принц вспомнил о своём

учителя гораздо раньше. Молодой грек обнаружил рядом с собой двух слуг, один из которых держал в руках большое блюдо.

На блюде лежали пресные лепёшки, плод граната, а также изюм, курага, ломтики неких фруктов, сваренных в меду, и ещё какие-то сладости, а слуга, предлагая греку всё это, вполне ожидаемо произнёс:

— Господин, это прислал тебе принц со своего стола.

Второй челядинец держал в руках красивую чашку и небольшой кувшин. В кувшине был особый напиток из верблюжьего молока — на здешнем празднике все это пили — и теперь Андреасу тоже предложили отведать:

— Господин, это тоже для тебя. От принца.

Ах, если бы грек вдруг оказался на дворцовом пиру в Эдирне и получил подобные дары от самого султана, то обрадовался бы меньше, чем сейчас. Сидя на празднике в захолустном Манисском санджаке, и даже не на почётном месте, а в стороне от всех, на телеге, Андреас вдруг почувствовал, будто вознёсся на заоблачные вершины власти. Конечно, эта власть была необычной, но другую он и не желал. Андреас никогда не стремился сделать карьеру при турецком дворе, а вот повелевать сердцем будущего султана — о, да! И это, кажется, получалось.

Значит, принц не лукавил, когда говорил, что не сможет веселиться на празднике без любимого учителя. «Я увлёкся развлечением и забыл обо всём, а принц обо мне помнил», — сказал себе Андреас, и эта мысль показалась такой сладкой — слаще, чем все сласти на блюде, теперь поставленном рядом.

Заглянуть за зелёную завесу, находившуюся рядом, захотелось ещё сильнее, чем прежде.

* * *

Посмотреть, что делается на помосте за завесой, ничто не мешало. Пусть рядом с телегой толпилось несколько слуг Мехмеда, которые, пользуясь свободной минутой, тоже наслаждались зрелищем верблюжьих боёв, эту челядь не стоило стесняться, поэтому Андреас спрыгнул с телеги, дошёл до угла навеса, где боковое полотнище соединялось с полотняным задником, и преспокойно заглянул в небольшую щель между краями тканей.

Никого из манисской знати, которая настойчиво напрашивалась в гости вчера вечером, на помосте не было. Грек увидел только две спины: тонкую спину Мехмеда, обтянутую красным кафтаном, и широкую спину муллы, как всегда облачённого в чёрное. Принц и его главный наставник сидели на шёлковых подушках, лакомились угощением, разложенным перед ними на белой скатерти, и вели беседу.

Теперь стало возможно разобрать, о чём они говорят. Оказалось, всё о том же, что и вчера — мулла настоятельно просил пригласить на помост кого-нибудь из местной знати, но

принц по непонятной причине отказывался:

— Я приглашу их позже, — говорил он усталым голосом.

Главный наставник не отставал, а Мехмед раздражённо приказал ближайшему слуге:

— Налей мне.

Слуга взялся за кувшин — очевидно, всё с тем же напитком из верблюжьего молока — и хотел уже исполнить повеление, но Мехмед, отложив свою чашку-пиалу, капризно произнёс:

— Хочу чашку побольше. В этой всё слишком быстро заканчивается.

Покрутив головой в поисках подходящей посуды, принц взял большую миску с орехами, небрежно высыпал их все прямо на скатерть и повелел, подставляя пустую посуду:

— Налей сюда.

Повеление исполнили, а миска, наполнившись, сделалась тяжёлой, так что принцу было неудобно отпивать из неё, но он старался не подавать виду.

Андреасу вдруг показалось, что Мехмед что-то задумал. Очень странно выглядело то, что мальчик, крепко сжав миску в руках, отвернулся от муллы, сел к нему почти спиной и будто чего-то ждал. Благодаря тому, что принц пересел, молодой грек теперь видел лицо Мехмеда — тот в волнении кусал нижнюю губу. Явно что-то задумал. Но что?

А мулла всё не унимался:

— Мехмед Челеби, ты слышишь, что я говорю? Мехмед Челеби, повернись... Принц Мехмед!

Последние слова стали уже окриком, а Мехмед как будто этого и ждал. Он резко развернулся:

— Да, учитель..., - от резкого поворота жидкость, которая находилась в глубокой миске, разумеется, тоже пришла в движение. Добрая половина выплеснулась прямо на колени мулле! Главный наставник аж вскрикнул, вскочил, а белая густая жидкость теперь потекла вниз по полам его чёрного халата.

— Ах ты... — мулла схватил полотенце для рук, лежавшее рядом, начал витираться, слуги начали помогать, а Мехмед нарочито виноватым голосом повторял:

— Прости меня, учитель. Я нечаянно. Нечаянно.

Андреас, наблюдавший эту сцену, ни мгновения не сомневался, что принц сделал всё нарочно. Но зачем принцу понадобилось поступать так? Просто ради озорства? Нет. Ведь принц перед тем, как облить главного наставника, кусал губу. Если б решил просто пошалить, на лице шалуна появилась бы улыбка, а он совершал свою шалость так серьёзно, будто от неё зависело очень многое.

Лишь когда мулла отправился переодеваться, Мехмед вдруг повеселел, оставил миску, теперь полупустую, затем хихикнул и даже прищёлкнул пальцами от удовольствия, а в

следующее мгновение отодвинул зелёную завесу, отгораживавшую помост от телеги, где должен был сидеть Андреас:

— Учитель, ты где?

— Я здесь, принц Мехмед, — ответил грек и теперь поспешил к ученику.

— Учитель, я...

— Я всё видел. Зачем ты это сделал?

— Чтобы спровадить его, — принц лукаво улыбнулся. — Он вернётся не раньше, чем через четверть часа. Но, наверняка, провозится дольше.

— Ах, вот оно что! — молодой грек укоризненно покачал головой, но сердиться на своего ученика не мог, и ученик это видел.

— Учитель, иди сюда, — сказал принц. — Мы с тобой пока посидим вместе. Я хочу, чтобы ты сидел как почётный гость по правую руку от меня.

— И поэтому ты не пригласил никого из тех, кого предлагал тебе мулла?

— Да. Мой почётный гость на этом празднике — ты.

— А если мулла меня увидит?

— Слуги предупредят, когда он будет возвращаться.

Забираясь на помост, Андреас опять подумал, что Мехмед сумел взять власть над своими слугами. Челядинцы теперь помогали своему четырнадцатилетнему господину вместо того, чтобы докладывать о его проделках мулле. Неудивительно, что принц теперь сидел на шёлковых подушках гордо, расправив плечи, как подобает наместнику Манисы и будущему правителю Турецкого государства.

Впрочем, Мехмед всё так же оставался проказливой мальчишкой. Только что он царственным жестом указал учителю, куда сесть, а теперь вдруг сдёрнул шапку с головы Андреаса и озорно засмеялся:

— Учитель, хватит прятаться.

Молодой грек прятал под шапкой свои светлые длинные волосы, закрутив их в узел на затылке, а сейчас они, ничем не сдерживаемые, снова рассыпались по плечам.

— Теперь мулла сможет узнать меня даже издали, — серьёзно сказал Андреас, но Мехмед больше не хотел осторожничать:

— Учитель, забудь о нём хоть ненадолго, — принц отложил шапку подальше, чтобы учитель не дотянулся. — Ты угощайся. Здесь много всего вкусного. Давай смотреть на верблюдов. Возможно, мы успеем увидеть два боя, пока мулла не вернётся.

Без шапки Андреас почувствовал себя неудобно, ведь его теперь увидела вся манисская знать, подобно Мехмеду занимавшая лучшие места вокруг поля для боёв. Даже с противоположного конца поля можно было легко заметить, что рядом с принцем на почётном месте сидит не турок — светлые волосы ясно говорили об этом — и даже если бы Мехмед сейчас вернул шапку учителю, ничего бы уже не изменилось.

Молодой грек вспомнил собственные слова о том, что возлюбленный из-за неопытности обычно не предвидит последствий, то есть беспечен, но беспечность Мехмеда

вдруг передалась и Андреасу: «Будь, что будет, а эти минуты, которые мы проведём вместе на празднике — наши, и надо взять от них как можно больше».

* * *

Андреас и Мехмед, сидя рядом, весело смеялись. Грек, держа в руках пиалу с напитком из верблюжьего молока, наклонился к уху принца и прошептал:

— А может, мне тоже облить муллу? Посмотрим, сколько перемен одежды он взял с собой. Вдруг всего одну? Ты уже испортил одну переменную, а если я испорчу вторую, у него не останется чистой одежды, и он целый день просидит в своём шатре, ожидая, пока слуга постирает и высушит. А если у муллы нет терпения, и он сядет рядом с тобой в нестиранном, то будет вонять кислым молоком.

— Так ему и надо, — хихикал принц.

— Мой тебе совет, — продолжал Андреас, — если так сложится, вот тогда и пригласи людей, которые вчера напрашивались к тебе в гости. Пусть они придут и почуют, как пахнет от муллы.

Мехмед, запрокинув голову, громко хохотал, а Андреасу нравилось слушать, как ученик смеётся, хоть это и звучало не слишком мелодично. Мальчик уже достиг того возраста, когда ломается голос, то есть звенящая чистота детского смеха уступает место гоготанию, но учителю нравилось замечать, что ученик взрослеет.

— Вот тогда я их обязательно приглашу, — сквозь смех проговорил принц, и, будто в ответ на его слова, к помосту подошёл богато одетый турок средних лет, который со всем почтением поприветствовал Мехмеда, а затем поклонился Андреасу.

Грек был так удивлён поклоном знатного турка, что не сразу сообразил поклониться в ответ. Мусульманин, находясь в мусульманской стране, кланяется христианину! С чего бы? Наверное, потому, что христианин сидел на почётном месте рядом с наследным принцем, а пришедший турок хотел тоже заслужить благоволение принца и преуспел.

— Я помню тебя, — снисходительно произнёс Мехмед. — Тебя зовут...

— Йылмаз, мой господин, — услужливо напомнил турок.

— Да-да, Йылмаз-бей, — повторил Мехмед. — Ты явился о чём-то просить?

— У меня совсем не большая просьба, мой господин, — турок снова поклонился. — Не будет ли мне позволено посмотреть следующий бой, находясь подле тебя?

Принц недовольно сдвинул брови и, наверное, собирался сказать «я тебя не приглашал», но турок скромно добавил:

— В этом бое участвует Канкардэш, который принадлежит мне, и если...

— Ты — владелец Канкардэша? — настроение Мехмеда сразу переменилась, он весь просиял и обернулся к Андреасу. — Учитель, нам очень повезло! Это владелец Канкардэша! Канкардэш — очень сильный верблюды. Он всех победил три года назад.

— Я польщён, что мой господин помнит, — произнёс турок.

— Ты можешь сесть рядом со мной, — сказал принц, указывая на место по левую руку от себя.

Оно было не совсем свободно. Там лежала шапка Андреаса, про которую Мехмед уже забыл, поэтому молодой грек, чтобы Йылмаз-бей не почувствовал себя неловко, взглядом попросил его: «Передай ту шапку мне».

«Так это твоё? — так же взглядом спросил Йылмаз-бей. — Тогда возвращаю владельцу». Он взял шапку и отдал Андреасу, протянув руку за спиной у Мехмеда. Пальцы Йылмаз-бея и молодого грека соприкоснулись. Всего на мгновение и, кажется, случайно, но Андреасу вдруг вспомнилось одно очень давнее происшествие.

В то время он был ещё мальчиком, жил в отцовском доме в Эдирне и только-только осознал себя. Тринадцатилетний Андреас понял, что не таков, как все, но ещё не приобрёл никакого жизненного опыта и потому опасался, что никогда не встретит никого «такого же». Это чувство, когда ты один в огромном мире, угнетало, поэтому всякий раз, выходя из дома, Андреас жадно смотрел по сторонам, сам толком не зная, кого хочет увидеть.

Иногда хотелось просто выйти за ворота и идти вперёд, куда ноги несут, пока кто-нибудь не остановит и не спросит: «Мальчик, почему ты здесь один?». Малолетний Андреас представлял, как обернётся на слова незнакомца, посмотрит тому в глаза, и тот поймёт всё без слов, но, увы, отец никогда не отпускал своего младшего сына из дому одного. С Андреасом всегда ходил слуга, который то и дело тянул за руку: «Господин, куда ты смотришь? Пойдём».

И вот однажды, когда Андреас с отцовым слугой шли по шумной улице, примыкавшей к базарной площади, они увидели двух богато одетых турецких всадников. Всадники, остановясь прямо посреди улицы, о чём-то оживлённо беседовали и, казалось, не замечали, что мешают и прохожим, и повозкам, но одеяние собеседников было настолько богатым, что никто не осмеливался попросить этих двоих подвинуться.

Андреас и слуга подобно другим прохожим молча шли мимо, как вдруг один из всадников обернулся и посмотрел прямо на Андреаса, уже в то время считавшегося красивым — очень красивым светловолосым мальчиком.

Не зная почему, Андреас не смог отвести взгляд. Турок чуть улыбнулся, а затем вдруг произнёс: «Какая красота», — и даже поцеловал кончики пальцев своей правой руки, выражая восхищение.

«Пойдём-пойдём, господин», — испуганно зашептал отцовский слуга, и это заставило Андреаса опомниться. Он, несмотря на отсутствие жизненного опыта, вдруг ясно осознал, что играет с огнём. Следовало внять словам слуги — идти прочь, не оглядываясь — и Андреас так и сделал, но почему-то очень хотел оглянуться. Ему казалось, что он упускает единственную в жизни возможность стать самим собой.

Хотелось даже вернуться, заговорить с тем турком, и некий голос внутри будто подсказывал, что случится дальше — турок пригласит своего «юного друга» в гости, и там... Однако страх в глазах отцовского слуги подсказывал совсем другое. Ничем хорошим это не закончится. Турок не станет думать об удовольствии своего юного гостя, а просто воспользуется неожиданной удачей. Именно воспользуется, думая лишь о себе, а когда, наконец, вспомнит, что совершил преступление, чреватое если не судом, то неприятностями, турок захочет скрыть следы. И мальчик исчезнет. А заодно исчезнет и слуга мальчика. И неизвестно, где окажутся их бездыханные тела.

Помнится, малолетний Андреас, рассуждая так о незнакомом турке, сам себе не верил: «Почему он обязательно совершит подлость? А если он полюбит меня? Разве меня нельзя полюбить?» — однако голос разума повторял, что связываться с незнакомым человеком опасно, а спустя годы, набравшись опыта, Андреас понял, что всё закончилось бы печально в любом случае. Мальчик, даже если б его полюбили, не обрёл бы счастья, потому что потерял бы свободу. К нему отнеслись бы, как к женщине, а ведь женщина согласно турецким обычаям становится собственностью мужчины и не имеет права уйти, когда пожелает.

Вот и теперь, сидя на празднике рядом с принцем и Йылмаз-беем, Андреас думал о том же. Конечно, Йылмаз-бей был не тем человеком, встреченным в Эдирне много лет назад, но давнее происшествие почему-то вспомнилось.

* * *

Йылмаз-бей внешне был не особо примечателен. Мясистый нос, тяжёлые веки, густые брови, густая холёная борода. Разве что ладони у него были красивые, и Йылмаз-бей это знал, потому что во время разговора то и дело совершал изящное движение правой рукой, либо обеими, будто желал лишний раз показать их.

Пока не начался поединок верблюдов, этот турок на все лады расхваливал своего Канкардэша:

— Вот увидите, он заставит своего противника обратиться в бегство!

Неслучайно поле для боёв делалось таким большим — довольно часто случалось, что один из верблюдов не желал сражаться и убегал, а другой начинал преследовать его, и если бы поле не давало простора для бегства, удирающий верблюд мог сломать ограду и потоптать людей.

Кстати, Йылмаз-бей оказался прав. Канкардэш действительно обратил своего противника в бегство, и два верблюда бегали по полю довольно долго, а вслед за ними вприпрыжку неслась толпа погонщиков, которая размахивала руками и что-то кричала. Беготня выглядела очень смешно. Мехмед весело улыбался и похохатывал, каждую минуту оглядываясь на Андреаса:

— Смотри, учитель, смотри!

Всякий раз, когда принц поворачивался к учителю, становилось видно, что Йылмаз-бей тоже смотрит на молодого грека, и как-то очень дружелюбно, но Андреас не придал этому значения, потому что думал о своём ученике.

«Как же я доволен тобой, мой мальчик, — мысленно повторял молодой грек. — Ты научился наслаждаться любовью, в которой нет ничего физического. Ты, наконец, понял, как много плодов она может предложить, научился отыскивать их и вкушать. К примеру, вот мы сидим рядом на празднике, и счастливы, и нам больше ничего не нужно».

Увы, стоило только подумать о счастье, как его не стало, потому что явился один из слуг принца и с поклоном сообщил Мехмеду:

— Господин, он возвращается.

Андреас, тут же поняв, о ком речь, поспешно поднялся и, извинившись, хотел уйти, но Йылмаз-бей, не зная сути происходящего, выразил удивление. Этот турок видел лишь раздосадованное лицо Мехмеда, который с явной неохотой дал Андреасу разрешение удалиться.

Взмахнув руками, Йылмаз-бей воскликнул:

— Уважаемый учитель уходит? Как же так?

— Ты тоже можешь идти, — сказал принц этому турку, потому что не собирался ему ничего объяснять, однако Йылмаз-бей вдруг проявил неожиданную прозорливость.

Оглянувшись на приближающегося муллу, а затем на Андреаса, который уже слезал с помоста и готовился спрятаться за зелёной завесой, турок поклонился принцу и произнёс:

— Мой господин был так любезен, позволив понаблюдать за боем отсюда. Не будет ли мне позволено проявить ответное гостеприимство? Я приглашаю моего господина пойти со мной и посмотреть на всех моих верблюдов. И буду рад, если уважаемый учитель тоже пойдёт... или присоединится к нам позже, чтобы не попадаться на глаза нежелательным людям.

Досада Мехмеда тут же исчезла, но он, наверное, опасался, что мулла тоже выпросит себе приглашение.

Йылмаз-бей, оглянувшись на муллу, которому оставалось шагов двадцать до помоста, понимающе улыбнулся принцу:

— Многоуважаемого муллу я могу и не приглашать. Мы можем сейчас отправиться к моим шатрам, и я буду молчать, будто онемел. Даже если многоуважаемый мулла сам спросит меня, можно ли присоединиться к нам, я ничего не скажу, а мой господин может повелеть ему остаться здесь. Многоуважаемый мулла не станет упорствовать, потому что меня он хорошо знает. Он не увидит ничего плохого в том, что мой господин отправился ко мне в гости без сопровождения.

— А ты, оказывается, умный и ловкий человек, Йылмаз-бей. Мне нужны такие слуги, — сказал Мехмед и засмеялся.

Новый знакомый проявил по отношению к Андреасу необычайную любезность. Казалось, Йылмаз-бей обрадовался не меньше Мехмеда, когда молодой грек нагнал их обоих в толпе и протиснулся сквозь плотный строй слуг, которые, как положено, окружали высокопоставленных особ.

— Уважаемый учитель не попался на глаза нежелательным людям? — участливо спросил Йылмаз-бей.

— Кажется, нет, — ответил Андреас, кланяясь. — Ещё раз благодарю за приглашение.

— Друзья принца — мои друзья, — улыбнулся турок, — но всё же объясните мне, почему уважаемый учитель прячется от многоуважаемого муллы.

— Я благоволю учителю, а мулле едва терплю, — откровенно ответил Мехмед, — но мулле благоволит мой отец, поэтому у муллы есть власть над всеми моими учителями и отчасти надо мной. Лучше не сердить муллу, чтобы он не решил использовать свою власть.

— Я сделаю всё, что в моих силах, чтобы помочь вам, — Йылмаз-бей снова улыбнулся, а меж тем все трое уже оказались возле его шатров.

По обычаю этот турок сперва предложил гостям сесть за трапезу, но Мехмед сказал, что сначала хочет посмотреть верблюдов, а после не откажется и от угощения.

— Мы с учителем пробудем у тебя долго, Йылмаз-бей, поэтому всё успеем, — сказал принц.

— Оставайтесь, сколько пожелаете, — произнёс турок, и, судя по его поведению, это не была простая вежливость. Он действительно хотел задержать у себя гостей подольше. Но почему?

Андреас, которого поначалу терзали смутные подозрения, махнул на них рукой и решил просто радоваться неожиданной удаче. Вместо получаса он теперь мог провести на празднике рядом с Мехмедом почти полдня. «Это же прекрасно!» — сказал себе грек.

Меж тем нежданный благодетель показывал ему и принцу «свои сокровища». Боевые верблюды, вблизи казавшиеся ещё огромнее, чем издали, стояли друг от друга на почтительном расстоянии, чтобы не вздумали драться между собой. Каждого привязали за правую переднюю ногу к кольшку, вбитому в землю, а морды этих животных были закрыты особыми намордниками, напоминавшими плетёные корзинки.

— О, как они плюются! — смеясь, пояснил Йылмаз-бей.

— Можно их погладить? — спросил Мехмед.

— Лучше не надо к ним приближаться, мой господин, — ответил турок. — Но Канкардэша ты можешь погладить. Он уже дрался сегодня, поэтому незлой.

Мехмед с удовольствием гладил бурую косматую шерсть на верблюжьей шее:

— Хороший, хороший верблюд. Победитель, — повторял принц, а затем оглянулся на

Андреаса, стоявшего неподалёку. — Учитель, иди сюда, погладь его.

Молодой грек шагнул вперёд и почувствовал, как Йылмаз-бей лёгким движением зачем-то подтолкнул его в спину. Прикосновение могло что-то означать, а могло и не означать ничего, но Андреас смутился, а Мехмед истолковал это замешательство по-своему:

— Ну, что ты, учитель! Не бойся. Канкардэш сейчас смирный.

Принц был счастлив и беззаботен, а учитель не хотел портить ему веселье, но теперь от подозрений никак не получалось отмахнуться.

Уже сидя в шатре Йылмаз-бея и понемногу пробуя угощение, расставленное на белой скатерти, постеленной на ковры, Андреас с нарочитым спокойствием наблюдал, как хозяин шатра больше и больше завоёвывает доверие Мехмеда, а Мехмед рассказывает этому турку о своём учителе почти всё, что знает.

Так Йылмаз-бей узнал, что Андреас первые восемнадцать лет жизни провёл в турецкой столице, затем отправился учиться в столицу византийскую, много путешествовал по Пелопоннесу и, наконец, прошлым летом приехал в Манису, чтобы учить Мехмеда греческому языку.

— На этом языке говорил Искандер Двурогий, любимый Аллахом! — важно пояснил принц, под Искандером подразумевая Александра Македонского. — И теперь я тоже говорю на этом языке.

Йылмаз-бей кивнул и выразил сожаление, что не знает по-гречески ни одного слова, а Андреасу это почему-то показалось очень грустным. Он вспомнил, что когда-то все маниссские земли принадлежали грекам, и что в этих местах до сих пор можно увидеть развалины греческих построек. «А теперь в краю греков живут люди, которые не знают о греках ничего и даже не стремятся узнать», — подобная мысль и впрямь не радовала.

— Учитель, что с тобой? Почему ты грустный? — спросил принц, но Андреас не успел ответить, потому что в шатёр вбежал кто-то из слуг Йылмаз-бея, быстро поклонился и доложил:

— Многоуважаемый мулла здесь.

— Учитель, спрячься куда-нибудь, — в испуге произнёс Мехмед, но грек даже не успел встать.

Вслед за слугой в шатре появилась тёмная фигура в белой чалме. Мулла Гюрани, склонив голову, произнёс:

— Да простят меня за вторжение, но я беспокоился. Мехмед Челеби, тебя нет уже четыре часа..., - мулла поднял голову и совершенно неожиданно для себя увидел Андреаса.

Очевидно, это оказалось настолько неожиданно, что мулла забыл о приличиях:

— Ты!?! — вскричал он. — Что ты здесь делаешь!?! Ты должен был остаться во дворце!

— Добрый день, многоуважаемый мулла, — Андреас поклонился. — Я здесь, потому

что мне хотелось посмотреть на праздник. Поскольку в ближайшие дни у принца нет уроков, я подумал, что могу отлучиться из города.

— С кем ты приехал? — продолжал спрашивать мулла.

— Я приехал сам по себе, — ответил молодой грек, но Мехмед, вскочив, громко произнёс: — Он приехал со мной.

— Я сам напросился, — поправил Андреас, поспешно вставая, потому что никому не полагалось сидеть, если наследник престола поднялся на ноги.

— Он приехал со мной. Я привёз его, — повторил Мехмед, но молодой учитель твердил своё:

— Принц всего лишь сказал, что я могу поехать, если пожелаю, и что мне будет дан кров и пища в его лагере.

Мулла молча смотрел, как его ученик и Андреас выгораживают друг друга, а Йылмаз-бей, который тоже вынужденно поднялся на ноги, произнёс:

— Может быть, многоуважаемый мулла окажет мне честь и присоединится к трапезе?

К мулле, наконец, вернулось самообладание, и он вежливо ответил:

— Благодарю за приглашение, но нам с принцем нужно идти. Принц Мехмед слишком долго отсутствует. Он должен сидеть на своём месте, видимый всеми. Нельзя слишком долго сидеть в шатрах. Это не подобает.

— Эти слова верны, хоть и печальны для меня. Я опечален, что не могу проявить гостеприимство, — сказал Йылмаз-бей, хотя по его голосу могло показаться, что печали нет.

— А ты, — мулла повернулся к Андреасу, — должен немедленно уехать обратно во дворец.

— Нет, он не уедет, — возразил Мехмед, направляясь к выходу из шатра. — Я не разрешаю.

— Он должен уехать, Мехмед Челеби, — настаивал мулла, выходя следом за принцем.

— Нет, я приказываю ему остаться, — всё так же твёрдо ответил принц.

— Он уедет, — сказал главный наставник.

— Нет, останется.

Андреас и Йылмаз-бей тоже вышли из шатра, но не решились провожать принца далее, а Мехмед и мулла всё спорили.

— Учитель, никуда не уезжай! — крикнул Мехмед, обернувшись к греку.

— Язычнику не место в собрании правоверных, — меж тем твердил главный наставник.

— Его уже все видели, и никто не возмутился, кроме тебя, — отвечал мулле принц.

* * *

— Уважаемый учитель может не беспокоиться, — с улыбкой произнёс Йылмаз-бей, глядя на Андреаса. — Я думаю, принц сумеет настоять на своём, но даже если нет, ты можешь только сделать вид, что уехал, и остаться у меня. Я снова приглашу принца в гости, и вы увидите друг друга.

— Я буду очень признателен, — Андреас поклонился. — И принц, несомненно, будет признателен тоже.

Йылмаз-бей жестом предложил молодому греку вернуться в шатёр:

— В любом случае сейчас появляться в лагере принца тебе не надо. Лучше останься здесь.

Они снова сели, и Йылмаз-бей, подняв руки, громко хлопнул в ладоши, а когда на этот звук явился слуга, хозяин шатра повелел:

— Принеси вина.

— Вина? — удивился грек.

— Принцу я не решился предложить, — улыбнулся Йылмаз-бей, — но тебе предлагаю. Ты ведь не откажешься?

— Только если хозяин станет пить вместе с гостем, — осторожно ответил Андреас, помня о том, что у мусульман вино под запретом.

— Думаю, этот грех мне простится, — в который раз улыбнулся Йылмаз-бей.

Меж тем слуга принёс поднос с кувшином и двумя чашами-пиалами. Хозяин шатра сам налил вино в чаши и подал одну гостю.

— Я ещё раз благодарю за гостеприимство, — произнёс Андреас, с поклоном принимая напиток. Он был подогрет и сдобрен пряностями. Вкус оказался очень приятный.

— Это я должен благодарить тебя за то, что ты сидишь здесь со мной, — ответил Йылмаз-бей. — Заполучить гостя вроде тебя — редкая удача. Особенно в Манисе.

Андреас недоумённо посмотрел на собеседника:

— Я не совсем понимаю.

— Ты понимаешь, — улыбнулся хозяин шатра. — Ведь мы с тобой имеем сходные интересы, которые мало кому здесь понятны и презираются. Ты понял, кто я, в ту же минуту, когда попросил меня передать тебе шапку, и мы соприкоснулись руками. Ты уже тогда всё понял. А я понял, кто ты, ещё раньше — как только увидел тебя издали. И тогда я решил испытать удачу. И мне повезло. Ты сидишь в моём шатре, пьёшь моё вино и благодаришь меня за гостеприимство. Это удача!

— Я не был уверен, но я догадывался, что мы... единомышленники, — признался Андреас.

— Такие люди, как мы, сразу угадываем друг друга, — засмеялся Йылмаз-бей. — Вот только мальчик ещё не научился угадывать. Но со временем научится. А заодно научится скрывать своё влечение. Как он смотрит на тебя! Я не удивлён, что мулла злится.

— Тут не злость, а ревность, — поправил собеседника Андреас, но и это утверждение не отражало всей сути.

Мулла испытывал множество разных чувств, поскольку принадлежал к тому типу людей, которые никогда не признаются в своих особенных пристрастиях. Андреас и мулла Гюрани боролись за любовь принца каждый по-своему, но мулла никогда не признался бы в этом даже самому себе.

И всё же Йылмаз-бей правильно сказал — люди с особенными пристрастиями могут угадывать эту черту друг в друге — поэтому Андреас решил выяснить кое-что:

— Ты сказал, что мулла хорошо тебя знает.

Хозяин шатра засмеялся:

— Нет-нет, вовсе не так хорошо, как ты думаешь. Мулла, как слепец, который ослепил сам себя, чтобы не видеть своё истинное лицо. Но лицо никуда не делось, и его видят другие, а мулла не видит ничего ни в себе, ни в других. Он и про тебя не догадывается. Иначе я бы не говорил, что тебе не о чем беспокоиться.

— Значит, ты всё понимаешь и потому помогаешь принцу? — продолжал выяснять Андреас и добавил: — Я думаю, он даст тебе имения или должность, когда станет султаном.

— Я помогаю тебе, — ответил Йылмаз-бей. — И жду совсем другую награду. Моё сердце стремится к тебе, и я жду, что ты будешь благосклонен.

Молодой грек чуть не поперхнулся вином:

— Что?

— Сколько тебе лет? — спросил Йылмаз-бей. — Наверное, не больше двадцати пяти?

— Мне почти тридцать, — ответил Андреас.

— В самом деле? — искренне удивился турок. — Ты не обманываешь меня? Может, твоя скромность велит тебе преуменьшать свои достоинства?

— Я говорю правду. Мне двадцать девять лет, — твердил грек.

— Да, верно, — Йылмаз-бей задумался и принялся рассуждать вслух, — будь ты совсем молод, тебя не взяли бы в учителя принцу. Значит, ты уже мужчина, а не юноша, но твоя юношеская красота до сих пор цветёт. Я восхищён! Жаль, что я не поэт и не могу рассказать тебе, насколько ты красив.

В Эдирне никто бы не сказал двадцатидевятилетнему греку такие слова, но в захолустной Манисе это оказалось возможным.

Андреас улыбнулся:

— Я уже не гожусь для таких разговоров. Моё время ушло.

— Твои зубы говорят иное, — возразил турок. — Они такие белые! Не у каждого юноши встретишь такие.

— Ты легко сможешь найти зубы и получше, — усмехнулся грек.

— А твои волосы? — продолжал хозяин шатра. — Где я найду такие? Когда ты с непокрытой головой сидел возле принца, и я увидел тебя издали, то подумал: «У кого в Манисе такие волосы цвета золота? Ни у кого!»

— Я польщён твоими словами, — с улыбкой отвечал грек, — но всё же я тебе не подхожу. Я уже давно не юн и отвык быть юношей, который становится возлюбленным для достойного поклонника. Даже если я уступлю твоей просьбе, ты не получишь того удовольствия, которого ожидаешь. Моё тело забыло, как уступать.

Андреас лукавил. Когда он ещё жил в Афинах, а это было не так давно, ему доводилось одинаково часто исполнять и подчинённую роль, и подчиняющую. Грек ничего не забыл, но

Йылмаз-бею солгал, потому что объяснить истинные мотивы отказа казалось слишком сложно или даже невозможно.

Несмотря на то, что среди турецкой знати было много особенных людей, подобных Андреасу, он никогда не смог бы поладить с ними, потому что они не дали бы греку главного — свободы. «Я — свободный человек, который сам выбирает, кого любить, и когда уйти», — не раз говорил себе Андреас, но турки бы этого не поняли.

В этих людях слишком сильно было чувство собственности. Если ты сошёлся с турком и хочешь уйти — даже не к другому, а просто уйти — это предательство. Тебя станут удерживать всеми способами, даже силой, а если сила не поможет, тебя начнут ненавидеть, проклинать, искать случай отомстить.

Греки, пусть не все, смотрели на это проще. Они сходились, расставались, снова сходились ненадолго, опять расходились, и при этом могли остаться добрыми приятелями. Каждый признавал свободу другого или, по крайней мере, говорил, что признаёт. И пусть в отношении учителей с учениками всё было немного сложнее, но и здесь действовал принцип добровольного единения. Ученик мог оставить учителя, когда пожелает, и учитель мог покинуть ученика, если полагал, что не сумеет больше ничему его научить.

— Не беспокойся обо мне, — меж тем говорил Йылмаз-бей. — Подумай лучше о себе. Ты здесь с конца лета. Ведь так? Почти полгода прошло, и за это время ты ни с кем не давал себе воли.

— Ты прав, — сказал Андреас, — но меня это пока не тяготит.

— А что будет дальше? — продолжал спрашивать турок. — Ты обхаживаешь принца, но сколько времени пройдёт прежде, чем ты сможешь совершить над ним то, что хочешь? Сейчас ты не можешь ничего. Тебя казнят, если попробуешь.

— Я готов ждать, — ответил грек, пусть и не надеялся на понимание.

Влюблённый всегда кажется со стороны глупцом. Андреас и вправду поступил как глупец, позволив себе так сильно влюбиться в такого юного ученика и открыться ему, но теперь уже ничего нельзя было поделаться. Следующие несколько лет учителю предстояло жить подобно монаху.

«Если я поступлю иначе, и мальчик узнает, это разобьёт ему сердце, — думал Андреас. — Он уже никогда не поверит мне. А возможно, не поверит вообще никому. Я не могу поступить так. Я знаю, что глуп, потому что взвалил на себя ношу, которую мог бы и не взваливать. Если бы я не открылся своему ученику, не признался бы в любви прямо, всё было бы по-другому. Я оставил бы себе куда больше свободы, а так своим признанием связал себя и, можно сказать, выбросил последние несколько лет своей молодости в придорожную канаву. Увы, но я сам это сделал, никто не заставлял меня, а теперь я не имею права повернуть назад. Не имею права ни как учитель, ни как тот, кто искренне любил».

Как и следовало ожидать, Йылмаз-бей этого не понял, поэтому говорил с удивлением:

— И сколько ты будешь ждать? Четыре года? Пять лет? А получишь ли награду за

терпение? Зачем верить свою судьбу избалованному мальчишке?

— Принц не избалован, — возразил Андреас, но собеседник лишь покачал головой:

— Это сейчас он готов уступить тебе. Но сердца мальчишек непостоянны. Подумай, чем ты жертвуешь и ради чего. Не боишься, что он повзрослеет, и ты потеряешь над ним власть? А ведь к тому времени твои лучшие годы пройдут.

— Увы, я влюблён, поэтому ты напрасно взываешь к моему рассудку, — улыбнулся Андреас.

— Я взываю не к рассудку, — тоже улыбнулся Йылмаз-бей и пересел чуть ближе. — И не призываю тебя отказываться от твоей цели. Но ты уже сейчас сможешь получить кое-что. Получить от меня. Не беспокойся. Никто не узнает. Ты и в Манисе мог бы иногда становиться гостем в моём доме...

— Нет, благодарю, — Андреас решительно отставил пиалу с вином.

— Зачем отказываться? — Йылмаз-бей пересел ещё ближе. — Ты будешь доволен, ведь я не тот, кто думает только о себе. У меня умелые пальцы. И не говори, что отвык уступать. От этого невозможно отучиться. Твоё тело вспомнит. У меня есть бараний жир...

Молодой грек хотел бы сохранить вежливую улыбку, но не смог. Когда он услышал последние два слова, то во всех возможных подробностях представил себе сцену предлагаемого соития и вздрогнул от отвращения, а собеседник, конечно, это заметил.

— Зачем отказываться, пока не попробуешь? — настаивал он, но теперь уже без улыбки, и в его голосе появилось едва скрываемое раздражение. — Дай-ка, я кое-что сделаю.

Хозяин шатра, теперь оказавшийся рядом, потянулся к Андреасу, но так и не дотянулся. Молодой грек проворно вскочил на ноги и прыгнул в сторону, чтобы Йылмаз-бей не успел ухватить его даже за сапог. В следующее мгновение гость уже выскользнул из шатра наружу и, позабыв о степенности, припустился бегом — прочь от стоянки Йылмаз-бея, пока этот турок не успел тоже вылезти следом и крикнуть своим слугам: «Хватайте наглеца! Не дайте уйти!»

«И вот на это я должен был променять любовь чудесного мальчика?» — думал Андреас, ещё раз представляя себе всё, что могло бы случиться в шатре. Теперь грек уже не казался себе глупцом. Глупцом казался Йылмаз-бей, если думал, что получит согласие.

* * *

Лишь добравшись до стоянки принца, Андреас позволил себе остановиться и отдышаться, а затем забрался в тот шатёр, в котором провёл минувшую ночь. Ни в коем случае не следовало показываться на глаза мулле, потому что тот снова принялся бы настаивать, чтобы учитель-грек уехал, а Андреас боялся возвращаться в Манису один: «Как бы люди Йылмаз-бея не поймали меня по дороге».

Вдруг вспомнилось, как переводится имя Йылмаз — «никогда не сдающийся», и это наводило на мысль, что от турка с подобным именем так просто не отделаться. «Как же я

сумел разом устроить себе столько неприятностей?» — размышлял Андреас и плотнее натянул на голову шапку, хотя в шатре это казалось совсем ни к чему.

Так прошёл час или полтора, а затем к молодому греку подошёл один из слуг Мехмеда, подал ужин на большом блюде и тихо сказал:

— Мой господин спрашивал о тебе и велел передать, что ты пока должен прятаться, потому что многоуважаемый мулла очень гневается.

Грек забеспокоился:

— Конечно, я так и сделаю. Но если мулла придёт и станет заглядывать во все шатры, проверяя, уехал я или нет?

— Многоуважаемый мулла не придёт, — ответил слуга. — Он сейчас вместе с моим господином сидит и смотрит поединки. Мой господин не отпустит многоуважаемого муллу от себя, но даже если многоуважаемый мулла придёт сюда, мы тебя спрячем.

О происшествии с Йылмаз-беем принц, конечно, ничего не знал, а Андреас надеялся, что рассказывать не придётся, хоть и не представлял, как выпутаться из создавшегося положения. Оставалось лишь надеяться, что гнев муллы остынет, и можно будет остаться в лагере под защитой принца, ведь Йылмаз-бей вряд ли успокоился бы. Этот знатный турок как будто с ума сошёл — покушаться на то, что очень ценит принц, казалось безрассудно, очень безрассудно.

«Нет-нет, — думал грек, — если мулла повелит мне уехать, я не уеду или потребую, чтобы мне предоставили охрану, а объясню это тем, что на дорогах опасно». Рассказывать о происшествии в шатре Йылмаз-бея очень не хотелось, но в то же время Андреас понимал, что если будет похищен людьми своего новоявленного поклонника, это равносильно смерти. Даже появились сомнения, что бегство из шатра являлось правильным поступком, ведь Йылмаз-бей, получив то, чего добивался, стал бы другом и союзником, а теперь сделался врагом.

«Если люди Йылмаз-бея схватят тебя по дороге во дворец, то ничего хорошего не жди, — с грустью сказал себе Андреас. — Даже если ты согласишься на всё, чего просил этот турок, к примирению это уже не приведёт. Твой воздыхатель получит, что хочет, а затем твой труп, засунутый в мешок, выловят из реки где-нибудь недалеко от города».

Молодой грек уже подумывал, а не вернуться ли к этому турку. Можно было притвориться, что прежний отказ — не более чем любовная игра. Йылмаз-бей наверняка поверил бы, но Андреас, ещё немного подумав, отказался от этой затеи: «Нет, я не проявлю слабости и малодушия. Лучше подвергнуть свою жизнь опасности, но остаться достойным любви того, кого любишь».

С этой мыслью Андреас уснул, однако в середине ночи проснулся, потому что ему потребовалось выйти из шатра. Грек не покидал своего укрытия с середины минувшего дня, а теперь мочевого пузыря настоятельно требовал облегчения.

Мулла, конечно, уже давно спал, поэтому не следовало опасаться, что попадётся ему на глаза. Весь лагерь спал, и в темноте ночи было слышно лишь то, как вздыхают лошади, а один раз где-то неподалёку раздался рёв верблюда, чем-то похожий на львиный рык.

Вглядываясь в почти беспросветный мрак и стараясь ни на что не наткнуться, Андреас отошёл от шатра примерно на десять шагов, выбрал место, а когда дело было сделано, и он уже окончил завязывать шнурки штанов, то вдруг почувствовал возле своего горла лезвие ножа.

— Тихо, — прошептал по-турецки незнакомый мужской голос. — Заведи руки за спину.

Андреас исполнил это повеление и тут же почувствовал, как на запястья накидывают верёвочную петлю и туго затягивают.

— А теперь пойдём, — сказал всё тот же незнакомый голос, и грек почувствовал, как кто-то тянет за верёвку — в ту сторону, куда следовало идти.

Андреас понимал, что в эти минуты решается его судьба. Закричать или не кричать? Возможно, нож, по-прежнему оставшийся возле горла, оказался бы не достаточно острым. «Если так, то ты не умрёшь, если закричишь. Просто будет порез. Но зато тебя не уведут», — подсказывал кто-то в голове и казался убедительным, но тут выяснилось, что похититель не один — их двое.

— Всё спокойно? — шёпотом спросил тот, кто вёл Андреаса, а в ответ раздался такой же тихий шёпот:

— Да. Охрана спит.

Впереди, за большой тёмной преградой, которая, наверное, являлась одним из шатров, показался догорающий костёр, тускло освещавший вокруг себя небольшое пространство. Андреаса заставили идти по самой границе светлого места, поэтому грек вдруг заметил, что возле правой ноги лежит что-то круглое.

Решение пришло мгновенно. Мысль даже не успела оформиться, а нога грека уже пнула лежащий предмет, оказавшийся довольно лёгким. Наверное, это был металлический шлем одного из охранников Мехмеда, потому что раздался глухой звон, а предмет отлетел довольно далеко — за противоположный край освещённого круга — и ударился обо что-то.

— Тихо, — повторил мужской голос, а лезвие ножа ещё плотнее прижалось к шее Андреаса, но от дальнейшего поведения пленника уже ничего не зависело.

— Кто здесь!? — раздался грозный окрик, а ещё через мгновение над костром взвился столб искр, потому что в догорающие угли ткнули факел, чтобы зажечь.

Всё вокруг мгновенно осветилось, пришло в движение. Стало видно, как воспрянули ото сна десять вооружённых людей, спавших вокруг костра. Лезвие ножа чуть резануло по шее,

но не потому, что исполнялась невысказанная угроза перерезать горло. Владелец ножа сделал это нечаянно, когда оставил своего пленника и собирался бежать. В следующее мгновение Андреас увидел и своих похитителей, которых действительно оказалось двое. Бедновато одетые люди. Их вполне можно было принять за разбойников. Они метнулись прочь, но убежать не успели. Их схватила вооружённая охрана Мехмеда, уже вскочившая на ноги.

Крики. Шум. Количество зажжённых факелов всё увеличивалось, как и число людей вокруг. Теперь грека обступили не только охранники принца, но и челядинцы, которые вылезли из шатров и ещё плохо понимали, что происходит.

Ещё через несколько минут Андреас увидел, как толпа почтительно расступается и склоняется в поклонах, потому что к нему быстрым шагом идёт Мехмед, сопровождаемый муллой. В лагере соблюдались правила походной жизни, и принято было спать, почти не раздеваясь, поэтому принц и его главный наставник пришли так быстро.

— Что случилось? — встревожено спросил Мехмед.

— Повелитель, — начальник охраны выступил вперёд, — мы поймали этих двоих, — он указал на неудачливых похитителей, которым уже связали руки их же поясами и поставили на колени. — Они хотели увести твоего учителя с помощью этого и этого, — начальник охраны показал верёвку с петлёй и нож.

Мехмед взглянул на предметы, а затем заметил на ноже следы крови и вдруг переменялся в лице, которое стало строгим и сосредоточенным. Принц подошёл к Андреасу, посмотрел на него, увидел кровь на его шее, оглянулся и крикнул:

— Где лекарь!?

— Принц Мехмед, — успокаивающе произнёс Андреас, — не нужно лекаря. Тут всего лишь царапина.

— Нет, пусть тебя осмотрят, — ответил принц.

Затем он быстро подошёл к начальнику охраны, взялся за рукоять сабли, висевшей у этого человека на поясе, одним стремительным движением вытащил из ножен, и вот её острый клинок уже упёрся в шею одного из похитителей.

— Кто вас подослал? — чётко выговаривая каждое слово, спросил принц, а его лицо оставалось всё таким же строгим и серьёзным.

Похитители медлили с ответом, и тогда Мехмед сделал полшага вперёд, а тот человек, в чью шею упёрся клинок сабли, оказался вынужден чуть отклониться назад, чтобы сохранить горло хотя бы в относительной целостности. В свете факелов стало видно, что по шее течёт тонюсенькая струйка крови, а принц, всё так же чётко выговаривая каждое слово, произнёс:

— Я, Мехмед, сын Мурат-хана, наместник в этих землях и наследник трона блистательной Страны Османа, приказываю вам отвечать, грязные псы!

Когда эти люди назвали имя Йылмаз-бея, Андреас даже не удивился, а вот принц

оказался очень удивлён.

— Что? — Мехмед нахмурился, опустил саблю. — Но зачем ему это нужно?

— Мы не знаем, господин, — ответили похитители. — Он только сказал: «Идите и приведите ко мне того человека со светлыми волосами, который сегодня был у меня, и которого вы видели». Он сказал, что добровольно этот человек не пойдёт, и потому придётся его заставить.

— Учитель, — принц обернулся к Андреасу, — они говорят правду?

— Да, — вынужденно признал грек, — добровольно я бы к нему не пошёл.

— Ты с ним повздорил? — продолжал удивляться принц. — Из-за чего?

Андреас не хотел лгать, но и правды говорить не хотел:

— Это очень долго рассказывать, принц Мехмед. С твоего разрешения я расскажу тебе позже.

— Что бы ни было причиной, Йылмаз-бей ведёт себя странно, — заметил Мехмед. — Зачем он хотел, чтобы ты явился к нему среди ночи? Зачем послал за тобой каких-то разбойников с ножом и верёвкой? Так обычно крадут рабов...

— ...или женщин, — произнёс начальник охраны.

Возможно, он хотел просто пошутить. Военные люди зачастую шутят грубо, но Мехмед, который в это время смотрел на Андреаса, сразу увидел, как учитель еле заметно переменялся в лице.

— Он хотел украсть тебя, как крадут женщин? — спросил принц, пристально глядя на учителя, и учитель, который уже пережил столько всего, не выдержал этого взгляда, потупился.

Мехмед молчал несколько мгновений, как будто что-то вспоминая, а затем произнёс:

— Учитель, он был так необыкновенно любезен с тобой, когда мы ходили к нему смотреть верблюдов. Ведь верно?

Грек молчал.

— Ответь! — настаивал принц. — Я приказываю. Ответь!

— Да, всё верно, — произнёс Андреас, который очень хотел бы избежать этого разговора, ведь вокруг стояли многочисленные слуги, охрана, и даже мулла был здесь и всё слышал.

— А что случилось дальше? — продолжал допытываться Мехмед. — Что случилось после того, как я ушёл, и вы с Йылмаз-беем остались вдвоём? Из-за чего вы повздорили?

— Он стал вести непристойные речи и предложил мне то, на что я не согласился, — ответил грек, по-прежнему потупившись. — А затем я сразу же покинул его, и меня не успели задержать.

Теперь перед мысленным взором принца предстала вся цепь событий, и наследник престола в гневе закричал:

— Так вот, значит, что! Значит, он хотел тебя... как женщину... Да как только посмел!!! Я велю, чтобы ему отрубили голову!

Никто вокруг не произнёс ни слова, и тогда в дело вмешался мулла, до сих пор молчавший:

— Мехмед Челеби, это очень серьёзное обвинение. Можем ли мы полагаться на свидетельство двух жалких оборванцев и одного... — он посмотрел на Андреаса, — одного язычника? Язычник не может свидетельствовать против правоверного, а Йылмаз-бей — правоверный и пользуется очень большим уважением в городе. Многие достойные жители Манисы охотно подтвердят, что Йылмаз-бей не мог задумать никакого гнусного дела. Их свидетельства будут весомее, чем свидетельство этих троих.

— Я наместник в здешних землях, — ответил ему принц. — Я здесь верховный судья, и если я решу, что свидетельств достаточно, никто здесь не может это оспорить.

— Ты ещё никогда не пользовался своим правом судить, Мехмед Челеби, — напомнил мулла. — Нужно ли начинать сейчас? Я советую тебе просто забыть об этом происшествии, чтобы не вызвать возмущения жителей Манисы. Подумай, будет ли доволен твой отец, если вся эта история дойдёт до него.

Мехмед задумался:

— Я согласен забыть только в том случае, если Йылмаз-бей принесёт мне извинения и обещает, что его люди больше никогда не придут ко мне, чтобы красть моих людей. И пусть он извинится перед ним тоже, — принц кивком указал на Андреаса.

Это звучало вполне разумно, однако мулла продолжал возражать:

— Мехмед Челеби, я полагаю, что сперва нужно всё выяснить. Почему ты веришь каким-то оборванцам, которые говорят, что их послал Йылмаз-бей? А вдруг они лгут? А вдруг они пришли сюда по своей воле, чтобы украсть что-нибудь, но оговаривают уважаемого человека, надеясь избежать себя от наказания? Да и словам язычника трудно верить, даже если бы он имел право свидетельствовать. Я очень удивлён, слыша, что такой достойный и уважаемый человек как Йылмаз-бей может делать непристойные предложения.

Принц недоверчиво хмыкнул:

— Если ты сомневаешься, тогда иди и спроси Йылмаз-бея, — Мехмед, по-прежнему с саблей в руке, указал острием клинка куда-то в даль. — Спроси, что его слуги делали в моём лагере среди ночи. И спроси, чем он так обидел моего учителя-грека, что мой учитель-грек больше не хочет к нему ходить. Посмотрим, что ответит Йылмаз-бей.

— Хорошо, завтра я спрошу, — сказал мулла.

— Нет, — возразил Мехмед. — Иди сейчас же. Дело срочное.

— До завтра оно подождёт, — возразил мулла.

— Или ты сейчас же пойдёшь, или я сам пойду и спрошу, — принц продолжал тыкать саблей куда-то в даль. — Меня пытались обокрасть! Хотели украсть человека, который мне служит. Я оскорблён! Это не может ждать до завтра!

— Хорошо, Мехмед Челеби, — мулла, наконец, сдался. — Я пойду, спрошу и принесу тебе ответ.

Когда мулла Гюрани с прислужником, несшим факел, направился к шатрам Йылмазбея, принц некоторое время смотрел вслед своему главному наставнику, а затем подошёл к неудавшимся похитителям. Опущенная сабля в руке принца взметнулась вверх и медленно прочертила длинную алую полосу на правой щеке одного из них, а затем и второго:

— Это вам на память о нынешней ночи, — с усмешкой сказал Мехмед и добавил, обращаясь к охране: — Стерегите их пока, а дальше посмотрим.

Принц, наконец, вернул саблю владельцу, а затем обернулся к Андреасу, по-прежнему пребывавшему в крайнем смущении от всего случившегося, и ободряюще улыбнулся.

Андреас уже давно не оказывался в подобном положении и думал о том, что после этой истории отношение всех вокруг непременно изменится: «Теперь будет совсем не просто убеждать людей, что я не тот, кем являюсь. Я под подозрением». Поглощённый этими мыслями, он даже не заметил, что возле него стоит лекарь, который уже успел осмотреть его рану.

Грек заметил лекаря только тогда, когда тот с поклоном доложил принцу:

— Рана не опасная, мой повелитель. Её не следует перевязывать. Царапины быстрее заживают, если их держать на открытом воздухе. Нужно лишь промыть и смазать мазью.

— Ты сделаешь это в моём шатре, — сказал Мехмед. — Принеси туда всё необходимое, — а затем взял Андреаса за руку: — Пойдём, учитель. Остаток ночи ты проведёшь подле меня. Мне так будет спокойнее. Я не смогу заснуть, если начну думать, что с тобой может ещё что-нибудь случиться.

Принц, по-прежнему держа учителя за руку, оглядел всех вокруг спокойным, уверенным взглядом, как если бы хотел спросить: «Кто-нибудь из вас полагает, что я веду себя недостойно? Никто? Я так и думал».

Муллы рядом не было, а больше никто, даже охрана, не смотрел косо, и Андреас воспрянул духом, уже не чувствуя себя изгоем.

— Учитель, я не знаю, что бы со мной было, если б я тебя потерял! — громко продолжал принц, но когда они подошли ко входу в его шатёр, учитель всё же спросил:

— Принц Мехмед, ты уверен, что моё место здесь?

— Да, — с улыбкой ответил тот, — я хочу оказывать тебе милости как самому дорогому другу.

Внутри уже ждал лекарь, который промыл и смазал царапину на шее, а меж тем челядинцы уже расстелили на коврах постель, на которой Андреас спал в другом шатре. Постель оказалась расстелена в трёх-четырёх шагах от постели самого Мехмеда, хотя вокруг ещё оставалось много свободного места.

— Ложись, учитель, — повелел принц, снимая тюрбан и не без удовольствия взъерошивая рыжую шапку собственных волос.

Уже забравшись в свою постель, мальчик снова улыбнулся Андреасу, а затем упал головой на подушку, но вдруг издал странный звук, похожий на шипение, перевернулся на бок и пояснил:

— Мулла наказывал меня сегодня за то, что я спорил с ним из-за тебя. Я совсем забыл об этом, но спина пока помнит.

Меж тем слуги погасили все светильники кроме одного дальнего, висевшего на опорном столбе, и удалились.

— Учитель, — почти сразу зашептал Мехмед по-гречески, — там, перед входом в шатёр я говорил не совсем правду. Ты рядом, и я сейчас не беспокоюсь за тебя, но всё равно не смогу заснуть.

— Почему? — спокойно спросил Андреас.

— Потому что ты рядом, — взволнованно шептал Мехмед. — Учитель, мы ещё никогда не оказывались так. Мы спим почти бок о бок.

— Вот и спи, — ответил грек, нарочито зевая, но принц не унимался и продолжал:

— Александр Великий и его друг Гефестион, когда ходили вместе в походы, тоже ночевали в одном шатре, да?

— Да, — ответил Андреас, шутливо добавив: — Причём Александру и Гефестиону как-то удавалось заснуть. Вот и ты спи.

— А Ахиллес и его друг Патрокл, которым подражали Александр и Гефестион, тоже ночевали в одном шатре? — продолжал спрашивать Мехмед.

— Иногда, — сказал грек. — И у них тоже получалось заснуть.

— Учитель, — принц мечтательно вздохнул, — я не засну.

— Тогда утром скажешь мне, храплю я или нет, — ответил Андреас, повыше натягивая на себя одеяло. — Мне давно хотелось это узнать.

— Что узнать? — спросил Мехмед. Очевидно, он не понял слова «храпеть».

Грек повторил просьбу по-турецки, а принц укоризненно проговорил:

— Учитель, зачем ты всё шутишь?

— Потому что ты хочешь, чтобы я вёл себя безрассудно, а я сегодня только это и делал. И видишь, что получилось?

— Учитель, но ведь теперь всё хорошо, — возразил принц.

Андреас не ответил, однако Мехмед никак не желал угомониться:

— Учитель, протяни ко мне руку.

— Нет.

— Учитель, я прошу тебя.

— Нет.

Вдруг снаружи раздался какой-то шум, а через несколько мгновений появились двое слуг со светильниками и мулла Гюрани, державший подмышкой нечто прямоугольное,

похожее на толстую книгу.

— Мехмед Челеби, — сказал главный наставник, — я говорил с Йылмаз-беєм и пришёл рассказать тебе об этом сейчас, потому что ты сказал, что дело не может ждать.

На этот раз муллу не удивило присутствие грека в шатре. Очевидно, Ахмед Гюрани уже успел расспросить слуг о том, что случилось в его отсутствие, поэтому только покосился на Андреаса, но ничего не сказал.

Меж тем Мехмед уселся на своей постели и важно произнёс:

— Так что же ответил Йылмаз-бей на мои вопросы?

— Он приносит тебе извинения, — с поклоном ответил главный наставник.

Андреас, который тоже сел на постели, удивился такому поведению Йылмаз-бея, а мулла продолжал, обращаясь к принцу:

— Йылмаз-бей приносит тебе извинения за то, что его нерадивые слуги потревожили твой покой. Этот достойный человек действительно велел им привести к нему твоего учителя, но не силой. Йылмаз-бей просто хотел продолжить беседу, которая закончилась весьма неудачно, потому что он был неверно понят. Ничего, что противоречило бы законам ислама, Йылмаз-бей не произносил и не предлагал. Он хотел объяснить это твоему учителю, когда послал за ним своих слуг, но всё вышло так, как вышло.

Разумеется, Йылмаз-бей солгал мулле, но молодого грека это в итоге обрадовало. Ни один из участников этой истории не получил бы выгоду, если бы достоянием молвы стала правда, как она есть.

Мехмед поначалу нахмурился, но затем посмотрел на учителя и, увидев, что тот вполне доволен, решил снисходительно улыбнуться:

— А перед моим учителем Йылмаз-бей извинится?

— Он готов сделать это лично, — ответил мулла, — а предстать перед тобой не смеет, поэтому просил меня передать просьбу о прощении и вот это подношение.

Главный наставник подошёл к принцу чуть ближе и на вытянутых руках подал то, что поначалу держал подмышкой.

Это оказалась не книга, а деревянная коробка. Когда она изменила своё положение, то внутри раздался стук, который бывает от ударяющихся друг о друга мелких твёрдых предметов. Йылмаз-бей подарил Мехмеду коробку с турецкими шашками, очень красиво сделанную и дорогую.

— Йылмаз-бею известно, — продолжал мулла, — что шашки это любимая игра твоего великого отца, да продлятся его дни. А поскольку достойные сыновья достойных родителей всегда похожи на своих отцов, то Йылмаз-бей надеется, что тебе подношение понравится.

— Хорошо, — ответил Мехмед, рассматривая подарок, — я больше не гневаюсь. А перед учителем он извинится завтра. После этого я велю отпустить тех двоих, которых мы

поймали сегодня ночью.

Ахмед Гюрани продолжал стоять на прежнем месте, поэтому принц добавил:

— Ты можешь идти, — однако наставник не собирался уходить один:

— Я сейчас уйду, Мехмед Челеби, — сказал он, — но теперь, когда всё выяснилось, твоему учителю греческого языка, — мулла указал на Андреаса, — здесь делать нечего.

— Нет, сегодня он останется здесь, — возразил принц. — Я уже объявил об этом, а моё слово нерушимо. И завтра он никуда не уедет, потому что Йылмаз-бей должен перед ним извиниться.

— Хорошо, я не стану настаивать, чтобы завтра он уехал, — согласился мулла, — но проводить ночь в твоём шатре...

— Моё слово нерушимо, — повторил принц, а затем добавил: — Не знаю, из-за чего ты так беспокоишься, но если хочешь, то можешь тоже лечь спать здесь на эту ночь.

С этим мулла тут же согласился и велел своему прислужнику, который, как оказалось, ждал у входа в шатёр, принести постель.

* * *

Утром, принц, улучив минуту, когда они умывались у входа в шатёр, шепнул Андреасу по-гречески:

— Учитель, ты вчера хотел знать. Так вот: ты не храпишь. А мулла храпит.

Не дожидаясь ответа, Мехмед, довольный собственной шуткой, отвернулся и взял из рук слуги полотенце, а Андреас, глядя ученику в спину, улыбнулся но, но не только из-за слов, услышанных только что.

Молодой учитель всё больше восхищался своим учеником. Прошло всего пять месяцев с тех пор, как Мехмед открыл для себя любовь, но как он изменился, преобразился, повзрослел! Ещё пять месяцев назад это был замкнутый мальчик, чьё сердце переполняла ненависть, и вот он открылся для познания, обрёл уверенность в себе и силу изменять свою судьбу так, как хочет.

Мехмед захотел преуспеть в науках и преуспел. Он хотел взять власть во дворце в свои руки и весьма заметно продвинулся на этом пути. Наконец, принц захотел быстрее перейти в пору юношества, и вот начал меняться. Раньше он со своей игрой в догонялки и прочими подобными забавами казался большим ребёнком, а теперь стал казаться взрослым не по годам. Пусть временами Мехмед проказил, но учитель всё чаще подмечал, что взгляд серых глаз серьёзен, а речи принца рассудительны, как у взрослого человека.

Взросление проявилось, прежде всего, в том, что раньше принц умел лишь противоречить, а теперь научился убеждать — убеждать с помощью логики, взывая к здравому смыслу собеседника. Даже мулла покорился этим разумным доводам.

Мехмед, поняв, как нужно говорить с главным наставником, начал использовать логику всё время, а в итоге Андреас, которого Ахмед Гюрани настойчиво гнал назад во дворец, остался на празднике до самого последнего дня. Мехмед убедил своего главного наставника. Убедил! И это казалось чудом, ведь ни риторику, ни логику принц ещё не начал изучать, хотя Андреас обещал объяснить ему эти предметы.

Пока что принц лишь интуитивно использовал риторические приёмы и разные логические конструкции, но и этого хватило, чтобы мулла оказался убеждён. Сначала из-за Ыылмаз-бея молодой грек остался ещё на день, а затем принц сказал, что не отпустит учителя назад без охраны:

— Все разбойники знают, что раз в год по этой дороге ездит много богатых путешественников. Разбойники подумают, что мой учитель тоже богатый.

Мехмед хотел отдать Андреасу не менее трети своих людей, на что мулла пытался возразить, но принц напомнил ему:

— Ты отвечаешь перед моим отцом за моё обучение. А как же я буду учить греческий язык, если мой учитель пропадёт? Придётся искать нового учителя, и мой отец окажется недоволен, потому что нынешнего тоже нашли не сразу. Ты должен заботиться обо всех моих учителях. Значит, должен дать надёжную охрану.

— Мехмед Челеби, я согласен, что охрана нужна, но десяти человек будет достаточно. А иначе не слишком ли много чести для язычника? — холодно произнёс Ахмед Гюрани, а принц продолжал приводить доводы:

— Ты должен перестать относиться к иноверцам с презрением. Мой отец позволяет иноверцам преданно служить нашему государству. Почему ты не поступаешь так же? Или ты полагаешь, что мой отец неправ?

Оспаривать мнение султана Ахмед Гюрани, конечно же, не мог.

— А десять человек — слишком мало, — добавил принц. — Десять человек не смогут противостоять разбойничьей шайке.

Мулла совсем не привык к тому, что принц его убеждал, поэтому в конце концов, так и не найдя достойный предлог, чтобы спровадить грека с малым числом воинов, разрешил ему остаться.

Во дворец Андреас возвращался вместе с принцем, но счастье омрачалось мыслью о предстоящей разлуке. Молодого учителя ещё до отъезда на верблюжьих бои предупредили, что в следующем полугодии он не получит жалование за три месяца из шести, потому что в это время принц будет отсутствовать во дворце и, следовательно, не станет заниматься греческим. В конце января Мехмед должен был уехать из Манисы в Эдирне, а оттуда отправиться в албанские земли вместе с турецкой армией, возглавляемой неким опытным военачальником. Султан Мурат отправлял своего четырнадцатилетнего сына в поход, «дабы наследник престола на собственном опыте узнал, что такое война».

Часть V Война и противоборство

По дороге из Манисы в Эдирне, откуда Мехмед должен был выступить с войском, он не раз слышал, что албанские земли — это дикие места, где нет ничего, кроме гор, но к западу от этих гор есть море. По морю плавают торговые суда, а вдоль гористого берега есть много гаваней, где собирают пошлину с морских торговцев, получая большие доходы, и именно поэтому турецкие воины уже не первый раз шли в горы в завоевательный поход. Кто владеет горами, тот легко завладеет и побережьем.

Зима в албанских землях была гораздо суровее, чем в Манисе. И даже суровее, чем в Эдирне. Пусть на земле снег не лежал, оставляя видной тёмно-бурую траву, но с неба, закрытого серыми облаками, то и дело сыпался мелкий снег — плотный и колючий, как песок. Порывы ледяного ветра подхватывали его и швыряли в лица пеших воинов, конницы и обозных слуг.

Иногда это прекращалось, и тогда можно было, не шурясь, разглядывать горные громадины, возвышавшиеся справа, слева и впереди. Некоторые из них носили снежную шапку, окутанную облачной дымкой, и это напоминало гору, под сенью которой стоял дворец и город в Манисе. Вспоминалось Мехмеду и то, что его мать родом как раз из албанских земель, поэтому он, глядя на тёмные горы и хмурое небо, думал: «Неудивительно, что она такая печальная».

Наверное, принц, размышляя об этом, тоже выглядел хмурым, потому что время от времени слышал слова вроде:

— Не грусти, Мехед Челеби. Военачальник должен быть бодрым, чтобы вселять бодрость в сердца своих воинов.

Так говорил Али-бей — бородач с весёлыми глазами, умеющий непринуждённо рассуждать об опасности и смерти. Его назначили повелевать войском, но также и наставлять принца в военных делах. Этот наставник, взяв Мехмеда с собой в поход, прежде всего, стремился вселить в подопечного бодрость, хоть и признавал, что турецкие армии третий год терпят одно поражение за другим в здешних краях, потому что албанские жители вели войну не по правилам.

Чуть ли не каждый час можно было ожидать, что из-за поворота, скрываемого горным склоном, выскочит албанский конный отряд и, нанеся быстрый удар пехоте, умчится прочь прежде, чем турецкая конница сумеет его догнать, причём такие происшествия казались особенно досадными, поскольку означали — дозор, высланный вперёд и могший предупредить о появлении врага, перебит.

Так же дерзко враг атаковал обозные телеги, а ночью нередко угонял стадо овец, которые предназначались для пропитания турецких воинов. А ещё случалось, что здешние жители, «подобные злым джиннам», устраивали засаду прямо на склоне одной из гор и сыпали оттуда стрелами, а турецкая армия ничего не могла сделать, потому что на склон

было невозможно забраться с дороги, по которой шло войско.

— Они нарочно постараются вымотать нас, — говорил принцу Али-бей, — а когда решат, что мы устали от мелких стычек и испытываем нехватку в пище, они запрутся в своих неприступных крепостях и станут ждать, когда мы уйдём. Они почти никогда не устраивают сражение. У них слишком мало людей. Но тем или иным способом истребить значительную часть наших воинов, пока мы ходим тут, эти проклятые горцы могут.

Чтобы не допустить такого поворота событий, следовало пройти как можно дальше вглубь албанских земель, оставаясь незамеченными. Для этого надо было избегать широких торговых трактов, тянувшихся по равнинам и вдоль больших рек, а, чтобы не заблудиться на окольных дорогах, требовался проводник.

Вот почему в одной из турецких крепостей, стоявших на границе с албанскими землями, предводитель войска хотел найти человека, хорошо знающего местность, однако с этим возникло неожиданное затруднение.

Минувшим днём Мехмед наблюдал, как Али-бей горячо спорил с комендантом маленькой крепости, возле которой они встали лагерем. Оказалось, что воина, очень пригодившегося армии в прошлом году, уже нет — убили, а больше никто не знает местные тропы, кроме самого начальника крепости, но он отказывался идти и говорил:

— Как я оставлю вверенный мне пост?

Наконец, было решено, что начальник крепости будет с ними в дороге лишь полтора дня, а затем вернётся, и тот нехотя согласился.

Он с самого начала показался Мехмеду странным, потому что не раз говорил, что в горах опасно, однако зачем-то повёл с собой своего тринадцатилетнего сына, покорно шедшего по каменистой дороге рядом с отцом и десятком воинов из крепости, которых начальник взял с собой, чтобы не возвращаться в одиночестве.

Мехмед, несмотря на все советы ехать в середине войска, то и дело выезжал вперёд, желая посмотреть на хрупкого мальчика, укутанного в овечий тулуп, явно великоватый. Из-под большой войлочной шапки, плотно натянутой на голову, смотрели огромные карие глаза. А ещё Мехмед не мог не любоваться тонкими тёмными усиками, которые уже пробивались над верхней губой. Было холодно, поэтому губы у мальчика часто оставались бледными, но когда извилистая дорога становилась круче, и требовалось тратить больше сил, чтобы идти вперёд, губы приобретали ярко-розовый оттенок, и щёки тоже румянились. Принцу хотелось подружиться с красивым мальчиком, пусть ненадолго, но тот всё время держался возле отца и ни с кем не говорил.

* * *

Так минул день, настало утро второго, и войско уже почти готово было двинуться

дальше, как вдруг появилась неприятельская конница. Всё случилось так же, как обычно, судя по рассказам. Она стремительно ворвалась в лагерь, секла мечами всех, кто попадался ей на пути, и сыпала стрелами.

Мехмед выскочил из шатра, вытащил из ножен саблю, но к нему уже бежал Али-бей, тоже с обнажённой саблей, держа в другой руке щит:

— Нет-нет-нет, Мехмед Челеби. Спрячься! Спрячься!

Принц не успел опомниться, как со всех сторон набежали турецкие воины, прикрывая большими щитами и его, и себя. Даже над головой принца кто-то держал щит. Мехмед перестал видеть, что происходит вокруг, только слышал крики, звон металла, свист стрел где-то совсем рядом.

— Наверное, они выследили нас ночью по свету от костров, — сказал один из воинов, прикрывавших Мехмеда щитом.

Помня рассказы Али-бея, принц живо представил, как один из горцев стоит на скалистом склоне, вглядывается во мрак ночи и вот видит в одной маленькой долине целую россыпь огней — турецкое войско. Затем горец сам зажигает огонёк, и вот такой же огонёк зажётся на соседней вершине, а затем ещё на одной, подалее, и вот уже в городе, который расположен неподалёку, готовятся к вылазке.

Увы, но обходиться без костров турецкая армия не могла. Мехмед уже успел испытать, как холодно в горах в ночное время. Аж пальцы ног немели от холода, а без огня было бы ещё хуже, но в эти четверть часа, пока продолжался налёт на лагерь, принцу казалось, что можно было и потерпеть. Мехмед, хоть ему и говорили, не мог поверить, что в горах, если не зажигать огня, зимней ночью можно замёрзнуть насмерть.

Наконец, щиты раздвинулись, и взору принца предстал разорённый лагерь. Али-бей был уже тут как тут:

— Ничего, Мехмед Челеби. Убитых не очень много. Меньше полусотни. Жаль только, что нашего проводника мы потеряли, — он имел в виду начальника приграничной крепости.

— Он сбежал!? — в возмущении воскликнул принц.

— Нет, — предводитель войска покачал головой, — он убит. Но это не очень страшно. Мы уже прошли почти весь путь. Сегодня к вечеру мы доберёмся до города, который послал на нас конницу, и начнём осаду. Война может закончиться удачно для нас, если мы возьмём город.

Последние фразы Мехмед слушал уже вполуха, потому что внимательно оглядывался по сторонам, надеясь увидеть... и, наконец, увидел. Тринадцатилетний мальчик, которого высматривал принц, был жив и невредим. Он, всё так же одетый в овчинный тулуп и большую войлочную шапку, сидел прямо на холодной земле и горько рыдал. Рядом лежало тело, накрытое кафтаном.

Мехмед, никем не сопровождаемый, потому что все, в том числе его личные слуги,

были очень заняты наведением порядка в лагере, подошёл к мальчику и присел рядом на корточки.

— Отец, отец, — сквозь рыдания повторял мальчик, но не на турецком, а на албанском языке. Следовательно, эти двое — начальник приграничной крепости, теперь убитый, и его сын — были не турки, а албанцы. Возможно даже, что начальник крепости когда-то являлся христианином, но затем был обращён в ислам и принят на турецкую службу.

То, что мальчик оказался албанцем, немного затрудняло разговор с ним, но родной язык своей матери Мехмед знал достаточно хорошо. Она часто говорила с сыном по-албански, а не по-турецки.

— Не плачь, — сказал принц по-албански.

Мальчик обернулся, испуганно посмотрел, и его лицо, даже заплаканное, было красиво. С этих щёк так и хотелось утереть слёзы.

— Не сиди на земле. Холодно. Ты заболеешь, — продолжал Мехмед, но, возможно, он произносил албанские слова как-то не так, потому что мальчик его не понял. Или, может, не расслышал, испугавшись, что видит рядом с собой сына султана.

Мехмед почти силой поднял своего собеседника с земли, а мальчик по-прежнему пребывал в оцепенении:

— Пойдём. Не надо стоять тут, — сказал принц и потянул за рукав тулупа в сторону своего шатра. — Если ты будешь стоять здесь, ты будешь плакать. А тебе не надо плакать.

* * *

Мальчик с неохотой повиновался, а Мехмед, приведя его в шатёр, выпроводил слугу, оказавшегося там, и опустил полог над входом, дабы никто не увидел происходящее внутри. Затем принц заставил своего гостя сесть, а тринадцатилетний албанец застыл в той позе, как посадили, и молчал.

— Где твоя мать? — спросил Мехмед, усаживаясь напротив. — Осталась в крепости?

— Умерла пять лет назад, — всхлипнул мальчик.

— А другие родные? — спросил принц. — Дядя? Тётя? Родители отца? Родители матери?

— У мамы много родни, но они далеко, — сказал мальчик. — Когда отец женился, то почти сразу уехал вместе с мамой от них. А у отца никого нет.

— Неужели, все умерли? — удивился принц.

— Он обратился в истинную веру, а его родные остались неверными. Значит, для него они как будто умерли, — объяснил мальчик и, чуть помедлив, спросил: — Мой отец умер на войне с неверными. Значит, он попадёт в рай?

— Конечно, — ответил Мехмед, успокаивая собеседника, и продолжал допытываться:

— Но кто-нибудь у тебя здесь найдётся? Есть кто-нибудь, чтобы о тебе заботиться?

— Не знаю, — ответил мальчик. — Мы жили вдвоём с отцом, а теперь..., - он снова зарыдал, закрыв лицо ладонями.

— Не плачь, — четырнадцатилетний принц попытался обнять его, притянуть к себе, так что дерзкое намерение, которое вызревало у Мехмеда уже второй день, окончательно оформилось: «Должен же я хотя бы попробовать. Нужно же когда-то начинать. А почему бы не сейчас, если всё так устроилось. Родни у него нет. Значит, никто не станет его искать. И жаловаться на меня никто не станет».

Конечно, если б здесь оказался Учитель, то сказал бы: «Ты поступаешь недостойно. И тебе слишком рано делать такие вещи. Лучше подождать несколько лет».

Но ведь столько ждать — с ума сойдёшь! Мехмед ощущал это именно так — как некое безумие, которое временами подступало, потому что хотелось вести себя безрассудно, забыть обо всех правилах, опасностях, обо всём. Учитель однажды сказал: «Иногда я не повелеваю своим телом, а оно повелевает мной», — а принц сейчас чувствовал, что подобен Учителю.

«Даже теперь, когда моё тело приказывает мне, я думаю о пользе для Учителя, — успокаивал себя Мехмед. — Я получу опыт, а Учитель останется ни при чём и потому не будет казнён. Я сам сделаю с этим мальчиком то, чего Учитель не может сделать со мной безнаказанно. Меня не казнят, потому что я единственный наследник трона. Как бы ни гневался отец, он не обезглавит собственное государство. А мальчика... да, я не хочу, чтобы его казнили, но что же делать, если я должен выбирать между его жизнью и возможностью стать самим собой. Конечно, я выберу себя. А кто на моём месте выбрал бы иначе?»

Голос разума, всё же звучавший в голове, но очень тихо, предостерегал, что отец, разгневавшись, может отдать приказ, о котором впоследствии пожалеет. Отец вполне мог казнить и собственного сына, если б история получила широкую огласку, но Мехмед готов был рискнуть даже собственной головой. В шатре никого не было, а этого красивого албанского мальчика, одетого в овечий тулуп и большую шапку, так хотелось утешить и не только утешить!

«Поначалу он даже не поймёт, что я собираюсь сделать», — подумал принц, притягивая этого мальчика к себе, но тот, прекратив рыдать, вдруг упёрся Мехмеду в грудь ладонями и оттолкнул, а точнее сам вырвался и отсел подальше:

— Нет, — произнесли разругавшиеся уста с тоненькими тёмными усиками над верхней губой.

— Что «нет»? — удивился принц.

Кареглазый албанский мальчик смотрел так, как будто понимал, что с ним собираются сделать. Но откуда могло взяться это понимание? Чем Мехмед выдал себя? Ничем. И всё же мальчик смотрел очень понимающе и почему-то не выражал возмущения, а лишь несогласие.

«Не может быть. Неужели мне настолько повезло, и ты подобен мне? — мысленно

обратился к нему принц. — Ах, как жаль, что тебя казнят. Как жаль!»

Меж тем мальчик ответил на недавний вопрос:

— Прощу тебя, господин, не делай так.

— Я всего лишь хотел тебя утешить, — недоумённо возразил Мехмед, но мальчик, услышав такое, ещё больше насторожился, как будто истолковал слово «утешение» в непристойном смысле.

Принцу начало это надоедать. Он гневно сдвинул брови и даже вскочил:

— Ты что же думаешь обо мне!? Подозреваешь меня в чём-то? Меня!? Да как ты смеешь! Я оказал тебе гостеприимство, сочувствую твоему горю, а ты...

Мальчик испугался, пал ниц:

— Прости меня, господин. Умоляю, прости.

Мехмед подошёл к нему:

— Простить!? А что ты сделаешь, чтобы доказать, что в твоей голове больше нет мыслей, оскорбляющих меня?

— Я... я... я не знаю, — тихо проговорил мальчик и снова зарыдал, не поднимая лица.

Он рыдал так, что Мехмеду снова захотелось быть нежным:

— Ну, хорошо, я прощаю тебя, — принц опустил рядом на ковры, заставил мальчика приподняться и заглянул в большие карие глаза, покрасневшие от плача, но всё равно красивые.

Мехмед утёр своему тринадцатилетнему гостю слёзы тыльной стороной ладони, и мальчик позволил это, больше не пытался отстраниться, а его уста — такого яркого, розового цвета — оказались теперь совсем близко. Захотелось сорвать с них поцелуй, а тонкие усики над верхней губой делали этот рот ещё более притягательным.

Принц вконец потерял голову, и всё же его ум сохранялся достаточно ясным, чтобы можно было проявить предусмотрительность — крепко ухватиться за конец кожаного ремня, утягивавшего овчинный тулуп мальчика, ведь красивый гость, даже позволив себя поцеловать, тут же попытался бы вырваться и выбежать из шатра, а этого не следовало допускать.

Мальчик, почувствовав некое движение возле своего пояса, вопросительно посмотрел вниз, и в это самое мгновение принц извернулся, поймал своими губами прекрасные яркие губы, а свободной рукой смял баранью шапку.

Как и следовало ожидать, мальчик дёрнулся, но Мехмед крепко держал за пояс. Шапка оказалась сорвана с головы тринадцатилетнего красавца, и теперь принц готовился прямо, без тени смущения посмотреть в его испуганное лицо: «Да, я лгал. Ты правильно подозревал меня. Но что ты сделаешь теперь? Закричишь?»

Мехмед уже всё обдумал. Если гость попытается закричать, следовало зажать ему рот рукой, а затем тут же уткнуться лицом в ближайшую подушку и по сильнее, чтобы у мальчишки даже на дыхание едва хватало воздуха, а не то что на крики. «Он будет лежать ничком, и это как раз то положение, которое мне нужно, — думал принц. — Дальше придётся тоже ни мгновения не медлить. Прежде, чем явятся слуги, я должен успеть хотя бы оказаться внутри. Если слуги увидят, что я уже начал, то не станут растаскивать нас. Они окажутся слишком смущены от увиденного или просто побрезгуют. Они подождут, пока я закончу, а дальше уже всё равно. Возможно, до моего отца эта история и не дойдёт, потому что дело замнётся. Мальчишку, конечно, казнят сегодня же утром как грешника, но со мной, возможно, станут вести себя так, будто ничего не случилось. Я как-нибудь намекну, что это самое правильное решение».

Всё это принц успел обдумать ещё до того, как оказался в шатре, а теперь был готов действовать. Но вдруг случилось то, что заставило его, как раз взглянувшего в лицо мальчику, изумлённо застыть.

Без шапки тринадцатилетний албанец выглядел немного не так, как в ней. Огромные карие глаза под изогнутыми бровями были всё те же, и рот с тонкими усиками над верхней губой не изменился, но теперь справа и слева от этого красивого лица добавилось по одной растрёпанной косе цвета каштана, то есть всего их было две — две очень длинные косы. Зачем мальчику такие косы?

Чтобы проверить возникшую догадку, которая казалась невероятной после всего случившегося, принц, по-прежнему вглядываясь в прекрасное лицо, спросил:

— Как тебя зовут?

Он только сейчас спрашивал об этом. Ещё минуту назад имя казалось ненужной подробностью, а теперь это стало важно.

— Эмине, дочь Абдуллаха, — прозвучало в ответ. Оказалось, что мальчик — вовсе не мальчик, а девушка!

Но ещё больше удивило принца то, что он почувствовал теперь — разочарования не было. Пусть мальчик оказался девушкой, но желание не ушло. Из-за внезапной перемены обстоятельств оно стало менее сильным, но не ушло.

«Наверное, всё к лучшему, — подумал Мехмед. — Если это девушка, её у меня не отберут. Возможно, мой отец будет даже рад, когда узнает».

Принц только теперь всерьёз задумался, почему его окружали лишь взрослые люди, и не было ни одного сверстника. Когда четырнадцатилетний Мехмед, перестав быть султаном, вернулся в Манису, то надеялся, что там его ждут хоть некоторые из товарищей по детским играм, однако не нашёл никого. Почему?

Неужели принца подозревали в том, что он, видя перед собой пример Заганоса-пашы и

Шехабеддина-паши, пожелает следовать этому примеру? Неужели сверстников удалили из опасения, как бы Мехмед не попытался сделать со своими товарищами чего-нибудь эдакого?

И вот теперь принц, которого, возможно, подозревали в особых склонностях, поступил так, как положено поступать единственному наследнику престола — проявил интерес к девушке, тем самым дав своему отцу надежду на то, что род продолжится. От такой новости должен был ликовать весь двор! Казалось впору объявить общенародный праздник!

Подумав об этом, Мехмед сам не заметил, что конец кожаного ремня ускользает из руки. Девушка вырвалась, уже готова была сбежать, но принц в последний момент поймал её за полу тулупа.

— Постой, постой! Прости меня, Эмине. Я не удержался, ведь ты такая красивая. Но ты всё равно не бойся. Дурных намерений у меня нет. Я хочу жениться на тебе. Подумай. Твой отец был бы очень доволен, узнав об этом.

Девушка обернулась, и теперь испуг уступил место такому же сильному изумлению, которое только что пережил Мехмед:

— Сын великого султана хочет жениться на мне?

Теперь принцу многое стало ясно. Если «мальчик», оказался девушкой, которая скрывала свою суть от окружающих, это объясняло, почему в дороге «мальчик» всё время держался возле отца, как привязанный, и ни с кем не говорил.

Также стало ясно, почему «мальчик» не позволил даже обнять себя, сразу усмотрел в этом покушение на свою честь, но не счёл действия принца противоестественными. Для девушки нет ничего странного в том, что на её честь покушаются. Девушка всегда опасается этого и ждёт. Наверное, Эмине удивилась лишь тому, что принц разглядел в ней женское начало даже под тулупом и бараньей шапкой. А ещё удивилась, что речь зашла о свадьбе. Бедняжка, наверное, сомневалась даже в том, возьмёт ли её принц на содержание.

Мехмед мысленно обрадовался, что не успел случайно проболтаться, кем считал её ещё минуту назад. Теперь можно было ничего не объяснять, а просто притвориться, что оказался проникательным — якобы разглядел девушку даже под мужской одеждой и потому начал обнимать-целовать.

«Это всё же удача, — сказал себе принц. — Не такая, как я думал, но удача».

Даже теперь, без шапки, Эмине всё равно напоминала мальчика. Возможно, из-за этого девушку не всякий назвал бы красивой. Правильные, но грубоватые черты лица. Очень заметные усики. Наконец, широкие угловатые плечи и узкие бёдра.

Даже под толстым тулупом угадывалось, что фигура именно такая. Но именно это Мехмеду нравилось: и фигура, и лицо! До чего же притягательной казалась эта двойственность! Столько мужских черт, и всё же девушка! Значит, её не отберут. И счастье

окажется долгим.

— Да, я хочу на тебе жениться, — повторил Мехмед и вдруг обратил внимание, что Эмине, порывавшаяся убежать, сейчас на ногах, а он, поскольку остался сидеть на коврах и лишь ухватил её за полу тулупа, оказался будто на коленях перед ней.

Девушка тоже это заметила, смутилась, снова села и поклонилась:

— Господин, умоляю тебя, не смейся надо мной.

— Я не смеюсь и не шучу. Я женюсь на тебе после окончания похода. Обещаю.

— Это великая честь для меня, господин... а твой отец разрешит?

Мехмеду сейчас не хотелось об этом думать, поэтому он так и ответил:

— Не думай об этом. Лучше позволь мне поцеловать тебя ещё раз.

— Господин, — ответила Эмине. — Твои намерения — великая радость для меня, но позволь мне сначала оплакать моё горе.

Только теперь принц вспомнил, что его невеста час назад лишилась отца, а заодно вспомнил, что не выяснил ещё некоторые подробности этой истории:

— А зачем твой отец взял тебя с собой, а не оставил в крепости?

— Меня не с кем было оставить, господин, — ответила Эмине. — Поэтому мой отец сначала не хотел идти в горы. Он не мог на целых три дня оставить меня одну в крепости наедине со многими мужчинами, ни один из которых мне не родственник. И никто из них даже не женат. Ведь они все — янычары.

— Да, янычарам запрещено жениться. Я знаю, — отозвался Мехмед.

— Будь они женаты, — продолжала объяснять девушка, — отец поручил бы меня заботам их жён, но меня не с кем было оставить, а кругом мужчины. Отец сказал, что лучше мне умереть, чем пережить такой позор.

— Твой отец думал, что кто-то из них покусится на твою честь? — принц был слегка изумлён. — Но ведь эти люди служили под началом твоего отца. Они бы не посмели.

— Это не имеет значения, — убеждённо произнесла Эмине. — По всей округе пошли бы разговоры. Отец заботился о сохранении моей чести, чтобы я могла выйти замуж. Конечно, заботиться было трудно, но после того, как умерла моя мать, он никуда не отлучался из крепости без меня.

Принц продолжал удивляться такой небывалой бдительности:

— А за честное имя твоей матери, пока та была жива, он не боялся? Неужели, он тоже водил её с собой?

— За честь моей матери он тоже боялся, — невозмутимо объясняла Эмине. — Но ведь мама уже вышла замуж, поэтому её он всё же иногда оставлял, а когда возвращался, то после этого мог несколько дней расспрашивать всех, даже меня, что она делала и куда ходила. Иногда он её наказывал, если считал её поведение слишком свободным.

Девушка говорила так, очевидно, уверенная, что ни один отец не мог бы поступать иначе, но Мехмеду подумалось, что покойный Абдуллах был большой ревнивец, а когда умерла жена, эта ревность перешла на дочь и даже усилилась.

— После смерти матери ты жила вдвоём с отцом? — спросил принц.

— Да.

— А почему он не женился снова? Если бы он женился, ему проще было бы растить дочь.

— Мой отец — тоже янычар, как и остальные воины в крепости, — сказала Эмине и, всхлипнув, исправила фразу: — То есть он был янычаром. А янычары ведь женятся только по разрешению. Отцу разрешили, потому что он отличился на войне, и его так наградили за службу. Чтобы снова жениться, ему надо было снова просить разрешения, но не было удобного случая.

Их разговор оказался прерван одним из слуг Мехмеда. Войдя, челядинец молча поклонился, а затем отступил в сторону и приоткрыл полог, чтобы в шатёр мог войти предводитель войска Али-бей.

Увидев посторонних, Эмине тут же вскочила и отступила в угол.

— Прошу прощения, Мехмед Челеби, — с поклоном произнёс военачальник. — Мне сказали, что ты увёл девушку в свой шатёр. Я не осмеливался мешать, но время уже позднее, нам пора двигаться в путь, иначе мы не доберёмся до города к вечеру.

Принц рассмеялся и подумал: «Так вот почему мне так долго никто не мешал! Те, кто мог бы заметить, что я повёл Эмине к себе, знали, что она девушка, а не мальчик. И Али-бей знал. Конечно! Он ведь не в первый раз проходил с войском мимо той крепости, и ему было известно, что у коменданта крепости имеется дочь, а не сын. Али-бей сказал об этом моим слугам, и потому они тоже мне не мешали. Один я ничего не знал».

Воспоминание о пережитом приключении стало забавлять Мехмеда, а теперь он понял, что может позабавиться ещё, глядя, как сейчас изменится лицо предводителя войска.

— Хорошо, мы выступаем, — спокойно произнёс принц, а затем, указав на смущённую Эмине, стоявшую в углу, добавил: — Ты должен позаботиться о ней наилучшим образом, потому что теперь это — моя невеста. Она поедет со мной в Манису, когда окончится этот поход. В Манисе состоится свадьба.

Мехмед и сам до конца не понимал, зачем решил жениться. Свадьба — это ведь не единственный способ сделать девушку своей. Наверное, принцу всё-таки было стыдно за то, что он намеревался совершить, пока думал, что она — мальчик. Вот и захотелось свой недостойный поступок, пусть и несовершенный, как-то уравновесить.

* * *

Албанский город, подвергшийся осаде турецкой армии, так и не был взят, но Мехмеда это не расстроило. Хотелось поскорее вернуться в Манису, и не только для того, чтобы

поскорее увидеть Учителя. Свадьбу тоже хотелось сыграть поскорее, поэтому принц часто представлял, как вернётся во дворец. К этому времени как раз наступила бы весна, когда всё цветёт. Дворцовые сады в это время казались райским уголком — в том числе сад на женской половине, и Мехмед представлял, как сидит посреди этого сада в беседке вместе с Эмине, и девушка уже не противится ничему.

Впрочем, зимние дни в воинском лагере тоже не были лишены радостей, ведь Эмине, находясь здесь, сохраняла свой наиболее привлекательный облик — облик мальчика. Пусть у неё появился слуга-евнух и даже собственная повозка, но женскую одежду для невесты принца оказалось невозможно найти, поэтому девушка продолжала носить мужские вещи и прятала косы под войлочной шапкой.

Ах, как приятно было Мехмеду ловить на себе взгляды этого «красивого мальчика». Раньше, когда поход только начался, и «мальчик» шёл по горной дороге рядом с отцом, принц безуспешно пытался встретиться глазами или перекинуться хоть одной фразой с предметом своих мечтаний. Теперь же всё изменилось — Эмине, сидя на краю повозки, сама высматривала своего жениха, улыбалась, если видела, что тот обернулся, и ждала, что он подойдёт поговорить.

Как выяснилось, девушка могла говорить не только по-албански, но и по-болгарски, потому что по-болгарски объяснялась с ней мать, да и воины в отцовской крепости в большинстве своём происходили из Болгарии. По-турецки Эмине не говорила, и Мехмед задался целью хоть немного научить свою невесту этому языку.

Изъясняться по-албански принцу было всё же трудно, а по-болгарски он не хотел. На этом языке обращались друг к другу дворцовые слуги в Эдирне. Принц не хотел говорить на языке слуг, хоть и понимал его. Так возникло намерение обучить девушку турецкому.

Помнится, Эмине смутилась, когда услышала, что придётся учить турецкий. Сидя на краю повозки рядом с принцем, она спросила:

— Мой господин, а если я не смогу выучить?

Это прозвучало так знакомо! Когда-то Мехмед сам задавал такой же вопрос Учителю, и потому теперь ободряюще улыбнулся невесте:

— В турецком языке нет ничего трудного.

Она поверила. Принц даже удивлялся, что его невеста теперь верит всему, что он говорит. Наверное, раньше она точно так же верила своему отцу и старалась слушаться, а теперь слушалась жениха, старательно запоминая слова, которые Мехмед ей называл.

Теперь Эмине часто развлекала себя тем, что бродила по лагерю неподалёку от своей повозки и, указывая пальцем, называла по-турецки всё, что видит вокруг себя:

— Небо, лошадь, земля, телега, корзина, колчан, стрелы, верёвка, камень, шатёр...

Воины и обозные слуги, понимая, что она делает, подсказывали ей слова, если она

забывала или встречала что-то новое.

— Копьё, топор, костёр, котелок, ложка, — перечисляла девушка, а однажды, когда Мехмед неожиданно появился из шатра и оказался перед ней, произнесла: — Принц.

— Невеста принца, — по-турецки сказал Мехмед, а поскольку Эмине поняла не вполне, он повторил по-албански.

— Невеста принца, — по-турецки произнесла девушка, указывая на себя, а Мехмед снова указав на неё, добавил:

— Гюльбахар.

Эмине снова не поняла.

— Теперь это твоё второе имя, — пояснил принц. — Запомни его тоже, как другие слова.

Согласно традиции, Эмине, оказавшись в гареме, должна была получить второе, гаремное имя, и Мехмед заранее придумал, как назовут его будущую жену — Гюльбахар, то есть Весенняя Роза.

* * *

Даже в холодных горах уже чувствовалось приближение весны, которую поэты не зря называли самым прекрасным временем года, а поскольку принц в дни осады не был слишком занят, то очень много думал о цветах и о любви. Хотелось взять один из потрёпанных поэтических сборников, оставшихся в Манисе, открывать страницы наугад и читать, читать о весне.

Принц поначалу очень сожалел, что не взял с собой на войну ни одной такой книги, но затем подумал, что это и к лучшему, потому что впервые в жизни сам захотел сочинять стихи. Он велел принести бумагу и прибор для письма.

Не один лист, исписанный с обеих сторон, оказался в досаде скомкан, не одна тростниковая палочка, торопливо чертившая знаки на бумаге, сломалась прежде, чем у Мехмеда получилось вот такое стихотворение, обращённое к Эмине:

Когда шиповник облачён в цветения наряд,
На нём бутоны, словно пуговицы, пестрят,
Но как ни похвали шиповника соцветья,
Красу сладчайших уст те розы не затмят.

В саду гуляя, можешь ты уловками жеманства
Жасмин очаровать: тот ветками поклонится сто крат!
Да и кизил, увидев, как тебе дорогу усыпают розы,
По их примеру лепестки рассыпать тоже рад.

В тот день, когда розовощёкая краса придёт цветы увидеть,
Авни, пусть слёз твоих роса покроет целый сад!^[1]

Автор и сам чувствовал, что строки получились такими, как получаются у начинающего поэта, но выразить свои чувства точнее не мог. Возможно, со временем это удалось бы лучше, а пока, перечитывая написанное, принц представлял, как Эмине, которую он теперь даже мысленно называл Весенняя Роза, гуляет по весеннему саду, топчет шёлковым башмачком опавшие лепестки и жеманно улыбается. Эта мечта сейчас была недоступна, поэтому Авни, который являлся поэтическим отражением самого Мехмеда, проливал слёзы.

Да, в те дни принц придумал новое имя не только своей будущей жене, но и себе самому. Авни, то есть Единомышленник — так теперь звали того Мехмеда, который жил в прекрасном мире стихов, а не в этом мире, полном уродства и несовершенств. Имя Авни призвано было подчеркнуть, что мысли и чувства этого выдуманного героя полностью созвучны мыслям и чувствам самого Мехмеда.

Впрочем, в эти дни принц испытывал и то, чего не мог бы выразить через своего Единомышленника. Это касалось отца.

Сидя перед листом бумаги и держа в руке тростниковую палочку, Мехмед не раз думал о том, что, наверное, следует отправить отцу письмо, спросить согласия на свадьбу. Так поступил бы почтительный сын, но Мехмед не мог себя заставить.

Помнится, очень давно, в девятилетнем возрасте, живя ещё даже не в Манисе, а в Амасье, принц, только-только научившийся выводить слова твёрдым почерком, похожим на взрослый, отправил отцу письмо, где говорил о том, что любит и уважает своего родителя, обещает хорошо учиться и стать достойным сыном. Принц попросил слуг устроить так, чтобы письмо доставили в Эдирне, и это было исполнено — письмо попало к личному отцовскому секретарю, но ответа так и не последовало.

Два года спустя, когда Мехмеда перевезли в Манису, а отец приехал туда, чтобы посмотреть на сына, принц спросил про письмо, но в ответ услышал недоумённое:
— Я не понимаю, о чём ты говоришь.

Нет, Мехмед просто не мог ещё раз испытать такого унижения — сделать шаг навстречу и обнаружить, что этот шаг просто не заметили, поэтому не стал сообщать отцу ничего: «Пусть кто-нибудь другой сообщит. А может, отец даже и не заметит, что я женился?»

Разумеется, Али-бей, в чьём войске находился Мехмед, должен был отправить в Эдирне письменный доклад с упоминанием о том, как принц проявил себя на войне. Пришлось бы упомянуть и о девушке, но военачальник сказал:

— Я не буду указывать, что ты говорил мне о намерении сыграть свадьбу. Ведь твой отец, да продлятся его дни, пока не дал тебе разрешения. Ещё подумают, что ты хотел

жениться против его воли. Зачем я буду докладывать о тебе такое? Я лучше напишу, что ты был храбр и проявлял большой интерес к военным делам. А про девушку напишу только то, что ты проявил великодушие к бедной сироте, оказал ей своё покровительство.

* * *

Как видно, в Эдирне, прочитав отчёт, не поняли истинных намерений принца, потому что Мехмед беспрепятственно привёз свою невесту в Манису, где девушку разместили на женской половине дворца в свободных комнатах, которых было достаточно.

Мулла Гюрани, конечно, сразу спросил, что происходит, и тут Мехмеду пришла в голову замечательная мысль. Пусть принц и считал главного наставника своим врагом, но теперь понял, что во многом выиграет, если поведёт себя правильно. Нарочито смутившись, Мехмед сказал ему, что хочет поговорить о серьёзном деле, и что это разговор не для чужих ушей, а когда мулла, очень польщённый таким доверием, проследовал в одну из комнат в покоях принца, то услышал:

— Учитель, я прошу тебя о большом одолжении. Для меня будет честью, если ты согласишься.

Мехмед, усевшись на софу и предложив наставнику присесть рядом, завёл речь о том, что надо совершить свадебный обряд. Проводить такие обряды — одна из обязанностей муллы. Как всё-таки удачно получилось, что Ахмед Гюрани был именно муллой, а не шейхом, который тоже имеет право обучать Корану, но никаких обрядов не совершает!

— Пожени меня с девушкой, которую я выбрал, — произнёс принц. — Тебе ведь будет несложно, а я никогда не забуду этой услуги.

Говоря так, Мехмед хотел сыграть на чувствах муллы, ведь уже понял, что между этим наставником и Другим Учителем идёт противостояние, которое имеет особую природу: «Другой Учитель совсем не преувеличивал, когда говорил, что я могу понравиться. Я считал себя некрасивым, а между тем из-за меня даже идёт спор».

Спор стало совсем очевидным минувшей зимой во время верблюжьих боёв, но, наверное, принц всегда подозревал, что Ахмед Гюрани подобно Другому Учителю испытывает особые чувства.

Правда, чувства муллы всё равно казались не такими, как у Учителя. Мехмед никогда не мог бы вообразить, что Учитель купил себе евнуха. А вот мулла купил и использовал этого евнуха даже не как женщину, а как мальчика.

Мехмед лишь недавно задумался, кого видит мулла мысленным взором на месте своего евнуха, но в то же время принцу казалось, что ответ всегда находился на поверхности. Даже тогда, когда Мехмеду было всего одиннадцать. В те годы наследник престола только-только познакомился со своим наставником и многого не сознавал, но где-то в глубине сердца

чувствовал. Поэтому и не желал покориться мулле.

Даже теперь мысль об этом вызывала отвращение. Принц не желал, чтобы мулла представлял то, чего никогда не случилось бы. И, тем не менее, Мехмед, теперь сидя рядом с муллой на софе, решил показать своему наставнику, что тот мог бы победить в противостоянии с Другим Учителем.

«Если Ахмед Гюрани будет в точности исполнять то, что я хочу, то отвращение я как-нибудь смогу победить. Если он перестанет пытаться подчинить меня, а сам подчинится, то я вполне смогу его терпеть. Если так, то смогу», — решил принц.

— Исполни эту просьбу, и я смогу сказать о тебе, что ты не только мой наставник, но и друг, который помог мне стать счастливым, — Мехмед произнёс это с милостивой улыбкой, а мулла, как и ожидалось, оказался польщён больше прежнего, но всё же ответ прозвучал не тот:

— Я охотно исполню твою просьбу, Мехмед Челеби, когда на это будет согласие великого султана.

— Учитель, — возразил принц, — ты же знаешь, что решения можно ждать очень долго. И к тому же я не совершаю ничего плохого, а если отец захочет меня женить на другой невесте, то есть знатной, то всё равно сможет это сделать. Мусульманину дозволяется иметь четыре жены. Если я женюсь один раз, то смогу жениться ещё три раза.

— Это верно, — отвечал мулла, — но я всё-таки советую подождать решения твоего отца, которое как всегда будет мудрым. Ты уже обратился к отцу с просьбой?

Мехмед не ответил на вопрос и продолжал своё:

— Я бы предпочёл, чтобы свадьба состоялась уже на этой неделе. Не хочу ждать дольше. Учитель, пойми меня!

Мулла поначалу хотел отказаться, но принц, который только что ластился к учителю, вдруг посуровел:

— Значит, у меня не будет повода оказывать тебе особое почтение? Ты хочешь, чтобы я ценил то, что ты делаешь для меня, так сделай то, что я могу ценить! Я согласен, что ты даёшь мне знания. Но разве для меня ты это делаешь? Ты делаешь то, что приказал мой отец! А когда ты присматриваешь за мной и воспитываешь меня, то делаешь это тоже по приказу. А теперь сделай что-нибудь не по приказу моего отца, а по моей просьбе, и увидишь, что я могу быть благодарным! Значит, ты не хочешь? Не хочешь, чтобы я был тебе признателен?

Мехмед замолчал, однако не сказал, что разговор окончен, и что мулла может идти. Молчание продолжалось почти минуту, после чего наставник, вздохнув, согласился, но с условием, что свадьба будет тихая и скромная, и что о ней не станут объявлять по городу.

— Пусть будет так, — улыбнулся принц. Он ведь и сам не хотел огласки.

Скорая свадьба не заставила Мехмеда забыть об Учителе, но Учителя будущее событие расстроило, причём гораздо сильнее, чем ожидал принц. Поначалу казалось, что ученик сможет одной своей улыбкой доказать, что всё по-прежнему, и что любовь никуда не делась, но когда он после возвращения в Манису впервые встретился с Учителем, то разговор оказался очень трудным.

Был обычный учебный день, только что закончилось изучение Корана, и мулла с прислужником вышли из комнаты, где сидел на коврах принц. Мулла выглядел очень довольным, ведь Мехмед частично показал ему знания, которые скрывал. Это следовало сделать в счёт обещанной благодарности за совершение свадебного обряда, но когда главный наставник начал вести себя, как победитель, принц чуть было не пожалел о том, что уступил.

Мехмед видел, как мулла окинул Учителя Греческого, ждавшего возле дверей, едва ли не презрительным взглядом. Учитель Греческого по обыкновению сделал вид, что ничего не произошло, и принц решил последовать этому примеру.

Вот начался новый урок, и принц, приветливо улыбаясь и стараясь выглядеть непринуждённо, спросил по-гречески:

— Учитель, Тебе рассказали новость?

— Да, мой ученик, мне рассказали, — холодно ответил Учитель, а Мехмед, услышав ответ, почти испугался.

Как же отчуждённо прозвучали эти слова! Казалось, что всё, случившееся до албанской войны, осталось в далёком прошлом, и что потеряла значение даже поездка на верблюжьи бои, а также ночь в шатре, которую Учитель и ученик провели, находясь почти рядом. Казалось, что та ночь закрепила влечение влюблённых друг к другу. А теперь как? Всё рассыпалось?

Помнится, Мехмед в ту ночь, как и обещал, не сомкнул глаз, а лежал и слушал дыхание Учителя — слушал внимательно, поэтому знал, что Учитель заснул вовсе не сразу, а очень долго притворялся спящим, потому что из-за волнения не мог погрузиться даже в дрему. И вот теперь Этот Человек спокойно сидел на коврах перед учеником, а во взгляде была пустота. Ни любви, ни даже интереса. Ничего!

— Учитель, нет, — принц схватил обеими руками Его правую ладонь и от волнения заговорил по-турецки, — не наказывай меня так. Прощу Тебя. Не прячься. Вспомни, как мне было тяжело, когда Ты рассердился на меня в прошлый раз. Не заставляй меня испытать это снова.

— Я вовсе не сержусь, — ответил Учитель по-гречески. — Ты имеешь право поступать так, как поступил. Однако твой поступок означает...

Мехмед увидел, что Учитель пытается высвободиться, и эта медленная, но решительная попытка говорила сама за себя.

— Нет, Учитель, — принц сильнее сжал ладонь в своих руках, — мой поступок ничего не означает. Это... другое. Другое! — он перешёл на греческий: — У Александра были женщины, но разве это поссорило его с Гефестионом? А Ахилл, когда желал женщин, разве забывал о Патрокле? Даже Сократ считал для себя нужным жениться. У него было две жены. Ведь так?

Учитель глубоко вздохнул, и выражение лица начало меняться. Сквозь напускное спокойствие и равнодушие проступила душевная боль — такая, которая не даёт дышать свободно и не даёт ничего делать, занимает все твои мысли. Особенно остро она проступала во взгляде, и Мехмед подумал: «Что же я наделал? Зачем затеял свадьбу? Надо было сделать то, что от меня ждали: оставить себе эту Эмине на две-три ночи, а после отдать её кому-нибудь, не везти в Манису. И тогда Учитель ничего бы не узнал, и у Него не было бы сейчас такое лицо».

— Учитель, я не могу совсем отказаться от женщин, — продолжал Мехмед по-гречески, — ведь я единственный наследник своего отца. Это значит, что у меня должны быть дети, чтобы наш род продолжился.

— Почему именно сейчас? — тоже по-гречески спросил Учитель, и принц чувствовал, что Учителю больно спрашивать об этом.

— Потому что, — Мехмед старался не лгать, — это первая девушка, которую я по-настоящему пожелал. До этого я, если случайно видел девушек, не чувствовал в себе особого отклика. Это первый раз, когда я почувствовал сильное желание, поэтому заподозрил, что больше никогда не пожелаю так ни одну, и решил жениться на этой. Чтобы мне не пришлось себя заставлять быть с ней...

— Это хорошо, что ты сознаёшь свой долг перед семьёй. Я не стану мешать тебе в выполнении твоего долга, — сказал Учитель и снова попытался высвободить ладонь.

Принц с трудом находил слова. Сердце наполнялось отчаянием: «Неужели, можно так просто всё разрушить? Так просто?»

— Учитель, если я поступаю хорошо, тогда почему Ты сердишься?

— Я не сержусь, но твоя привязанность ко мне помешает тебе в выполнении твоего долга. Мы не поссорились, но нам лучше быть просто друзьями, — сказал Учитель и свободной рукой потянулся вперёд, но лишь затем, чтобы разжать пальцы ученика и освободиться.

— Нет! — Мехмед, почувствовав в своих руках пустоту, хотел обнять Учителя, но был остановлен на полпути, когда Учитель схватил ученика за запястья и силой заставил сесть на ковры.

Принц всегда считал себя не таким уж слабым физически, поэтому теперь удивился, насколько силён, оказывается, был Учитель, если мог схватить так крепко и не позволить даже приблизиться, если не хотел объятий или других проявлений любви:

— Перестань, — это прозвучало очень строго.

Мехмеду захотелось плакать:

— Нет, Ты не можешь решать за меня, кого мне любить! — произнёс он и снова ринулся вперёд, но снова был остановлен:

— Перестань.

Принц пытался побороть сопротивление, не хотел отступать, но силы были не равны, и он вынужденно уселся на место:

— Учитель, зачем так? Зачем? Ты же лучше всех знаешь, что я хочу быть с Тобой. Вот, чего я хочу, а не эту свадьбу!

— Однако она состоится, — возразил Учитель с грустной улыбкой. — Ты уже сделал выбор, но сам ещё не смирился. Смирись. От твоих метаний будет только хуже и тебе, и мне.

— Нет, — ученик снова ринулся к Учителю, но теперь сам остановился, нехотя сел на ковёр и выражал несогласие лишь словами: — Почему Ты решил, будто знаешь мои мысли? Я не делал выбора, о котором Ты говоришь. Почему Ты не веришь мне? — принца осенила догадка: — Я напоминаю Тебе кого-то, кто действительно выбрал? Кого-то, кто Тебя покинул?

Учитель ничего не ответил, но Его лицо опять изменилось, будто тенью промелькнуло давнее воспоминание, очень болезненное, а затем, после глубокого вздоха, в глазах и во всём облике снова появилось спокойствие и безразличие. Учитель не хотел страдать и стремился закрыть сердце от страданий, но ведь Он был неправ!

— Не веришь мне, а я покажу, чего хочу на самом деле, — произнёс Мехмед, приподымаясь и запуская руки под полы кафтана.

Учитель, наверное, не понял, что ученик собирается сделать, ведь намерения могли показаться слишком смелыми — слишком! — но Мехмед уже потянул за завязки на штанах.

— Ты говорил, что ученик должен раскрыться для учителя, — сказал принц. — А если я раскроюсь так?

Завязки на штанах развязались. Осталось развязать другие — на исподнем. Учитель округлил глаза. Значит, Он совсем-совсем не ждал такого поворота событий, и тут на смену удивлению пришёл страх, не за себя:

— Что!?! Немедленно перестань. Ты понимаешь, насколько это безрассудно? — зашептал Учитель. — Я имел в виду совсем не это, когда говорил, что ты должен передо мной раскрыться.

Он начал хватать ученика за руки и не давал верхним штанам упасть, в то время как принц хотел эти штаны приспустить. Опять началась борьба, но теперь уже ученик стал тем, кто отталкивает, а не наоборот:

— Пусти, — шипел Мехмед. — Я хочу, чтобы Ты видел. Видел, что мне не стыдно.

— Это зрелище не для меня. Тебе всего четырнадцать.

— Мне уже пятнадцать. Недавно исполнилось. И я скоро женюсь. Значит, я взрослый.

Учитель опять оказался сильнее. Вот Он опять ухватил ученика за запястья, пытаясь заставить сидеть спокойно, а ученик извивался, крутился во все стороны, стараясь вырваться, как вдруг заметил, что Учитель весело улыбается.

Однако теперь уже Мехмеду стало не до улыбок. Он смотрел почти со злостью, а Учитель мягко произнёс:

— Успокойся. Я верю тебе. Ты всё тот же безрассудный мальчик, которого я знаю и люблю. Как видно, я не сумел научить тебя осмотрительности, но мы это исправим.

— Учитель, если ещё раз скажешь, что я Тебя не люблю, я... — продолжал шипеть принц.

— Успокойся, мой мальчик, — мягко повторил Учитель. — Успокойся.

Взгляд Учителя, как это обычно бывало, лучился теплотой, и от такого взгляда дурное настроение Мехмеда сменилось хорошим. Принц тоже улыбнулся. Нить, связывавшая Учителя с учеником, теперь не грозила оборваться, и можно было успокоиться, поправить одежду. Пока Мехмед возился, то и сам вдруг испугался, что кто-нибудь войдёт и увидит странную картину. И что подумает? Но к счастью обошлось.

Уже приведя свою одежду в порядок, принц спросил всё так же по-гречески:

— Учитель, а у Тебя когда-нибудь были женщины?

— Да, — прозвучал короткий ответ, и эта краткость означала нежелание говорить, но мягкость голоса подсказывала, что Учитель готов рассказать, если ученик станет настаивать.

Принц настоял, задав новый вопрос:

— А сколько их было всего?

— Всего две, — произнёс Учитель и, видя недоумение на лице ученика, продолжал: — Первый раз это было, когда мне исполнилось шестнадцать. Я учился в школе для мальчиков, которая есть в Адрианополисе... в турецкой столице. В ту школу принимали сыновей богатых греков, и мой отец отдал меня туда, когда мне было десять. И вот, когда мне исполнилось шестнадцать, я обнаружил, что почти все мои товарищи уже побывали у женщин, продающих себя за плату. Мои товарищи постоянно говорили о своём опыте, поэтому я, обманным путём выпросив у отца денег, тоже сходил к женщине один раз. В то время я думал, что никогда не встречу никого, подобного мне, поэтому стремился стать, как все, и вести себя, как все.

— А другая женщина? — спросил Мехмед. — Кто она была?

— Она тоже продавала себя за деньги, — ответил Андреас. — Я решил пойти к ней, когда жил в Константинополе. Мне было восемнадцать или девятнадцать лет. Уже не помню. Я пошёл к ней только для того, чтобы окончательно убедиться — иметь дело с женщинами мне совершенно не интересно. Я могу быть с женщиной, но если выбирать между «сойтись с женщиной» и «остаться одному», всегда предпочту одиночество. К счастью, я не единственный сын своего отца, поэтому мне не нужно жениться и заботиться о том, чтобы оставить потомков. Мой старший брат с лихвой выполнил эту обязанность и за себя, и за меня. Но я понимаю тебя, когда ты говоришь, что должен иметь наследников. Я понимаю.

Мехмед опустил глаза, ведь он сказал Учителю не совсем правду — принц хотел жениться на дочери Абдуллаха не только из чувства долга, но и из-за желаний, чем-то похожих на безумие. Тело требовало того, что на языке Учителя называлось «пошлая любовь» в противовес «любви возвышенной». Тело требовало, и Мехмеду было уже всё равно, с кем пережить первый опыт «пошлой любви» — с мужчиной или юношей, с женщиной или девушкой, но Учителю этого знать не следовало. Правда заставила бы Его страдать.

* * *

Когда Андреас только-только узнал о свадьбе принца, новость стала очень болезненной. Грек даже удивился сам себе. Он полагал, что уже научился справляться со своими чувствами, но оказалось, что нет. Как больно показалось думать: «Йылмаз-бей был прав — не следовало вверять собственную судьбу мальчишке. Сердца мальчишек непостоянны».

Молодой грек имел случай убедиться в этом ещё в Константинополисе. Именно в том городе жил греческий мальчик с особыми склонностями, которого напоминал учителю Мехмед. Поначалу тот мальчик подавал большие надежды. Казалось, что необычная привязанность к учителю, которая зародилась в неопытном сердце, будет длиться не год и не два, а много лет. Это означало, что Андреас сможет заниматься образованием своего ученика даже тогда, когда тот из отрока превратится в юношу. Даже если отец мальчика, зажиточный купец, перестал бы платить, посчитав, что высшее образование сыну не нужно, молодой учитель готов был продолжать занятия бесплатно. Лишь бы ученик соглашался следовать за учителем по дороге к истине, верил бы ему и не ленился. Но всё закончилось даже быстрее, чем Андреас мог предположить.

Мальчишка стал рассеян на уроках, а затем выяснилась и причина — девочка, которая жила по соседству. Казалось, что ничего страшного не произошло, но у Андреаса опустились руки. Он понял, что потерял прежнюю власть над своим учеником и уже никогда не сможет поднять его к тем вершинам образованности, к которым мог бы поднять на крыльях любви. Умного красивого учителя, которому в то время было всего-то двадцать с небольшим, променяли на безмозглую девчонку! Девчонку самую обычную! Девчонку, которых так много!

Ах, как разочарован оказался Андреас! Великие знания, которые могли быть получены в будущем, оказались отвергнуты ради сиюминутной цели! И ведь ученик даже не заметил, как променял одно на другое, но любовь к знаниям он утратил. Конечно, чего-то он всё равно достиг, и отец мальчика даже сказал, что учитель «просто кудесник, если сумел вбить в голову этого сорванца хоть что-то», но Андреас не чувствовал, что заслужил похвалу.

Когда учитель и ученик виделись последний раз, мальчик говорил, что скоро отправится вместе с отцом в плавание, но радовался не возможности посмотреть мир или освоить морское дело:

— Отец говорит, что из меня будет толк. Я смогу наследовать наше дело и преумножить

наше богатство, — сказал мальчишка.

То есть он радовался, что станет удачливым купцом подобно отцу. «Как приземлённо и скучно!» — думал учитель и именно в те дни познал настоящую горечь любви.

Глупцы те, кто утверждает, будто самый печальный жребий — любить безответно. Самый печальный жребий — любить и разочароваться в предмете любви. Когда любишь безответно, то, как бы ни болело твоё сердце, это сладкая боль — сладкая по сравнению с ядом разочарования, у которого нет противоядия.

Когда приходит разочарование, твоя душа закрывается, как мидия в раковине. Ты уже не способен мечтать и, прежде всего, ищешь в людях дурные стороны, а не хорошие. Появляется чувство, будто тебя одурачили или почти одурачили. Тебе обидно за себя, и своё за время, напрасно потраченное на того, кто оказался не достойным таких жертв. Становится стыдно смотреть в глаза каждому, кто видел тебя влюблённым. «Они считали меня безумцем», — думаешь ты и хочешь скрыться, сбежать от них и от их понимающих взглядов.

Андреас так и сделал — сбежал из Константинополиса, много путешествовал и только в Афинах окончательно успокоился. «Ведь и Сократ потерпел такую же неудачу с Алкивиадом, — напоминал себе грек. — Алкивиад не смог оценить то, что был способен дать ему Сократ. Этот ученик желал иное, а затем, будто в отместку учителю, сначала женился, а затем и вовсе дал понять, что предпочитает проводить время с гетерами, а не в беседах с мудрейшим из афинян».

Прошло ещё несколько лет, и судьба свела Андреаса, всё ещё молодого, с турецким принцем, который тоже подавал большие надежды. Помнится, Мехмед сказал, что никогда не уподобится Алкивиаду, но в то же время был чём-то удивительно похож на него. Как тот греческий мальчик из Константинополиса. Они оба напоминали Алкивиада, и это было для Андреаса очень ценно.

Именно такие мальчики, с трудным характером, всегда привлекали этого учителя, и чем более строптивым оказывался ученик, тем больше учителю нравился, потому что молодой грек был по-своему амбициозен — хотел попробовать потягаться с самим Сократом, пусть и говорил, что этого великого педагога превзойти нельзя.

«У меня особый талант, — говорил себе Андреас. — Я способен заставить учиться даже тех, от кого другие учителя отказываются и бессильно разводят руками. Этот талант был признан многими. А если так, то, возможно, мне удалось бы то, чего не удалось Сократу. Возможно, я сумел бы совладать с Алкивиадом. А даже если нет, и я слишком самоуверен, то могу хотя бы помечтать об этом».

Молодой учитель не хотел славы, не стремился сравняться с Сократом в известности, но если бы удалось хоть в чём-то превзойти великого учителя, то от сознания своей победы Андреас стал бы невероятно счастлив. «Пусть о победе никто не узнает. Главное, что я буду знать», — думал молодой грек.

Незримое соревнование казалось невероятно увлекательным, особенно последние полгода, когда Андреас по-настоящему увидел способности Мехмеда. «Вот тот ученик, благодаря которому я могу победить», — твердил себе грек и потому не хотел отказываться от надежды, как бы ни было трудно.

«Мехмед — моя новая надежда, — думал учитель, уже после того, как принц, неожиданно собравшийся жениться, снова поклялся ему в любви. — Только бы не разочароваться! Только не это!»

* * *

Когда мальчик сказал: «Я хочу быть с тобой, а не эту свадьбу», — то Андреас поверил. Очень хотелось верить, что любовь не умерла. Очень хотелось верить, что не придётся искать себе нового ученика и начинать всё сначала. «Ничего ещё не кончено. Ничего», — убеждал себя грек, а ко дню злополучной свадьбы он убедил себя настолько, что почти не грустил.

Стало даже любопытно, что из всего этого выйдет, ведь Андреас прекрасно знал, что принц невинен, и что тринадцатилетняя жена станет первой, с кем Мехмед когда-либо делил ложе. «Изменится ли мой ученик, преодолев рубеж, за которым, как принято считать, начинается взрослость?» — думал грек.

Андреаса, конечно, не пригласили на свадьбу, потому что он не был мусульманином, но на восьмой день после свадьбы принцу следовало вернуться к учёбе — с этого времени начинались обычные учебные дни, в том числе изучение греческого — и вот тогда учитель смог бы увидеть ученика и оценить изменения.

В день свадьбы даже до покоев Андреаса долетала весёлая музыка. Это означало, что неподалёку проходит пир. «Мой мальчик женится», — думал Андреас почти с отеческой нежностью, и представлял себе праздничное собрание.

В большом зале был накрыт огромный стол — а точнее, прямо на коврах расстелили длинную-длинную скатерть, и на ней расставили всяческое угощение. Вот главе сидел нарядный Мехмед, а рядом — его жена, закутанная в полупрозрачное покрывало до самых глаз. Также присутствовали несколько десятков гостей, сплошь мужчины. Отсутствовала даже мать Мехмеда, да и супруге принца полагалось посидеть на празднике совсем не долго — лишь обозначить своё присутствие, а затем удалиться.

Андреас также знал, что за праздничным столом нет никого постороннего. К примеру, не было человека, который исполнял обязанности наместника Манисы вместо Мехмеда. Не было и военного советника, который вместо принца командовал военными силами Манисы. Не было также никого из местной знати, ведь принц хотел скромную свадьбу, почти тайную. Если на празднике и присутствовал кто-то посторонний, так это приглашённые музыканты.

Андреасу также представлялось, как сбоку от принца, на почётном месте сидит мулла Гюрани, очень довольный. «Ну, и пусть сидит, — думал грек. — Если он провёл церемонию, то заслужил это». Такой же почёт, конечно, оказали главному дворцовому распорядителю, усадив с другого боку от виновника торжества, а оставшиеся за столом места распределились между учителями-мусульманами и дворцовыми слугами, занимающими значительные должности.

Иногда музыка смолкала, и это означало, что в эти минуты кто-то из гостей поздравляет новобрачного, желает счастья, здоровья, а возможно даже добавляет: «Да пошлёт тебе Аллах достойное потомство!»

В одну из таких минут тишины в комнату к Андреасу заглянул гемузец-географ. Он был весел:

— Нас не позвали, зато нам всё же досталась часть угощения с праздничного стола, — сказал он, указывая на несколько тарелок с лакомствами, которые стояли на круглом столике возле софы, на которой сидел Андреас.

Грек, всё это время погружённый в свои мысли, даже не притронулся к пище, поэтому с некоторым удивлением посмотрел на яства, будто спрашивая: «Откуда это взялось?»

— Мне принесли то же самое, — продолжал гемузец. — Так, может, объединим наши столы и устроим свой пир?

— Нет, я не хочу, — ответил грек.

В это мгновение он понял, что вовсе не смирился с происходящим. Было грустно, очень грустно, и, наверное, никогда прежде этот учитель не чувствовал себя таким одиноким в Манисе!

— Как угодно, — ответил гемузец и, немного озадаченный, удалился, а Андреас продолжал сидеть на софе и вслушиваться в звуки праздника.

Затем, ещё до наступления темноты, музыка смолкла совсем. Это означало, что пир окончен, и что супругам предстоит брачная ночь, а затем им дадут ещё шесть дней и ночей, которые можно провести вместе.

Ах, как грустно было Андреасу думать о счастье принца! Как трудно было убеждать себя, что понимаешь своего ученика, ведь греку никогда не доводилось увлекаться женщинами, по-настоящему желать их. Чтобы обладать женщиной, он делал усилие над собой или даже представлял на месте женщины кого-то другого, а Мехмед, хоть и говорил о долге, но оказался не таким, как учитель. Влечение к женщине возникло в принце само, Мехмеду оказались свойственны такие переживания, и вот он решил жениться.

Пусть Андреас никогда не хотел заводить собственную семью, но теперь чувствовал себя так, будто и впрямь лишён чего-то важного. От этого никак не получалось отмахнуться.

«Мой мальчик женится», — думал Андреас, но теперь уже не с нежностью, а с досадой. «Я сам подтолкнул своего ученика к этому. Я сам, — убеждал себя грек. — Всеми своими разговорами о том, что телесная близость между учителем и учеником не обязательна, я заставил своего ученика прийти к решению, что нужна ещё и женщина».

Принц, конечно, был прав — даже Сократ считал для себя необходимым жениться, но теперь Андреас вдруг задумался: «А прав ли был этот великий учитель?» Пришлось напомнить самому себе всю длинную цепь рассуждений, которую выстраивал Сократ, когда говорил, что физическое проявление любви возможно лишь иногда, ведь если делать так постоянно, для ученика уже нет причины выражать свою любовь к учителю другими способами, нет причины учиться, проявлять таланты.

Физическая близость — самый простой путь проявления любви, и пока любовь длится, этот путь может показаться правильным. Однако рано или поздно любовь проходит. Иногда проходит через год. Иногда — через десять лет, но проходит. И ученик, который недавно любил, ощущает пустоту в сердце, которую нечем заполнить. Он оглядывается на минувшие дни и спрашивает себя: «На что я потратил столько времени? Что мне теперь осталось?» Если ученик проявлял любовь к учителю, преуспевая в науках, то ученику остаются знания, развитые способности. Но если ученик проявлял любовь только через физическую близость, то ему не остаётся ничего. Он подобен гуляке, который сам не замечает, как жизнь проходит мимо.

Так же и учитель, получив такого ученика-кутилу, будет чувствовать сожаление — сожаление о потраченном времени, которое могло быть потрачено на другого ученика, более благодарного. Чувство любви, которое к тебе приходит — великий дар судьбы, но этим даром нужно распорядиться правильно. Чем дольше длится любовь, тем выше цена ошибки, ведь потерянные дни и годы не вернуть.

«Нет, пусть лучше Мехмед женится, — сказал себе Андреас. — Пусть лучше женится».

* * *

Андреас, разглядывая принца после недельной разлуки, смотрел с таким живым интересом, что Мехмед смутился и спросил по-гречески:

— Учитель, почему ты так смотришь?

— Хочу понять, изменилось ли в тебе хоть что-нибудь. Повзрослел ли ты?

— Ничего не изменилось, учитель, — ответил Мехмед и улыбнулся. — Это даже странно, но я такой же, как был. И я даже не могу сказать, что узнал нечто новое. Я догадывался, как оно будет. И именно так всё оказалось.

Правду ли говорил ученик? Андреасу хотелось думать, что да, хотелось верить этому мальчику, который сидел напротив и лукаво улыбался:

— Учитель, у меня спина не болит, — произнёс принц по-гречески. — Мулла ни разу не наказывал меня с зимы, когда мы ездили на верблюжьих бои. Помнишь? Спина зажила,

поэтому если ты скучал по мне эту неделю, обними меня. Думаю, в этом не будет ничего плохого.

Учитель не выдержал, обнял ученика, что есть силы, стиснул в кулаках ткань его кафтана, и если бы кто-нибудь сейчас заглянул в класс, то сразу понял бы, что это объятие не дружеское. Слишком ясно это отразилось на лице Андреаса, да и на лице принца — наверное, тоже. Когда ты обнимаешь того, кто хочет этих объятий, такое сразу чувствуется.

— Мальчик мой, — произнёс грек и едва удержался, чтобы не поцеловать ученика в плечо или в шею, — я рад твоему счастью, но, несмотря на все твои слова и клятвы, мне тяжело было думать, что я могу тебя потерять.

— Учитель, прости меня, — всё так же по-гречески проговорил Мехмед, тоже обнимая учителя. — Если б я знал, что тебе будет так плохо, я не затеял бы эту свадьбу. Я думал, что ты поймёшь.

— Я понимаю, понимаю, — отвечал Андреас. — Но лишь в эти дни я осознал, как страшно мне потерять тебя.

— Учитель, я люблю тебя по-прежнему.

Эти слова отрезвили Андреаса, он разомкнул объятия и отстранился:

— Я тоже люблю тебя и поэтому не должен подвергать опасности. Прости мне мою слабость.

Было бы совершенно непростительно бросить тень на принца именно сейчас, когда он стал вести себя достойно, и появились успехи в учёбе. Именно сейчас для Мехмеда стало возможным снискать отцовское одобрение. Несмотря на самовольную свадьбу!

Андреас не хотел, чтобы ученик лишился такой возможности, но Мехмед, как оказалось, в эту минуту совсем не вспоминал об отце. Принц вздохнул, и в этом вздохе слышалось лёгкое разочарование:

— Теперь я взрослый, а ничего не изменилось.

Так вот почему он лукаво улыбался! Надеялся, что, женившись, то есть формально перейдя во взрослое состояние, получит от учителя больше, чем получал раньше.

— Ты взрослый лишь отчасти, — ответил Андреас. — Пройдёт ещё много времени прежде, чем ты повзрослеешь полностью.

Принц, конечно, понимал, что учитель прав.

* * *

После всех трудностей, которые пришлось преодолеть, Мехмед был счастлив. Это оказалось новое и непривычное чувство, когда в твоём сердце живут сразу две привязанности, и обе имеют в основе физическое влечение. Учитель и Гюльбахар, мужское

начало и женское, взрослый человек и почти девочка — такие разные, но по-своему притягательные.

Учитель умный, много знает и так умело говорит, что заслушаешься. Он недостижим, как солнце, но всё равно согревает тебя лучами своей любви.

Гюльбахар не знает ничего, не умеет даже читать, и по большей части молчит, не зная, что сказать. Она даже сказки рассказывать не умеет, но зато такая близкая, её можно обнимать, не таясь, и без счёта срывать с её губ поцелуи.

Мехмед надеялся, что счастье продлится долго, но уверенности не было, ведь он так и не известил отца о том, что женился — сын не нашёл в себе силы отправить письмо. Это казалось безрассудным, но Мехмед ничего не мог с собой поделать и просто ждал, что всё решится как-нибудь само.

Пусть свадьба прошла скромно, она не стала тайной, и все должностные лица в Манисе знали о произошедшем. Знал человек, который вместо Мехмеда исполнял обязанности наместника. Знал военный советник, который вместо принца командовал манисскими войсками, ведь этому человеку подчинялись не только гарнизоны крепостей, но и дворцовая стража. Главный дворцовый распорядитель тем более знал, ведь он помог устроить свадьбу, а теперь в его записях появилась новая статья расходов — на содержание жены наследника престола. «Кто из них решится сообщить моему отцу о моей свадьбе? — думал Мехмед. — А что отец ответит?»

Сообщить мог даже мулла, и одно время принц подумывал просить своего главного наставника об этом — дескать, отправь письмо вместо меня. Однако итог мог оказаться печальным — если бы отец Мехмеда узнал о свадьбе и разгневался, то мог приказать своему сыну развестись. Вот почему, подумав ещё немного, принц пришёл к мысли, что отцу следует узнать обо всём как можно позже. Если бы Гюльбахар успела забеременеть, то развод оказался бы невозможен.

Конечно, мусульманские законы разрешали правоверному развестись с беременной женой и даже с матерью своих детей, но в случае с принцем здравый смысл диктовал другое. Принцу разводиться со своей беременной женой нельзя, а с матерью своих детей — тем более нельзя, так как этим можно нарушить порядок престолонаследия и подорвать основы государства.

Разумеется, Мехмед изо всех сил старался, чтобы его жена забеременела, а если бы все старания оказались напрасны, то остались бы воспоминания, которые он мог сохранить, лишившись жены.

Даже Гюльбахар, хоть она и не разбиралась в придворных делах, понимала, что забеременеть надо поскорее. Принц объяснил ей это ещё до начала первой брачной ночи, когда его жена, сидя на постели в одной рубашке, призналась:

— Я боюсь. Очень боюсь. Твой отец не знает о нашей свадьбе, а твоя матушка сегодня

сказала мне, что он будет недоволен, когда узнает.

Гюльбахар начала в волнении теревить косу, а Мехмед тоже успевший раздеться до исподнего и забраться в постель, лишь улыбнулся:

— Не слушай мою мать. Она всё время так говорит. Только и твердит мне о том, что мой отец будет недоволен моими поступками. Я устал об этом думать и не хочу, чтобы ты повторяла мне её слова. Лучше роди мне сына. Если ты это сделаешь, мой отец уже не сможет нас с тобой разлучить, как бы ни хотел. И даже если ты родишь мне дочь, то всё равно останешься моей женой, и он ничего не сделает. Ему придётся смириться.

Гюльбахар покорно легла навзничь и затаила дыхание, а муж, склонившись над ней, вдруг подумал, что что-то не так — не хватало чего-то важного, ради чего он и затеял свадьбу. Мехмед несколько мгновений смотрел на жену, а затем вылез из кровати и взял свой кафтан, лежавший неподалёку.

Поймав недоумевающий женин взгляд, принц пояснил:

— Ты можешь это надеть? Просто так. Для смеха. Я хочу лучше вспомнить тот день, когда впервые тебя увидел. А ты хочешь вспомнить тот день? Ты была на себя не похожа.

Гюльбахар снова села на постели, покорно просунула руки в рукава чужой одежды и даже согласилась намотать на голову тюрбан, чтобы скрыть косы, а Мехмед, нарядив жену таким образом, сел рядом с ней и внимательно оглядел. Она смущённо потупилась, не вполне понимая, для чего нужно переодевание. Ей не было смешно, пусть муж и сказал, что это забавно.

Конечно, Мехмед лукавил, но зато теперь всё стало так, как надо. Вот она — двойственная красота, ведь в полумраке спальни сходство девушки с мальчиком стало как будто сильнее. Ах, эти правильные, но грубоватые черты лица! Ах, эти тонкие тёмные усики над верхней губой! Принц ухватился за отворот кафтана, надетого на Гюльбахар, всё ещё потупившуюся. Смущаясь и глядя вниз, она вела себя почти так же, как в тот далёкий зимний день в палатке. Мехмед извернулся, сорвал с её губ поцелуй, а затем заставил поднять голову, заглянул в глаза:

— Ты — моя мечта, — по-турецки прошептал принц, забыв, что жена всё ещё плохо понимает этот язык. — Прекрасная мечта.

К наступлению лета уже ни у кого не осталось сомнений, что она беременна — это подтвердил личный врач Мехмеда.

* * *

К наступлению лета Андреас по-настоящему смирился, что теперь его ученик женат. Грек уже не внушал себе, что свадьба это хорошо — он действительно так думал, ведь свадьба способствовала успешному обучению принца. Все преподаватели — все до единого! — были довольны так же, как зимой, когда Мехмед старался, чтобы его отпустили

на верблюжьи бои.

Помнится, ехидный географ-генуэзец предсказывал, что уже весной принц станет прежним сорванцом, но предсказание не сбылось. «Вот уже почти полгода, как Мехмед исправил своё поведение и не собирается возвращаться к старому», — говорил себе Андреас, а ведь именно этого он желал добиться в прошлом году. Пусть женитьба ученика не предполагалась, но она заметно помогла. Это следовало признать.

Возможно, принц хотел старательным постижением наук повлиять на отца. Наверное, думал, что если родитель услышит о благих переменах, произошедших в поведении сына, то не станет сильно гневаться из-за самовольной свадьбы. «Как бы там ни было, свадьба сыграла свою роль», — думал Андреас и уже без грусти думал о том, что Мехмеду помогает хорошо учиться не только любовь к учителю греческого языка, но и любовь к жене.

Учитель даже радовался, ведь всё происходило совсем не так, как с тем мальчиком из Константинополиса. Тот мальчик, влюбившись в девочку, стал с каждым днём проявлять всё меньше стремления к знаниям, а у Мехмеда жажда знаний не угасала. Он даже признался Андреасу, что уже дочитал весь Коран, а ведь с муллой прошёл только две трети этой книги:

— Учитель, дай мне что-нибудь почитать, — попросил ученик. — Я привык читать по вечерам, а теперь мне нечего.

Мехмед будто извинялся за то, что отдал часть своего сердца юной жене, и потому охотно читал всё, что получал от учителя. По вечерам принц читал, а на следующее утро на уроке воодушевлённо рассказывал о том, что прочёл. Ученик доказывал, что любовь к учителю не умерла, так что Андреасу не следовало роптать на судьбу. Если бы учитель роптал и ревновал, на учёбе Мехмеда это отразилось бы не лучшим образом, а тринадцатилетняя соперница всё равно бы никуда не делась.

Андреас знал, что его ученик так и не уведомил своего отца о состоявшемся браке, но это казалось уже не страшно, ведь юная супруга, которую все называли Гюльбахар-хатун, теперь носила под сердцем ребёнка. Развода, которого опасался принц, уже не следовало ждать.

Единственное, что не давало греку покоя, так это поведение муллы. Ох, как горд и самодоволен стал этот человек! Андреас невольно начинал думать, что делит своего ученика не только с юной Гюльбахар-хатун, но и с главным наставником. Пусть принц уверял, что самодовольство муллы не имеет оснований, но в то же время говорил:

— Я должен быть благодарен ему. Он совершил свадебный обряд.

Учитель греческого языка старался смириться и с этим, ведь казалось, в сложившееся положение вещей уже не изменится, однако в один из летних дней всё изменилось, причём совершенно неожиданно.

Время было за полдень. Андреас, сидя в своих покоях, как всегда готовился к завтрашнему уроку, когда услышал истошные крики принца, раздававшиеся где-то в коридорах. Несмотря на дальность расстояния, было слышно каждое слово:

— Пустите меня! Как вы смеете! Я — наместник Манисы! Вы все здесь обязаны мне подчиняться! Пустите, собаки! Вы пожалеете! Пожалеете! — в гневе кричал Мехмед.

В это время принцу полагалось заниматься воинскими упражнениями, а такие занятия проходили в совершенно другой части дворца. Почему же Мехмед вдруг оказался здесь, да ещё проявлял такую ярость?

Андреас поспешил на крики, но успел увидеть лишь то, что Мехмед, схваченный слугами, исчезает в дверях своих покоев. У пятнадцатилетнего принца вдруг обнаружилось столько сил, что двое рослых челядинцев, державшие его под руки, едва могли совладать с ним. Идти в свои покои он не хотел и так извивался, что ещё двое слуг схватили его за ноги и буквально внесли внутрь, причём это удалось не сразу. Затем двери захлопнулись с громким стуком, а Андреас, поспешивший к этим дверям, чтобы выяснить суть происходящего, обнаружил, что они заперты. Он стучал и даже требовал открыть, но ему не открыли. Должно быть, крики принца, раздававшиеся изнутри, заглушали любой шум снаружи.

Приложив ухо к щели, Андреас продолжал слышать, как Мехмед бранится:

— Пустите, предатели! Свиньи! Шайтан вас порази! Я хочу поехать тоже! Я поеду!

С кем и куда хочет поехать принц, так и не удалось понять, потому что к греку подошёл кто-то из дворцовых служителей и настоятельно посоветовал:

— Господин, возвращайся к себе. Ты ничем не можешь помочь.

Весь оставшийся день Андреас не мог дознаться, что же произошло. Даже географ-генуэзец, который обычно собирал слухи и знал всё, в этот раз лишь развёл руками:

— Я сам слышал крики, но что стало причиной, никто не говорит.

Единственное, что удалось узнать — завтра все уроки следовало проводить, как обычно. Об этом сообщил учителям мулла через своего слугу.

«Возможно, всё не так серьёзно, если мулла рассчитывает, что к завтрашнему утру Мехмед успокоится», — подумал грек, однако принц не успокоился.

Назавтра, когда Андреас явился в покои Мехмеда, чтобы провести урок греческого, всё было не как всегда. Слуги принца ходили, как пришибленные, и ни за что не хотели говорить о вчерашнем происшествии, а когда двери класса, наконец, открылись, и оттуда вышел мулла с прислужником, несшим книги, то Андреас сразу увидел, насколько изменилось настроение главного наставника.

Мулла был не просто недоволен, а взбешён, но и принц был взбешён тоже. Стоя посреди класса, он крикнул:

— И это всё?! Ударь меня снова! Я не чувствую твоих ударов, потому что вот здесь, —

он стукнул себя кулаком в грудь, — настоящая рана.

Увидев Андреаса, принц замолчал, а мулла бросил на учителя греческого насмешливый взгляд, будто говорил: «Посмотрим, как ты совладаешь с этим негодником. Он теперь даже греческий учить не станет».

Грек поспешно вошёл в класс и с возрастающим беспокойством смотрел на Мехмеда.

— Что!?! — с вызовом бросил принц, когда двери закрылись, и он остался наедине с учителем.

— Прости меня, мой мальчик, но я ничего не знаю, — проговорил Андреас. — Мне ничего не говорят. Ни от кого из слуг не могу добиться ответа.

— Они увезли её! Вчера! — крикнул принц, потому что не мог говорить спокойно.

Учитель мгновенно понял если не всё, то многое:

— Увезли Гюльбахар-хатун?

— Да!

— Но кто увёз?

— Слуги моего отца. Вчера приехали из Эдирне и увезли, — принц не находил себе места и, как зверь в клетке, кружил по комнате. — Они хотели сделать это тайно, но я узнал и пришёл. Я видел, как они её увозили! И ничего не мог сделать! Ничего!

Только теперь Андреас заметил, что в комнате нет такого идеального порядка, как обычно. Ковры на полу местами собрались складками. В углу валялся круглый столик, возможно, сломанный, а на одной из стен виднелось большое чернильное пятно. Чернильница лежала рядом на ковре.

— Ты хотел последовать за ней? — спросил Андреас. — Ехать туда же, куда её повезут?

— Откуда ты знаешь? — насторожился Мехмед.

— Слышал, как ты кричал вчера, — пояснил учитель, сочувственно глядя на ученика. — Слышал, но не смог разузнать суть дела. Теперь я понимаю, как тебе тяжело.

Принц ещё мгновение назад готовый крушить всё и вся, как будто обессилел. Он подошёл к учителю и порывисто обнял, ища в нём опору.

Помнится, Андреас говорил, что следует избегать объятий, но напоминать об этом принцу сейчас было бы слишком жестоко. А меж тем Мехмед, устроив голову на груди учителя и упершись тюрбаном ему в подбородок, сказал:

— Нет, ты не понимаешь. И хорошо, что не понимаешь. Это так больно. Учитель, что мне делать? Я ненавижу их!

— Кого? Слуг твоего отца?

— И самого отца — тоже, — прошептал Мехмед очень зло.

Теперь он уже не обнимал наставника, а просто уткнулся лбом ему в плечо. Между тем руки принца сжимались в кулаки.

— И муллу ненавижу, — продолжал шептать Мехмед. — Он на стороне отца. Говорит, что я сам во всём виноват, потому что не отправил отцу письмо. А ещё говорит, что мой отец милостив, потому что не наказал меня, а просто велел забрать мою жену. Да будь проклята такая милость! — принц, не вполне сознавая, что делает, ударил кулаком по груди учителя.

Андреас даже пошатнулся, но вместо того, чтобы отстраниться, взял ученика за плечи:

— Тише, тише, мой мальчик.

— Прости, учитель.

— Для меня всё произошедшее вчера так же неожиданно, как для тебя, — признался Андреас, — и я до сих пор не совсем понимаю. Если Гюльбахар-хатун носит ребёнка, почему её забрали? Я полагал, что забирать уже поздно. И ты в своё время говорил мне, что поздно.

— Я ошибался, — с горечью произнёс принц. — Когда я узнал, что её забирают, то приказал позвать своего лекаря, чтобы он объяснил слугам моего отца её положение. Мой лекарь сказал им, что она беременна, и что ей лучше не путешествовать. Сказал, что это может быть опасно для ребёнка, а ведь это не простой ребёнок. В нём течёт кровь османских правителей. Его надо беречь! Но никто не слушал. Эти люди твердили, что им дано повеление, и что они должны её увезти. И увезли. А если она потеряет ребёнка? Лекарь не врал, когда говорил, что ей лучше не путешествовать.

— Будем надеяться на благополучный исход, мой мальчик, — вздохнул Андреас. — Не думай о плохом. Верь в милосердие Бога. Попробуй успокоиться.

— Учитель, как я могу! — воскликнул Мехмед, отстраняясь от учителя и теперь глядя ему в глаза. — Ты говоришь о благополучном исходе, но меня неминуемо ждут страдания. Даже если она родит, и ребёнок останется жив, я не увижу её, пока жив мой отец. Она останется вдали от меня! А если ребёнок умрёт, то мой отец прикажет, чтобы меня с моей женой развели. Даже если я не соглашусь с ней развестись, это ничего не изменит. И её отберут у меня навсегда, увезут куда-нибудь, где я не сумею её найти, даже когда стану султаном. Я больше не увижу её. Совсем! И это мулла во всём виноват. Ненавижу его!

Андреас был бы рад избавиться от соперника в лице муллы, но чувство справедливости не позволяло просто согласиться с учеником, говорившим о ненависти:

— Мой мальчик, только не сердись. Просто ответь мне, почему ты считаешь муллу виновным. Разве не он провёл обряд по твоей просьбе?

— А затем отправил моему отцу письмо, где просил прощения за то, что сделал, — зло усмехнулся Мехмед.

— Ах, вот так? — Андреас был изумлён таким поступком муллы, явно говорившим о малодушии. — Тебе сказали об этом люди, забравшие Гюльбахар-хатун? Или сам мулла признался?

Принц вынужденно пояснил:

— Мне не сказали, откуда отец узнал про мою свадьбу. И не сказали, кто отправил письмо. Но я уверен, что это мулла. Ведь он виноват, раз совершил свадебный обряд. Но муллу не наказали. Почему? И почему он так настойчиво твердит мне, что мой отец поступил милостиво? Почему? Потому что мой отец проявил милость к нему! К нему, а не

ко мне! Он не наказан и сохранил свою должность, а я наказан, потому что лишился жены! — Мехмед оглянулся в поисках чего-нибудь, что можно было бы швырнуть об стену, но не нашёл, и поэтому стиснул зубы, взвыл и закрыл лицо руками.

Андреас искренне сострадал своему ученику. Вне всякого сомнения, султан Мурат поступил слишком импульсивно. Даже если он не знал, что жена его сына беременна, то должен был подумать о такой возможности, когда отдавал приказ разлучить супружескую пару. А если султан знал о беременности Гюльбахар-хатун и всё равно отдал приказ, то поступил не только импульсивно, но и бессердечно.

Пусть Мехмед формально был неправ, женившись без отцовского разрешения, но Андреас удивился, почему султан не захотел простить сына. Прощение казалось самым верным решением, и грек всё же надеялся, что произошло недоразумение: «Султан не знал о беременности своей невестки и не предполагал такого, а когда узнает, то всё же смягчится».

Впервые за долгое время Андреас пожалел, что находится далеко от своего отца, по-прежнему занимавшего должность при турецком дворе. Отец Андреаса, будучи опытным придворным, дал бы дельный совет.... Греку вдруг пришла отличная мысль:

— Мой мальчик, — сказал он ученику, — я могу попытаться тебе помочь.

— Чем ты мне поможешь? — в отчаянии спросил Мехмед, но всё же отнял руки от лица.

— Если тебе не скажут, куда увезли Гюльбахар-хатун, то я могу попросить кое-кого разузнать это, — ответил грек и уже совсем тихо добавил. — Мой отец служит при дворе и имеет там некоторые связи. Думаю, он не откажется помочь, даже если это грозит гневом султана. Я объясню своему отцу, что рискнуть нужно, поскольку так он заслужит благодарность наследника престола.

В глазах принца засветилась робкая надежда:

— Учитель, отправь своему отцу письмо, как можно скорей, — прошептал он.

— Давай лучше подождём один месяц, — предложил Андреас. — Через месяц в Эдирне будет известно не только то, куда отвезли твою жену, но и состояние её здоровья. Тогда, если тебе об этом не сообщат, мы сможем добыть для тебя сведения. А пока что повременим.

— Хорошо, — вздохнул Мехмед, а затем схватил правую учительскую ладонь и прижал к своему сердцу. — Благодарю тебя, учитель. Благодарю.

* * *

Андреасу не потребовалось обращаться к отцу. Главный распорядитель манисского дворца сообщил принцу, что Гюльбахар-хатун теперь живёт в Дидимотике, то есть в резиденции султанов, расположенной недалеко от Эдирне. Это стало известно, поскольку в Дидимотику следовало переслать вещи, оставшиеся в Манисе, а главный распорядитель, получив распоряжение о вещах, поспешил обрадовать принца:

— Получается, что Гюльбахар-хатун живёт в почёте, а это в свою очередь означает, что

она по-прежнему носит ребёнка, да смиляется Аллах над ними обоими.

Узнав новость, принц повеселел. Возможно, раньше он подозревал, что именно этот дворцовый чиновник, а не мулла, донёс в Эдирне о самовольной свадьбе, но после того, как главный распорядитель показал, что хочет быть полезным, принц всё больше стал подозревать муллу.

Наверное, Мехмед совсем отказался бы изучать Коран с таким наставником, но мулла пригрозил, что напишет отцу Мехмеда письмо с жалобой:

— Твой отец разгневется. А это может отразиться на судьбе Гюльбахар-хатун.

Принц, скрежеща зубами, покорился, но изучение наук, которое ведётся через силу, приносит мало плодов. Только изучение греческого оставалось успешным, как прежде. Мехмед даже сохранил привычку самостоятельно читать по вечерам, но теперь, когда Андреас давал ему что-то новое для прочтения, принц неизменно спрашивал:

— Учитель, там кто-то страдает?

Если учитель отвечал «да», то принц делался настороженным:

— А завершится всё счастливо?

— Да, мой мальчик, — отвечал грек и не лукавил, потому что нарочно выбирал для принца такие произведения, где конец счастливый. Произведения с печальным концом Мехмед просто отказался бы читать.

Меж тем время шло, и наступила зима — как обычно хмурая и туманная. Помнится, в прошлую зиму Мехмед с нетерпением ждал января, потому что ожидалась поездка на верблюжьей бои, но сейчас поведение принца было таково, что на поездку надеяться не следовало. Мулла, конечно, намекнул, что разрешил бы, если б ученик стал учиться лучше, но принц не смог себя заставить.

Возможно, упрямство Мехмеда всё-таки оказалось бы слабее, чем желание поехать на любимый праздник, но к концу декабря в Манису дошла новость — Гюльбахар-хатун, по-прежнему жившая в Дидимотике, досрочно разрешилась от бремени. Прошло лишь семь месяцев вместо девяти положенных, но ребёнок всё равно родился крепким и здоровым — это оказался мальчик, его назвали Баязид.

Узнав об этом, Мехмед совсем отбился от рук:

— Её судьба не больше зависит от меня. Я могу огорчать своего отца, сколько мне угодно, а Гюльбахар от этого не станет жить хуже!

Теперь мулле оставалось прибегнуть к последнему доводу — к палке. Принц терпел, но не покорялся, перестал учить Коран совсем, и тогда мулла придумал новый способ истязания — насильно читал ему Коран вслух, причём не только на своих уроках, но и по вечерам.

Если раньше после ужина принц мог заниматься, чем пожелает, то теперь Мехмеда

запирали в спальне, и мулла читал ему священную книгу — читал до тех пор, пока ученик не заснёт или искусно не притворится спящим. Когда Мехмед пробовал затыкать уши, то получал удар палкой. Когда пытался перекричать муллу, то опять получал наказание, однако бить принца стало не так просто, как прежде. Теперь тот не подставлял спину, а при малейшей угрозе начинал бегать из угла в угол комнаты, поэтому мулле и прислужнику приходилось попотеть, но всё же они своего добивались.

Андреас больше не мог оставаться безучастным. Сколько можно выдержать, зная, что тот, кого ты любишь, страдает? Метод обучения, который применялся в данном случае, мог лишь оскорбить ученика. Знаний такие чтения дать не могли. Андреас готов был поклясться, что Мехмед, несмотря на то, что уже давно прочитал Коран самостоятельно, не понимает ни строчки из того, что читает мулла. Для принца эти слова были не более чем шум! К тому же мулла своими действиями оскорблял не только ученика, но и педагогику. Андреас, для которого педагогика являлась чем-то сродни религии, страдал вдвойне и, наверное, поэтому не выдержал. В один из дней он через прислужника-евнуха передал мулле, что хотел бы побеседовать тогда, когда главному наставнику принца покажется удобным.

Мулла не стал тянуть с ответом и пригласил для беседы в тот же день. Помнится, Андреас, ступив в покои главного наставника и увидев тёмную фигуру в белой чалме, сидящую на коврах перед раскрытой книгой, испытал ещё большее волнение, чем в первый день знакомства с этим человеком. От предстоящего разговора зависело многое — слишком многое!

— О чём ты хотел поговорить? — спросил Ахмед Гюрани.

— Многоуважаемый мулла, я пришёл с просьбой, — ответил грек, кланяясь.

— О чём ты хочешь просить? — спросил мулла, жестом предлагая гостю сесть напротив.

— Это касается принца, — робко начал Андреас. — Я пришёл просить о снисхождении для него. Принц вовсе не упрям и хочет учиться, но летом на него свалилось большое горе, и он никак не может оправиться, поэтому не учится. Если бы многоуважаемый мулла дал принцу хотя бы немного времени, чтобы душевная рана зажила, то не потребовалось бы использовать палку. Принц стал бы таким же старательным, как был ещё в начале лета.

— Если бы ты всё время не повторял слово «принц», я бы подумал, что ты говоришь о ком-то другом, а не о принце Мехмеде, — ответил мулла. Лицо Ахмеда Гюрани оставалось спокойным, но в его голосе чувствовалась насмешка.

— Многоуважаемый мулла, — продолжал убеждать учитель-грек, — я смиренно прошу поверить мне. Принцу тяжело даётся разлука с супругой.

— Он сам виноват, что так случилось. Я предупреждал его, что так будет, — последовал ответ. — А теперь он говорит, что я виноват. Он испорченный мальчишка, не умеющий отвечать за свои поступки, а ты, — теперь мулла не насмехался, а гневался, — совсем избаловал его. Думаешь, я не понимаю, в чём твой секрет, и почему с тобой он ведёт себя иначе, чем с остальными учителями?

Андреас внутренне съёжился, а главный наставник принца продолжал:

— Ты потакаешь ему во всём! Ты для него не учитель, а приятель. Потому он и хочет

быть с тобой всё время. Ты сам ведёшь себя, будто мальчишка.

Грек склонил голову и вздохнул, делая вид, что застыдился, но на самом деле хотел скрыть, что это был вздох облегчения.

— Мне безразлично, что ты своим поведением позоришь себя, — всё распаялся мулла, — но ты не только потакаешь принцу, но и хочешь казаться для него добрым, а остальных, и меня в том числе, выставляешь злодеями. Ты хочешь быть добрым за чужой счёт. Вот и сейчас ты пришёл просить меня о снисхождении для принца, но если я послушаю тебя, принц будет благодарен тебе, а не мне. Тебе, потому что ты меня попросил. Как же ты хорошо устроился!

Андреас уже успел пожалеть, что пришёл и начал эту беседу. Мулла ни мгновения ни сомневался, что учитель греческого всегда действует только ради собственной выгоды. Ахмед Гюрани считал, что человек не может никого любить больше, чем себя. Мулла не верил в бескорыстие. Переубедить такого человека казалось невозможно.

— Пора положить этому конец, — меж тем сказал Андреасу мулла. — Ты притворялся добрым за мой счёт слишком долго. Пора отдавать долги. С завтрашнего дня у тебя есть только три часа в неделю на обучение принца, а не шесть. Будешь заниматься с ним во второй, четвёртый и шестой день недели. В первый, третий и седьмой вместо твоих уроков теперь будут мои. По-гречески наш ученик и так хорошо говорит. Пусть больше изучает Коран. А если откажется, то я уменьшу количество твоих уроков до одного в неделю или сделаю так, что тебе откажут от должности. Я могу. Поэтому завтра объясни нашему ученику, как он должен себя повести.

Андреас оторопел от такого поворота в беседе и всё же нашёл, что ответить:

— Многоуважаемый мулла, я клянусь, что пытался объяснить ему это и прежде, пытался убедить в полезности всех предметов, особенно Корана. Я впервые говорил об этом с принцем прошлой осенью, а затем ещё не раз, но ничего не вышло.

Грек хотел объяснить, почему не вышло, но мулла перебил, произнеся уверенно и твёрдо: — Теперь он тебя слушает, — главный наставник принца улыбнулся в бороду, а затем захохотал. — Теперь слушает.

Грек находился в Манисе уже полтора года, но впервые услышал, как мулла смеётся. Этот смех не предвещал ничего хорошего.

* * *

Когда принц услышал от Андреаса, что теперь будет три урока в неделю вместо шести, то сначала просто не поверил, ведь мулла на предыдущем уроке ничего не говорил об этом.

— Что? Это шутка? — спросил Мехмед.

— Нет, — ответил учитель, уже поняв, что Ахмед Гюрани скрыл от принца новость нарочно. Мулла, конечно же, хотел, чтобы именно Андреас сообщил её Мехмеду.

— Учитель, ну как же так! — в досаде воскликнул принц, а особенно досадовал, что новый порядок вступает в силу уже завтра. — Зачем ты ходил к этому погонщику скота, не расстающемуся с палкой! Не надо было! И почему ты не сказал мне, что пойдёшь? Я бы тебя отговорил.

— Прости меня, мой мальчик, я напрасно понадеялся на своё умение убеждать. На муллу оно не оказало никакого действия. Он видит мир совсем по-другому.

Принц закатил глаза, а затем снова посмотрел на собеседника:

— Ох, учитель, неужели ты только сейчас понял, что вы отличаетесь, как день и ночь?

— У нас одна профессия. Мы — учителя, и я подумал, что мы друг друга поймём.

Мехмед твёрдо повторил:

— Он не учитель, а погонщик скота. И думает, что я — скот.

Андреас грустно улыбнулся:

— Мой мальчик, это меткое сравнение, но...

— Ты не знаешь муллу, как я, — перебил Мехмед. — Я провёл с ним гораздо больше времени. И я говорю — ты зря к нему пошёл. Этим ты обратил на себя внимание. Ты напомнил мулле, что я дорожу тобой, а значит, тебя можно использовать, чтобы заставить меня покориться. Тебе надо было со мной посоветоваться, а теперь... мне придётся платить за твою ошибку.

— Мой мальчик, ты не обязан, — начал, было, Андреас, но ученик опять перебил:

— Не обязан? Зачем ты говоришь эти пустые слова!? Разве я могу потерять тебя!? Я обязан подчиниться мулле! У меня нет иного выбора!

— Прости меня, мой мальчик. Я поступил неразумно, — Андреас склонил голову.

— Учитель, ты..., - Мехмед не сдержался, — ты дурак.

Грек не спорил, а принц, вздохнув, примирительно добавил:

— Учитель, я... огорчён. Но всё не так плохо. По крайней мере, теперь он не будет читать мне Коран по вечерам, и я смогу читать греческую книгу, которую ты мне дал.

Андреас почувствовал себя менее виноватым и поднял голову, а ученик, казалось, уже забыл досаду и думал только про хорошее — про чтение, которое не навязано и потому доставляет удовольствие:

— А Дафнис скоро женится на Хлое?

— Увы, только в самом конце книги, — ответил грек.

— Ничего, я быстро дочитаю, — улыбнулся принц. — Если пропускать описания, потому что я их всё равно плохо понимаю, то до свадьбы дойдёт быстро.

Улыбка показалась Андреасу не совсем искренней, поэтому он ещё раз произнёс:

— Мой мальчик, прости меня.

— Учитель, я тебя уже простил, — Мехмед улыбался искренне.

Очень скоро Андреас почувствовал, что три занятия в неделю вместо шести это мало. Он скучал по своему ученику, хоть и не расстался с ним. Казалось бы — всего три часа в неделю теперь проходят не так, как прежде, однако в итоге изменился весь распорядок жизни. Раньше Андреас старался встречаться с учеником только в классной комнате, потому что думал: «Мы видимся часто. Даже если чувство между двоими сильно, нужно отдыхать друг от друга». Теперь же он искал встреч.

Зная расписание принца, грек стал нарочно ходить в дворцовую библиотеку именно тогда, когда Мехмеду полагалось идти на уроки воинского дела — так у Андреаса появлялась возможность мельком увидеть ученика в коридоре. Возвращался из библиотеки грек тоже в определённый час, а ещё придумывал себе тысячу предлогов, чтобы покинуть свои покои и пройти мимо покоев принца.

Наступлению весны Андреас особенно обрадовался, но не потому, что стало больше солнечных дней, деревья зацвели, а трава стала ярко-зелёной. Грек знал, что в тёплую погоду принц, конечно, станет больше времени проводить в дворцовом саду, а там проще устроить случайную встречу, чем в дворцовых коридорах.

В прежние времена Андреас не появлялся в саду в пятницу, ведь принц, вернувшись из мечети и совершив трапезу, шёл в сад на прогулку и часто оставался там до вечера, а Андреас, полагая, что небольшая разлука полезна, не показывался ученику.

И вот теперь всё изменилось! Теперь в пятницу грек вскоре после полудня торопился выйти в сад, дожидаясь там Мехмеда и внимательно наблюдал за ним из-за кустов, чтобы подгадать время, когда муллы не будет рядом. Увы, главный наставник почти всё время кружил где-то поблизости.

Как же Андреас тосковал! Но это была сладкая грусть, ведь он видел, что принц, находясь в саду, постоянно оглядывается — будто ищет кого-то.

В один из таких пятничных весенних дней Мехмед сидел в беседке вместе с учителем математики, грузным арабом, и играл с ним в шахматы. Мулла, расположившись на ковре, расстеленном рядом на лужайке, читал какую-то толстую книгу, установленную на низкую деревянную подставку, а Андреас скрывался за кустами жасмина, усыпанного белыми цветками, и наблюдал.

Вдруг мулла поднялся, будто вспомнив о некоем деле, и ушёл вместе с прислужником. Книга, так же раскрытая, осталась лежать на подставке, и это означало, что человек, читавший её, скоро вернётся, но Андреас всё равно обрадовался возможности провести время с учеником, пусть даже четверть часа! Ах, до чего же понятной вдруг стала давняя затея принца, когда Мехмед, отправившись на верблюжьей бои, придумал облить муллу, чтобы тот ушёл к себе в шатёр переодеться и дал своему подопечному хоть немного

свободы.

— Учитель! — радостно воскликнул Мехмед, увидев Андреаса.

Игра в шахматы оказалась позабыта, что заметно раздосадовало араба-математика, но принц этого не видел. Он поспешил к Андреасу и, вспомнив, что обниматься нельзя, просто остановился рядом, весело улыбнулся, а затем заговорил по-гречески:

— Учитель, я уже приближаюсь к концу книги. А ты знаешь, про что я сейчас читаю? Про то, как Дафнис понравился юному Гнатону, и Гнатон решил заполучить Дафниса, но не ухаживаниями, а хитростью — сделав своим слугой, чтобы Дафнис зависел от него и покорился, если Гнатон пригласит на ложе. Ты знал, что в книге такое есть?

— Да, знал, — ответил Андреас.

— И всё равно дал мне это читать? И позволил, чтобы книга хранилась в моей комнате? — продолжал спрашивать Мехмед и уселся на каменную скамью, стоявшую в нескольких шагах от них.

Грек уселся рядом и спросил:

— Я поступил неправильно?

— Учитель, эту книгу всё равно никто здесь не может прочесть, кроме нас с тобой, — хихикнул Мехмед и добавил: — Когда ты уговаривал меня учить греческий, то забыл привести один важный довод, который бы меня сразу убедил.

— Да? — улыбнулся Андреас.

— Ты не сказал, что я, зная разные языки, смогу сам решать, кто поймёт мои слова. Вот мы с тобой говорим по-гречески, а он, — принц указал на учителя-араба, — нас не понимает. И мулла не понял бы, если б услышал.

Мехмед снова хихикнул, а затем снова оглянулся на араба и, наконец, заметил, что тот всё больше обижается — и на пренебрежение к шахматам, и на беседу, которая нарочно ведётся на непонятном языке, и на подозрительные смешки.

Принц сказал ему что-то, не понятное уже Андреасу, после чего математик сразу успокоился и с достоинством поклонился.

— Я сказал ему, что мы не над ним смеёмся, — по-гречески пояснил принц, снова повернувшись к учителю греческого. — Я сказал ему это по-арабски.

Андреас оказался приятно удивлён:

— Ты уже настолько хорошо знаешь арабский, чтобы использовать для беседы? Значит, дополнительные уроки по изучению Корана пошли на пользу?

Принц помрачнел:

— И да, и нет, — было видно, что он хочет сказать больше, но не знает, как: — Учитель, я...

Вдруг откуда-то сбоку раздался громкий голос муллы, неожиданно вернувшегося:

— Что я слышу? Сегодня у принца день, свободный от учения, а тут устроили урок?

Андреас хотел оправдаться, но не успел, потому что Мехмед вскочил со скамьи и обратился к нему уже по-турецки:

— Учитель, поиграй со мной в догонялки.

Эта просьба принца, которому нынешней весной исполнилось шестнадцать, могла бы показаться странной, ведь догонялки — забава для мальчишек, а не для юношей. Однако Андреас увидел в ней особый смысл — напоминание о первой встрече, случившейся чуть менее двух лет назад:

— Конечно, мой ученик, — сказал учитель, а Мехмед со всех ног уже нёсся прочь с лужайки и прочь от муллы, собравшегося крикнуть что-то вдогонку.

Андреас побежал следом за принцем, восхищаясь той ловкостью, с которой Мехмед внезапно поворачивал вправо или влево перед самым носом у преследователя. Андреас, успевший разогнаться, невольно делал несколько лишних шагов в прежнем направлении и тем самым увеличивал отрыв между собой и Мехмедом, которого пытался догнать.

«Так вот, как тяжело было слугам, которые гонялись за ним по дворцовым коридорам», — подумал грек, а принц, в самом деле, играл с ним, не собиравшись поддаваться, так что иногда вовсе скрывался из виду. Лишь цветущие ветви кустов и деревьев — белые, розовые, жёлтые — подсказывали направление, ведь Мехмед, пробегая мимо, нечаянно задевал их, так что лепестки осыпались, оставляя за принцем на зелёной траве яркий след. Это казалось волшебным, но насладиться волшебством не оставалось времени.

— Эхей, учитель! — кричал Мехмед, иногда оборачиваясь, а его ноги будто бы сами решали, куда бежать. Он всё время менял направление, делал петли, восьмёрки, зигзаги. В конце концов, Андреас перестал пытаться неотступно следовать за ним, а вместо этого, давая себе короткую передышку, стремился вычислить, куда побежит принц.

Так учитель заметил, что одним из любимейших трюков ученика является резкий поворот налево, и вот, когда Мехмед, выбежав на очередную лужайку, в очередной раз юркнул влево, за один из кустов жасмина, Андреас не попытался повернуть следом, а, продолжая инерционный бег вперёд, левой рукой сильно хлопнул по плечу принца. По правому плечу, потому что до левого не успел дотянуться.

— Догнал! — крикнул Андреас, уже видя, что Мехмед почувствовал прикосновение и останавливается.

— Догнал, — согласился принц, подходя к учителю.

Оба они невольно успели пробежать несколько шагов каждый в свою сторону, поэтому теперь пришлось идти навстречу друг другу.

— Давай наоборот: я тебя догоню, — предложил ученик, но учитель не ответил, потому что с подозрением смотрел на правое плечо Мехмеда. Оно как будто занемело — при ходьбе

принц покачивал правой рукой меньше, чем левой. С чего бы? Пусть Андреас хлопнул сильно, это нельзя было назвать ударом.

Учитель положил ученику руки на плечи и сначала проверил левое, чуть сжав. Принц непринуждённо улыбнулся:

— Что ты делаешь?

Тогда Андреас сжал правое. Принц чуть напрягся. Он явно почувствовал боль, но опять решил казаться непринуждённым:

— Ай, учитель. Не делай так. Да, мне больно. Я задел толстую ветку, когда бежал.

Грек, придерживая принца за левое плечо, оглядел правое со всех сторон:

— Следов соприкосновения с деревом не видно.

— Значит, их не осталось, — раздражённо ответил Мехмед и попытался высвободиться.

— Мулла Гюрани — правша, — меж тем произнёс Андреас таким тоном, будто рассказывал, как решается математическая задача. — Значит, когда он наносит удары палкой по твоей спине, то подходит к тебе с левого боку и бьёт чуть наискосок, иногда задевая концом палки твоё правое плечо, а левое всегда остаётся в целости.

Мехмед весь скривился, но нельзя было понять — от досады или от злости:

— Да! — выпалил он. — Всё так и есть! Но ты же не пойдёшь к мулле снова? Хочешь, чтобы у меня был только один урок греческого в неделю? А я не хочу! Слышишь!? Не хочу! Поэтому ты никуда не пойдёшь. И ничего не станешь ему говорить. Всё останется, как сейчас. Таково моё желание. Ясно?

Андреасу вдруг показалось, что его отношения с принцем совершили полный круг и вернулись почти к тому, с чего всё начиналось позапрошлым летом. Казалось, на него смотрел прежний, четырнадцатилетний Мехмед, хотя принц изменился — стал выше ростом, шире в плечах, а на скулах и под подбородком уже начала оформляться рыжая борода.

— Но почему тебя бьют? — спросил Андреас, и эти слова будто резали ему горло изнутри. — Ты же покорился. Ты изучаешь Коран. У тебя есть успехи. Что мулле ещё от тебя нужно?

Мехмед опустил голову, и теперь он не огрызался, потому что почувствовал себя виноватым:

— Я не покорился, — тихо произнёс он, — не смог. Ты прав, когда говоришь, что я стал больше знать. Я понимаю Коран. Я знаю много отрывков на память. Могу составлять простые арабские фразы на основе того, что знаю. Но мулле этого показывать не хочу. Не могу. Я притворяюсь, что глуп, и что у меня плохая память, потому что если перестану притворяться, порадую его и скажу, что мои знания появились благодаря ему, это буду уже не я. Я потеряю себя, учитель!

Принц поднял голову, и Андреас увидел, что глаза принца полны слёз:

— Прости меня, учитель. Я не знаю, почему всё не так, как раньше. Не знаю, почему не могу ради выгоды сказать мулле то, что он хочет слышать. Раньше я лгал ему легко. Например, сказал, что он лучше тебя. Взамен я получил разрешение поехать на верблюжьих бои. Помнишь?

— Да, — ответил грек, ведь принц в своё время признался, как задобрил главного наставника.

— И это ещё не всё, — продолжал признаваться Мехмед. — Точно так же я уговорил муллу провести свадебный обряд — пообещал, что никогда не забуду этой услуги, стану ценить его превыше всех учителей. А теперь мулла злится, потому что я забыл об обещании.

Андреас молча слушал, а принц продолжал:

— Я больше не могу так поступать — задабривать его. Если задобрю, сделаю то, что он хочет, то потеряю себя. Учитель, я не знаю, как так вышло, что передо мной выбор: потерять себя или потерять тебя. Я хочу забыть о себе, но не могу. Я каждый вечер и каждое утро думаю: «Лучше потеряю себя», — но оно само получается наоборот, и мулла с каждым днём злится всё больше, потому что подозревает, что я что-то скрываю. Я говорю ему, что заслужил наказание, и он меня наказывает, но, мне кажется, уже близок день, когда мулла прямо скажет, что если я не проявлю способностей, он сделает так, что ты уедешь в Эдирне. А я... всё равно не проявлю способностей. Не смогу себя заставить. И тебе придётся уехать. Прости меня.

Грек забыл обо всех своих правилах: горячо поцеловал ученика в лоб, обнял за шею, крепко прижал к себе:

— Ничего, мой мальчик, мы что-нибудь придумаем. Что-нибудь придумаем.

— Учитель, — вздохнул Мехмед, — дай мне слово, что ты меня не забудешь. Дай мне слово, что подождёшь меня в Эдирне, потому что я тебе клянусь — как только стану султаном или хотя бы временным правителем вместо отца, в тот же день прикажу разыскать тебя, и мы увидимся. А когда я стану султаном, мы уже не расстанемся. Никто не сможет нас разлучить. Мы всегда будем вместе. Всегда.

Андреас тоже вздохнул, но по другой причине — он понимал, как наивен принц. Как бы ни было сильно чувство между двоими, навсегда остаться вместе не получится. Если ученик вырос, достиг полного взросления, то с учителем приходится расстаться. Это неизбежно, ведь человек, который уже созрел духовно и физически, не может и не должен играть подчинённую роль, а ученик — это роль подчинённая.

«Да, рано или поздно ты станешь султаном, — мысленно обратился к ученику Андреас. — И вот мы встретимся после нескольких лет вынужденной разлуки. И я увижу перед собой уже взрослого Мехмеда, которого мне нечему учить. И что мы будем с тобой делать? Да, побеседуем. Вспомним прежние дни, а затем поймём, что нас уже ничто не связывает».

Конечно, учитель не мог этого сказать ученику — ученик бы просто не поверил. Вот почему Андреас сказал другое:

— Не вини себя. Если ты не хочешь покоряться мулле, ты ни в коем случае не должен

этого делать. Если всё же покоришься, это будет насилие над тобой, которое оставит в тебе неизгладимый и уродливый след. Поэтому я и говорил тебе в прошлый раз, что ты не обязан, а ты посчитал это пустыми словами.

Мехмед как будто не слышал:

— Учитель, поклянись, что ты навсегда останешься со мной.

— Я клянусь, что останусь с тобой до тех пор, пока нужен тебе, — ответил Андреас.

— Значит, навсегда, — успокоено проговорил принц. — Учитель, ты всегда будешь мне нужен.

Андреас не стал спорить.

* * *

Рассказ принца стал для Андреаса неожиданным, потому что мулла, выходя из классной комнаты по окончании своего урока, обычно выглядел спокойным. Учитель греческого наблюдал это не раз и потому думал, что мулла вполне доволен учеником. И вдруг оказалось, что Ахмеда Гюрани переполняет злоба. Почему же он скрывал это?

У Андреаса не было оснований не верить Мехмеду, но всё же грек очень жалел, что не может понаблюдать, как мулла ведёт занятие. Просить об этом не имело смысла — откажут.

Тогда грек решил прибегнуть к не совсем честному средству. Он стал приходить в покои принца заметно раньше, чем обычно. Урок мусульманского богословия в это время только приближался к середине, и вот Андреас останавливался у закрытых дверей, ведущих в классную комнату, прикладывал ухо к щели между створками и прислушивался.

— Ты не стараешься, — слышался голос муллы.

— Учитель, я стараюсь, — отвечал Мехмед таким тоном, как говорят ученики, когда не хотят учиться.

— Нет, ты не стараешься, — возражал мулла. Он и, правда, злился, но не имел повода выместить это на ученике.

Иногда Андреас слышал, как произносятся угрозы:

— Если сейчас не произнесёшь всё правильно, будет наказание.

Мехмед, судя по всему, всё равно произносил неправильно.

— Я предупреждал, — говорил Ахмед Гюрани. — Теперь мне придётся тебя наказать.

— Да, учитель, — ровным голосом отвечал ученик.

Того, как палка рассекает воздух и опускается на спину принца, было не слышно. Сам принц тоже не издавал ни звука. Этого следовало ожидать. Андреас даже восхищался стойкостью своего ученика. Принц, которого избивали, проявлял достоинство, в отличие от

того, кто избивал. И всё же внутри у грека всё сжималось. Слышать тишину, но в то же время знать, что скрывается за этой тишиной, казалось ужасно.

Андреас в смятении отходил от двери, ведь Мехмед запретил вмешиваться. «Если вмешаюсь, станет только хуже», — говорил себе учитель.

Слуги в покоях Мехмеда вели себя тихо и ни разу не попытались препятствовать Андреасу в том, чтобы он подслушивал. Лишь однажды подошёл один слуга и легонько дёрнул грека за рукав.

Андреас хотел, было, отмахнуться, но слуга, ничего не говоря, указал на маленькую нишу сбоку от дверей, прикрытую решётчатой дверцей. Казалось, что это просто шкафчик, но слуга открыл его, затем убрал заднюю стенку и опять же жестом предложил заглянуть внутрь. То есть там находился не шкафчик, а тайное окошко для наблюдений за занятиями!

Грек даже не удивился и, заглянув, куда предлагали, увидел принца, а напротив — муллу, сидящего на учительском тюфяке. В комнате для занятий, как всегда, присутствовал ещё и евнух, но он сидел где-то в слепом углу, а вот тюфяк лежал прямо напротив окошка.

Знал ли Ахмед Гюрани об окошке? Возможно, что нет, а возможно, он сам же и велел устроить его, желая следить за другими учителями. Как бы там ни было, отверстие в стене оставалось незаметным, поскольку было очень маленьким и со стороны классной комнаты тоже закрывалось некоей решёткой. Кажется, в той комнате тоже находился мнимый шкафчик рядом с дверями. Грек никогда особенно не обращал на это внимание и потому не помнил.

Конечно, Андреас порой задумывался, следят ли за ним, но лучший способ не попасться — не делать того, что может показаться подозрительным. Именно поэтому грек избегал объятий, не говоря про остальное. К тому же, никогда не любил сидеть на том месте, которое предназначено для учителей. Оказалось, в Манисе это было особенно правильным.

Андреас вдруг понял, что за всё время преподавания почти всегда садился так, что поворачивался к тайным наблюдателям спиной. Значит, они видели лишь лицо принца — заинтересованное, воодушевлённое или даже восторженное — а причину этих чувств не понимали, если грек говорил шёпотом.

Конечно, бывало, что разговор не удавалось вести тихо, ведь Мехмед, когда волновался, невольно повышал голос, но Андреас в этих случаях старался говорить по-гречески, ведь никто в окружении принца не понимал этого языка. Это опять же затруднило бы для возможных слушателей понимание беседы. Должно было затруднять...

На мгновение Андреасу показалось, что слуги всё понимают, но видят, что учитель-грек не пытается воспользоваться неопытностью принца, и уважают это. Нет, такое понимание и одобрение казалось слишком уж невероятным! Но, несомненно, челядинцы видели, что Андреас искренне привязан к их юному господину и хочет ему помочь. Вот почему грек

получил возможность увидеть, как проходит урок с муллой, да и слышимость стала заметно лучше.

Увы, это не радовало. Слишком печально было видеть, что Ахмед Гюрани хочет не научить своего ученика чему-то, а подчинить, и что это нельзя оправдать особенностями изучаемого предмета.

В богословии, как и в любой науке, есть место для дискуссии, ведь всякий текст, даже священный, оставляет возможность для толкования. Грек знал, что в исламе шейхи спорят меж собой так же, как христианские богословы, и тем грустнее было обнаружить, что мулла исключал дискуссию. Для Ахмеда Гюрани существовало лишь одно мнение — его собственное, а несовпадение вызывало гнев. Не знаний требовал этот человек, а покорности!

Вот почему Мехмед под взглядом своего главного наставника вёл себя скованно, застыл в одной позе — сидя на пятках. Скованно чувствует себя всякий, кто постоянно думает о том, как его видит собеседник. Все движения — каждый поворот головы и движение руки — Мехмед будто обдумывал заранее, поэтому делал всё медленно, так что мулла порой говорил:

— Не спи.

Конечно, принц не спал, но и ясность мысли на его лице читалась редко. Мехмеду просто не было надобности мыслить. Ему следовало лишь запоминать и повторять. Даже когда Мехмед изъяснялся не на арабском, а на родном языке, то выражал не своё мнение, а мнение муллы или неких шейхов, с которыми мулла был согласен. Если ученик пытался добавить к сказанному что-то своё, то почти всегда получал замечание:

— Нет, ты говоришь неправильно.

Зная характер принца, Андреас не удивлялся, что после такого замечания Мехмед замыкался, притворялся, что забыл очередной выученный отрывок, а когда всё же заставляли «вспомнить», то делал кучу ошибок. Ученик, пересказывая отрывки на арабском, оговаривался так часто, что мулла приходил в ярость, а затем начинался спор по-турецки — нарочно ли принц допустил такие «возмутительные» ошибки.

Спор часто заканчивался тем, что мулла делал знак своему евноху-прислужнику подать палку, но не только поэтому Андреас считал всё происходящее на уроке ужасным. Уроки муллы делали принца не лучше, а хуже — притупляли желание мыслить самостоятельно, поощряли проявление упрямства, учили лгать, тайно ненавидеть, то есть скрывать свои мысли и подавлять свои истинные чувства. Вот так человек и становится не собой. Когда Мехмед говорил, что потеряет себя, если покорится мулле, то, конечно, имел в виду именно это.

«Увы, есть ученики, которые податливы, как сырая глина, и охотно подчиняются учителю-тирану, — говорил себе Андреас. — Но Мехмед не таков и таким не станет».

Самое страшное заключалось даже не в том, что принца, по сути, истязали и пытались

слепить из него другого человека, а в том, что мулла подспудно внушал будущему правителю одну очень опасную мысль — если ты не можешь убедить своего собеседника словом, то можно применить силу, и он покорится. Сейчас в качестве примера Мехмед видел палку в руках своего главного наставника, но ведь нетрудно было уловить сходство между палкой в руках учителя и мечом в руке палача. Палач может обезглавить одного оппонента или более, чтобы те, которые останутся в живых, уяснили — спорить нельзя, надо согласиться.

«Нет, он не должен сам стать тираном, не должен», — твердил себе Андреас, но не знал, как этому помешать. Вот почему он не находил в себе сил смотреть на то, как принца бьют, пусть теперь и имел возможность смотреть. Грек отворачивался, закрывал глаза. Того, как палка рассекает воздух и опускается на спину ученика, было по-прежнему не слышно, но и тишина по-прежнему казалась жуткой.

В один из дней Андреас, вспомнив рассказ Мехмеда о том, что мулла может применять наказание до тех пор, пока не запретит лекарь, решил поговорить с врачом.

Это был итальянский еврей, младше грека лет на пять. Они уже виделись однажды — тогда, когда Андреас сопровождал принца на верблюжьих бои. Этот лекарь тоже сопровождал Мехмеда и по его приказанию смазал греку порез на шее, оставленный ножом одного из неудачливых похитителей.

Лекарь тогда показался очень разумным человеком, но Андреас с тех пор не стремился развивать знакомство, да и сам врачеватель, судя по всему, предпочитал уединение. Сидя в своих покоях, он почитывал книги о медицине, готовил снадобья.

Андреасу также показалось, что это человек весьма осторожный, который никогда не пойдёт напрямик, а лишним поводом думать так стала манера этого еврея одеваться — отнюдь не по итальянской моде. Он одевался почти как турок-мусульманин. Даже белая ткань, скрученная в тонкий жгут и обёрнутая вокруг большой красной фески, чем-то напоминала мусульманский головной убор. И вот в таком человеке приходилось искать союзника.

«Надо хотя бы попробовать, пусть даже ничего не выйдет», — говорил себе грек, поэтому не удивился итогу разговора. Лекарь явно сочувствовал своему пациенту, но, выслушав учителя греческого, лишь вздохнул:

— Я не могу слишком часто запрещать. Иначе мне перестанут верить, и я уже не смогу помочь принцу, когда это будет действительно необходимо.

— Разве сейчас принц не нуждается в помощи? — спросил Андреас.

— Пока нет, — ответил врач. — Пока что принцу вполне помогают мазь для скорейшего заживления синяков и обезболивающее средство.

Андреасу, который и сам кое-что понимал в медицине, оставалось только согласиться с этими доводами, но состояние принца всё больше внушало тревогу.

Мехмед начинал вести себя, как человек, который ходит по краю пропасти — ему уже

ничто не страшно, ведь он знает, что рано или поздно сорвётся. Ему важно лишь то, чтобы оставшееся до падения время прошло как можно веселее.

Принц снова начал сбегать с уроков, как когда-то, а ведь ему уже исполнилось шестнадцать, причём борода на его скулах и на подбородке обозначалась всё явственней. Юноша вёл себя подобно мальчишке!

Теперь даже на уроках греческого Мехмед часто отказывался заниматься тем, что предлагал учитель:

— Давай просто побеседуем, — говорил принц, но и во время беседы нередко переходил на турецкий язык, будто забыл все греческие слова.

А ещё появилась странная привычка провоцировать учителя. Мехмед нередко ловил учительскую ладонь, прикладывая к своей щеке и с каким-то злым весельем говорил:

— У твоего мальчика уже растёт борода. Время уходит. А ты так ничего и не сделаешь?

Андреас, конечно, рассказал своему ученику про шкафчик, служивший для наблюдений, но это не оказало на принца никакого действия:

— А если мы перейдём в слепой угол? Сделай что-нибудь, чтобы мне было, что вспомнить.

Учитель лишь качал головой, и это тоже не прибавляло ученику радости.

Однажды Мехмед принёс на урок стихотворение — вынул из-за пазухи бумагу, успевшую чуть помяться, протянул учителю и почти с ожесточением произнёс:

— Прочти.

В последний год принц увлёкся сочинением стихов на турецком языке и часто приносил учителю показать. Вся эта поэзия бесконечно воспевала некую недоступную красоту, так что намёк был весьма прозрачный, а Мехмед обычно спрашивал, нравится ли учителю, и как тот истолковал те или иные строки.

Андреас невольно сделался ценителем и даже подружился со старым турком, который преподавал принцу литературу, ведь только в разговорах с этим наставником грек мог невзначай узнать об особенностях турецкой поэзии и тех символах, которые она использовала чаще всего. Андреас знал, что Мехмед был бы очень раздосадован, если бы сам оказался вынужден объяснять значение своих стихов. Юный поэт обращался к своему читателю-греку как к знатоку, который понимает!

Однако в этот раз сочинитель, сделавшись ожесточённым, не спрашивал ни мнения, ни совета, а просто повелел читать. Андреас прочёл:

О, виночерпий, дай вина! Тюльпаны через день-другой исчезнут.

Настанет осень. Лозы, зеленевшие весной, исчезнут.

Ах, сколько раз в молитвах я искал успокоенья!

Но лишь увижу ту красу — покой исчезнет.

Я пеплом стал, а сердце всё боится боли и печалей,
Хоть знаю — ветром разнесётся пепел мой, исчезнет.
Любовь моя, красою не гордись, храни мне верность!
Краса не навсегда останется с тобой, исчезнет.

Я должен с недругами биться храбро за любовь свою.
Умрите, псы! Ведь счастье, если проиграю бой, исчезнет

Даже если в стихотворении имелись огрехи, Андреас не стал обращать на них внимание, ведь в этих строках, пусть немного путаных, проявилось всё отчаяние принца! Стихотворение дышало безысходностью, ведь тюльпан в турецкой поэзии являлся не просто цветком, а обозначал идеальную любовь. И вот принц сказал, что тюльпаны исчезнут.

Осень, упомянутая в стихе, также говорила о неминуемом расставании. Это был ещё один символ, и если у греков осень больше ассоциировалась с изобилием, периодом сбора урожая, то для поэта-турка она всегда означала лишь угасание и потерю в противовес весне, означавшей расцвет и начало всего, в том числе начало любви.

Несомненно, в стихе нашлось место и суфийской традиции, ведь суфии представляли любовь сладким опьянением. Отсюда упоминание вина и виноградных лоз. Да и виночерпий — частый гость в суфийской поэзии. Иногда его даже представляли возлюбленным, но в данном случае он стал лишь средством продлить ускользающее счастье. Принц любил всё ту же недостижимую красоту, которая лишала его покоя. А затем почти повторялось сказанное в саду после игры в догонялки — смерть и превращение в пепел явно напоминали фразу «я теряю самого себя». А дальше Мехмед требовал верности, говорил о своём нежелании расставаться. Совсем, как в саду!

Последние строки были лишены символизма. Андреас слишком ясно понимал, с кем сражается принц за свою любовь, и кого хочет победить. Но, как видно, Мехмед перестал верить в возможность победы.

— Мой мальчик, что бы ни случилось, я буду верным, буду, — взволнованно произнёс грек, подняв взгляд от листа. — Увы, быть верным — это всё, что я могу.

Эти слова не ободрили ученика:

— Ты обещал придумать что-нибудь, но вот прошёл ещё месяц, а ничего не изменилось.

* * *

«Решения и впрямь нет. Я ничего не могу сделать», — размышлял Андреас. Размышлял он так и в тот час, когда наблюдал через потайное окошечко за очередным уроком муллы.

Всё происходило, как обычно. Принц опять понаделал множество ошибок, когда пересказывал отрывок из Корана, поэтому Ахмед Гюрани опять взял в руки палку, повелев ученику:

— Встань и наклонись.

Андреас, наблюдавший за этой сценой, прикрыл глаза, чтобы не видеть. Он опять готовился услышать жуткую тишину, от которой никуда не деться, и вдруг эту оглушающую тишину нарушил тихий вскрик.

Звук был настолько тих, что грек поначалу подумал, что ослышался, но прошло не больше, чем полминуты, и опять вскрик, уже чуть громче. Принц, конечно, не хотел подавать голос — получалось само. Стало так больно, что даже гордый Мехмед уже не мог терпеть, но самое болезненное ощущение, несомненно, ожидало его впереди. Впереди ждала не физическая боль, а душевная, которая пришла бы вместе с осознанием, что принц всё-таки потерял себя — перестал быть стойким и безразличным к истязаниям, как прежде, то есть его железная воля дала трещину. Трещина в металле — это страшно. Это означает, что металл вот-вот сломается. «Нет, так нельзя. Мулла сейчас сломит его, сломит в нём свободную волю, превратит в раба, и это уже не исправишь», — с ужасом подумал грек.

Конечно, каждый человек временами заставляет себя делать то или это. Но ведь есть предел принуждения. Это предел, после которого человек — уже не человек, а раб. Рабы потому и не считаются за людей, что не имеют права следовать своим желаниям, не имеют право на собственное мнение и волеизъявление. Даже иметь собственные мысли рабу не следует. Вот, во что хотел превратить Мехмеда мулла!

Андреас, ещё не вполне сознавая, что делает, ринулся к дверям класса, одним рывком открыл их и очутился в комнате:

— Стойте! Хватит!

— Что!?! — возмутился Ахмед Гюрани, оборачиваясь ко входу.

Лицо ученика Андреас не видел, поскольку принц по-прежнему стоял, согнувшись, а всё внимание отвлекало на себя перекошенное от гнева лицо муллы.

— Я говорю «хватит ударов», — повторил грек.

— Как ты смеешь приказывать мне!?! — продолжал возмущаться Ахмед Гюрани. — Меня назначили главным наставником принца, а его великий отец лично дал мне в руки эту палку и наделил меня правом применять её, если принц заслужит наказание. Как ты сме...

— Это не наказание, а избиение, — твёрдо произнёс Андреас. — Наш повелитель мудр и милосерден, поэтому я позволю себе усомниться, что он давал разрешение на то, что сейчас происходит.

— Выйди! — крикнул мулла. — Или я сделаю так, что тебя вышвырнут из дворца.

— Нет, я не могу уйти, — ответил Андреас, — и прошу многоуважаемого муллу остановиться, чтобы принцу не был нанесён вред. Я готов объяснить, почему принца нельзя больше бить, а если мои доводы не будут услышаны, мне придётся отправить в Эдирне письмо на высочайшее имя.

Ахмед Гюрани уже не слушал, он снова занёс палку, но грек бросился вперёд и схватил его за руку. Мулла и впрямь оказался сильным, физически развитым человеком, а сейчас был ещё и рассержен, поэтому сила его удвоилась. Андреас понял это, обнаружив, что отброшен в сторону и падает навзничь на ковры. Мехмед опять вскрикнул, и это означало, что палка нанесла по спине принца третий удар. А затем последовал ещё один, и ещё, и ещё.

Увы, грек, упав, не сумел остановить это, а когда вскочил, то обнаружил, что Ахмед Гюрани даже не собирается останавливаться.

Андреас не повторил прежней ошибки и теперь схватил не руку, а свободный конец палки. Мулла был так взбешён, что даже не задумался о сути происходящего. Чувствуя, что нанесению нового удара что-то мешает, он просто приложил больше силы, но грек держал крепко, поэтому палка сначала просто выгнулась, а затем с треском сломалась пополам.

Мулла, наконец, обернулся:

— Наглец! Что ты сделал! — он замахнулся обломком палки уже на Андреаса. — Теперь ты разозлил меня по-настоящему. Это тебе дорого обойдётся. Ты уедешь сегодня же!

Андреас посмотрел на принца, чтобы ободрить хоть взглядом, и вдруг увидел, что Мехмед уже не стоит в согнутой позе, а лежит ничком на ковре.

Мулла тоже посмотрел на принца, быстро опустился рядом с ним на колени и вгляделся в лицо:

— Он притворяется!

Чтобы доказать это, главный наставник перевернул ученика на спину. Наверное, по расчетам муллы, принц, почувствовав боль в битой спине, должен был вскрикнуть и открыть глаза. Однако этого не произошло. Обмякшее тело Мехмеда осталось таким же, опущенные веки даже не дрогнули.

— Он не притворяется, — испуганно прошептал Андреас, тоже бросившись к принцу и тоже опускаясь на колени рядом с ним.

Грек приблизил ухо к губам ученика, чтобы убедиться, что есть дыхание, и несколько мгновений сосредоточенно вслушивался.

Теперь и мулла испугался:

— Лекаря! — крикнул он, а слуги Мехмеда, собравшись вокруг, уже потеснили учителей и начали суетиться вокруг своего юного господина.

— Переверните его обратно на живот, — сказал им Андреас и сам же начал исполнять это. — Иначе принцу будет ещё больнее, когда он очнётся.

— Очнётся? — переспросил мулла, и теперь приободрился, а затем его настроение и вовсе переменилось. Он очень зло посмотрел на грека и произнёс: — Это ты меня вынудил! Ты виноват! Если бы не ты, я бы не ударил его так много раз. Это всё из-за тебя! Ты меня

вынудил. Нарочно, чтобы опозорить. О, коварный язычник! Тебе это так не сойдёт! Я добьюсь, чтобы тебя не только отстранили от должности, но и наказали. Ты подверг опасности жизнь и здоровье принца!

— Я? — Андреас просто опешил от такого лицемерия. — Я призывал прекратить избиение, и я виноват, что принц избит?

— Ты нарочно вывел меня из терпения. Ты лживый, коварный язычник. Вы все такие! — повторял мулла, но было видно, что он сам себе не до конца верит.

Меж тем слуги подняли принца и понесли прочь из классной комнаты в спальню. Оба учителя поспешили следом, поэтому видели, как челядинцы уложили своего юного господина на постель, сняли с него кафтан и исподнюю рубашку.

Андреас, прошедший в Манисе уже два года, впервые за всё время увидел обнажённую спину своего ученика. И это зрелище заставило ужаснуться:

— Господь милосердный! — не выдержав, прошептал грек, потому что спина оказалась буквально исполосована ударами, нанесёнными отнюдь не сегодня. Особенно много линий виднелось в средней части, и некоторые из них достигали правого плеча.

Палка, которой били Мехмеда, оставляла после себя тонкие следы, которые пестрели здесь и там. Свежие были ярко-розовыми, менее свежие — тёмно-лиловыми, а почти зажившие имели коричневатый цвет. Все они, пересекаясь друг с другом, образовывали сетку, в которой лишь кое-где виднелись просветы здоровой кожи.

Андреас посмотрел на муллу:

— По вашему мнению, султан мог такое одобрить?

— Это всё из-за тебя, — продолжал твердить мулла. — Это из-за тебя принц стал упрямым, как никогда, и заслужил столько палок. Ты сделал его таким. Ты! Я предупреждал, чтобы ты не внушал ему дерзких мыслей, но ты внушал и теперь поплатишься. Ты подговаривал принца злить меня.

— Это ложь! — воскликнул учитель греческого, но теперь вдруг подумал, что этим обвинениям, которые больше напоминали бред безумца, могут поверить.

Ещё несколько минут назад Андреас прикидывал, как лучше выступить в роли обвинителя, ведь отправить письмо султану казалось необходимо, а теперь вдруг заподозрил, что самому придётся оправдываться. И ведь чем абсурднее обвинения, тем сложнее оправдаться!

Муллу увидел сомнение на лице грека и уже готовился праздновать победу, но оказалось, что рано, поскольку лекарь, тот самый еврей из Италии, который успел прийти и осмотреть спину Мехмеда, твёрдо сказал:

— Многоуважаемый мулла, мой долг сообщить, что принца больше нельзя наказывать. По крайней мере, месяц. Иначе его здоровье и даже жизнь окажутся в опасности.

— Что? — мулла оказался потрясён едва ли не больше, чем в ту минуту, когда узнал, что принц без сознания и отнюдь не притворяется. — Месяц?

— Возможно, дольше, — ответил лекарь.

— Но что же мне делать, если он совсем не учится? — жалостливым голосом спросил главный наставник.

— Увы, ничего делать нельзя, — повторил лекарь. — Иначе здоровье принца окажется непоправимо подорвано.

— А если бить не по спине, а по пяткам? — с надеждой спросил мулла, уже не обращая внимания на Андреаса.

— Увы, я не могу это одобрить, — лекарь показал головой. — Любое подобное наказание — это испытание для тела. Принца нельзя больше подвергать испытаниям. Ему необходим покой. Иначе здоровье принца не выдержит.

— Ах, это он нарочно. Нарочно! — мулла был просто в отчаянии. — На днях я получил известие, что через месяц к нам приедет великий визир Халил-паша, желающий лично оценить успехи наследника престола. И что же увидит Халил-паша? Что же я сумею сделать за этот месяц, если не могу заставить своего ученика заниматься!

— Увы, многоуважаемый мулла, я не могу одобрить дальнейшие наказания, — в который раз произнёс лекарь. — Что может быть хуже принца, который плохо учится? Я скажу — принц, который не только плохо учится, но и болен. Великий визир окажется огорчён ещё больше.

Ахмед Гюрани просто не находил себе места. Он воздел руки к небу и только сейчас заметил, что в правой руке по-прежнему держит обломок палки. Мулла в гневе швырнул этот обломок на ковры и снова запричитал:

— Ах, что мне делать! Что мне делать!

Меж тем помощник лекаря уже смазывал спину принца специальной мазью. Мехмед так же лежал на ложе неподвижно, но вдруг дёрнулся при очередном прикосновении к его спине, открыл глаза и застонал. Все присутствующие поспешно склонились над ним, а мулла стремился оказаться ближе всех и теперь выглядел очень добрым и ласковым:

— Мехмед Челеби, как же ты напугал своего учителя. Как я беспокоился!

Принц смотрел на него, не мигая, и лишь иногда вздрагивал, если помощник лекаря, продолжавший смазывать его спину мазью, проводил рукой по особо болезненным местам.

Затем Мехмед перевёл взгляд на Андреаса, улыбнулся, и только тогда Ахмед Гюрани снова обратил внимание на своего соперника:

— А ты пошёл вон, язычник. С этого дня ты больше не занимаешься обучением принца. Ты уже достаточно натворил.

— Прости, мой ученик, — сказал принцу Андреас, покорно поднявшись и делая шаг назад от кровати, — я не сдержался: заступился за тебя, и вот итог. Но я исполню обещание, которое дал тебе в саду. Буду хранить тебе верность.

Принц снова перевёл взгляд на муллу, а главный наставник продолжал ласково улыбаться, но улыбка исчезла с его лица, когда принц повелительно произнёс:

— Он останется на должности. И теперь у нас с ним будет шесть уроков, как раньше.

— Что? — мулла явно счёл это невиданной наглостью, которую не может оправдать даже болезненное состояние, а принц продолжал:

— Ты ведь хочешь, чтобы Халил увидел мои успехи в изучении Корана? Если ты удалишь этого учителя, то Халил ничего не увидит. Я стану говорить с ним по-гречески, и в математике хорошо себя покажу, и в географии, а из Корана не вспомню ни строчки. Посмотрим, что тогда скажет Халил. Мне думается, я смогу попросить его, чтобы учитель греческого вернулся. А вот тебя могут и заменить другим муллой. Раньше я одинаково плохо занимался по всем предметам, а теперь буду плохим учеником только у тебя. Посмотрим, что Халил скажет.

— Откуда ты знаешь про приезд Халила-паши? — спросил мулла.

— Услышал только что, — ответил принц.

— А! Значит, ты всё-таки притворялся! — воскликнул мулла, но Андреас, так и не покинувший спальню, всё же решился возразить:

— Нет, в комнате для занятий он не притворялся. Если не верите мне, спросите слуг.

— А если всё же..., — начал мулла, но Мехмед уверенно перебил его:

— Подозреваешь меня в притворстве? А сам нарочно скрыл, что Халил приедет! Нарочно, да? Ты ведь сразу подумал, что я решу жаловаться ему на тебя. Ты испугался. И поэтому решил скрывать новость как можно дольше, чтобы мысль о жалобе пришла в мою голову как можно позже. Ты хотел, чтобы я думал, будто нахожусь полностью в твоей власти! Но теперь твоя власть кончилась. Если ты не примешь моих условий, тебе же хуже.

— Моё положение уже не станет хуже, потому что ты ничего не знаешь, — с вызовом ответил мулла. — Ты уже обещал мне, что будешь стараться. Ты дал обещание, когда я ограничил твои занятия греческим языком. И что в итоге? Ты такой же неуч, как был!

Вместо ответа принц вдруг заговорил по-арабски. Его речь была ровной и плавной, и, судя по всему, он говорил без ошибок.

Муллу поразил, а Мехмед улыбнулся насмешливо и спросил по-турецки:

— Ещё?

И снова, не дожидаясь ответа своего главного наставника, продолжил цитировать Коран, но, очевидно, уже другой отрывок. Речь опять была плавной и красивой, а затем вдруг прервалась, потому что принц опять перешёл к торгу:

— Если у меня не будет шесть уроков греческого в неделю, Халил не услышит ни строчки из Корана. Так что же ты выбираешь?

— Значит, ты притворялся почти всё время! — к Ахмеду Гюрани, наконец, вернулся дар речи: — Ты уже, по меньшей мере, полгода притворяешься. Но теперь твой обман раскрыт! Теперь все слышали, что на самом деле ты знаешь Коран!

Андреас, приблизившись к кровати принца, возле которой склонились мула и лекарь, опять позволил себе вставить слово:

— Кто слышал? Слуги в покоях принца не обладают достаточным знанием, чтобы повторить хотя бы одну фразу, произнесённую по-арабски. А о себе я даже не упоминаю. Я всего лишь язычник и не знаю арабского языка, поэтому не могу поручиться, что принц цитировал Коран и делал это правильно.

Ахмед Гюрани некоторое время слушал его, а затем перевёл глаза на лекаря:

— Но тебе ведь знаком этот язык? Ты, конечно, изучал арабские трактаты по медицине.

Принц тоже посмотрел на своего врачевателя очень внимательно, после чего лекарь нарочито смутился:

— Да простит меня многоуважаемый мулла, но я не знаю арабского, потому что изучал медицину, находясь там, откуда я родом, то есть в землях франков, — он, конечно, имел в виду Италию, но по-турецки все западные страны назывались землями франков. — Я изучал арабские трактаты в переводе, не в оригинале, — всё так же нарочито сокрушаясь, закончил лекарь.

После этих слов Мехмед снова посмотрел на муллу и твёрдо сказал:

— Я спрашиваю последний раз, будут ли мои условия приняты.

Слова принца опять звучали как повеление, а не как просьба. Теперь всё стало иначе по сравнению с прошлой зимой, когда Мехмед выторговал себе право поехать на верблюжьих бои, или по сравнению с прошлой весной, когда принц уговаривал муллу совершить свадебный обряд. В тех случаях принц знал, что находится в зависимом положении, а теперь он вёл торг с позиции силы, сам назначал цену.

Мулла понял, что загнан в угол. Или сам себя загнал, но такие люди, как Ахмед Гюрани, никогда не признают, что сами виноваты в своих бедах.

— Хорошо, я вынужден принять эти условия ради твоего блага, принц, и ради блага всего государства, — выдавил из себя главный наставник, а затем распрямился, собираясь уходить.

— Теперь у меня шесть уроков греческого в неделю? — не отставал принц.

— Да, — выдавил из себя мулла, стоя перед ним.

— И мой учитель греческого ни в чём не будет ущемлён? Он по-прежнему будет получать жалование, как за шесть уроков в неделю, и остальное, что положено?

— Да, — произнёс мулла, — а теперь прошу прощения, Мехмед Челеби, но я должен идти.

Принц не удерживал, а Ахмед Гюрани бросил Андреасу через плечо:

— Ты тоже не должен оставаться здесь. Не праздную победу слишком открыто.

Грек решил последовать этому совету, но вначале всё же подошёл к принцу и радостно улыбнулся ему. Принц улыбнулся тоже — несмотря на боль он сейчас выглядел таким счастливым!

Андреас уже собрался идти, но тут почувствовал, что рука Мехмеда удерживает его за полу кафтана:

— Учитель, посиди со мной немного.

Меж тем к принцу обратился лекарь:

— Мехмед Челеби, тебе надо отдохнуть. Я дам сильное снадобье, чтобы ты не

чувствовал боли, и ты уснёшь.

Рука принца уже выпустила край учительского кафтана, но просьба в глазах осталась.

— Хорошо, я посижу недолго, — Андреас опустил на ковры в изголовье Мехмеда, и наблюдал, как тот покорно проглатывает снадобье с ложки лекаря.

— Учитель, я победил его, — сказал принц, а слуги меж тем стаскивали со своего юного господина сапоги.

— Да, ты победил, — ответил Андрас.

— Это должно было случиться раньше, — продолжал принц. — Раньше ко мне в Манису каждые три месяца приезжал отцовский визир Заганос-паша, который проверял мои знания. Теперь Заганос в немилости, поэтому должен был появиться кто-то другой, чтобы исполнять его обязанности. Я ждал, ждал, когда кто-нибудь придет, и можно будет пожаловаться на муллу. А они там, в Эдирне, наверное, не стали искать замену Заганосу, если теперь придет сам Халил, великий визир.

— Теперь жаловаться на муллу уже нет смысла, — сказал грек.

— Нет, я всё равно пожалуюсь, — хихикнул принц. — Знания свои покажу, как обещал, а затем пожалуюсь.

— Зачем? — удивился Андреас.

— Потому что мулла будет жаловаться на тебя. Такой он человек. И чтобы Халил не послушал его, я тоже обращусь с жалобой. Скажу, что мулла завидует тебе и поэтому тебя притесняет.

Андреас в который раз улыбнулся и заговорил по-гречески:

— Мой мальчик, ты полон заботы обо мне. Я просто не знаю, есть ли на свете ученик, который проявляет больше заботы об учителе.

— Учитель, я одержал победу для тебя, — сказал Мехмед тоже по-гречески.

— Я знаю, — прошептал грек.

— Значит, я заслужил от тебя награду?

— Какую награду ты хочешь?

— Хочу поцелуй, — ответил принц.

Андреас, всё так же сидевший у него в изголовье, чуть приподнялся и нежно поцеловал ученика в лоб.

— Нет, — опять по-гречески произнёс Мехмед. — Награди меня поцелуем, похожим на те, которыми Ахиллес награждал Патрокла, или на те, которые Александр дарил Гефестиону. Подари мне такой поцелуй, который Алкивиад мечтал получить от Сократа. Разве я не достоин? Даже Сократ говорил, что учителю можно иногда выразить любовь к ученику через поцелуи.

Принц не понимал, что сейчас нежный поцелуй в лоб и поцелуй в губы, по сути, ничем не будут отличаться. Мехмед, наверное, думал, что поцелуй в губы означает невысказанное желание, но как можно желать избитого возлюбленного! Его можно любить, сострадать ему, но желать — нет. В такую минуту — нет. Если мысль о том, что возлюбленный терял

сознание от боли, будит в тебе желание, а не сочувствие, значит, в тебе что-то нарушилось, испортилось. Так не должно быть.

— Когда я поцеловал тебя в лоб, в моём поцелуе было столько же любви, как если бы мои губы прикоснулись к твоим губам.

— Всё равно поцелуй меня так, как я прошу.

— Ты всё так же безрассуден.

— Тогда пусть никто не видит. Поцелуй меня, учитель, — по-гречески повторил Мехмед.

Жестом он приказал всем удалиться, и все послушались — Андреас увидел, как слуги, а также лекарь с помощником кланяются и уходят, закрывая за собой двери:

— Мой мальчик, они понимают, зачем ты отослал их?

— Нет, — рассеянно ответил принц, — они просто повинуются, не раздумывая.

Меж тем снадобье начало действовать. Принц уже с трудом вспоминал греческие слова:

— Учитель, поцелуй меня, пока я не заснул, прошу тебя. Для меня это станет такой ценной наградой, что я запомню её надолго. Учитель!

Андреас с опаской оглянулся на закрытые двери, а затем, приблизив лицо к лицу ученика, чуть прихватил того за подбородок, на котором ещё в начале весны обозначилась рыжая борода. Принц затаил дыхание, разомкнул губы...

Для грека это не был сладкий поцелуй, потому что слишком явно чувствовался горьковатый привкус лекарства, напоминавшего о печальных событиях минувшего часа, но для Мехмеда поцелуй стал сладким. Принц блаженно закрыл глаза и заснул.

Часть VI Юный султан

Андреас не уставал удивляться, как быстро летит время. Прошло ещё два с половиной года, и вот принц превратился в юношу окончательно. По росту он сравнялся с учителем, уже не сутулил плечи, и теперь оказалось, что они шире, чем у наставника-грека.

Отросшая борода полностью скрыла подбородок, но оставалась короткой, поэтому торчала немного вперёд, но Мехмеду это шло. Теперь, если ученик поворачивался в профиль, то именно борода обращала на себя внимание в первую очередь, а вовсе не нос. Если же Мехмед гордо вскидывал голову, то теперь выглядел по-настоящему величественно, а не как мальчик, который только мечтает о власти.

Тем не менее, взгляд остался тот же — внимательный и открытый, да и в обращении принц был открыт, а временами всё так же пытался проказить. Впрочем, теперь Мехмед понимал, что по силе сравнялся с учителем, поэтому Андреас уже не сможет схватить его за запястья и усадить на место, если принц станет вести себя слишком вольно.

Бывало, что во время чтения очередной книги ученик, сидя рядом, вдруг неожиданно клал учителю голову на плечо, или, успев дотянуться, целовал в угол рта. А иногда, приобняв, целовал в шею.

Андреасу только и оставалось, что отстраняться и останавливать словами. Не драться же с таким взрослым учеником, который к тому же много успел узнать от своих наставников воинского дела! Если драться, он вполне способен одержать верх. Пусть Андреас в юные годы пробовал заниматься борьбой, но это было слишком давно. Слишком. Учитель теперь мог взывать лишь к разуму своего «мальчика».

Однажды они обсуждали Александра Македонского, и принц в шутку заметил, что Андреас уж слишком недоступен — будто Александр, который, подчинив себе Персию, стал требовать особых почестей и отдалился от друзей.

Сидя напротив учителя и улыбаясь, принц сказал по-гречески:

— Помнится, один из друзей Александра не захотел поклониться ему до земли, и в наказание Александр отказал другу в поцелуе... Учитель, за что ты наказываешь меня? За что лишаешь своих поцелуев? Хочешь, чтобы я стал более почтителен?

— Я хочу, чтобы поцелуи не обесценились, как потёртые монеты, — отвечал Андреас.

— Ах, — с нарочитой грустью вздохнул Мехмед и сокрушённо опустил голову. — Учитель, как ты мучаешь меня!

Было видно, что ученик дурачится, но Андреас всё же решил ободрительно потрепать его по плечу, а принц, как оказалось, только этого и ждал — быстрым резким движением он схватил учителя за запястье вытянутой руки, а сам подался вперёд. Андреас, удерживаемый за руку, едва смог отстраниться, чтобы губы ученика не коснулись его губ, а Мехмед свободной рукой обнял учителя и предпринял ещё одну попытку украсть поцелуй.

Она не удалась лишь потому, что учитель локтем свободной руки упёрся ученику в грудь. Несколько мгновений прошло в напряжённом молчаливом противостоянии, а затем принц отпустил запястье учителя и отстранился:

— Прости. Я сделал так лишь потому, что ты сам этого хочешь. Ты знаешь, что я пытаюсь сломать преграду, которая находится не в тебе, а вне тебя. Она мешает тебе быть со мной так же, как мне — с тобой.

Такое происходило уже не в первый раз, поэтому Андреас произнёс с шутливой укоризной:

— Как тебе не стыдно?

— Мне некого стыдиться, учитель, — серьёзно ответил Мехмед.

— А если о твоих попытках узнает твой отец?

— Ему не станут доносить о таких пустяках, даже если увидят. Вот если бы ты хоть раз позволил, чтобы мои слуги привели тебя ночью в мои покои, или чтобы я сам пришёл к тебе, тогда...

— Не говори об этом даже в шутку. Ты знаешь, что мы не должны.

— Учитель, я знаю, — согласился принц, грустно вздохнув уже без притворства, — но моё терпение на исходе. С тех пор, как умерла моя мать, я всё больше размышляю над её судьбой. Учитель, моя мать провела всю жизнь в ожидании и умерла, ничего не дождавшись. Ей не было даже тридцати пяти, когда её не стало. И болезнь ни при чём. Моя мать просто зачахла в этом дворце. Я не хочу себе такой судьбы. Даже если я умру рано, пусть мне будет, что вспомнить. Учитель, почему ты не хочешь ничего придумать, чтобы нам быть вместе, но сохранить это в тайне? Ведь даже Сократ, а он был мудр, говорил, что не плохо, если учитель и ученик иногда сближаются физически. Иногда он это допускал, а мы с тобой не делали этого никогда. Если я умру...

— Почему ты думаешь о смерти? — удивился Андреас. — Ты не уподобишься своей матери. У тебя будет другая судьба.

— Я не уверен, — возразил Мехмед и пояснил: — Мне вспомнился албанский поход. Самый последний, который мы с отцом совершили прошлой весной. Я уже рассказывал тебе. Я говорил, что мы с отцом несколько месяцев осаждали Крую.

— Да, я помню, — отозвался учитель. — Вы сначала осадили этот город, затем пытались подкупить коменданта крепости, а затем обстреливали крепость из пушек, пробили ворота, и начался штурм.

— Но я не говорил тебе, — продолжал Мехмед, — не говорил, что удивился, когда отец велел мне самому вести воинов на штурм. Я не испугался, а удивился. Если бы я погиб там, у отца не осталось бы наследников. Мой младший брат Ахмед — ещё младенец. Неизвестно, выживет ли он. И всё же мой отец отправил меня к воротам крепости. И я подчинился беспрекословно. Я не показал себя трусом, но удивился. Неужели, мой отец не думал, что моя жизнь может оборваться? А теперь я думаю, что если бы это случилось, то в последний миг перед смертью я подумал бы о тебе, учитель, и пожалел, что мы с тобой не переступили последний предел. Как мне было бы жалко! Как жалко! Это значило бы, что все годы ожидания прошли зря, и я подобно моей матери умер бы, ничего не дождавшись.

— Теперь опасность позади, — заметил учитель.

— А если мы с отцом снова пойдём в Албанию? — спросил Мехмед. — Мы ходили

прошлой весной, и ещё ходили два с половиной года назад. И четыре года назад отец отправлял меня туда. Иногда я думаю: «Зачем? Он хотел моей смерти?»

— Не говори так. Даже по-гречески не говори, — строго сказал Андреас. — Эти разговоры не принесут тебе ничего, кроме сомнений. К тому же, если бы четыре года назад ты не отправился в Албанию, то не привёз бы оттуда Гюльбахар-хатун. Ты уже забыл о ней?

— Учитель, не напоминай, — снова вздохнул принц и отмахнулся.

Наверное, он вспомнил минувшие времена, когда ещё надеялся, что Гюльбахар-хатун, которая продолжала жить в Дидимотике вместе с маленьким Баязидом, вернётся.

Два с половиной года назад Мехмед, узнав, что вскоре в Манису приедет великий визир Халил-паша, подумал, что многое может измениться в лучшую сторону. Пусть отношение принца к этому чиновнику было весьма неприязненное, поскольку Халил-паша не считал Мехмеда толковым, но Мехмед собирался оставить обиды в прошлом, а также показать, что изменился, поумнел и повзрослел. Такое поведение стало бы очень своевременным, ведь великий визир должен был приехать именно для этого, чтобы проэкзаменовать султанского сына, то есть узнать, начал ли недавний сорванец проявлять способности.

В итоге великий визир был впечатлён, хоть и старался сохранять невозмутимость, а насколько он впечатлён, стало понятно, когда в том же году летом принц получил повеление приехать ко двору в Эдирне.

Оказалось, что султан в качестве поощрения решил взять сына с собой в очередной албанский поход. В том походе султан и шестнадцатилетний Мехмед точно так же осаждали Крую, как и прошлой весной, но шестнадцатилетнего Мехмеда пожилой Мурат не посылал в бой, берёг. Казалось, что после долгой отчуждённости отец и сын наконец-то поладили.

Затем в Албанию пришла весть, что венгры хотят атаковать северные турецкие рубежи. Отец Мехмеда отправился в другой поход, чтобы отбить нападение, а сыну велел быть в Эдирне, и это казалось ещё одним знаком, что всё налаживается. Помнится, Мехмед сказал Андреасу, приехавшему в турецкую столицу вместе с остальными учителями:

— Кажется, отец оказал мне милость, когда оставил в Эдирне. Ведь Гюльбахар совсем рядом, до неё меньше дня пути.

Отец Мехмеда воевал с венграми почти всю осень, и за это время Мехмед несколько раз наведывался в Дидимотику, чтобы увидеть жену и своего сына Баязида. Принц радовался, что смог это сделать, но смотрел в будущее с настороженностью:

— Как ты думаешь, учитель, отец позволит мне снова жить с женой?

— Есть только один способ узнать, мой мальчик, — отвечал Андреас. — Обратись к отцу со смиренной просьбой. Не забудь сказать, что виноват, поскольку женился без разрешения. Попроси милости.

Увы, отец не разрешил супругам воссоединиться и даже не позволил сыну остаться в Эдирне, откуда до Дидимотики было совсем не далеко. Мурат сказал, что Мехмед должен вернуться в Манису и продолжить обучение наукам.

Принц возвращался огорчённый, а отец, чтобы утешить сына, решил дать ему другую жену — такую же юную и незнатную, как Гюльбахар-хатун, но соответствовавшую всем поэтическим представлениям о женской красоте. Посторонний человек, наверное, сказал бы, что вторая жена принца гораздо красивее, чем первая, но Мехмеду это было безразлично. Пусть ему нашли безупречную красавицу, но ведь он не сам её выбрал. Не сам. И потому навязанная супруга не понравилась ему с того мгновения, как он о ней услышал. Принц не нуждался в утешении такого рода, но отец по обыкновению не спрашивал.

Новая жена Мехмеда, как положено, получила гаремное имя — она стала зваться Гюльшах-хатун. Имя Гюльшах означало «цветок розы, превосходящий все розы», а принц, помнится, гадал, не насмешка ли это, ведь получалось, что перед красотой нового цветка должна склониться и Гюльбахар, чьё гаремное имя звучало заметно скромнее, поскольку означало лишь «весенняя роза», а не «роза, превосходящая всех».

Когда новую розу привезли в Манису, Мехмед встретил свою наречённую без особой радости, а лишним поводом для раздражения стало то, что свадебную церемонию опять должен был провести мулла Гюрани. К тому же мулла, который не терял надежду вернуть расположение ученика, всячески намекал, что новую жену принц получил благодаря хлопотам своего главного наставника.

Теперь, когда воздействие палкой навсегда ушло в прошлое, Ахмед Гюрани решил действовать по-другому, но Мехмеда это раздражало ещё больше! Он провёл с новой женой семь ночей подряд, как полагалось, а затем перестал ходить к ней вовсе, однако семи ночей оказалось достаточно, чтобы Гюльшах-хатун забеременела.

У неё родился сын, которого назвали Мустафа, и к этому мальчику Мехмед привязался, поэтому если и ходил на женскую половину дворца, то только затем, чтобы повидать Мустафу, поиграть с ним. По словам Мехмеда, этот ребёнок, несмотря на то, что был совсем маленький, сразу узнавал лицо отца, а когда отец отсутствовал, мальчик много капризничал.

Меж тем султан Мурат решил, что сделал уже достаточно уступок Мехмеду, и теперь посчитал себя вправе проявить власть над ним. В том же году, когда принца утешили женитьбой на Гюльшах-хатун, у него появилась ещё одна жена, но на этот раз брак должен был послужить политическим целям.

Третья жена оказалась дочерью правителя — не султана, но могущественного человека. Он носил титул бея, а его земли, называвшиеся Дулкадир, граничили с турецкими владениями.

Эта свадьба совсем не походила на две предыдущие свадьбы Мехмеда. Бракосочетание прошло не в Манисе, а в Эдирне, и на праздник приехало много очень знатных гостей. Свадебные торжества длились три месяца. Казалось даже удивительным, что можно так долго праздновать.

Андреас там не присутствовал, как и остальные учителя. Все они дожидались принца в Манисе, ведь дни празднования оказались так насыщены развлечениями, что времени для учёбы у принца не оставалось. Следовательно, и учителям не следовало приезжать, но Мехмед совсем не радовался такому отдыху:

— Учитель, мне было невыразимо скучно, — признался он, когда вернулся в Манису. — Целых три месяца оставаться разряженной куклой, которая ничего не говорит, а только слушает чужие речи, пьёт и ест.

Новой жене принца дали гаремное имя Мюкриме, которое происходило от арабского «мукаррам», означавшего высококочтимую особу. Мюкриме-хатун и была высококочтимой, но, получая почёт, не получала супружеского внимания.

Возвратившись в Манису, Мехмед предпочёл забыть об этой супруге. Она жила на женской половине дворца, совсем одинокая. Муж больше не провёл с ней ни одной ночи, поэтому Мюкриме-хатун, конечно, чувствовала себя несчастной. Должно быть, она с тоской и завистью слушала известия о том, как Мехмед в очередной раз приходил в покои, где жила Гюльшах-хатун с маленьким сыном.

Высокородной жене принца, которая, по сути, являлась несмышлёной четырнадцатилетней девочкой, достался печальный жребий. Её жизнь закончилась, не начавшись. Все оставшиеся годы этой девочке предстояло провести в одиночестве, но не Мехмед оказался виноват в её несчастье, а те, кто устроил этот брак.

Принц, когда речь заходила о навязанных отцом жёнах, часто восклицал:

— Я что — породистый баран, которого запирают в одном загоне с овцами, чтобы получить хороший приплод!? Я так не хочу. Не хочу! Мюкриме говорила, что любит меня, но я знаю, что на самом деле она хочет лишь одного — дать приплод. Я ей не нужен. Просто ей не даёт покоя то, что остальные две мои жены родили, а она — нет.

Разумеется, Мехмед имел полное право не посещать супругу, к которой не испытывал влечения. Иначе это стало бы пыткой. Он не был обязан превращать собственную жизнь в пытку лишь затем, чтобы девочка, завидовавшая к более удачливым соперницам, стала чуть-чуть счастливее.

* * *

Временами Андреас жалел, что Гюльбахар-хатун живёт в Дидимотике, а не в Манисе. Если бы принц воссоединился со своей первой супругой, то на уроках греческого языка вёл бы себя спокойнее, в сотый раз не пытался поцеловать учителя. И ведь Андреас даже рассердиться не мог, потому что не хотел сердиться. Выразительный взгляд серых глаз и лукавая улыбка заставляли прощать всё. Ах, этот рыжебородый юноша с крепкой фигурой воина! Оставалось только восхищаться его изобретательностью, когда он пытался вырвать у учителя очередной поцелуй.

Терпеть проказы восемнадцатилетнего ученика становилось всё более мучительно, потому что Андреас перестал запрещать себе эротические мечты. Он был уже не в силах запрещать себе, сознавая, что ученик вырос. И вот этот ученик в очередной раз придумывает что-нибудь. Например, вынимает из-за пазухи немного помятый лист бумаги и говорит:

— Прочти.

Следуя уже сложившемуся обычаю, он приносил свои стихи, но однажды принёс не стихи, а отрывок из некоей книги, тоже на турецком языке.

Верхняя строка сразу обращала на себя внимание:

— Глава пятнадцатая. О получении удовольствий, — вслух прочитал Андреас и спросил: — Что это?

— Мой перевод из одной персидской книги, — хитро улыбаясь, ответил принц.

Вот уже два года, как учитель литературы, перечитав с Мехмедом все основные сочинения на турецком, начал обучать его персидскому языку, чтобы ещё больше расширить литературные познания своего подопечного, а теперь принц, очевидно, решил похвастаться своими знаниями перед Андреасом.

— Это книга-наставление для наследника престола, — продолжал рассказывать Мехмед. — Там очень подробно говорится о том, как и что должен делать будущий правитель. Раньше я читал эту книгу по-турецки в чужом переводе, а теперь решил сделать свой. Помнишь, ты говорил когда-то, что переводчики часто выбрасывают из текста целые куски, которые считают ненужными, и многое переиначивают? Ты был прав. А я даже не узнал бы, как отличаются наставления в книге, если бы не дворцовый библиотекарь. Когда я попросил его назвать все сочинения на персидском, которые есть в здешней библиотеке, он сказал мне про персидский текст этой книги. И предложил сравнить с турецким переводом. Учитель, это оказалось так забавно! Читай.

Андреас начал читать вслух:

— Если ты влюбляешься, то не должен беспорядочно, будучи хоть пьяным, хоть трезвым, предаваться соитию. Хорошо известно, что семя, которое ты извергаешь, даёт начало новой душе и новому человеку, поэтому, если ты совершаешь соитие, то лучше не делай это, будучи в состоянии опьянения.

Мехмед усевшись по правую руку от учителя и тоже заглядывая в текст, всем своим видом показывал, что самое интересное будет впереди, и именно поэтому Андреас решил не торопиться:

— Здравая мысль, — произнёс грек. — Я, пожалуй, соглашусь.

— Учитель, но ведь этот совет не для нас! — улыбнулся принц и, по обыкновению дурачась, толкнул Андреаса в плечо. — Мы с тобой можем пить или не пить, и в любом случае это не будет плохо, ведь наше единение не приведёт к появлению нового человека.

— И всё же лучше не смешивать два удовольствия, — с нарочитым спокойствием отвечал Андреас. — Опьянение от хорошего вина это одно. Соитие — другое.

— А суфии предпочитают смешивать, — заметил принц. — В суфийской поэзии

любовь это опьянение. Но поскольку суфии пишут о любви, обращённой отнюдь не на женщину, то наставление принцам, которое мы читаем, нисколько не противоречит учению суфиев.

— Ты полагаешь, что автор наставлений был знаком с поэзией суфиев? — спросил Андреас.

— Да, учитель. Да, — запальчиво отвечал принц. — Иначе и быть не может. Но ты лучше почитай, что дальше. Вот здесь, — Мехмед ткнул пальцем в середину листа, и Андреас начал читать:

— Выбирая между женщинами и юношами, не ограничивай своих влечений к тому или иному полу, поскольку можно получать удовольствие от обоих, не отвергая с неприязнью ни тех, ни других.

— Учитель, ты опять согласен? — хитро улыбнувшись, спросил принц.

— Да, — спокойно отвечал Андреас.

— Но ты же отвергаешь женщин.

— Я отвергаю их без неприязни, — ответил грек. — Просто отвергаю. И мне бы очень хотелось думать, что твой перевод верен. Отвергать можно по-разному. Можно не есть шербет, и в этом нет оскорбления для любителей шербета, но уверять их, что шербет отвратителен, и удивляться тому, что многие предпочитают такое лакомство, будет уже оскорблением.

— Учитель, и всё же ты не любишь женщин, — продолжал улыбаться принц. — Женщины, которые привлекательны, это твои соперницы. Ты полагаешь, что женщины отвлекают мужчин и в особенности юношей от изучения наук.

— Когда путник сворачивает с дороги, потому что из чайханы доносится запах плова, то разве плов виноват, что путник отклонился от пути? — спросил Андреас, но, видя недоверие принца, добавил: — Хорошо, не буду лукавить. Я предпочёл бы, чтобы чайхана не стояла так близко к дороге. Тогда, возможно, путник прошёл бы мимо и даже не задумался о том, что голоден.

Это была не совсем правда. Андреаса частенько заставляли злиться увлечения его учеников, но он старался победить в себе это и потому сказал то, что сказал. «Девочки ни в чём не виноваты. Они даже не понимают, что делают, и чему мешают», — убеждал себя грек, надеясь, что Мехмед не станет подвергать этот тезис сомнению, рассуждать о женском коварстве.

К счастью принц не стал:

— Тогда пойдём дальше по дороге, учитель. Читай дальше, — попросил он, и Андреас прочёл:

— Более того, если, как я уже сказал, половая распущенность несёт вред, то строгое воздержание тоже таит в себе опасности для здоровья.

Принц хмыкнул в кулак:

— Учитель, вот совет для тебя. Строгое воздержание вредит здоровью.

— Опять не спорю, — серьёзно ответил Андреас. — Но поправлять своё здоровье ценой своей жизни безрассудно. Ты же не этого от меня ждёшь?

Мехмед, ещё мгновение назад весёлый, отчего-то погрузился:

— Учитель, я не собираюсь принимать все советы этой книги! Это всего лишь старая книга, и то, что она говорит, местами похоже на слова старика, выжившего из ума. Но всё равно читай дальше.

Андреас принялся читать:

— Проявляй осторожность, когда жара достигает своего пика, или когда холода усиливаются, поскольку именно в эти два периода соитие наиболее вредно.

— Вот как раз глупость! — воскликнул Мехмед и снова повеселел. — Почему это может быть вредно? Мой лекарь, к примеру, говорит другое. Он утверждает, что в этом одна сплошная польза. Мужчина ничуть не вредит себе, когда делает то, для чего создан. Ведь так, учитель?

Андреас, понимая, куда клонит Мехмед, не ответил, а опустил глаза к бумаге с переводом и заметил:

— Вот здесь, в самом конце сказано, что разговоры о соитии пробуждают желание. Это правда. Зачем ты ведёшь со мной такие разговоры, мой ученик? У тебя есть две жены, чтобы ты мог дать выход распалённой страсти. А мне что посоветуешь делать?

— Учитель, мы с тобой в одинаковом положении, — ответил принц. — Ты знаешь, что я лучше буду рукой обходиться, чем искать удовольствий на женской половине дворца.

Мехмед, по-прежнему сидевший справа от учителя, чуть повернулся и ткнулся лбом учителю в плечо:

— Как это мучительно! Я вижу и чувствую тебя рядом, но мы разлучены. Иногда мне кажется, что весь дворец знает о нашей любви. Даже библиотекарь. Поэтому он и показал мне книгу, предложив сравнить с турецким переводом. Библиотекарь знал, что я там найду — рассуждения о соитии с юношами. Этого нет в турецком переводе. Почему библиотекарь был уверен, что мне это понравится?

— Потому что это занятно, — ответил грек.

— А если он узнал о нас с тобой?

— Почему же ты прямо не осведомился у него? — возразил Андреас. — Почему не спросил, что он знает о твоих склонностях? Значит, ты не уверен, что библиотекарь знает. Ты сам понимаешь, что это всё может быть просто совпадением, и не хочешь неосторожным словом раскрыть свою тайну. Так? Если бы во дворце сплетничали о нашей любви, а не о нашей дружбе, на меня давно бы кто-нибудь донёс.

Принц перестал стучаться лбом о плечо учителя, поднял глаза:

— Нет, возможный доносчик побоялся бы. Теперь все знают, что я — будущий правитель. И все знают, как я ценю тебя. Если кто-то решит на тебя донести и даже получит награду за свой донос, то недолго будет радоваться. Когда я взойду на престол, то первым делом отомщу доносчику, причём так отомщу, что лучше ему самому умереть, чем дожидаться моей мести. Все это знают. Никто не осмелится донести, даже если мы с тобой совсем сблизимся. Учитель, почему ты не позволил этого недавно, когда мы опять ездили на верблюжьих бои? Была хорошая возможность.

Андреас снова опустил глаза к листу:

— А ещё здесь написано: «В течение лета пусть твои предпочтения склоняются к юношам, а в течение зимы — к женщинам».

— Ещё одна глупость, учитель! — раздражённо сказал Мехмед. — Ну и что, что верблюжьих бои проходят зимой! Ну, и что, что сейчас зима!

Андреас вздохнул, потому что принц вынуждал его сказать неприятные слова:

— Зимой или летом, за пределами дворца или во дворце — не имеет значения, потому что итог один. Всем рано или поздно станет известно. И что же дальше? Представь, что о нас сплетничают все слуги. Не так, как сейчас, а гораздо злее. Ты хочешь этого? — учитель взглянул в глаза ученика. — А представь, как на меня станут смотреть остальные учителя? Они станут смотреть с презрением. За четыре года, прожитые здесь, мне удалось заслужить уважение этих людей, и вот его не станет. Это означает, что я сделаюсь среди них изгоем. Мне не с кем будет завести учёную беседу кроме как с тобой. Ты, правда, этого желаешь? И ты зря думаешь, что никто не захочет донести твоему отцу о том, что здесь происходит. Ведь донесли же о твоей женитьбе на Гюльбахар-хатун, и ты до сих пор не знаешь доподлинно, кто донёс. Ты только предполагаешь, что это сделал мулла. Так же будет и со мной. На меня донесут, а ты не узнаешь, кто, поэтому доносчик не побоится.

— Учитель, но ведь повод для доноса уже есть, — возразил принц. — Всё так очевидно! Если бы я посмотрел на нас с тобой со стороны, я бы сразу сказал: «Этих двоих связывает любовь». Как бы мы ни прятали это, оно проявляется.

— Тебе кажется так потому, что у тебя появилось особое зрение, о котором мы говорили когда-то, — ответил Андреас. — Не забывай, что у окружающих нет такого зрения. Они видят, но не знают, как правильно истолковать. Им нужно что-то совсем очевидное. Если бы мы с тобой целовались со страстью, тогда нашу любовь увидели бы даже слепцы, но мы никогда не делали так, несмотря на то, что ты всячески стремишься к этому.

Мехмед будто случайно бросил взгляд на листок с переводом из персидской книги, по-прежнему находившийся в руках учителя. Возможно, тайный замысел принца действительно состоял в том, чтобы разговорами о соитии пробудить желание, но замысел не удался, а учитель всё продолжал говорить то, о чём предпочёл бы молчать:

— Я не позволяю тебе быть безрассудным, и именно поэтому я до сих пор здесь, и на меня никто не донёс. О чём доносить? О том, как ты обнимаешь меня и кладёшь голову мне на плечо? Но ведь и друзья делают так. Пусть ты пытаешься поцеловать меня, и часто тебе удаётся дотянуться до края моего рта, но я всё равно уклоняюсь, а со стороны это выглядит, как шуточная возня. Так дети дерутся, играя. Ты сам сказал недавно, что это пустяки. Это и впрямь пустяки. Наверное, поэтому ты не думаешь о моих чувствах, когда дурачишься? Ты не думаешь о том, как трудно мне сдерживать не только тебя, но и себя. Но, может, мне больше не сдерживаться? А вдруг ты прав, и на меня никто не решится донести? Но даже если это дойдёт до твоего отца, ты избежишь строгого наказания. Ты — будущий правитель. Раньше твой отец не был уверен, что ты сможешь удержать власть, но теперь он уверен, как и все при дворе. Значит, ты — надежда государства. Значит, по-настоящему тяжёлое наказание понесу только я..., и порой мне кажется, что это не такая высокая плата за то, о чём я давно помышляю так же, как и ты. Если ты хочешь рискнуть моей жизнью, может, мне следует позволить тебе это?

Мехмед потупился. Ему стало по-настоящему стыдно:

— Нет, учитель. Не хочу рисковать. Не хочу. Но почему жизнь так печальна? Почему я не могу по-настоящему начать жить, пока мой отец не умрёт?

* * *

Зима в Манисе, как всегда, оставалась хмурым и туманным временем года. По христианскому календарю был февраль, конец первой декады, но настоящего снега до сих пор не выпало. Облетевшие деревья и пожухлая трава совсем не украшали дворцовый сад, навеяв грусть, и всё же в эти дни в саду казалось весело, потому что там совершалось нечто невиданное — в саду отливали пушку!

На самой просторной из лужаек умельцы заканчивали сооружать большую металлоплавильную печь. Рядом зияла свежерытая яма, похожая на колодец, а немного в стороне на толстой жердине, опиравшейся концами на деревянные подставки, висела, будто туша на вертеле, глиняная форма будущей пушки.

Форму ещё не закончили лепить. Пушечных дел мастер, престарелый итальянец, накладывал на неё очередной слой глины, и Мехмед тоже участвовал. Собственно, всё это затеяли ради него, потому что принц пожелал научиться лить пушки.

Так уж повелось, что каждый турецкий принц был обязан помимо книжных наук и воинского дела изучить ещё и некое ремесло по своему выбору. Мехмед выбрал изготовление пушек, а почему — сам толком не знал. Другие занятия вроде садоводства или плетения корзин показались слишком скучными. Выбрать что-то, так или иначе связанное с росписью, принц тоже не захотел, а ведь в детстве у него очень неплохо получалось рисовать. Очевидно, рисование узоров казалось слишком мирным ремеслом, и в итоговом выборе Мехмеда проявилось стремление взбунтоваться, вырваться из Манисы.

Принц не мог дождаться, когда пушку, которая пока ещё не была отлита, станут испытывать. Он бы только обрадовался, если бы с помощью этой «игрушки» мог разнести по камешку весь манисский дворец. А ещё принц хотел своим выбором доставить беспокойство великому визиру Халилу-паше, ведь устроить уроки по литью пушек было гораздо труднее, чем, к примеру, уроки гончарного ремесла. Изготовление пушек — это хлопотно и дорого.

Как бы там ни было, принц, участвуя в изготовлении пушки, с удовольствием пачкал руки в глине, следуя указаниям пушечных дел мастера, а Андреас наблюдал всё это, стоя в отдалении. С тех пор, как греку вернули шесть уроков в неделю, он снова начал думать, что двум любящим не следует слишком много времени проводить вместе. Возможно, Андреас даже не стал бы появляться в саду, но происходящее здесь казалось настолько интересным делом, что хотелось понаблюдать.

Это был уже второй опыт Мехмеда. Мастер сказал, что начинать надо с малого, поэтому

первым делом они изготовили ручную бомбарду — огнестрельное орудие, представлявшее собой пушечный ствол в миниатюре, который крепился на деревянную ручку. Из этой маленькой пушки можно было стрелять, держа её у бока.

Во время испытаний бомбарды стрелял, конечно, не принц, ведь мастер сказал:

— Если мы допустили ошибку при отливке, то ствол разорвётся, и стреляющий окажется покалечен.

Вот почему стрелять поручили одному из дворцовых слуг, и к счастью для него бомбарда оказалась сделанной, как следует, однако снаряд, который должен был поразить маленькую крепость, построенную посреди садовой лужайки, пролетел мимо и угодил в каменную дворцовую ограду. Грохот выстрела, пороховой дым, дыра в стене, пусть и не сквозная — всё это очень порадовало принца, хотя он не раз наблюдал такое во время походов в Албанию.

Наверное, причина радости и впрямь заключалась в том, что пострадала стена, которая ограничивала свободу Мехмеда. Разрушать собственный дворец ему очень понравилось, а главный распорядитель, потакая принцу, даже предложил, чтобы во время следующих испытаний более мощного орудия оказался разнесён в щепки старый деревянный павильон в другой части сада, когда-то построенный, чтобы один из прежних хозяев дворца пил чай на берегу пруда.

Андреас наблюдал, как радостно Мехмед лепит форму для пушки, и от этого греку самому становилось весело. Он чувствовал настроение принца и поэтому сразу заметил, как оно сменилось тревогой, когда на лужайку явился главный распорядитель. То, что этот чиновник лично явился к Мехмеду, говорило о многом, а ещё больше тревоги вызывал незнакомец, который следовал за распорядителем, чуть отставая, и благоговейно сжимал в руках свёрнутое в трубку письмо в кожаном чехле. Распорядитель обратился к Мехмеду, и Андреас увидел, как принц вперил взгляд в этих двоих.

Сильно замызганные грязью сапоги незнакомца и такие же замызганные полы кафтана не оставляли сомнения, что этот человек — посланец, который очень торопился, причём настолько, что даже не имел времени переодеться прежде, чем предстать перед принцем.

Посланец опустился на колени и с подчёркнутым почтением протянул Мехмеду письмо, а принц, уже, наверное, догадываясь, в чём дело, торопливо окунул руки, испачканные глиной, в подставленный слугой тазик и так же торопливо начал вытирать полотенцем.

Глина смывается трудно, руки по-прежнему оставались грязными, поэтому Мехмед, вынужденный окунуть их в тазик повторно, уже начал сам терять терпение. Отмывая руки, он громко повелел:

— Вскрой письмо, — но посланец, всё с тем же почтением ответил:

— Мой повелитель, согласно распоряжению великого визира это послание можешь вскрыть только ты, и никто другой.

Ответ не оставил сомнений. Мехмед сразу успокоился. Ему уже не требовалось прочитать письмо великого визира, как можно скорее. Всё стало ясно и без этого. Отец Мехмеда умер, но о его смерти не будет официально объявлено до тех пор, пока сын не прибудет в столицу и не займёт освободившееся место на троне.

Принц, а вернее — новый султан, не торопясь, домыл руки, взял письмо из рук посланца, отбросил чехол, сломал печать и пробежал глазами текст. Послание, конечно, оказалось именно таким, как думал Мехмед. Он повернулся к главному распорядителю:

— Я хочу, чтобы все мои учителя и слуги собрались в тронном зале через полчаса и выслушали то, что я скажу.

— Будет исполнено, мой повелитель, — ответил чиновник, поклонившись ему в пояс.

Андреас понял, что пора вернуться к себе.

* * *

За те четыре с половиной года, что Андреас провёл в Манисе, тронный зал в этом дворце не отпирали ни разу. Конечно, слуги входили туда тайком, через тайную дверь, чтобы мыть гладкий каменный пол и вытирать пыль с трона, а также с мягких сидений, расположенных вдоль стен, но официально это место оставалось закрытым. Мехмед ни разу не входил в зал и тем более не садился на трон, а теперь повелел, чтобы зал открыли, и это было исполнено без малейших возражений.

О том, что тронный зал являлся для принца запретным местом, знали все обитатели дворца, поэтому, как только они услышали, что Мехмед велит им собраться именно в зале, то сразу поняли, о чём им объявят.

Учёные наставники и слуги шли слушать не принца, а нового султана — нового правителя Турецкой державы, а в ожидании его с удивлением и восхищением оглядывали высокий белый потолок, широкие стрельчатые окна с деревянными решётками, сделанными с особенным искусством, а также стены, выложенные плиткой с пёстрым цветочным рисунком разных видов. Даже сейчас, в тусклом сером свете зимнего дня, этот зал казался самым красивым во всём дворце. Было даже жалко, что за четыре года эта красота ни разу не открывалась взору здешних обитателей. И вот теперь Мехмед получил эту красоту во владение и мог показывать, кому хотел.

Неудивительно, что юному хозяину дворца, входящему в зал через главные двери, собравшаяся толпа поклонилась в пояс. Когда Мехмед, остановившись на ступеньках трона и держа в руках то самое письмо, оглядел всех, на лице нового султана читалось удовлетворение. Он получил то, что давно заслужил.

— Мои наставники и верные слуги, — уверенно произнёс Мехмед, и его голос, отразившись от плиточных стен, показался особенно звучным. — Да будет известно вам, что мой великий отец... скончался. Это означает, что моё обучение с этой минуты окончено, а

должность наместника Манисы я оставляю, чтобы занять более высокую. Я должен немедленно отправиться в Эдирне и принять моё законное наследство, а сейчас благодарю всех, кто преданно служил мне минувшие годы и всех, кто давал мне знания, которые я смогу применить в будущем. Никого из вас я не удерживаю более в этом дворце и в этом городе. Вы получите причитающееся вам жалование и вольны ехать, куда хотите..., - принц приостановил свою речь на несколько мгновений, которые показались бесконечными, а затем продолжал, — но те, кто любит меня, пусть следуют за мной.

Андреас, стоявший весьма близко к торну в толпе других учителей, не медлил ни секунды. Он смело и даже бесцеремонно потеснил своих коллег и выступил из толпы вперёд, чтобы его стало видно. Греку было совершенно всё равно, как это истолковано окружающими.

Конечно, когда Мехмед произносил «те, кто любит меня», то имел в виду разную любовь — не только любовь учителя к ученику, но и любовь слуг к господину. Возможно также, что в толпе находились люди, которые испытывали к принцу дружеское расположение и теперь получили возможность это выразить, ведь дружеская любовь — тоже любовь.

Андреас всё это понимал, но на мгновение ему показалось, что из толпы выступил лишь он один: «Даже если так, то пусть. Теперь мне ни к чему скрываться», — думал грек, поймав одобрительную улыбку Мехмеда.

После этого юный султан посмотрел куда-то в сторону, и Андреасу стало видно, что из толпы вышли вперёд и другие люди. К примеру, главный распорядитель дворца сделал это. Выступил вперёд и лекарь Мехмеда — итальянский еврей. Наконец, все, кто служил в личных покоях принца, единым строем сделали шаг вперёд, показывая, что и дальше готовы служить своему господину. Никто не захотел оставить службу, хотя, казалось бы, они за минувшие годы могли бы устать от капризного и проказливого мальчишки — так устать, что никаких денег не надо, только бы не видеть его больше. И всё же челядинцы выразили преданность.

А вот все учителя, кроме Андреаса, остались стоять на месте. Даже мулла, который заметно разволновался. Было видно, что он подумывает сделать шаг вперёд, но боится услышать от Мехмеда вопрос, заданный с нарочитым недоумением: «Зачем ты вышел?» «Я готов следовать за тобой, мой повелитель», — мог бы ответить мулла, но в ответ прозвучало бы: «За мной могут следовать только любящие, а ты меня не любишь». Тогда Ахмеду Гюрани ничего не оставалось бы, как вернуться на место. Спорить с султаном нельзя.

Меж тем Мехмед, так и не сев на трон, спустился по ступенькам и направился к выходу из зала. Те, кто только что выступил вперёд из толпы, последовали за юным султаном. Остальные опять склонились в низком поясном поклоне.

Уже оказавшись в дверях, Мехмед вдруг повернулся к главному распорядителю и, положив ему руку на плечо, милостиво произнёс:

— Мой верный слуга, ты пока останься. Никто лучше тебя не сможет завершить здешние дела. Проследи, чтобы всем выплатили жалование. Проследи, чтобы люди покинули это место, не взяв ничего лишнего. Проследи, чтобы мои жёны и сын были собраны в дорогу, чтобы переехать в Эдирне. Когда во дворце не останется никого, кроме положенной охраны, привези моих жён и сына в столицу. Я поручаю их твоим заботам. А когда ты привезёшь их, я дам тебе новую должность, соответствующую твоим заслугам и опыту.

Главный распорядитель поклонился, а Мехмед вместе с остальными сопровождающими проследовал дальше по коридорам в свои покои.

Оказавшись в комнатах, челядинцы поклонились принцу и тут же засуетились так, будто начался пожар. Мехмед улыбнулся Андреасу и лекарю:

— Мы немедленно отправляемся в Эдирне. У вас полчаса на сборы. Возьмите только самое необходимое. Каждый из вас пусть берёт столько вещей, сколько уместится в тюк, который может нести вьючная лошадь. Остальное ваше имущество будет прислано в Эдирне позже. Готовьтесь путешествовать верхом. Мы поедем быстро. Вы, наверное, удивлены, что я объявил всему дворцу о смерти моего отца вместо того, чтобы скрывать эту весть, как можно дольше? Я ведь поступил не по обычаю.

— Признаться, да, мой господин, — ответил еврей за себя и за Андреаса. — Мы удивлены.

— Халил-паша советовал молчать, пока я не достигну Эдирне, — улыбнулся Мехмед. — Так было сказано в письме, — юный султан взглянул на бумагу, которую всё ещё держал в руках, — но я поступил по-своему. Да, вся Маниса узнает новость сегодня же, но в этом нет ничего опасного для меня. Мы поедем в Эдирне так быстро, что слухи будут бежать за нами, а не впереди нас. Идите, собирайтесь.

Учитель-грек и лекарь-еврей поклонились и хотели идти, но учителю Мехмед уйти не позволил, вдруг удержал за руку. Во всех комнатах Мехмедовых покоев суетились и бегали слуги. Лишь в одном месте было спокойно — в комнате для занятий книжными науками. Юный султан завёл Андреаса туда, закрыл двери и, бросив письмо на столик, сказал:

— Учитель, теперь всё по-другому. Ты чувствуешь? Невидимой преграды между нами больше нет.

Андреас хотел что-то ответить, но Мехмед не дал произнести ни слова — поцеловал, и это был поцелуй со страстью, которая по силе подобна вихрю, а ты, как дерево, клонишься назад под напором того, кто тебя целует.

Грек ожидал этого и в то же время не ожидал. От поцелуя его бросило в жар. Андреас чувствовал мягкость чужих губ, чужое тёплое дыхание и прикосновение чужих пальцев на своей щеке. В действиях Мехмеда не было ни робости, которая происходит от неопытности, ни излишней дерзости, которая проявляется, когда целующий сомневается, что прав, и боится быть отвергнутым. В поцелуе была уверенность человека, который знает, что делает, и знает, что время пришло. «Мальчик так целовать не умеет, — мелькнула мысль. — Как же незаметно вырос мой ученик! Он уже совсем взрослый».

Грек не мог не ответить на поцелуй, но теперь уже сам стал вихрем, который клонит деревья. Он ощутил жёсткость чужой бороды, почувствовал биение чужого сердца, услышал тихий взволнованный вздох, когда на мгновение оторвался от губ своего ученика. Всего мгновение, и учитель снова припал поцелуем к этим губам так крепко, что чувствовал под ними край зубов.

Неизвестно, сколько прошло времени, прежде чем учитель и ученик разомкнули объятия. Теперь Андреас и Мехмед просто смотрели друг на друга, старясь успокоить дыхание.

— Учитель, уходи уже. Ты не успеешь собраться, — весело сказал юный султан и добавил: — Не забудь взять с собой ту греческую книгу, которой так дорожишь. Ты знаешь.

— Она хранится в тайнике моего сундука, имеющего двойное дно, — с улыбкой ответил Андреас. — Всё, что хранится в том тайнике, я ни за что здесь не оставлю. Возьму с собой.

* * *

Февраль — холодное время, но Андреасу не было холодно. Следуя за принцем, грек почти не чувствовал зимнего ветра и колючих снежных песчинок, которые иногда приносил этот ветер.

Солнце, временами проглядывавшее сквозь пелену серых облаков, казалось сверкающим драгоценным алмазом. Желтеющая равнина, обрамлённая лентой серых гор, виделась красивой, будто серый шёлковый кафтан, расшитый золотом. Разгорячённая кровь быстро бежала по венам, не давая зимнему холоду проникнуть в тело. Сердце в груди трепетало, а виной всему был всадник на вороном арабском жеребце, ехавший впереди.

Этот всадник не оборачивался, но и того, что видел грек, было довольно, чтобы восхититься: красивая осанка, красивые широкие плечи и краешек рыжей бороды, цвет которой в сочетании с белой чалмой и простым тёмным кафтаном казался язычком пламени.

На этот раз Андреасу дали очень хорошего коня, который не нуждался в том, чтобы его подгоняли. Конь бежал ровной рысью и сам подстраивался под скорость бега других лошадей, на которых ехали слуги принца и многочисленная вооружённая охрана. Всё, что оставалось учителю-греку — восхищаться всадником, ехавшим впереди.

«Мехмед ещё недавно следовал за мной как ученик за учителем, — думал Андреас. — А теперь учитель следует за учеником. Да, так не положено. Но разве возможно было мне выбрать что-то иное? Разве должен был я ради соблюдения формального правила отказаться следовать за возлюбленным?»

Таким непривычным казалось забытое чувство — вместо того, чтобы указывать путь,

просто довериться кому-то и двигаться следом, даже не спрашивая, куда. Андреас знал, что они направляются на север, в Эдирне, но давно уже перестал следить, верно ли направление.

Юный султан повелел ехать кратчайшим путём, поэтому всадники почти сразу свернули с широкого торгового тракта, который огибал горы, на малонаезженную дорогу, ведущую напрямик.

Горы оказались почти плоскими, покрытыми редким зелёным лесом, через который хорошо видна была жёлтая песчаная почва. Глядя на них, Андреас невольно вспоминал холмы с проплешинами, окружавшие поле для верблюжьих боёв. «Неужели мы с Мехмедом никогда больше не поедem на подобный праздник?» — спрашивал он себя. От этой мысли было и грустно, и радостно. Грустно казалось расставаться со счастливым прошлым, но будущее обещало принести больше счастья. «Невидимая преграда действительно исчезла. Теперь единственное, что может помешать нам быть вместе, это новые обязанности моего ученика. У правителя очень много обязанностей», — говорил себе грек, и временами ему хотелось, чтобы Мехмед перестал так сильно торопиться в Эдирне. Андреасу хотелось, чтобы продлился этот недолгий период времени, когда Мехмед уже, по сути, обладал всеми правами правителя, а обязанностей ещё не имел.

Чтобы отвлечься от этих пустых мечтаний, учитель начинал смотреть не в спину ученику, а на дорогу. Путь оставался ровным, но на обочине среди высохшей травы попадалось много камней, окружённых невысоким бурьяном. Иногда попадались такие камни, которые ещё не успели врасти в землю. Значит, по этой дороге кто-то изредка проезжал и очищал её от предметов, которые попадались под ноги лошадей и под колёса телег.

«Не в такую уж глушь мы забрались», — думал Андреас, однако селений по пути не встречалось. Лишь глубокой ночью, когда потребовалось освещать себе дорогу факелами, чтобы не потерять её, путники добрались до небольшой деревушки. Жилища, как и везде в здешних краях, были сложены из ломаного камня. Крыши покрывала солома, а не черепица. Значит, в селении жили совсем бедно.

Лай деревенских собак приветствовал толпу приезжих, которую местные жители поначалу приняли за банду разбойников. Селяне успокоились лишь тогда, когда раздался звон серебряных монет, и прозвучало обещание заплатить за пищу и кров.

Мехмед, утомлённый ночной дорогой, поел и тут же заснул на старых овечьих шкурах, как убитый, а утром, едва рассвело, повелел выдвигаться в путь.

Гористая местность ещё до полудня сменилась равниной, но затем опять начались горы. Вот миновали большое озеро неправильной формы, а когда оно осталось позади, очень скоро не стало и селений по обочинам дороги, и даже овечьих стад не стало. Везде лишь плешивые горы, куда ни посмотри.

Заночевали снова в некоей глухой деревне, но теперь Мехмед вёл себя так, будто

приехал в знакомые или родные места:

— Эта деревня относится к территории Балыкесира? — спросил он у проводника, и, услышав утвердительный ответ, пояснил: — Значит, совсем скоро нас ждёт счастливая встреча.

К полудню следующего дня, когда на горизонте показалось очередное маленькое селение, располагавшееся на склоне некоей плешивой горы, Мехмед повстречал на дороге двенадцать всадников. Вернее, поначалу их повстречали конные воины, ехавшие впереди своего высокородного господина и ограждавшие его от нежелательных встреч, но затем выяснилось, что нынешняя встреча весьма желательна.

Как только вся дюжина узнала, что юноша с рыжей бородой, облачённый в простые одежды и восседающий на дорогом вороном жеребце, это и есть Мехмед, тут же спешила и встала на колени прямо в дорожную пыль.

— Повелитель, — произнёс самый старший из двенадцати, — мы присланы к тебе, чтобы передать, что твой приказ исполнен в точности. Заганос-паша, которому мы служим, ждёт тебя именно там, где ты назначил.

Речь шла о визире, который когда-то приезжал в Манису, чтобы проверять успехи Мехмеда в учёбе, и заслужил расположение своего подопечного. Затем этот визир стал советником при Мехмеде во время первого правления юного султана, но правление закончилось, а Заганос-паша впал в немилость у старого султана Мурата. Визиру повелели уехать из столицы и жить в своих владениях, которыми и являлся Балыкесир. С тех пор прошло более четырёх лет, но теперь Мехмед вспомнил об опальном визире и решил взять его с собой в Эдирне.

Ещё только получив письмо с известием об отцовой смерти, Мехмед сразу же отправил гонца в Балыкесир, чтобы Заганос ждал в условленном месте, и вот теперь опальному визирю и юному султану предстояло увидеться. Это оказалась очень трогательная встреча.

* * *

Двенадцать всадников показали дорогу в лагерь, устроенный рядом с той самой деревней, которая располагалась на горном склоне. Андреас увидел небольшие шатры, костры, вокруг которых сидели вооружённые люди, и рассёдланных коней, поедавших жухлую траву на пастбище неподалёку.

Вот из самого большого и богато отделанного шатра поспешно вышел хорошо одетый человек крепкого телосложения и сурового вида. В бороде ясно выделялась седина, но, судя по лёгкости движений, Заганосу-паше ещё оставалось довольно долго до настоящей старости.

Увидев Мехмеда, который уже успел подъехать к шатру и спешиться, визир поклонился в пояс, но затем, оказавшись не в силах сдержать нахлынувшие чувства, упал на колени:

— Мой повелитель, ты не забыл своего верного слугу, — с дрожью в голосе произнёс этот суровый человек.

— Заганос-паша, зачем ты стоишь на коленях? — удивлённо спросил юный султан, взяв его за плечи и заставив подняться. — Ты по-прежнему мой наставник и советник. Ты не должен вести себя, как простой слуга.

— Мой повелитель, прости меня, — отвечал визир, — но я слишком рад тебя видеть и не знаю, как это выразить.

— Вырази вот так, — ответил Мехмед и обнял Заганоса-пашу, похлопав того по спине.

Визир тоже обнял своего господина, а когда они снова посмотрели друг на друга, Мехмед продолжил:

— Я верну тебя ко двору, потому что решил — теперь меня должны окружать лишь те люди, которые меня любят. Прошли времена, когда отец и Халил-паша нарочно стремились окружить меня такими людьми, которые меня не любят. Всех любящих отдалили от меня, но теперь я всех возвращу.

Заганос вдруг снова склонился в глубоком поклоне:

— Мой повелитель, означают ли твои слова, что ты собираешься приблизить к себе и Шехабеддина-пашу? Может быть, ты захочешь вернуть ему прежнюю должность, которую он занимал, когда ты был правителем? Ведь он старался услужить тебе так же искренне, как я.

Мехмед улыбнулся по-особенному и всё с той же улыбкой в голосе ответил:

— Конечно, я его приближу. И я рад, что ты спросил про него. Твои слова означают, что ты верен тем людям, которых любишь.

Андреас, вместе с остальной свитой Мехмеда наблюдавший эту сцену, вдруг вспомнил свой очень давний разговор с учеником. Мехмед, в те времена четырнадцатилетний, спрашивал, как различить, что двое друзья или не друзья. «Не про этих ли двоих спрашивал меня мой ученик? Про Заганоса-пашу и Шехабеддина-пашу?» — размышлял Андреас, но юный султан не дал греку углубиться в размышления, потому что обернулся к своим сопровождающим и сказал, указывая на них визиру:

— Все они тоже любят меня и верны мне, поэтому они со мной.

Заганос-паша, оглядев свиту своего господина, увидел лекаря-еврея и, очевидно, узнал, ведь этот лекарь служил при дворе ещё в те времена, когда Мехмед был султаном в первый раз:

— Я вижу, что твой лекарь по-прежнему с тобой, — сказал визир.

— Значит, ты его помнишь, — подытожил Мехмед, продолжая улыбаться. — И раз память у тебя такая хорошая, я покажу тебе другого человека. Лекарь врачевал моё тело, а этот человек более четырёх лет врачевал мою душу. Он излечил меня от отчаяния и поддерживал в самые печальные дни моей жизни.

Визир преисполнился вниманием, а юный султан указал на Андреаса и назвал полное имя своего учителя-грека, добавив:

— Это очень важный для меня человек. Я хочу, чтобы ты его тоже запомнил, Заганос-паша.

После этого Мехмед повелел снова двигаться в путь и позволил себе отдохнуть лишь столько времени, сколько потребовалось, чтобы люди Заганоса-паши успели свернуть лагерь и поседлать коней. Визир предусмотрительно взял с собой много воинов и мало слуг, поэтому теперь Мехмеда охраняло вдвое больше людей, чем прежде. Благодаря этому путешествие через горы, где вполне могли встретиться разбойники, сделалось вдвойне безопасным, и всё же Мехмед хотел как можно скорее добраться до обжитых мест.

Заночевали в деревне, располагавшейся на самой границе владений Заганоса-паши, а ещё через полтора дня достигли пролива, разделявшего азиатскую и европейскую часть Турции. До Эдирне оставалось всего три дня пути.

* * *

Юный султан, стоя на пристани, вглядывался в синие волны и белую дымку на горизонте. Здесьние места были Мехмеду знакомы. Он много раз переправлялся через пролив во время путешествий из Манисы в Эдирне и обратно, поэтому хорошо знал, что на другой стороне пролива располагался порт Гелиболу.

Ещё не сев на корабль, юный султан уже представлял, что увидит, когда станет приближаться к тому берегу — скопление судов на синей воде, лес мачт, а за ними станут проглядывать мощные оборонительные укрепления из белого камня. Центральная башня — огромная, четырёхугольная — будет возвышаться на головокружительную высоту. В ночное время на верхней площадке в специальном чане разводили большой костёр, потому что башня служила ещё и маяком для кораблей и лодок, перевозивших людей и грузы с противоположного берега, но не успевших вернуться до темноты.

Юному султану и его многочисленной свите, конечно, не пришлось бы ждать до вечера, чтобы переправиться, хотя все места на кораблях и лодках распределялись заранее. Мехмед благодаря своему положению мог сесть на первый же корабль, который пристанет к берегу, и даже не потребовалось бы объяснять причину спешки.

Мехмед переправлялся здесь часто, поэтому его сразу же узнали, хоть и не догадывались о том, как переменилось его положение.

— Это принц. Принц, — слышал Мехмед, ещё только подъезжая к месту переправы, и вот пристань, ещё недавно заваленная тюками с товаром и полная разношерстного народа, будто сама собой очистилась. Теперь на ней не осталось никого, кроме Мехмеда и его свиты, а большой корабль, на котором могло бы разом уместиться столько конников, уже приближался к берегу. Погода стояла безветренная, поэтому все паруса оказались убраны, но десятки вёсел по бокам корабля ритмично опускались в воду и снова поднимались над ней.

Юный султан оглянулся на Заганоса-пашу, стоявшего по правую руку, и сказал:

— Халил-паша обещал, что в Гелиболу меня будет ждать ещё одно письмо с последними известиями из столицы. Посмотрим, что он напишет.

— Ты доверяешь ему, повелитель? — тихо спросил Заганос.

Этим вопросом он явно хотел выведать, сможет ли когда-нибудь стать великим визиром вместо Халила. Заганос всегда мечтал занять пост второго человека в государстве, а Мехмед, зная об этом, решил ответить уклончиво и также вполголоса принялся рассуждать:

— Пока я ему доверяю, но Халил совсем возгордился. Он полагает, что служит не правителю, а государству, как будто государство — это господин, который выше правителя. Сейчас Халил заботится о моей пользе, поскольку думает, что моё восшествие на трон полезно государству. Лишь поэтому он отправил тайное письмо мне, а не кому-то ещё — например, моему родственнику Орхану, который тоже имеет права на трон. Если бы Орхан добрался до Эдирне раньше меня и захватил власть в столице, началась бы война между Орханом и мной, а государству такое не полезно, кто бы ни победил. Халил это понимает. Сейчас я уверен в нём, но пройдёт не так много времени, и он решит, что государству не полезно то, что я делаю. Тогда Халил пойдёт против меня. Он всегда считал меня не очень способным султаном.

— Мой повелитель, — ответил Заганос-паша, — когда этот день настанет, ты сможешь опереться на меня. Я усвоил прошлые уроки. Когда твой отец лишил тебя трона, а меня отправил в Балыкесир, мои слуги мне говорили, что я поплатился за то, что вёл себя слишком дерзко. Но теперь я вижу, что они были неправы. Я действовал слишком нерешительно. Я позволил Халилу забрать всю власть и действовать так, будто он сам — султан. Но я больше не совершу этой ошибки. Я не стану склонять голову и говорить: «Я лишь третий визир». Теперь я пойду против великого визира, когда он пойдёт против тебя.

— Я запомню твои слова, — милостиво улыбнулся Мехмед, но мыслями уже почти перенёсся в Гелиболу, а вернее — в султанскую резиденцию, располагавшуюся рядом с городом.

Турецкие правители, переправляясь из азиатской части Турции в европейскую, всегда делали это в Гелиболу, и потому на берегу моря ещё много лет назад появился небольшой путевой дворец, чтобы правителю или его сыновьям, которые станут путешествовать той дорогой, было, где остановиться и отдохнуть.

За минувшие четыре с половиной года Мехмед останавливался там так же часто, как пересекал пролив, а в последний раз делал это летом минувшего года, когда возвращался из Эдирне после очередного похода в Албанию.

Снаружи дворец выглядел так же, как и любое жилище султана — высокие каменные стены и огромные ворота. Из-за стен еле-еле выглядывали крыши хозяйственных построек и жилых павильонов, но в памяти Мехмеда остались уютные комнаты с большими окнами, смотревшими на море. Под окнами шелестели кроны садовых деревьев, чуть далее виднелся край белой стены, окружавшей дворец, за стеной плескались тёмно-синие волны под лазурным небом. Волны простирались до самого горизонта, а на горизонте в очень ясную погоду можно было разглядеть тонкую полоску гор.

Сейчас была зима, поэтому сад, который запомнился Мехмеду зелёным, конечно, выглядел не так и тянул к небу безлистые ветви. Тёмно-синее море, конечно, закрылось туманной дымкой, но вид всё равно должен был остаться красивым. Наверное, в пустом дворце сейчас царил холод, но каждую комнату легко удалось бы прогреть, поставив там мангал с горячими углями. Возможно даже, что дворец уже начали прогревать, готовя к приезду юного султана.

Мехмед знал, что в этом дворце его ждёт посланец с новым письмом, которое обещал Халил-паша. «Что бы ни было написано в письме, я задержусь в Гелиболу на день, — решил юный султан. — Если в столице всё спокойно, то торопиться незачем. Если беспокойно, то тем более нет причины оказываться в центре беспорядков».

Мехмед вдруг подумал, что минувшие четыре дня так торопился вовсе не в столицу, а в окрестности Гелиболу — в этот маленький уютный дворец с видом на море. Вдруг захотелось, чтобы как можно дольше продлилось переходное состояние, когда уже получены все права и привилегии правителя, но плечи ещё не отягощены заботами.

* * *

Угли в большом мангале ярко тлели, распространяя по комнате приятное тепло. Мехмед, с которого ещё даже не сняли дорожных сапог, стоял возле высокого окна и читал письмо от Халила-паши, повернув лист так, чтобы на бумагу падало больше света. В глубине комнаты царил полумрак, а светильников ещё не успели принести, потому что Мехмед, приехав в свой путевой дворец и взяв у гонца послание от великого визира, сразу заперся в своих покоях вместе с Заганосом-пашой.

Сейчас Заганос, стоя чуть позади повелителя, терпеливо ждал, пока тот дочитает, и, наверное, пытался угадать содержание письма.

Вот юный султан нахмурился, а Заганос уже встревожился, ещё не зная причины. Затем Мехмед отошёл от окна и, небрежно бросив письмо на столик, сказал:

— Прочти, если хочешь, но знай, что я не собираюсь следовать совету, который дан в письме.

— Халил-паша сообщает дурные вести? — осторожно спросил Заганос.

— Нет, но он пытается помыкать мной, как уже делал когда-то, — сказал юный султан. — Халил пишет, что тело моего отца становится всё труднее сохранять в подобающем виде. Зимний холод и всяческие бальзамы оттягивают неизбежное, но Халил хочет, чтобы я прибыл в Эдирне, как можно быстрее. Тогда он сможет официально объявить о кончине моего отца и начать приготовления к похоронам, а я смогу увидеть тело, пока на него ещё можно смотреть без брезгливости. Однако я предпочту не видеть тело и не стану торопиться в Эдирне.

По лицу Заганоса было видно, что он считает такое решение своего повелителя

неразумным, но возражать не хочет, поэтому молчит и обдумывает происходящее.

— Я не стану торопиться в Эдирне, — меж тем повторил Мехмед, подойдя к мангалу. Грея ладони и глядя куда-то в пустоту, юный правитель продолжал: — Мой отец не заслуживает, чтобы я с ним простился. Когда умерла моя мать, он не приехал проститься с ней. Конечно, Маниса находится далеко от Эдирне, но ведь тело моей матери отвезли в Бурсу, а это гораздо ближе к столице. Мою мать похоронили в Бурсе, а мой отец не приехал и туда. Так почему же я должен, выбиваясь из сил, торопиться увидеть его тело? Не поеду.

Пока длилась эта речь, Заганос всё же воспользовался разрешением и взял со столика письмо, а когда прочитал, то, наконец, придумал, что ответить:

— Халил-паша также пишет, что в столице всё спокойно. Никто кроме тебя, повелитель, не заявил прав на престол. Твоё право никто не оспаривает. А раз так, то я думаю, что приготовления к похоронам вполне могут состояться в твоё отсутствие. Халил-паша, советуя приехать, слишком осторожничает.

Мехмед улыбнулся довольной улыбкой:

— Вот слова, которые мне приятны. У тебя есть обоснованное мнение, которое отличается от мнения Халила. Это хорошо, Заганос-паша, — юный султан отошёл от мангала и устало присел на край возвышения, заваленного подушками. — Составь Халилу ответ. Затем принесёшь, и я подпишу. Пусть в моём ответном письме будет сказано, что я велю объявить о кончине моего отца и совершить все подобающие приготовления к отправке его тела в Бурсу. И главное — пусть тщательно уберут дворец к моему приезду. Я желаю увидеть, что дворец теперь мой, а не отцовский. Я не хочу обнаружить там вещи, которыми мой отец постоянно пользовался. Пусть всё это уберут и заменят. Таково моё желание.

— Я должен составить письмо немедленно, повелитель? — осведомился собеседник.

— Можно и завтра с утра, — махнул рукой Мехмед. — Пусть Халил немного подождёт. А сейчас иди в свои покои.

Юный султан уже хотел позвать слуг и потянулся к колокольчику, стоявшему рядом на столике, но Заганос, с поклоном положив письмо Халила-паши на тот же столик, вдруг заговорил:

— Повелитель, позволь задать тебе один вопрос не при слугах.

Мехмед не ответил, но убрал руку от колокольчика и устало вытянул ноги, упершись пятками в пёстрый ковёр. Долгое ношение жёстких сапог для верховой езды уже давало о себе знать — икры затекли.

— Повелитель, — осторожно произнёс Заганос, не глядя на юного султана, — я хотел спросить тебя о том человеке, которого ты велел мне запомнить.

Мехмед несмотря на усталость восторженно слушал. Беседа обещала стать интересной:

— Спрашивай.

— Как называется должность, которую он занимает сейчас, и как будет называться должность, которую он займёт при твоём дворе, когда ты прибудешь в Эдирне?

Юному султану всё больше нравился неожиданный поворот беседы, потому что вдруг представилась возможность поговорить с Заганосом откровенно.

Мехмед, мечтательно улыбнувшись, ответил:

— Этот человек — мой наставник подобно тебе, но если ты направляешь меня в государственных делах, то этот человек направляет в делах иного рода. Он научил меня любить истинной любовью и продолжает учить. Для такого человека пока не придумано придворной должности, поэтому он просто станет называться моим другом, который может приходить в мои личные покои во всякое время.

— Твоим другом, повелитель? — многозначительно переспросил собеседник.

— Да, — непринуждённо ответил юный султан, — таким же другом, которым был для тебя Шехабедин-паша.

Заганос молча поклонился и хотел уйти, но теперь уже Мехмед не хотел прерывать беседу:

— Кстати, а Шехабедин-паша для тебя по-прежнему друг? Он хранил тебе верность, пока ты жил в Балыкесире?

— На оба вопроса отвечу «да», — почти не задумываясь, проговорил Заганос, снова поклонившись и явно порываясь уйти.

— Но почему ты уверен? Почему? — всё так же непринуждённо допытывался Мехмед, своими вопросами удерживая собеседника на месте и будто не замечая, что тот предпочёл бы не отвечать. — Прошло четыре года, а это долгий срок для разлуки.

— Мы с Шехабедином-пашой переписывались, повелитель, — ответил Заганос.

Было видно, что он предвидит новые вопросы и всё больше приходит в замешательство, поскольку понимает, что уклониться от ответов не сумеет.

— Разве вам не запретили? — с удивлением спросил Мехмед. — Вы не могли переписываться ни со мной, ни друг с другом.

— Шехабедин-паша и я переписывались, несмотря на запрет.

— Ах, вот как! — почти с восхищением воскликнул юный султан и даже вскочил, а затем, сделав маленький круг по комнате, опять уселся на прежнее место, но теперь в позе внимательного слушателя. — Значит, ты действительно способен бросить вызов более сильному противнику, когда борешься за тех, кого любишь. Нарушив запрет на переписку, ты пошёл не только против Халила, но и против моего отца. И всё же ты решился.

— Да простит меня мой повелитель, если я оказался слишком дерзким в своём непослушании, — отозвался Заганос и осторожно взглянул на собеседника.

— Ты заслужил не порицание, а поощрение, — восхищённо ответил Мехмед, но теперь его слова были не совсем искренними, поскольку служили определённой цели — юный султан хотел заставить своего слугу стать ещё более откровенным. Хотелось почитать тайную переписку!

Заганос обрадовался восхищению, а Мехмед уже плёл сети:

— Вот что: я решил не просто вернуть тебя ко двору, а дать тебе более высокую

должность. Ты был третьим визиром — станешь вторым. Это значит, что выше тебя окажется только Халил, а дальше посмотрим.

— Благодарю, повелитель, — Заганос сделал шаг вперёд и поцеловал правую руку Мехмеда, которую юный правитель нарочно положил себе на колено, чтобы слуга мог выразить благодарность.

Выждав несколько мгновений, Мехмед снова принялся расспрашивать:

— И что было в письмах, которыми ты обменивался с Шехабеддином-пашой? Вы обсуждали государственные дела?

— Да, и это тоже.

— А что ещё вы обсуждали?

Заганос-паша чуть улыбнулся и развёл руками:

— Многое, повелитель. Многое.

— Ах, как жаль, что у тебя не сохранилось ни одного письма! — воскликнул Мехмед, отвернувшись от визира, но в то же время внимательно глядя на него краем глаза.

На лице Заганоса отразилось лёгкое замешательство, которое означало, что утверждение Мехмеда насчёт пропавших писем неверно. Заганос, наверное, размышлял, возразить своему повелителю или нет, но прежде, чем успело появиться решение, юный султан повернулся к собеседнику и произнёс:

— Неужели, письма сохранились?

— Да, я храню их.

— И где они сейчас?

— Со мной.

А вот на это Мехмед уже не надеялся. Он думал прочитать письма через некоторое время, но и мечтать не мог, что получит возможность так скоро.

— Ты не решился оставить их в Балыкесире? — спросил юный султан. — Ты боялся, что кто-нибудь найдёт и прочтёт?

Визир вдруг преисполнился самоуверенности и даже усмехнулся:

— Повелитель, единственная причина, по которой я не оставил те письма в Балыкесире, это мои жёны. Я не хотел, чтобы мои жёны в моё отсутствие нашли и сожгли послания, которые утешали меня на протяжении четырёх лет.

Теперь Мехмед удивился даже сильнее, чем тогда, когда узнал о переписке:

— Неужели, у тебя в Балыкесире нет слуг, которые могли бы не допустить твоих жён в твои покои, когда ты в отъезде?

— Ты не видел моих жён, повелитель. Они очень ревнивы. И очень настойчивы, когда ревнуют, — улыбнулся визир.

— Раз уж эти письма при тебе, дай мне прочесть что-нибудь, — попросил Мехмед и добавил, увидев, что собеседник снова смутился: — Заганос-паша, неужели ты до сих пор полагаешь, что меня рано посвящать в такие тайны? Полагаешь, я не достаточно возмужал?

Или ты мало доверяешь мне?

Визир, конечно, помнил о только что обещанной высокой должности, поэтому теперь не мог отказать своему не в меру любопытному господину. Никак не мог!

Заганос несколько мгновений колебался, а затем решительным движением залез пальцами себе за воротник, вытаскивая наружу чёрный шёлковый шнурок. Оказалось, что на шее у визира, на шнурке висит небольшой железный ключ.

— Прошу тебя следовать за мной, повелитель, — тихо произнёс обладатель ключа, после чего вместе с юным султаном вышел в коридор и проследовал в свои покои.

Там суетились слуги Заганоса, разбирая вещи. Увидев султана и своего господина, челядинцы низко поклонились, а визир жестом приказал им удалиться в соседние комнаты и закрыть двери.

Окинув взглядом обстановку, Заганос подошёл к одному из нераспакованных тюков, опустился на колени, развязал верёвки и вынул из недр тюка, набитого некими тряпками, простую деревянную шкатулку, которую бережно перенёс к окну и поставил на подоконник.

Ключом, висевшим на шее, Заганос отпер шкатулку. В ней оказались бумаги — вскрытые письма, каждое из которых было сложено в несколько раз. Посланий скопилось много, но визир перебирал их так, будто помнил содержание каждого.

Мехмед вдруг поймал себя на мысли, что хочет отобрать у Заганоса шкатулку и прочесть всё, что там есть, но такого поступка визир никогда бы не простил даже своему повелителю. То, что Заганос согласился показать одно или несколько писем, уже являлось доказательством преданности — неоспоримым доказательством, которое следовало ценить — поэтому юный султан терпеливо ждал, пока визир выберет, которую часть своей тайной жизни открыть своему господину.

Наконец, выбор совершился. Заганос вынул письмо, находившееся в шкатулке ближе к краю, и пояснил:

— Повелитель, вот это было написано четыре года назад. Я даю тебе именно это письмо, потому что содержание будет тебе полностью понятным. Это первое письмо, которое Шехабедин-паша прислал мне в Балыкесир.

Мехмед взял сложенный жёлтый лист и невольно отметил, что уголки истёрлись, как и края во многих местах. Очевидно, получатель не раз доставал письмо из шкатулки, чтобы перечитать, и вот теперь оно оказалось в руках у постороннего.

Юный султан присел на софу, стоявшую посреди комнаты, и взгляделся в строчки. Язык оказался персидским, и это не удивило. Престарелый учитель литературы, оставшийся в Манисе, не раз говорил, что персидский язык считается наиболее подходящим, чтобы говорить о любви. К тому же автором послания был перс.

Мехмед опять вспомнил, что имя Шехабедин-паши правильно звучит как Шихаб ад-Дин, а язык любви является для этого человека родным. Значит, не следовало сомневаться, что в письме каждое слово идёт от самого сердца:

«Любовь моя, пишу тебе, пусть мне и запретили. Если это послание перехватят, не знаю, что будет, но лучше я подвергнусь опасности, чем потеряю надежду получить от тебя известие. Напиши мне, как ты живёшь теперь. Напиши, остались ли твои чувства прежними. Когда ты видишь в ночном небе летящую звезду, вспоминаешь ли, что в Коране такая звезда называется словом «шихаб»?

Помню, перед отъездом ты сказал, что не таишь обиды на меня за то, что я оказался удачливее. Ты удалён от двора, а я получил возможность остаться, но порой мой удачный жребий тяготит меня — тогда, когда мне кажется, что ты всё же обижен.

Лучше бы нам с тобой поменяться местами. Пусть я стал бы тем, кто признан главным виновником и удалён из столицы. Тогда я мог бы с надеждой ждать от тебя письма. Это лучше, чем отправить письмо и бояться, что оно останется без ответа.

Любовь моя, прошёл всего месяц, а я чахну от тоски. Гляжу в зеркало и вижу, что состарился. Ты забрал мою молодость, уезжая. Верни мне хоть часть её вместе с твоим письмом! Всё, о чём я смею теперь мечтать — послание от тебя с клятвами верности.

Напиши, могу ли я что-нибудь сделать для тебя. Перед отъездом ты говорил, что ничего сделать нельзя, но теперь, возможно, ход твоих мыслей изменился. Как рад был бы я чем-нибудь услужить тебе! Моя тоскливая жизнь обрела бы смысл. Исполняя твоё поручение, я чувствовал бы, что ты ближе, чем теперь.

Когда ты пишешь мне, то становишься ближе, чем когда ты молчишь. Когда ты повелеваешь мне, ты ближе, чем когда ничего не требуешь. Напиши мне, любовь моя, и отправь ответ с тем же человеком, который вручит тебе это письмо. Твой сердечный друг будет с надеждой ждать».

* * *

Андреас опять начал чувствовать уколы ревности. «Может, о тебе забыли?» — шептала она, потому что учитель видел, как ученик в пути постоянно говорил с Заганосом-пашой, а ведь этот вельможа когда-то считался наставником Мехмеда — не таким наставником, как Андреас, но всё же. «Одного учителя забыли ради другого», — шептала ревность, поэтому Андреас уже успел решить, что по прибытии в путевой дворец возле Гелиболу не останется сидеть там, а отправится бродить по городу до самой темноты.

На самом деле этот город назывался не Гелиболу, а Каллиполис — греческое название. И жили в нём по большей части греки. Андреас вдруг вспомнил, что на протяжении минувших четырёх с половиной лет говорил по-гречески почти только с одним Мехмедом. Хотелось поговорить на этом языке ещё с кем-нибудь, и вот представилась возможность.

«Как только приедем, я умоюсь, переоденусь и сразу покину дворец», — говорил себе Андреас. Дорожная усталость не чувствовалась. Ноги требовали долгой пешей прогулки — хотелось уйти или даже убежать от мысли: «Я навязываюсь. Я не нужен».

Вот почему, приняв решение уйти, грек с удивлением обнаружил, что Мехмедовы слуги не дают этого сделать и окружили заботой со всех сторон: помогли снять сапоги, распаковать вещи, а также принесли лепёшки, сладости и чай, «чтобы господин учитель подкрепился с дороги».

Затем один из слуг сказал:

— Господин, для тебя приготовлена баня.

Пожалуй, это был первый раз, когда в бане Андреасу кто-то прислуживал. Грек говорил, что это вовсе не обязательно, но слуги отвечали:

— Таково повеление, которое мы получили. Позволь нам исполнить его, — а когда мытьё было окончено, Андреас снова оказался удивлён.

Слуги Мехмеда, сопровождавшие грека в баню и прислуживавшие там, сказали:

— Наш повелитель пожелал ужинать вместе с тобой, поэтому мы отведём тебя в его покои.

Это был хороший знак, но ревность опять нашёптывала неприятные вещи: «Возможно, это последняя ваша беседа. Мехмед хочет с тобой попрощаться, потому что из Гелиболу уедет без тебя. Он решил отослать тебя, а чтобы смягчить горечь расставания, устроил ужин и велел своим слугам заботиться о тебе. Твой бывший ученик хочет, чтобы расставание прошло достойно и не в спешке».

Когда Андреас, после бани умащенный благовониями и облачённый в чистую немятую одежду, шёл по дворцовым галереям и коридорам в сопровождении челядинцев юного султана, то не знал, что думать — радоваться или грустить. Наконец, гость ступил в покои хозяина дворца. Вот-вот должны были открыться деревянные двустворчатые двери большой комнаты, и грек ещё больше заволновался: «Что бы ни произошло сейчас, это определит твою дальнейшую жизнь».

Меж тем двери открылись, и взору предстала просторная комната, освещённая несколькими светильниками, стоявшими в стенных нишах. Ещё два светильника стояли на подносе посреди белой скатерти, расстеленной на коврах. Скатерть почти скрывалась под блюдами и тарелками с различными яствами. Андреас не успел толком разглядеть и лишь отметил, что здесь и мясные блюда, и фрукты, и сладкие лакомства. Получалось, на «стол»

поставили всё сразу, и это означало, что в течение ужина никто из слуг не придёт, чтобы заменить одни блюда другими. Очевидно, Мехмед не хотел, чтобы кто-то прервал его беседу с учителем. Ужин предстоял долгий и уединённый.

Юный султан уже сидел возле скатерти и держал в руках пиалу. Он улыбнулся, поманив гостя к себе, а как только Андреас оказался в комнате, и двери закрылись, Мехмед поставил пиалу, немного неуклюже поднялся на ноги, подошёл к учителю, порывисто обнял и поцеловал в губы.

В дыхании юного султана отчётливо чувствовался запах вина. На губах был соответствующий привкус, а немного неуклюжие порывистые движения означали, что пиалу, только что поставленную на скатерть, хозяин дворца уже успел осушить довольно много раз.

— Я вижу, ты пьян, мой ученик, — спокойно заметил Андреас. — Что заставило тебя выпить так много?

— Учитель, — Мехмед смутился, опустил глаза и даже отстранился от собеседника, перестал касаться его, — я выпил немного. Но когда пьёшь натошак, то пьянеешь быстро. Я слышал это от других, а сегодня впервые испытал на себе. Если бы я знал, что так выйдет, то выпил бы ещё меньше.

— Тогда поешь чего-нибудь, — ответил грек. — Неужели, ты не притрагивался к пище, потому что ждал меня?

— Учитель, — в голосе Мехмеда послышалось непритворное беспокойство, — почему ты говоришь так, как будто не понимаешь? Я не ел, потому что мне следовало очиститься для тебя, — юный султан схватил Андреас за плечи, заглянул в глаза: — Почему ты опять холоден? Или ты передумал? Ты больше не стремишься к тому, что должно произойти? Твоё желание остыло?

Слова ученика не оставили сомнений в сути происходящего. Грек обвёл взглядом комнату и улыбнулся:

— Так значит, здесь нам предстоит ночь любви?

— А разве ты ожидал чего-то иного, учитель?

— Ты мог бы меня предупредить, — покачал головой Андреас.

Мехмед опять забеспокоился:

— Учитель, я думал, ты обрадуешься. Я ошибался? Прошу, только не говори мне, что путешествие слишком утомило тебя, и ты не чувствуешь себя в силах.

Андреас улыбнулся шире:

— Нет, я этого не скажу.

— Учитель... — Мехмед, наконец, отпустил плечи грека и тихо засмеялся, — ну, зачем ты мучил меня? Зачем напугал?

Чтобы не отвечать на этот вопрос, Андреас спросил сам и как можно серьёзнее:

— Давно ты не ел?

— С утра, — ответил Мехмед. — Я очистился, поэтому ты не испытываешь отвращения, но увы, я не предвидел, насколько опасно заливать голод вином. Я опьянел и вижу, что тебе это не нравится. Прости меня, не сердись. Давай подождём час или два, пока моя голова прояснится, — он взял учителя за руку и потянул к накрытому «столу», то есть к скатерти, расстеленной на коврах.

Андреас повиновался, уселся, куда посадили, а затем почувствовал, что и сам подобно хозяину дворца готов смеяться пьяным смехом, хоть и не пьян. Как же мало нужно, чтобы счастье опьянило!

Мехмед, чьи движения были по-прежнему порывисты, уже успел снять тюрбан и откинуть куда-то в сторону. Теперь этот юноша уселся справа от своего единственного гостя и крепко обнял, положил голову ему на плечо:

— Ах, учитель! Как же хорошо! Как хорошо! Вот я сижу сейчас и обнимаю тебя, а ты не отталкиваешь и не спрашиваешь, как мне не стыдно. Я сижу сейчас и знаю, что мне больше не нужно охотиться за твоими поцелуями — ты сам подаришь их мне. Эти мысли пьянят меня, как вино. А что если я не протрезвею до самого рассвета?!

Андреас притянул Мехмеда плотнее к себе. Учитель и ученик сами не заметили, как развернулись друг к другу, и так же сам собой случился долгий поцелуй. Грек по-прежнему чувствовал, будто пьян, хоть и не пил ни капли вина, а когда поцелуй, наконец, прервался, оказалось, что Мехмед уже успел взять с ближайшего блюда маленький треугольный пирожок — первое, что попало под руку. Аккуратно вложив эту еду в рот своему гостю, юный хозяин дворца сказал:

— Ешь, учитель. Тебе нужны силы. Угощайся. Это всё для тебя.

Андреас принялся за еду, а Мехмед, видя, к которому блюду тот тянется пальцами, сам с опережением хватал пищу и кормил ею дорогого гостя, каждую минуту целуя его в угол рта. Мехмеду это казалось забавно, он смеялся, поэтому Андреас невольно стал смеяться тоже, а в итоге подавился со смеху, но и тогда весёлость не пропала.

— Выпей вина, учитель, — участливо предложил юный султан, но гость отказался:

— Нет-нет. Лучше — воды или чаю.

Не успел он до конца прокашляться, а Мехмед подал ему пиалу с чаем:

— Учитель, почему ты совсем не хочешь пить вино?

— Потому что мне скоро предстоит урок, — уже серьёзно ответил Андреас. — И тебе, мой мальчик, тоже предстоит урок. Ты получишь знание, а если будешь пьян, знание не усвоится, как нужно. Я научу твоё тело раскрываться и доверяться. Ты сможешь приказывать своему телу раскрыться, и оно станет тебя слушаться. А если ты будешь пьян, то сможешь повторить усвоенное действие, только если снова будешь пьян. Разве это хорошо?

Мехмед всё ещё оставался немного пьяным, поэтому серьёзность сказанного почувствовал не вполне:

— Учитель, я согласен. Пусть это будет урок, — лукаво улыбаясь, произнёс он. — Научи

меня новой премудрости. Научи.

Оставив наполненную пиалу в руках Андреаса, юный султан вдруг встал и направился куда-то в угол комнаты, чтобы вынуть из стенного шкафа маленькую круглую коробочку — настолько маленькую, что она легко умещалась в ладони.

Правда, как только Мехмед вернулся и уселся на прежнее место, стало видно, что коробочка является баночкой, ведь крышка была сделана так, что плотно закупоривала саму ёмкость.

— Смотри, учитель, — сказал Мехмед, не без труда отковырнув крышку и показывая Андреасу, что под ней. — Это ведь нам понадобится?

Баночку почти до краёв наполняла некая полупрозрачная мазь, настолько густая, что вытечь не могла.

— И запах хороший, — тон юного султана сделался нарочито небрежным. — Не воняет, как бараний жир. Лекарь сказал, что эта мазь смажет не хуже.

Учителю стало как-то не по себе, но не от упоминания бараньего жира, а от осознания, что ученик обсуждал подобные дела с посторонним человеком. Андреас отставил пиалу, из которой успел сделать несколько глотков, и спросил:

— Это дал тебе лекарь? Ты сказал ему, для чего просишь такое средство?

— Учитель, я не стыжусь тебя, — спокойно ответил Мехмед. — И тем более не стыжусь говорить о тебе с лекарем. Ведь нам с тобой нужно то, что он дал?

— Да, не исключено, что понадобится, — ответил Андреас, — но давай сперва попробуем обойтись без мази. И если уж мы заговорили о таких приземлённых вещах, то я хочу предупредить тебя...

— О чём, учитель?

— Возможно, тебя смутит то, как выглядит одна из частей моего тела. Ведь я христианин, а христиане в отличие от людей твоей веры не делают обрезание и не бреют пах...

— Учитель, мне давно известно то, о чём ты говоришь, — всё так же спокойно проговорил Мехмед, а затем мечтательно запрокинул голову и улыбнулся: — Ах, учитель, знал бы ты, сколько ночей я провёл, размышляя об этом различии между нами! Я столько раз представлял, как наяву увижу всё!

— А если действительность окажется не такой, как ты представлял? Тебе может не понравиться.

Мехмед закрыл баночку, отложил в сторону, а затем снова приник к плечу Андреаса, как в самом начале вечера, и всё так же мечтательно проговорил:

— Учитель, ты самый красивый человек из всех, кого я когда-либо встречал. Что мне может в тебе не понравиться!

Мехмед не уставал в мыслях ругать себя за то, что нечаянно напился. Сам отсрочил своё же счастье. Как глупо получилось. Как глупо! Предусмотрел всё, но под конец совершил ошибку. А ведь знал, что пить натошак не следует. Знал и поступил наоборот. Сказалась привычка поступать по-своему и не слушать советов. А теперь он прислушивался к себе и с досадой сознавал, что уже не может отличить опьянение от вина и опьянение от любви. Как понять, что протрезвел? Как понять, если радость переполняет? Оставалось лишь надеяться на милость Учителя, чтобы Он поскорее признал своего ученика трезвым, но Учитель не хотел торопиться, а Мехмед всячески стремился приблизить долгожданную минуту и придумывал разные хитрости.

«С каждым новым поцелуем приближается начало урока», — говорил себе юный султан и приближал этот урок, как мог.

А ещё начал постепенно избавляться от одежды под предлогом, что в комнате жарко. Глупый предлог! Сколько влюблённых пользовались этой бесхитростной уловкой! И всё же Учитель не стал препятствовать. Лишь сказал:

— Если тебе жарко, значит, ты ещё не протрезвел.

— Да, наверное, — отозвался Мехмед, виновато улыбнулся и всё же продолжал своё.

Сидя рядом с Учителем, он сначала избавился от кафтана, через некоторое время — от домашних сапог из мягкой кожи, а затем — от исподней рубашки. Как необычно оказалось ощущение, когда человек, которого ты более четырёх лет считал недостижимым, прикасается к твоему торсу не через одежду! Мехмед вздрогнул, но не от боли, а от волнения.

— Успокойся, мой мальчик, успокойся, — улыбнулся Наставник и осторожно поцеловал ученика в плечо, затем — в ключицу, наверное, надеясь, что тот сможет быстро привыкнуть к новому, перестанет вздрагивать. Мехмед не смог — дыхание участилось, сердце заколотилось, и тогда Учитель прекратил поцелуи, поднял голову и, весело улыбнувшись, куснул ученика за бороду.

— Учитель, что Ты делаешь? — засмеялся юный султан, а Учитель разжал зубы, но тут же куснул бороду с другого края.

— Хватит! — сквозь смех попросил Мехмед, попытался отстраниться, но Учитель не отставал, подался вперёд, и они оба повалились на ковёр. Ласки превратились в потешную возню, а когда она закончилась, потому что оба участника запыхались, юный султан спросил:

— Учитель, Тебе всё ещё не жарко? Сними одежду.

Кажется, это был последний раз за вечер, когда ученик велел, а Учитель повиновался. Дальше все события совершались по иному порядку — ученику следовало делать лишь то, что предлагает Учитель. Пусть Мехмед в порыве страсти попытался стать тем, кто

определяет ход событий, но Учитель как-то незаметно дал понять, что это не нужно.

— Успокойся, мой мальчик, успокойся, — повторял Он, целуя ученика, но действовал так, что у Мехмеда не было возможности ответить на поцелуй таким же поцелуем, а на ласку — такой же лаской. Как ответить, если Учитель, проявляя чувства, стоит перед тобой на коленях или оказался у тебя за спиной? Твои руки касаются Его, твои губы стараются дотянуться до Него, но Он находится в таком положении, что способен сделать для тебя очень много, а ты для Него — почти ничего.

Так было возле расстеленного на коврах полотна с лакомствами и так продолжилось на ложе. Ученик только получал удовольствие, но не дарил, так что поначалу ощутил растерянность, спрашивал себя: «Что мне делать?» — но вскоре понял, что ответ находится в чужой голове, голове Учителя, которого нужно просто слушаться. Как непривычно, но чудесно!

Мехмеду вдруг показалось, что он ни разу по-настоящему не отдыхал за минувшие годы и только сейчас может отдохнуть, потому что всё само совершалось именно так, как он мечтал — стало не нужно вмешиваться и что-то поправлять.

Исчез мучительный вопрос, на который так долго не удавалось найти исчерпывающего ответа: «Любят ли меня?» Раньше Мехмед всё время искал подтверждений, что да, любят, но теперь вдруг перестал искать, потому что ответ находился как будто бы повсюду: «Конечно, да. Как можно сомневаться!» Теперь не имело смысла спрашивать.

А ещё такой глупой показалась мысль о том, что всё происходящее может считаться неестественным, и что Творец якобы задумал соитие как акт, который должен происходить лишь между людьми разного пола. «А что же для меня естественно? — с затаённой улыбкой думал Мехмед. — Чувствовать на своей спине палочные удары, а не поцелуи?»

Признанные мудрецы, которые теперь казались юному султану глупцами, упирали на то, что тело женщины нарочно создано, чтобы мужчина мог проникать в неё. «Но если так, — думал Мехмед, — тогда почему Творец не позаботился, чтобы мужчине было проще? Мужчине в первый раз приходится продираться внутрь, а женщина стискивает зубы от боли. Невольно задумаешься, по той ли дороге движешься, когда такие препятствия! И если уж рассуждать таким образом, то соитие между мужчинами более естественно, чем соитие мужчины с женщиной. Вот моё тело раскрылось так легко, как будто создано для того, чтобы кто-то проникал внутрь. Никто никуда не продирается. Никто не истекает кровью. Разве это случайность?»

Учитель так и сказал, когда понял, что тело ученика поддалось и ждёт продолжения:

— Ты как будто создан для этого. Кровотечения нет.

— А оно могло быть?

— У многих бывает с непривычки. А иногда кровотечение — протест: тело не хочет принимать того, кто стремится им овладеть. Но чаще всего кровотечение бывает из-за спешки. Именно поэтому я не торопился, уговаривал твоё тело раскрыться. Это важно.

Поначалу без долгих уговоров не обойтись, даже если тело склонно подчиниться.

При одном воспоминании об особенных ласках, которые помогают «уговорить» тело, Мехмед взволнованно вздохнул и вдруг задумался о том, сколько ещё не узнал от Учителя. Юный султан показался себе неопытным, несмотря на то, что у него уже было три жены и два сына.

Много жён и дети ещё не означают, что ты много испытал на ложе. Три жены — три девочки, которые ничего не умели! Они не могли дать Мехмеду и десятой доли тех знаний, которые мог дать Учитель! Те чувства, которые Мехмед видел у Гюльбахар, Гюльшах и Мюкриме, были лишь бледным подобием той страсти, которую сейчас проявлял Учитель. Возможно, жёны ощущали больше, чем выражали, и просто не знали, как выразить. А Учитель знал.

Ученик даже обрадовался, что должен не отвечать на эту страсть такой же страстью, а уступать ей. Теперь Мехмед просто не сумел бы ответить. Он растворился в чужом чувстве и почти перестал существовать. Это стало ещё одним новым переживанием — если поначалу он получал удовольствие, подаренное Учителем, то теперь стал ощущать чужое удовольствие почти как своё. Поэтому так ясно ощутилось то, что соитие близится к завершению.

Юный султан забыл о себе. Забыл настолько, что не сразу понял тихие слова Учителя, который, окончательно овладев учеником, произнёс:

— А теперь я помогу тебе завершить дело.

Разумеется, речь шла не о том, чтобы ученик сам овладел Учителем. Такого не могло случиться, но зато ученик мог дать выход своим чувствам другими способами.

Мехмеду вспомнилась чья-то беседа, которую он слышал на одном из пиров, когда праздновал свадьбу с Мюкриме. Двое гостей, уже довольно пьяных, рассуждали о том, что представляет собой соитие. Один из них сказал: «Если тебе не случилось проникнуть внутрь, это означает, что ничего не случилось, а если ты уверяешь, что оно всё же случилось, это значит, ты — женщина, и проникали в тебя».

Очередная глупость двух людей, которые не знают, о чём говорят! Мехмед совсем не чувствовал себя женщиной, пусть и оказался в непривычном положении. И обо всём произошедшем он никак не мог сказать: «У меня не случилось ничего». Полученный опыт казался более значимым, чем всё прежнее, когда Мехмед сам становился проникающим.

Некоторое время лёжа неподвижно и прислушиваясь к себе, юный султан пытался осмыслить это. Меж тем в светильниках уже почти закончилось масло, в комнате стало заметно темнее. Мехмед вдруг вспомнил об окружающем мире и не столько увидел, сколько угадал, что Учитель, лежащий рядом, спит.

Мехмед приподнялся, склонился над спящим:

— Учитель, проснись, прошу Тебя. Мне о стольком надо Тебя спросить!

Спящий пошевелился, а затем прозвучал полусонный ответ:

— Мой мальчик, спроси меня после. Несколько дней пути и впрямь утомили меня. Позволь мне немного поспать.

* * *

Незадолго до рассвета Мехмед проснулся оттого, что замёрз. Мангалы давно потухли, в комнате стало прохладно, а ведь он спал раздетым и не накрылся ничем. Одеяло в комнате было, но оно оказалось недоступно, потому что Учитель и ученик спали поверх него. Вечер выдался таким богатым на события, что никому не пришло в голову подумать о предстоящей ночи. Учитель находился в более выгодном положении, потому что вечером ел, а Мехмед был голоден. Наверное, поэтому ученик замёрз и проснулся раньше, а Учитель продолжал спать.

Впрочем, пробуждение нисколько не огорчило Мехмеда, поскольку заставило вспомнить о счастье, которое было и будет. Он тихо слез с ложа и нашёл в предрассветной полутьме два кафтана, валявшиеся на полу. Учительским кафтаном ученик накрыл Учителя, но, немного поразмыслив, набросил свой кафтан Учителю на ноги, чтобы тоже не мёрзли.

Только что Мехмед собирался снова лечь, накрывшись своим кафтаном, но теперь оказался вынужден изменить намерение. Юный султан нашёл в сумерках остальную свою одежду, оделся, а затем подсел к скатерти, на которой по-прежнему стояли лакомства, и позволил себе наесться. Стало заметно теплее.

После этого Мехмед, всё так же одетый, снова улёгся на кровать, и, подперев голову рукой, стал смотреть на Учителя, ожидая, когда Он проснётся.

Учитель открыл глаза незадолго до того, как взошло солнце. Окна комнаты смотрели на юго-восток, поэтому было хорошо видно, как бледно-синий туман, сгустившийся над проливом, с одного края окрасился в розовый цвет, а затем там появилась ещё и золотистая полоса. Синие облака, почти застилавшие небо, начали редеть.

— Доброе утро, — сказал юный султан по-гречески.

— Доброе утро, мой мальчик, — ответил Учитель, улыбнувшись, а затем оглядел оба кафтана, под которыми спал. — Ты опять проявляешь заботу обо мне.

— Как может быть иначе! — ответил Мехмед. — Ты хочешь есть?

Учитель помотал головой.

— А пить хочешь?

Учитель снова помотал головой, и тогда Мехмед решил, что настало время задать вопросы, которые не прозвучали вчера:

— Сколько раз Тебе доводилось просыпаться вот так? — произнёс юный султан опять по-гречески. — Сколько раз Ты просыпался и видел, что Твой ученик смотрит Тебе в глаза?

— Два раза, — прозвучал ответ на том же языке.

— Когда это было?

— Один раз — сегодня. А второй раз — четыре года назад, когда мы с тобой впервые поехали вместе на верблюжьих бои, и мне случилось ночевать в твоём шатре. Утром ты лежал на своей постели и смотрел на меня, хоть и с опаской, чтобы мулла не увидел.

Ученику, наверное, следовало порадоваться, что Учитель помнит, но ведь вопрос был совсем не об этом! Мехмед удивился:

— А как же другие Твои ученики?

— С ними было не так, как с тобой, — спокойно ответил Наставник.

Ученику не верилось. Не давало покоя давнее воспоминание, когда Учитель только-только появился в Манисе, а Мехмед, которому было четырнадцать, присматривался к Нему и думал: «Наверное, Его любили многие».

Так же Мехмед думал и вчера вечером, потому что движения Учителя были очень уверенными, а теперь Этот Человек, чьи светлые кудри красиво разметались по шёлковой подушке, а лицо озарилось чудесной ласковой улыбкой, говорил: «Я не такое уж сокровище, которым каждый стремится завладеть».

Не сокровище? Как в такое поверить! Мехмед продолжал выпытывать:

— Учитель, а с кем Ты делил ложе до меня? И как часто? Ты кажешься мне очень умелым, а ведь мастерство приходит с опытом. Так говорили мои наставники воинского дела, и пусть они имели в виду другое, я думаю, что у Тебя было много... возможностей получить опыт.

Учитель почему-то стремился уклониться от ответа:

— Мой мальчик, я вовсе не так опытен, как ты думаешь.

Мехмед не унимался:

— Учитель, позволь мне хоть раз Тебе не поверить. Мною руководит не ревность. Я просто хочу знать — узнать Тебя с новой стороны. Раньше мы очень мало об этом говорили, но теперь можем говорить и, наконец, оказаться в равном положении. Тебе известно всё про меня. Так расскажи мне о Себе. Со сколькими Ты был близок телом? Не считая двух женщин, о которых Ты мне когда-то рассказывал. Сколько их было?

— Ну, если не считать женщин, то одиннадцать.

— Одиннадцать? — юный султан опять оказался удивлён. — Так мало? Но почему?

— Так уж случилось. Поначалу я думал, как ты — что чем больше любовных приключений, тем лучше, но жизнь довольно быстро дала мне урок.

Мехмед вспомнил, что разговора о женщинах Учитель в своё время так же стремился избежать. Наверное, Он не любил вспоминать о прошлом. Но что же делать, если именно это ученику больше всего хотелось знать!

— Расскажи, — попросил юный султан, придвигаясь чуть ближе. — Расскажи, Учитель. Прошу, расскажи.

Наставник, как и в прошлый раз, уступил. Надвинул на себя кафтан чуть повыше и начал рассказывать:

— Это было в Константинополе. Мне было столько же лет, сколько тебе сейчас. Я приехал, чтобы учиться в одной из высших школ, но втайне радовался, что, наконец, вырвался из-под отцовской опеки. Я чувствовал в себе особые склонности и полагал, что в таком большом городе смогу найти людей, подобных мне. Мне почему-то казалось, что проще всего найти их в таверне.

Учитель хмыкнул, будто насмеялся над собой, а Мехмед оставался серьёзным и продолжал слушать рассказ.

— Первое время я чуть ли не каждый вечер проводил в тавернах, но, конечно, не сумел достичь своей цели и даже завести друзей. Событыльники — не друзья, пусть они и учатся с тобой в одной школе. Помню, однажды мы, довольно много выпив, возвращались домой по вечерней улице и случайно повстречали одного из наших школьных учителей. Мои друзья испугались, что он узнает их и расскажет их отцам, ведь мои приятели были уроженцами города, и только я был приезжим. В общем, они все бросились врассыпную, а я не смог убежать, потому что ноги плохо меня слушались. Мне оставалось только опереться о стену и наблюдать, как учитель подходит ко мне. Он громко спросил, чего я хочу достичь своим поведением. Я не ответил. А затем этот человек уже мягче осведомился, далеко ли я живу, а когда услышал, где, то предложил мне заночевать в его доме. Казалось сомнительным, что до своего дома я сумею добраться. Я сначала отказывался от приглашения, представляя, как он поведёт меня, шатающегося, под руку. Мне было стыдно. Этот учитель был хоть и не стар, но уже украшен сединами. И вот я, юноша, должен был опираться на него? Мне не хотелось так позориться, но стало ясно, что выбор у меня невелик — или идти с этим человеком, или оставаться на месте, опираясь о стену, и ждать, пока меня заберёт городская стража или ограбят ночные разбойники.

Повествование показалось юному султану увлекательным, поскольку он уже догадался, чем оно закончится:

— Значит, этого учителя Ты после полюбил и сблизился с ним?

— Да, это был он, — последовал ответ. — И мне остаётся только радоваться, что вино порой странно действует на людей — ноги не слушаются, а голова остаётся ясной. Я, хоть и шатаюсь, мог вести с этим учителем беседу и запомнить её. Он сказал мне: «Ты сейчас больше всего похож на самого себя. Ты идёшь по жизненному пути такой же нетвёрдой поступью, как по этой улице».

— Значит, он был мудрый человек, — заметил Мехмед.

— Да, — последовал ответ. — А когда я оказался в гостях, то мы продолжили беседу за скромной трапезой, но поили меня только водой, и он сказал: «Я видел много гуляк, которые притворялись добропорядочными юношами, но впервые за долгое время вижу добропорядочного юношу, который притворяется гулякой». Мы с этим учителем беседовали

до самой ночи, пока его жена не начала ворчать, что мы своими застольными разговорами не даём ей спать.

— У него была жена? — в который раз удивился Мехмед.

— Да. И сыновья. Но сыновья к тому времени уже выросли и покинули дом. Поэтому та женщина сказала, глядя на меня: «Ещё одного сыночка к нам привёл?» Помню, меня огорчили её слова. Второго отца я себе не искал. И всё же не сказал «нет», когда учитель предложил мне по воскресеньям приходить к нему в гости ради бесед, а не посещать таверны. Очень скоро мне захотелось приходить в его дом чаще. А затем оказалось, что я для своего учителя всё же не сын, а ученик, причём особенный.

Юному султану хотелось знать больше!

— А как это случилось у вас в первый раз?

Ответ прозвучал не сразу.

— Совсем обычно. К тому времени мы настолько доверяли друг другу, что не испытали никакого смущения, когда объяснились и разделили ложе. Казалось, что мы совершаем уже привычное действие. Честно говоря, гораздо больше волнений я испытал, когда только начал подозревать, с кем познакомился. Однажды мне шепнули, что я должен быть осторожен, потому что о моём учителе ходят недобрые слухи. «Он склонен к содомскому греху», — шепнул мне доброхот и удивился, потому что его слова не испугали меня, а развеселили. Я обрадовался этой новости! А дальше всё устроилось как-то само. У моего учителя было много учеников, которые приходили к нему в гости ради бесед и споров, но никто не был близок этому учителю, как я. Наша особая близость продолжалась несколько лет.

— И никто не сплетничал о Тебе и о нём? — спросил Мехмед, на что услышал:

— Нет. Мы держали всё в тайне и сближались не слишком часто, ведь к тому времени я уже выбрал себе профессию — решил стать преподавателем, несмотря на то, что мой отец, оставшийся в Турции, прочил меня в юристы. Мой учитель, узнав о моём выборе, обрадовался, но постоянно напоминал, что я должен быть очень осторожным, ведь если обо мне пойдут недобрые слухи, то я не смогу найти себе в Константинополе ни одного ученика, а учитель без учеников — не учитель.

Мехмед задумался:

— Странно. Ты сам говорил, что о Твоём учителе ходили слухи. Почему же ему это не мешало?

Наставник пояснил:

— Потому что этот человек потратил многие годы, чтобы снискать уважение коллег, доказав своё мастерство в преподавании. Большинство его знакомых, не посвящённых в тайну, верило, что слухи распускаются завистниками, а сам он вёл себя осторожно. Конечно, он сближался с некоторыми своими учениками до меня, но, очевидно, это случалось изредка и потому не стало достоянием молвы.

— А сколько было лет Твоему учителю? — спросил Мехмед.

— Он был старше меня почти на тридцать лет.

Юный султан внимательно посмотрел на своего Учителя и вдруг представил Его,

пожилым человеком. Наверняка, Он остался бы красивым, но не таким, как сейчас.

Юный султан смотрел на кафтаны, прикрывающие обнажённое тело, и представлял то, что видел вчера при ярком свете светильников. Это тело казалось воплощением неувядающей красоты. И даже при свете дня впечатление не исчезло. Кожа плеч, выглядывавших из-под края кафтана, выглядела гладкой. Шея манила свежестью.

А может, Мехмед просто не заметил возрастных изменений, потому что никогда раньше не видел Учителя раздетым? Как выглядел Этот Человек четыре года назад? Ученику было не с чем сравнивать, и всё же Мехмед подумал, что не смог бы полюбить пожилого Учителя так, как полюбил молодого. Вот почему у юного султана сам собой вырвался вопрос:

— Учитель, а как же юноши? Неужели, в Константинополисе не нашлось никого, близкого к Тебе не только по склонностям, но и по возрасту? Или Ты потерял интерес к сверстникам?

Ответ опять последовал не сразу:

— Сверстники? О! Из-за одного из них я чуть было не погубил свою жизнь. Конечно же, я нашёл в Константинополисе сверстников, подобных мне и, как можно догадаться, нашёл их в окружении моего учителя. Я сошёлся с одним, затем — с другим, потому что в то время мой учитель казался мне недостижимым. Я не мог помыслить о нём как о любовнике. Поэтому сходился со сверстниками, с которыми не было любви, но было влечение. Не скрою, мой внешний вид нравился многим, и я привык к такому положению вещей, поэтому однажды не сумел распознать, что со мной сошлись вовсе не из-за меня самого, и что мой новый друг преследовал совсем другую цель. Он видел, что я постепенно становлюсь у учителя любимым учеником. Мой друг сам хотел бы занять моё место, но не мог, поэтому решил занять место подле меня, а я в то время был очень наивен, поэтому не замечал фальши в его улыбках и ухаживаниях.

Мехмед вдруг вспомнил свою историю с Гюльбахар. Когда он решил жениться, Учитель смирился. Не потому ли Учитель повёл себя так, что в прошлом оказался участником похожей истории — любил человека, которого считал недостижимым, а тело требовало удовольствий, и Учитель поддался.

Чтобы проверить возникшую догадку, Мехмед спросил:

— А Твой учитель не ревновал?

— Он любил меня, несмотря на то, что я делил ложе с другими, а вот мой новый друг всё больше ревновал. Он видел, что своим присутствием мешает лишь телесному сближению между мной и учителем, но не духовной близости — появлению общих интересов, общих взглядов, общего круга чтения. Я полагал, что душевная привязанность — не измена, но мой друг твердил другое, а однажды так разозлился, что попытался силой поцеловать меня на людной улице да ещё в присутствии моих знакомых. Это опозорило бы меня, и я не смог бы получить профессию преподавателя, о которой мечтал, ведь никто в наше время не доверит учеников тому, кто склонен к однополю любви.

— Но поцелуй не удался? — оживился Мехмед.

— Да. Мой друг рассчитывал, что я растеряюсь от неожиданности и не стану

сопротивляться. Но я почувствовал гнев. Кажется, это был первый раз, когда я ударил человека кулаком. Сам от себя не ожидал этого и потому сразу побежал прочь. Почти не останавливаясь, я добрался до дома учителя, рассказал всё. Я был в отчаянии, потому что сомневался, что моё сопротивление поцелую остановит дурную молву, но учитель спас меня. Он благодаря своему жизненному опыту и своему авторитету в школе сумел повернуть дело так, чтобы я не оказался опозорен. Он объявил, что больше не желает видеть моего коварного друга ни в своём доме, ни в своём классе. Моему другу пришлось покинуть школу, поэтому я почувствовал себя виноватым перед ним, тайком пришёл извиниться, но он рассердился на меня, начал кричать, а затем в досаде рассказал мне, что вовсе не из-за меня совершил поступок, за который пострадал. И ещё добавил, что рад был бы навредить мне, но не может — окружающие уже составили мнение, и оно не изменится. Я был потрясён, потому что успел привязаться к этому юноше. Я думал, он ревновал меня к учителю, но оказалось наоборот — учителя ко мне. В тот день я перестал быть наивным, но вместе с тем надолго потерял доверие к сверстникам, всё время ждал неприятностей. Лишь в Афинах я излечился от подозрительности и обрёл пятерых друзей, которые были примерно одного со мной возраста.

Мехмед понимающе улыбаться:

— Ты мне рассказывал. И с каждым из них Ты был близок?

— Да. Но это совсем другой опыт. Нас было шестеро, но устойчивых пар не образовывалось. Мы не говорили друг другу: «Ты принадлежишь только мне».

— А больше у Тебя в Афинах никого не было?

Учитель хотел ответить, но вдруг вспомнил о чём-то, резко приподнялся на постели. Оказывается, он смотрел в окна. Солнце поднималось всё выше, туманная заря бледнела, а горизонт всё больше прояснялся, да и облаков почти не осталось. Они ушли, открыв лазурное небо.

— А не слишком ли долго мы говорим? — спросил Учитель. — Ведь нам сегодня опять отправляться в путь.

На Мехмеда вдруг накатила волна радости. Он в очередной раз осознал, что всё не так, как прежде — теперь можно распоряжаться своей судьбой, а не покоряться обстоятельствам. «Как я счастлив!» — подумал юный султан, сел на постели вслед за Учителем и, положив Ему руку на плечо, произнёс с улыбкой:

— Нет, сегодня мы никуда не поедем.

— Разве? — Учитель удивлённо оглянулся на ученика. — Вчера я сам слышал, как ты говорил, что...

— А сегодня я передумал, — Мехмед почти засмеялся от удовольствия. — Мы останемся ещё на день. Теперь всё по-другому. Моё повеление никто не посмеет оспорить, как оспаривали прежде. Я сейчас решил, что поцелую Тебя, а затем пойду и скажу слугам, чтобы не торопились собираться... И ещё мне надо несколько минут посвятить делам — заверить моей подписью письмо, которое Заганос-паша составил и отправит в столицу. А затем я целый день посвящу Тебе. И вечер тоже будет Твой. И ночь.

Ученик одним резким движением встал на колени возле Учителя, по-прежнему сидящего, обнял за шею и, кажется, впервые посмотрел на Него сверху вниз. С такого ракурса прежде всего обращал на себя внимание красивый лоб, чуть скрытый прядками светлых волос, прямой нос, но Мехмед недолго наслаждался этим зрелищем, потому что Учитель поднял голову, чтобы посмотреть в глаза ученику:

— А то, что ты решил, не слишком безрассудно? Я знаю, что для правителя потеря власти часто сопряжена с потерей свободы и жизни. Я не хочу, чтобы ты подвергался опасности из-за меня.

Мехмед погладил Учителя по голове:

— В столице всё спокойно. Те, кто мог бы соперничать со мной за власть, никак себя не проявляют. Значит, я вполне могу прибыть в столицу на день позже. Трон подождёт. Всё государство подождёт. Но мы не должны больше ждать. Доверься мне.

Ответ прозвучал не сразу:

— Ты хочешь, чтобы учитель доверился ученику?

— А разве это невозможно? — спросил Мехмед, только сейчас вспомнив о правиле, что в отношениях между учителем и учеником доверяться должен младший, а не старший. И опять же только сейчас Мехмед осознал, что вот уже несколько дней нарушается правило, согласно которому старший ведёт вперёд, а младший следует по указанному пути. «Кто любит меня, пусть следуют за мной», — сказал юный султан ещё в Манисе, и вот Учитель последовал, уступил. Неужели не уступит снова?

— Это возможно, — произнёс Учитель, пусть и с некоторым колебанием.

— Как же я Тебя люблю! — воскликнул ученик и поцеловал Учителя. — Как люблю! И сегодня Ты до конца откроешь свои тайны? Расскажешь о Себе то, чего я ещё не знаю, да?

— Да.

* * *

Пролив очистился от тумана. Синие волны сверкали на солнце, успевшем подняться очень высоко. Лучи били прямо в окна покоев Мехмеда, поэтому на полу появилась целая россыпь золотых пятен. Эти солнечные зайчики стали первым, на что обратил внимание юный султан, когда вернулся в спальню, заверив письмо, составленное Заганосом.

Султан также отметил, что в комнате опять сделалось тепло, потому что сюда были принесены два новых мангала, а старые исчезли. Также исчезли вчерашние лакомства на белой скатерти, остывшие и заветрившиеся, а на коврах появилась новая скатерть и новое угощение.

Мехмед и Учитель, также успевший покинуть покои и вернуться, почти не притронулись к еде. Они уселись на застеленном ложе и рассматривали листы с рисунками. Вернее рассматривал Мехмед, а Наставник лишь улыбался, наблюдая за учеником.

Как объяснил Учитель, у одного из его друзей в Афинах, у самого богатого из друзей, была превосходная коллекция древних греческих ваз, а на многих вазах присутствовали такие интересные рисунки, что Учитель решил запечатлеть это ещё и на бумаге.

Четыре с половиной года все изображения хранились в тайнике дорожного сундука, имевшего двойное дно, и только теперь Учитель решился показать, а Мехмед воскликнул:
— Ах, ну почему я не видел этого раньше!

Рисунки были совсем простыми, а фигуры изображённых там людей — плоскими, но в то же время эти фигуры выглядели очень живыми, потому что позы, да и выражения лиц казались очень естественными.

Вот некий обнажённый юноша наклонился вперёд и руками опирается о табурет. Позади юноши находится атлетически сложенный бородатый мужчина, который также обнажён. Мужчина, чуть согнувшись и положив руки юноше на плечи, совершает с ним соитие. Самым занятным в этом рисунке оказалось выражение лица мужчины, который, судя по всему, сосредоточенно смотрел на собственное мужское достоинство — на то, как оно входит и выходит.

Мехмед улыбнулся, а Учитель пояснил:

— Наверное, здесь изображён знаменитый Геракл, а юноша — его ученик Иолай. Геракл обучал его воинскому делу. Судя по всему, художник не очень одобрял такого рода обучение, поэтому сделал рисунок забавным. Мне нравится то, что получилось, хоть я бы поспорил с художником.

На новом рисунке Мехмед увидел другого обнажённого юношу, который лежал на ложе. Держась руками за края ложа, юноша закинул ноги на плечи некоему пожилому мужчине, готовому навалиться на своего возлюбленного. Мужчина оказался совсем не похож на Геракла, пусть и был так же бородат — лоб и макушка мужчины полностью облысели, а телосложение никто бы не назвал атлетическим.

— Надо же! — снова улыбнулся Мехмед. — Это Сократ с кем-то из своих учеников?

— Похоже, что да, — отозвался Учитель. — Обычно Сократа изображают именно с такой лысиной.

Юный султан снова посмотрел на рисунок, но теперь обратил внимание, что Сократ и ученик смотрят друг на друга широко раскрытыми глазами. Когда человек хочет шутливо изобразить восхищение, то делает такой взгляд, но двое нарисованных влюблённых были искренни, поэтому сценка казалась забавной, но в то же время трогательной.

— Учитель, — вздохнув, сказал юный султан, — я бы купил у Твоего друга всю коллекцию этих ваз. Но ведь он не продаст её ни за какие деньги? Да?

— Да, мой мальчик, — ответил Наставник. — Знал бы ты, как он дорожит ею! Даже прикасаться не разрешает, а только смотреть. Я еле уговорил своего друга позволить мне сделать зарисовки, а когда я их делал, подле меня неотлучно сидел один из его слуг и следил

за мной так же внимательно, как сторожевой пёс.

Мехмед слушал, но думал уже про другое:

— Ах, зачем я сегодня на рассвете так наелся! Я бы попробовал все позы, которые мы сейчас видели! — он соскочил с постели и в нерешительности остановился. — Может, мне пойти и попросить у лекаря средство, чтобы ускорить пищеварение?

— Нет, не мучай своё тело, — строго ответил Учитель. — Я говорил тебе и повторяю, что естественность — основа всего.

— Но что же тогда нам делать? Ждать почти весь день? Учитель, это очень долго! — Мехмед не мог успокоиться. Он, несмотря на возражения, всё равно хотел идти за снадобьем или, по крайней мере, спросить лекаря, что тот порекомендует, но это не понадобилось. Учитель вытащил из вороха рисунков один лист и протянул ученику.

Там были изображены двое юношей, которые, находясь лицом к лицу, обнимались и крепко прижимались друг к другу бёдрами. У одного из юношей на спине виднелись огромные оперённые крылья и, судя по положению ног, эта пара влюблённых не стояла на земле, а летела.

— Мы можем попробовать так, но лёжа, — сказал Учитель и, оставив лист в руках Мехмеда, задумчиво разглядывавшего изображение, начал собирать с постели другие рисунки, аккуратно складывать их в стопку.

Ученик, наконец, очнулся от задумчивости, сообразил, что нужно помочь, и принялся тоже собирать листы, но рисунок с крылатым юношей в общую стопку не клал до последнего момента, чтобы лишний раз взглянуть.

Вот Учитель, собрав всё, встал с ложа и пошёл к ближайшему столику, желая оставить рисунки там, а Мехмед вдруг бросился следом, обогнал Наставника и заслони ему дорогу, встав лицом к лицу.

Юный султан, улыбнувшись, обнял Учителя так, как крылатый юноша обнимал своего избранника, а затем на несколько мгновений приподнял над полом:

— Ты почувствовал полёт?

— Опять проказишь? — это было произнесено без укоризны, а затем Учитель шутливо ударил ученика по плечу пачкой рисунков. — Да, полёт я почувствовал, но не надорви поясницу. Она тебе понадобится.

Наставник добрался, наконец, до столика и теперь неспешно возвращался к постели, а Мехмед всё кружил подле, не находя себе места:

— Я чувствую такую лёгкость! Будто окрылён! Мне кажется, что если я не дам выход этому чувству, то воспарю под облака.

Наставник вдруг сам поймал его в объятия:

— Ах, мой мальчик, как я завидую тебе! Когда-то много лет назад я сам мог парить, но теперь мне это недоступно. Я стал рассудителен.

Мехмед не вполне верил в эти слова, потому что Учитель проявлял слишком много чувств, и это мешало Ему выглядеть рассудительным в глазах ученика. Этот Человек, казалось, стремился наверстать годы, проведённые в воздержании, а может, хотел насладиться счастьем, пока оно не закончилось. Впрочем, Мехмед тут же отмёл второе предположение. «Что теперь может разлучить меня с Учителем? — думал он. — Ничто нас не разлучит!»

Солнце, по-прежнему не дававшее облакам сгуститься, казалось хорошим предзнаменованием. Серая мгла отступила. Впереди — безоблачное счастье!

Меж тем наступил день, а золотые пятна от лучей, проникавших в комнату, теперь благодаря изменению положения светила, оказались не на полу, а на ложе. Свет бил в глаза, не давая заснуть после продолжительных и утомительных утех, но это казалось к лучшему.

Мехмед повернулся на бок и принялся перебирать спутанные учительские кудри. Учитель, лёжа на спине, смежил веки, а солнечные зайчики прятались в Его волосах, разметавшихся по подушке, и делали цвет прядей почти золотым.

— Ты так и не ответил, — задумчиво произнёс юный султан, — был ли у Тебя кто-то в Афинах помимо друзей. Ты сказал, что лишь одиннадцать мужчин и юношей в разное время делили с тобой ложе. В Константинополе я насчитал четверых. В Афинах было пять. Итого девять. Кто десятый?

Учитель вздохнул:

— Десятым стал один из моих афинских учеников. В то время он был чуть постарше тебя нынешнего. Его отец — высокопоставленный человек, который, наверное, и сейчас имеет влияние в городе.

Мехмеду это сразу напомнило кое-что, давний рассказ: «Алкивиад был воспитанником, почти приёмным сыном Перикла, которого с некоторыми оговорками можно назвать правителем Афин».

— Опять повторяется история Алкивиада и Сократа, — заметил юный султан и с некоторым неудовольствием добавил: — Тебе нравится эта история, Учитель.

— В тот раз история пошла совсем по другому пути, мой мальчик, — вздохнув, ответил Наставник. — Всё было по-другому, потому что у моего ученика был не тот характер, что у Алкивиада. Алкивиад являлся честолюбцем, а тот мой ученик оказался полностью лишён этого чувства. Он был из тех людей, которым для себя ничего не нужно. Совсем ничего. Это плохо, потому что со стороны такие люди производят впечатление лентяев. Только любовь пробуждает их от лени, но как только любовь проходит, они без сожаления забрасывают всё, чем занимались. Вот таким оказался мой ученик, а меня нанял отец этого юноши, надеясь, что я уговорю лентяя учиться.

— Ученик полюбил Тебя? — спросил Мехмед.

— Поначалу мне казалось, что на любовь он не способен, — задумчиво глядя в потолок,

продолжал рассказывать Учитель. — Мне казалось, что сердце моего нового ученика так же лениво, как разум. Затем я с удивлением обнаружил, что у этого юноши есть особая склонность, но и это открытие мне не помогло. Мой ученик был совершенно уверен, что я не стану делить с ним ложе, поэтому смотрел на меня почти равнодушно. Он даже не хотел попробовать завоевать моё сердце, то есть преуспевать в науках, поэтому я заранее смирился с мыслью, что мне, вероятнее всего, придётся сказать отцу этого юноши, что я не в силах совладать с такой безмерной ленью.

— А как же случилось, что этот юноша всё же Тебя полюбил?

— Я сделал то, что назвали бы неэтичным, — снова вздохнув, произнёс Наставник. — Я соблазнил своего ученика. Мы разделили ложе, и когда он осознал, что невозможное возможно, то будто очнулся ото сна. Этот юноша начал старательно учиться, но не для того, чтобы завоевать меня, а для того, чтобы удержать. Это продолжалось почти год, и я мог бы сказать, что победил, но временами мне начинало казаться, что я проиграл. Мой ученик учился, а я расплачивался с ним своим телом. В таком положении вещей было мало красивого, несмотря на то, что мой ученик начал делать заметные успехи в науках. На школьном состязании риториков он стал одним из лучших — третьим. Он начал хорошо разбираться в предметах, в которые раньше не хотел вникнуть из-за лени, а теперь я постоянно спрашивал его о них, и он невольно разобрался, чтобы нам было, о чём беседовать в перерывах между утехами. Наверное, я должен был радоваться, но радовался чем дальше, тем меньше. Хотелось порвать со всем этим. К счастью, в это время мне пришло письмо от отца — он очень просил меня приехать домой. Я отправился в путь. Так мы с учеником расстались. Перед отъездом я сказал: «Не жди меня. Живи дальше». Ученик опечалился, но я был доволен, потому что видел, что год не прошёл даром. Мой подопечный стал образованным человеком. Пусть даже он учился не ради себя и не ценил научных знаний, которые получил.

От воспоминаний Наставнику явно сделалось грустно, а юный султан видел это, но сочувствовать грусти не хотел. Мехмед даже не постеснялся признаться самому себе: «Чем грустнее истории Учителя о предыдущих учениках, тем лучше. Счастливой должна быть только одна история — та, что случилась у Него со мной».

— Итак, тот ученик был у Тебя десятый. А кто одиннадцатый? — спросил Мехмед, но уже знал, что услышит:

— Одиннадцатый — ты.

Произнеся «ты», Учитель весело улыбнулся, и это показалось так чудесно! Значит, при мысли о нынешнем ученике грусть ушла. Значит, нынешняя история являлась счастливой.

Мехмед лукаво произнёс:

— Но почему так мало! Всего одиннадцать. Когда я смотрю на Тебя, мне кажется это невероятным. Мне кажется, что в Тебя должны были влюбиться все учителя той школы в Константинополисе, где Ты учился. И все Твои друзья должны были сходить с ума от любви к Тебе. Не говоря уже обо всех Твоих учениках. Я уверен, что они, когда любили Тебя, ходили по краю, как я. Им наверняка хотелось быть безрассудными.

— Даже тем из учеников, кто не имел особых склонностей? — шутливо спросил

Учитель.

— Всем! Я не понимаю, как можно видеть Тебя и не желать! — продолжал Мехмед, чуть привстав и опершись на локоть. — Учитель, клянусь, я с первого же дня, как мы встретились, хотел принадлежать Тебе целиком и полностью. Конечно, Ты сейчас скажешь, что я не понимал возможных последствий такого шага. Если бы я понимал, то не желал бы, ведь никто в здравом уме не захочет погубить свою жизнь ради минутного удовольствия. Да, всё так, но я был безумен от любви. Конечно, я благодарю Тебя, что Ты мешал мне тогда быть безрассудным, и всё же я должен сказать, что не излечился от безумия даже сейчас. То, что нам лучше было подождать, я принимаю умом, но не сердцем.

— Так и должно быть, — ответил Учитель. — Твои речи означают, что ты повзрослел. Но повзрослеть может только ум. Сердце не взрослеет. Оно остывает и черствеет. Поэтому если оно в разладе с твоим разумом, значит, ты по-прежнему любишь меня.

— Учитель, но почему окружающие не любили Тебя, как я люблю!? — юный султан склонился над Наставником и поцеловал Его.

Наставник улыбался, принимая поцелуй, после чего произнёс:

— Способность любить — это такой же талант, как и все другие. Талантами наделён не каждый. Но мне кажется, ты начинаешь путать любовь и влечение. Не путай их.

— Да-да, конечно, — отозвался юный султан. — Ты любил многих, и сердца открывались Тебе в ответ. Ты просто не сближался, потому что это для Тебя не так ценно.

Мехмеду вдруг вспомнилось рассуждение из одной греческой книги, где автор уверял, что по-настоящему красивые люди почти всегда имеют гораздо меньше эротических приключений, чем можно было бы ожидать. Приключений чаще ищут и жаждут люди не очень красивые, потому что стремятся доказывать себе и другим, что могут нравиться. А вот красивые люди не стремятся доказывать ничего ни себе, ни другим. Красивые даже тяготеют чужим восхищением, которое получают каждый день в избытке, не прикладывая к этому совершенно никаких усилий. Более того — красивые стремятся стать менее заметными, но получается не всегда. От этого рождается усталость, поэтому красивый человек чаще отвергает чужие ухаживания и избегает приключений. Кто станет ценить то, что настойчиво предлагается и даже навязывается? Это казалось вполне логично. И всё же Мехмеду с трудом верилось, что Учитель не так опытен, как кажется.

Часть VII Другой

Огромную равнину, простиравшуюся справа и слева от дороги, заволокло серой туманной дымкой. Небо опять закрылось облаками. Наверное, поэтому трава на пастбищах казалась серой, овцы — тоже серыми, и даже сухие листья деревьев, иногда встречавшихся на обочине, выглядели серыми.

Мехмед проезжал этим путём много раз, поэтому знал, что весной и летом здесь всё зелено, а небо ясное. Ранней осенью эти пастбища и деревца желтели, а небо бледнело. Зимой же становилось, как сейчас. Лишь иногда, если выпадал снег, равнина делалась ослепительно белой, но сейчас ничто не предвещало снегопада. Юному султану предстояло ехать по этой серой туманной местности, пока впереди не покажутся мазанки, из которых состоял пригород турецкой столицы. Как тоскливо!

Впрочем, тоскливое чувство появилось у Мехмеда не только из-за того, что он видел вокруг. Даже если б равнина вдруг проросла цветами, юный султан всё равно казался бы себе несчастным. Не так давно он решил, что теперь его должны окружать лишь те люди, которые его любят. «Всех любящих, которых отдалили от меня, я возвращу», — объявил Мехмед, когда находился в Балыкесире, но лишь теперь задался мучительным вопросом: «Что делать с теми, кто по-прежнему любят меня, а я их больше не люблю?»

Недалеко от столицы, в Дидимотике, по-прежнему жила Гюльбахар-хатун с маленьким Баязидом. Конечно, Мехмед не собирался оставлять свою супругу и сына там. Их следовало привезти в Эдирне, чтобы старшая жена нового правителя и малолетний наследник престола заняли подобающее место при дворе.

Мехмед собирался окружить их таким почётом, которого они никогда не видели. Но ведь не об этом мечтала Гюльбахар! Она, узнав о переезде в Эдирне, обрадуется не своему возвышению, а тому, что теперь сможет быть рядом с мужем, жить с ним после трёх с половиной лет вынужденной разлуки. Как же огорчится Гюльбахар, поняв, что муж больше не хочет проводить с ней ночи! Она прольёт много слёз, поняв, что он охладел к ней.

Её первое имя — Эмине — происходило от слова, означавшего человека верного и того, кто сам верит. Она была именно такой и, наверное, поэтому казалась простодушной!

Когда она осиротела, а Мехмед оставил её при себе и обещал, что женится, эта девушка прожила в воинском лагере целый месяц, не получая никаких подарков в подтверждение обещаний, и всё же верила словам жениха, ни разу не усомнилась.

Албанский город, который осаждала турецкая армия в том походе, не был взят, поэтому добычи никому не досталось. Мехмед не смог дать своей невесте платья и украшения, которые надеялся найти в городе, но она не огорчилась. Во время похода она ни разу не выглядела огорчённой с того времени, как сделалась невестой.

Лишь тогда, когда войско, возвращавшееся домой, остановилось возле крепости, где девушка ещё недавно жила с отцом, Эмине как-то странно посмотрела на стены с башнями, а затем заплакала.

— Почему ты плачешь? — спросил тогда Мехмед. — Тебе жалко уезжать из родных мест?

— Нет, мой господин, — ответила девушка. — Я с радостью поеду туда, куда ты меня повезёшь.

— Тогда почему же ты плачешь?

— Потому что вспомнила, что здесь мне не с кем прощаться. Мои родители умерли. Я могу прощаться только с этими стенами, которые давали мне приют. И с очагом, на котором готовила пищу. И с колодцем, из которого носила воду, — она вдруг спохватилась. — Господин, в этой крепости у меня есть красивое платье, которое досталось мне от матери. Я могла бы надеть его, чтобы показаться тебе.

Свою невесту Мехмед в крепость не пустил, а отправил туда своих слуг, чтобы они взяли вещи Эмине, и та, наконец, смогла бы переодеться в женскую одежду.

Платье оказалось из зелёного шёлка. Было видно, что оно сшито давно, но его редко надевали. Зелёный цвет очень шёл к карим глазам девушки, но казалось как-то непривычно, что войлочная шапка на её голове исчезла, и лицо теперь обрамлено белым платком. Две косы, спускавшиеся из-под платка и доходившие до пояса, тоже казались чем-то новым, словно это не настоящие косы, а накладные.

Мехмед смотрел и удивлялся, насколько разной может быть его невеста.

— Господин, тебе нравится моё платье? — спросила она, а Мехмед ответил:

— Да, очень красиво, — потому что вдруг сообразил, что если ответит иначе, Эмине больше никогда не наденет этого платья, а ведь оно у неё, судя по всему, было любимое.

Когда Эмине приехала в Манису и стала называться Гюльбахар, то, конечно, получила много новых платьев, но всё равно не оставила привычку спрашивать, нравится ли её господину, как она одета. Правда, в этих вопросах не было лукавства. Задавая их, Эмине-Гюльбахар не преследовала никакой тайной цели.

Другое дело — Гюльшах, вторая жена, или Мюкриме, третья жена. Им было не больше лет, чем Гюльбахар, но эти две в отличие от первой жены успели где-то научиться особым уловкам. Своими вопросами эти жёны всё время пыталась заставить своего мужа сделать то или это. Каждый вопрос — будто ловушка.

— Тебе нравится моё платье? — спрашивала одна или другая, принимая Мехмеда в своих покоях.

— Да, — нехотя отвечал он.

— А тебе нравится, как я украсила себе волосы цветами?

— Да, — опять же нехотя отвечал Мехмед.

— Тогда почему ты не хочешь меня поцеловать?

В ответ на такие глупые уловки Мехмед очень скоро начинал раздражаться и говорить, что ему не требуются напоминания, чтобы целовать жён:

— Если я захочу тебя поцеловать, то, уж поверь, не забуду этого сделать. А раз так, то перестань меня спрашивать.

Эти слова заставляли и вторую, и третью жену плакать, но слезы были какие-то притворные.

Гюльбахар плакала совсем не притворно, когда Мехмед навещал её в Дидимотике три года назад. Юный султан до сих пор помнил, как приехал в первый раз, и жена бежала к нему по дорожке увядающего осеннего сада — бежала, а в глазах были слёзы то ли от тоски, то ли от счастья. Гюльбахар и в последующие его приезды мчалась к нему со всех ног — так быстро, что кончики её длинных кос порхали у неё за спиной.

— Господин, любимый мой господин, — повторяла она по-турецки, когда он обнимал её.

— Как ты живёшь здесь, моя Гюльбахар? — спрашивал Мехмед.

— У меня всё хорошо. Твой сын здоров, — отвечала она и плакала.

Казалось бы, не из-за чего плакать. В Дидимотике ей оказывали уважение и содержали достойно. У Гюльбахар были просторные удобные покои, красивые наряды, вкусная еда. Маленький сын тоже ни в чём не нуждался. У него даже появилась собственная прислуга: прачка, которая стирала его пелёнки, и заботливая нянька, которая пела ему песни, а позднее — рассказывала сказки.

И всё же Гюльбахар плакала. В Манисе она была гораздо счастливее, несмотря на то, что часто слышала от матери Мехмеда пугающие слова:

— Великий султан разгневется на тебя.

Гюльбахар была счастлива даже в военном лагере в Албании, пусть и не имела тогда ничего, кроме устного обещания от Мехмеда. А вот в Дидимотике тосковала и ждала того дня, когда сможет поехать к мужу.

Мехмед тоже поначалу тосковал, затем начал успокаиваться, а в последний год и вовсе не жалел, что Гюльбахар живёт далеко. В последний год в сердце Мехмеда начала всё больше расти любовь к Учителю и стремление принадлежать Этому Человеку целиком и полностью.

Мехмед почти забыл о Гюльбахар, но теперь, направляясь в Эдирне, чтобы взойти на трон, всё чаще задумывался: «Как же я объясню ей, что она провела три с половиной года в ожидании напрасно? Как же объясню, что уже не стану проводить с ней ночи? Наверное, придётся что-нибудь придумать. Скажу, что согласно обычаю у султана или принца может быть не больше одного ребёнка от каждой из жён. Скажу, что после того, как жена

забеременеет и родит, муж уже не должен касаться её».

В действительности обычая не было. Так получалось само, и не только в семье султана, но и в случае с другими сановниками, имевшими большой гарем. Даже самая любимая жена, забеременев, невольно оказывалась удалена от мужа, а пока она носила ребёнка и выжидала положенные сорок дней после родов, чтобы очиститься, в сердце мужа успевала поселиться новая любовь. Конечно, случалось, что муж проявлял постоянство, то есть возвращался к любимой после того, как она оказывалась способной снова принять его, но Мехмед не собирался говорить об этом Гюльбахар: «Велю гаремным слугам, чтобы подтвердили мои слова на счёт обычая, если она спросит. Возможно, так ей будет легче смириться, что я стал другим».

* * *

Мехмеда одолевала грусть, и поэтому его немного раздражала весёлость Заганоса-паши, ехавшего рядом по правую руку. «Что заставляет визира так радоваться? — думал юный султан. — Обещанная высокая должность? Или предстоящее свидание с Шехабеждином-пашой? А может, то и другое?» Наверное, вторая причина всё-таки была весомее. Об этом говорило особое мечтательное выражение, порой проскальзывавшее на лице визира, и особая улыбка, которую тот пытался скрыть, делая вид, что оглаживает бороду.

Заганос, конечно, тоже посматривал на господина, поэтому видел, что Мехмед мрачен. Судя по всему, визир догадывался, что причина этой мрачности такая, о которой не поговоришь на людях. Вот почему он не пытался расспросить своего повелителя, а скрывал собственное настроение. И всё же скрывать получалось плохо. А может, он и не слишком старался?

Помнится, пять лет назад Шехабедин тоже не слишком тщательно скрывал. Его заговорщическая полуулыбка говорила о многом. Правда, правильно истолковать её могли немногие.

Мехмед теперь мог и потому представлял, что евнух, ожидающий во дворце, не находит себе места от волнения. Казалось, что как только Шехабедин увидит Заганоса, то весь засияет и при первом же удобном случае начнёт целоваться с ним где-нибудь за углом или за ширмой, шепча: «Любовь моя, ты вернулся ко мне», — и слыша в ответ: «Мой сердечный друг, как я скучал!»

Мехмед поймал себя на мысли, что считает подобное поведение непристойным: «Сколько Заганосу лет? Он же ровесник моего отца. А Шехабедину? Он не намного младше. А ведут себя, как влюблённые дети! Пора бы научиться владеть своими чувствами, не выставлять их напоказ».

Подобные рассуждения скорее подошли бы великому визирю Халилу-паше, а не Мехмеду. Юный султан понимал это, и потому не сделал Заганосу замечание. Заганос был

не виноват — виной всему являлось плохое настроение. Это из-за него появлялось недовольство чужим счастьем.

Вдруг впереди на дороге, полускрытой туманом, появилось тёмное пятнышко. Оно быстро росло, и вот уже стало всадником, который мчался к Мехмеду и его свите во весь дух. Всадник являлся одним из людей Заганоса-паши, посланным разузнать, что делается впереди.

Вот этот слуга чуть придержал коня, перешёл с галопа на рысь, а затем, подъехав к юному султану и своему господину, с поклоном произнёс:

— Там впереди очень большая толпа. Знатные и незнатные, богатые и бедные. Они говорят, что вышли встречать своего повелителя.

Очень скоро впереди на дороге даже сквозь туман стало видно, что толпа встречающих действительно огромна. Поначалу она казалась просто серой полоской на горизонте. Затем стала отчётливее. Вот послышались приветственные крики. А ещё через несколько минут Мехмед обнаружил, что справа и слева на обочине выстроилась бесконечная череда людей, которые улыбаются, воздевают руки к небу, славят Аллаха и нового правителя, дарованного Аллахом.

Так Мехмед проехал некоторое расстояние, а затем на дороге ему встретились отцовские сановники, чьи лица он смутно помнил, хоть и не помнил имён. Последний раз он видел этих людей год назад.

Сановники, сопровождаемые слугами, возгласили:

— Повелитель, да продлит Аллах твои дни! — а затем на лицах появилась скорбь, эти люди начали охать и стенать, воздевая руки.

— Почему вы опечалены и почему встречаете меня на дороге? — спросил Мехмед, хоть и знал ответ. Согласно мусульманской традиции, не следовало выражать соболезнования в доме покойного. Значит, сановники могли выразить свою печаль о кончине прежнего султана только здесь, на дороге, пока сын покойного не прибыл во дворец, то есть в дом.

— Мы принесли тебе печальную весть, повелитель, — отвечали сановники. — Твой великий отец, да простит его Аллах, скончался. Пусть уравнивается это горе большим счастьем, которое ниспошлётся тебе, — они снова принялись охать и причитать, а Мехмеду следовало присоединиться к ним.

Юный султан всё-таки заставил себя тоже воздеть руки, но произнёс:

— Воистину, мне не о чем скорбеть, ибо мой отец удостоится рая! Кто станет скорбеть о том, что его отец обрёл блаженство!

Стенания утихли, а затем Мехмед спросил:

— Вы уже начали готовиться к похоронам?

— Тело твоего отца обмыто, завёрнуто в саван и положено в гроб, повелитель, — последовал ответ. — Молитвы, которые нужно прочитать над телом, прочитаны.

Получалось, что Халил-паша лишь формально выполнил повеление нового султана, не желавшего участвовать в приготовлениях к погребению. Великий визир мог бы и догадаться, что Мехмед захочет избежать показного проявления скорби. Пускай бы нового правителя встретили лишь радостными возгласами, а не печальной вестью, но Халил нарочно послал на дорогу стенающих сановников, чтобы Мехмед вместе с ними вынужденно скорбел об отце.

Великий визир, конечно, не подумал, что слова о рае могут избавить от необходимости скорбеть прилюдно, а юный султан был доволен, что опять не позволил помыкать собой.

«Я обхитрил тебя, Халил» — подумал он, а сановники тем временем сели на коней, ожидавших чуть в стороне от дороги, и присоединились к свите. Путь продолжился, и вот снова Мехмед стал слышать радостные крики и славословия.

Затем в туманной дымке показались крепостные стены Эдирне с островерхими башнями. Теперь люди, приветствовавшие юного правителя, стояли не вдоль обочин широкого тракта, а вдоль улицы пригорода.

Мехмед въехал в городские ворота и, несмотря на то, что ему уступали дорогу, почувствовал, как тесно стало вокруг от собравшегося народа. Все выражали новому правителю свою любовь, поэтому Мехмед невольно усмехнулся: «Где же вы были шесть с половиной лет назад, когда я восходил на трон в первый раз? Никто не встречал меня так, когда я по велению отца прибыл из Манисы». Юный султан также вспомнил своё недавнее обещание окружить себя лишь любящими людьми: «Теперь многие начнут притворяться, что любят меня», — подумал он.

Главные ворота дворца были гостеприимно распахнуты. Стража с копьями, охранявшая вход, расступилась, а под ногами Мехмедова коня теперь была не утопанная земля, а ковры. Юный султан вместе со своей свитой и сановниками, посланными навстречу, оказался во дворе, после чего увидел Халила-пашу и остальных придворных, выстроившихся перед дверями главного павильона.

Заганос-паша, всё так же ехавший по правую руку, начал напряжённо всматриваться в толпу, но вдруг улыбнулся и сразу преисполнился счастливым спокойствием. Значит, нашёл того, кого искал.

Мехмед вдруг подумал, что предоставляется хорошая возможность нарушить ход торжественной встречи, устроенной Халилом. Юный султан сделал знак Заганосу преклонить ухо и произнёс:

- Передай через своих слуг, чтобы Шехабеддин-паша сейчас подошёл ко мне.
- После того, как ты войдёшь во дворец и сядешь на трон? — не понял Заганос.
- Нет, прямо сейчас, — сказал новый правитель.

Вот слуги помогли ему спешиться, после чего Мехмед, оставив возле ворот всю свою свиту, кроме Заганоса, очень медленно и степенно пошёл к главным дверям, навстречу

Халилу-паше. Великий визир тоже двинулся навстречу новому хозяину дворца, поэтому оказался весьма смущён и озадачен, когда от толпы встречающих вдруг отделился Шехабеддин-паша. Обогнав великого визира, евнух быстро и уверенно приблизился к юному султану.

За минувшие годы евнух не сильно изменился. Он зря жаловался Заганосу в том давнем письме, что состарился. Конечно, черты лица немного огрубели, как это бывает с возрастом, но в его волосах, которые всё также спускались до плеч волнистыми прядями, не было седины. Возможно, Шехабеддин чем-то их подкрашивал, но пряди оставались тёмными, а сам он — красивым.

Мехмед улыбнулся и протянул руку, которую Шехабеддин поцеловал, согнувшись в пояском поклоне.

— Я рад тебя видеть, мой верный слуга, — произнёс юный султан.

— Я счастлив, что ты помнишь меня, повелитель, — ответил евнух.

— Я не только помню тебя, но и осведомлён о твоих делах, — продолжал Мехмед. — И я полагаю, что ты достоин прежней должности, которую занимал ещё четыре года назад. С этой минуты ты — начальник над белыми евнухами.

— Благодарю, повелитель, — прозвучало в ответ.

Эту должность — должность начальника личных слуг султана — Шехабеддин занимал, когда Мехмед был султаном в первый раз, но стоило Мехмеду потерять власть, как евнуха сместили. Теперь же султан вернул всё к прежнему состоянию и был уверен, что не пожалеет.

Главный белый евнух имел множество обязанностей, но главная обязанность была только одна — следить, чтобы султан чувствовал себя султаном, то есть в быту делал лишь то, что хочет. Обычным людям часто приходится насыщаться невкусной пищей, носить одежду, которая не нравится, и говорить с теми, с кем говорить не хочется. Султан благодаря главному белому евнуху мог оградить себя от этого, и даже четыре года назад, когда Мехмед чувствовал, что находится под властью Халила, Шехабеддин всё время пытался что-то придумать, чтобы исполнить тайные желания юного господина. Например, привёл к нему дервиша-поэта.

Начальнику белых евнухов полагалось изучить привычки и вкусы своего повелителя, а также следить за его отношениями с другими людьми, чтобы с ходу решать, что предлагать повелителю, и кого к нему допускать, но Шехабеддин давно всё изучил!

«Я бы назначил этого евнуха на прежнюю должность даже без напоминания со стороны Заганоса», — думал Мехмед, а Шехабеддин-паша меж тем занял место позади своего господина, с левой стороны, скромно потупился и даже не взглянул на «друга», который находился рядом, справа.

Для кокетливых улыбок время сейчас было явно неподходящее, но Заганос всё равно

остался доволен. Пара, которая вечно сопровождала Мехмеда во время первого правления, воссоединилась.

«Вот теперь всё, как нужно», — подумал юный султан, а затем направился в тронный зал.

Халил-паша и остальные визиры, раньше служившие отцу Мехмеда, теперь смутились ещё больше. Они уже не осмелились идти навстречу юному султану, сомневаясь, что будут встречены так же любезно, как Шехабеддин. Если бы новый хозяин дворца хотел проявить милость, то поприветствовал бы их первыми, а он предпочёл обратить первое приветствие к человеку, занимавшему при дворе второстепенную должность.

Неудивительно, что визиры просто расступились, давая дорогу новому правителю, а затем нерешительно двинулись следом. Оказавшись в тронном зале, они остановились почти у самых дверей. Остальные сановники так же не решались идти дальше, чем визиры, а султан, будто не замечая ничего, взошёл на трон и уселся.

Заганос и Шехабеддин встали справа и слева от трона, и лишь тогда Мехмед громко спросил их:

— Почему визиры моего отца стоят в отдалении?

— Я полагаю, они ожидают твоего решения, повелитель, — скромно заметил Шехабеддин. — Ты волен оставить их на прежних постах, дать им новые должности или удалить от двора.

— Тогда иди и передай Халилу-паше, что он остаётся великим визиром. Пусть приблизится и сядет на своё место, — повелел евноху Мехмед, добавив: — Остальные пусть тоже приблизятся. Сейчас я распределю должности между ними.

Заганос напрягся. Юный султан, даже не глядя на него, почувствовал это, и потому обернулся вправо, ободряюще взглянул на своего верного слугу:

— Я помню о своём обещании. Вторым визиром будешь ты.

* * *

Андреас не мог отделаться от предчувствия, что скоро всё закончится. «Мехмед уже взрослый. И он — правитель, — думал грек. — Он всё ещё любит меня, и это единственная причина, почему он до сих пор остаётся учеником. Для взрослого человека, который созрел не только телом, но и умом, бывает непросто кому-то подчиниться. А правитель, подчиняясь кому-то, делает над собой ещё большее усилие. Скоро настанет день, когда Мехмед не захочет больше подчиняться, и тогда обучение закончится, мне придётся уйти».

Эта мысль не вызывала сожаления, поскольку Андреас, оглядываясь на минувшие годы, видел, что успел пройти с учеником много, очень много. Можно сказать, что Мехмед получил высшее образование по греческому образцу.

«Эллинской наукой» юный султан овладел, поскольку изучил семь из восьми предметов этой науки. С Андреасом он изучил грамматику, риторику, логику и даже поэтику. С другими учителями — арифметику, геометрию и астрономию. Восьмой предмет — музыку — Мехмед не изучал, но грек не считал это большим упущением. На музыку можно было махнуть рукой и признать ученика образованным.

За минувшие годы оказались прочтены Гомер, Эсхил, Софокл, Еврипид, Аристофан, весь Платон и не только это. Конечно, если бы Мехмед учился в высшей школе в Константинополе, то оказался бы вынужден прочесть ещё и сочинения отцов церкви вроде Златоуста, но мусульманину это читать не полагалось, а Андреас даже радовался, что отклонение от списка обязательных книг позволило уделить больше времени эллинским текстам.

«Образование моего ученика завершено, — думал грек. — Пока есть время, почитаю с ним Геродота, но мы вряд ли успеем закончить».

Наверное, сам Мехмед тоже чувствовал перемены, но не хотел замечать. Во время ночных бесед, которые учитель и ученик вели на ложе, устав от утех, юный султан всё время говорил о будущем — иногда об очень далёком.

— Учитель, — однажды спросил он, заглядывая в глаза, — как ты думаешь, прославится ли наша любовь? Окажутся ли наши имена рядом на страницах книг?

— Не знаю, — ответил Андреас. — Сократ, когда учил Алкивиада, вряд ли думал, что их история запомнится. Однако она осталась в веках.

— Учитель, но разве ты не хочешь, чтобы и нас запомнили?

— От нас это почти не зависит. На всё воля случая. Знаю одно — я учил тебя не ради своей славы.

Услышав это, Мехмед горячо поцеловал Андреаса, а грек в очередной раз подумал, что обстоятельства меняются. Ученик незаметно для себя всё чаще действует на ложе так, как будто сам хочет овладеть учителем. Это означает, что подчиняться юный султан хочет всё меньше и меньше.

Пока что Андреаса выручало наличие опыта в соитии. Мехмед оставался неопытным, поэтому присматривался и учился вместо того, чтобы действовать, но ведь он усваивал всё очень быстро. Увы, он и в этой науке оказался весьма способным. Казалось, недалёк тот день, когда учителю будет нечем удивить ученика, и тогда ученик, заскучав, сказал бы: «Я хочу получить от тебя ещё один урок. Хочу сам проникнуть в тебя, а ты скажешь, хорошо ли у меня получается». Увы, учитель не мог этого позволить, потому что перестал бы быть учителем. Последовал бы долгий и неприятный разговор.

Андреас не хотел даже начинать подобную беседу и надеялся, что она не понадобится. Ученик мог и сам понять, что пора просто расстаться, но поведение Мехмеда не внушало надежды на безболезненное расставание.

— Ах, учитель! — сказал юный султан, лёжа в объятиях наставника. — Как я счастлив! Так счастлив, что если бы мне предложили сейчас отправиться в рай, но при этом покинуть тебя, я бы отказался. Я бы ответил, что в раю мне не будет лучше, чем здесь, с тобой.

Грек ничего не ответил, лишь вздохнул и поцеловал ученика в шею, чтобы скрыть выражение своего лица.

Мехмед всё равно забеспокоился, сжал ладонями голову Андреаса, сделал так, чтобы оказаться с учителем глаза в глаза:

— Почему тебя печалят мои слова? Почему? Ты вспомнил о своей вере?

— И о твоей, — ответил грек.

— Учитель, я не верю, что мы попадём в ад из-за того, что совершаем, — сказал Мехмед. — Неужели, ты веришь?

Отношения с Богом у Андреаса всегда были сложные. Грек считал себя христианином, но вместе с тем отказывался верить, что после смерти обречён на страдания: «Я стремлюсь служить добру, но по-своему, — говорил он себе. — Я стремлюсь делать своих учеников лучше, чем они были до встречи со мной. И у меня получается. Это не я говорю, а люди, которые видят моих учеников. Неужели, моё стремление сделать учеников лучше не зачтётся мне?» Но главное, что помогало Андреасу без страха думать о посмертии, это собственные представления о том, что является счастьем в потустороннем мире: «Я иду той же дорогой, которой шёл Сократ и, куда бы ни пришёл этот великий человек, я надеюсь оказаться там же. Если после моей смерти мы с ним встретимся, я сочту себя удачливым, где бы ни состоялась встреча».

Правда, Андреаса весьма смущало то обстоятельство, что Сократа наряду с Платоном и Аристотелем иногда изображали на стенах церквей как праведников, которые не стали христианами лишь потому, что жили до Христа. Некоторые священники даже уверяли, что Христос, когда воскрес и спустился в ад, вывел оттуда всех троих философов вместе с праведниками, упомянутыми в Ветхом Завете.

Слушая эти рассказы, Андреас не знал, что и думать: «Если Сократу так повезло, то мне тоже нужно стремиться попасть в рай. Но было бы весьма досадно оказаться в раю и обнаружить, что Сократа там нет, как нет и Платона. Ах, если бы знать наверняка, где они!» Но, увы, приходилось полагаться на собственное чутьё и везение.

Это Андреас объяснил Мехмеду, на что ученик, мечтательно вздохнув, сказал:

— А я желаю после смерти оказаться там, где ты. Где бы то ни было. Это место станет для меня раем.

Грек покачал головой:

— Жизнь длинная, мой мальчик. У тебя годы впереди, чтобы подумать. Возможно, твоё мнение изменится.

— Нет, никогда, — ответил Мехмед, крепко обняв учителя.

Ученик стал взрослым, но оставался ещё таким неопытным! Он верил в вечную любовь. Как же не хотелось Андреасу, чтобы Мехмед потерял эту веру! Учитель завидовал ученику, потому что и сам хотел бы верить. Грек хотел забыть, как прощался с теми, кого любил. Расставание — это грустно, а иногда трудно и даже больно, но оно — вещь неизбежная, увы.

* * *

Евнухи своим поведением могут быть весьма похожи на женщин — Мехмед не раз слышал подобное мнение, но не был согласен. Как-то так получалось, что евнухи в его окружении имели вполне мужественный вид и повадки. Мехмед привык к этому, так что теперь весьма удивился, глядя на то, как говорит и смотрит Шехабеддин-паша. «А ведь и впрямь, как женщина», — подумал юный султан.

Это открытие совершилось в середине дня, когда он в полном уединении обедал в своих покоях. Поначалу Мехмед хотел пригласить Учителя разделить трапезу, но Шехабеддин попросил этого не делать, сказав, что объяснит причину после. Юный султан согласился, но причину пока так и не узнал — лишь наблюдал за евнухом и удивлялся.

Отослав всех слуг, которые прислуживали правителю за трапезой, евнух сам подал Мехмеду блюдо с пловом, а затем сел на пятки возле скатерти, на которой стояли остальные яства, и начал восхищённо смотреть, как султан ест.

Евнух сложил руки на коленях, чуть склонил голову на бок и, глядя на господина, рассеянно улыбался. Ну, совсем как мать, которая смотрит на своего взрослого сына!

Сходство евнуха с женщиной ещё увеличилось, когда Шехабеддин всплеснул руками и умилённо произнёс:

— Ах, мой повелитель! Как ты повзрослел! Совсем мужчина и внешне, и в обращении. Как радостно мне видеть это! Будь у меня сын, он не принёс бы мне больше радости, чем принёс ты, когда позволил заботиться о тебе.

Эта лесть показалась Мехмеду одновременно и приятной, и неприятной:

— Тебе что-то нужно от меня, Шехабеддин-паша?

— И да, и нет, мой повелитель, — ответил евнух, сохраняя восхищённый взгляд. — Позволь мне ещё раз сказать, что ты очень умно вёл себя с визирами, когда раздавал им должности. Благодаря твоей дальновидности Халил-паша остался один, у него нет союзников. Это очень умно!

Юный султан не хотел поддаваться лести. Прожевав очередную ложку плова, он спокойно произнёс:

— Мои решения не могли бы состояться, если бы я не получал хорошие советы. Распределение должностей я обсудил с Заганосом-пашой по дороге из Гелиболу сюда. Благодаря письмам, которые ты слал ему в течение четырёх лет, Заганос-паша был очень хорошо осведомлён обо всех придворных делах, хоть и жил вдали от столицы. Благодаря

твоим письмам Заганос-паша знал, с кем больше всего дружен Халил, а с кем — не очень. Мои разумные решения не могли бы состояться без Заганоса-паши и без тебя.

Шехабеддину-паше следовало истолковать такой ответ как желание Мехмеда проявить скромность, но евнух воспринял это как ответную лесть:

— Благодарю, мой повелитель. Я рад, что сумел принести тебе пользу. И сейчас, если мне будет позволено, я также хотел бы оказаться полезным.

— В чём именно?

— В том, чтобы удержать твоё преимущество. Ты разлучил Халила-пашу с его главным союзником Исхаком-пашой, но нельзя позволить, чтобы они снова договорились.

— А зачем им договариваться? — удивился Мехмед. — Исхак-паша захочет сделать это, только если буде недоволен, но он доволен, потому что поучил от меня высокую должность.

Шехабеддин всё продолжал восхищаться решениями своего господина, то теперь это звучало искренней:

— Да-да. Я сам видел, как Исхак-паша был доволен, услышав твоё решение. Главный начальник над всеми войсками в Азии — очень удачное назначение. Пускай едет отсюда в Азию и больше не ходит в гости к Халилу, и не говорит с ним. А переписываться эти двое вряд ли станут, ведь то, о чём они могли говорить в доме Халила, опасно доверять бумаге.

— Значит, нам нечего опасаться, — подытожил Мехмед, но евнух тут же возразил:

— Увы, я не могу сказать так о себе. Я опасаясь, что Исхак-паша совершит глупость, если Халил станет склонять его к этому. Я опасаясь, что Халил отправит Исхаку тайное письмо, где будет говорить о тебе дерзкие слова, а Исхак не удержится и ответит, даже понимая всю опасность этого шага. Он поступит глупо, но нам это всё равно повредит.

Мехмед покачал головой:

— Как можно уберечь кого-то от глупости? От неё не убережёшь.

— Можно попробовать, мой повелитель, — вкрадчиво проговорил евнух.

— Как?

— Думаю, Исхак-паша станет по-настоящему предан тебе, если оказать ему ещё одну милость. Отдай ему Алиме-хатун в жёны.

И опять в евнухе проявилось сходство с женщиной. Только что была заботливая мать, а теперь ещё и сваха! Из-за этих мыслей Мехмед не сразу сообразил, кого собрался Шехабеддин выдать замуж.

— погоди, — нахмурился юный султан. — Ты говоришь про ту Алиме-хатун, которая была женой моего отца?

— Да, повелитель, — поклонился евнух. — Она принесёт нам пользу, если будет жить в гареме Исхака-паши, а не в здешнем гареме.

Мехмед преисполнился недоумения:

— Но ведь у неё на руках младенец, маленький Ахмед. Пусть он — мой брат, но она не оставит его мне. Получается, я должен отдать своего брата на попечение Исхаку-паше? Не слишком ли большая честь?

— Конечно, отдавать не следует, — поспешно согласился евнух: — Мы устроим брак Алиме-хатун с Исхаком-пашой лишь после того, как твой брат умрёт, а этого можно ожидать скоро. Маленький Ахмед оказался зачат тогда, когда здоровье твоего отца уже пошатнулось. Твой брат так же слаб здоровьем, как был твой отец в последние годы. Никто и не удивится, если этот ребёнок умрёт во младенчестве.

Многие при дворе удивлялись даже тому, что ребёнок появился на свет, ведь Алиме-хатун была старше матери Мехмеда и родила маленького Ахмеда в сорок лет. Чудо! Особенно для жены султана, ведь престарелый Мурат собрал довольно-таки большой гарем, где, конечно, жили женщины несравнимо моложе.

Маленький Ахмед стал вторым ребёнком Алиме-хатун, а двадцать пять лет назад она родила своего первенца, который, едва ступив в пору юности, внезапно умер.

Неожиданная смерть стала причиной того, что Мехмед, в то время одиннадцатилетний, оказался единственным наследником престола, был перевезён в Манису, впервые за многие годы увидел отца и нагрубил ему, упрекнув в невнимании, но Алиме-хатун вряд ли слышала об этом, а если и слышала, то забыла.

Она в те годы печалилась о своей потере. К тому же, будущее не предвещало этой женщине ничего значительного, ей предстояло тихо доживать в гареме, ведь возраст уже не позволял соперничать с юными наложницами.

Так она и жила — тихо и скромно, но два года назад вдруг попала на глаза своему мужу, и тот счёл её привлекательной. Алиме-хатун снова удостоилась супружеского ложа и даже забеременела. Удивительно! Спустя столько лет забвения! И так же удивительно казалось то, что эта женщина, несмотря на возраст, счастливо разродилась, а в довершение череды счастливых событий ребёнок оказался мальчиком. Его назвали Ахмед.

Когда Мехмед впервые услышал эту историю, то подумал: «Наверное, моя мать надеялась на что-то подобное. Надеялась, что мой отец однажды увидит её и снова оценит. Вот Алиме-хатун ждала-ждала и дождалась, а мать умерла, ничего не дождавшись».

Эти мысли стали лишним поводом не любить нового брата. Ни одного из своих братьев Мехмед не любил. Все они только мешали ему так или иначе, а этот маленький Ахмед одним своим существованием вызывал чувство досады.

— Что ж, подождём и увидим, сколько он проживёт, — согласился Мехмед.

— А не желает ли мой господин поторопить ход событий? — вкрадчиво спросил Шехабедин. — Ты властен над всеми в своём государстве. В том числе над своим братом и его жизнью. Если ты повелишь, его жизнь окончится.

Евнух очень хорошо изучил своего господина, поэтому не боялся говорить так. Шехабедин знал, что юный султан не разгневается и не закричит: «Как ты смеешь предлагать мне такое!?»

— Я не вижу достаточной причины отдавать повеление, — спокойно произнёс Мехмед, но разговор ему всё же не нравился. Теперь стало понятно, почему Шехабедин попросил своего господина не приглашать никого к трапезе, однако оставалось непонятным, почему евнух решил говорить о маленьком Ахмеде сам, без Заганоса-паши. Знал ли Заганос о том, что задумал Шехабедин? Юный султан был совсем не уверен в этом, и потому беседа ему не нравилась.

Мехмед положил в рот ещё одну плошку плова, но когда жевал, почти не чувствовал вкуса, потому что думал не о еде, а о том, как сохранять невозмутимость.

Меж тем евнух опять посмотрел на юного султана с восхищением:

— Ах, повелитель! У тебя такое доброе сердце! Ты позволяешь своему брату жить, несмотря на то, что этим вредишь себе.

— В чём же для меня вред? — спросил Мехмед.

— В том, что ты окажешься окружённым врагами, мой повелитель. Вот мы сейчас думаем о маленьком Ахмеде, но ведь и Халил думает, — тихо ответил Шехабедин, оглянувшись на двери, как будто боялся чужих ушей.

— Откуда ты знаешь, о чём он думает?

— Я знаю Халила, мой повелитель, — уверенно прошептал евнух. — Он думает о том, как бы сделать так, чтобы ты потерял власть. Халил ещё несколько дней назад думал, что сможет править от твоего имени, а теперь видит, что ошибся. Он хочет отстранить тебя от власти и провозгласить маленького Ахмеда наследником, чтобы самому править от его имени. Халил договорится с Исхаком-пашой, скажет ему: «Сегодня тебе дали высокий пост, а завтра отберут. Я же сделаю так, что ты сохранишь всё полученное». Халил скажет это и, чтобы Исхак-паша не сомневался, пообещает ему в жёны Алиме-хатун. Он сделает то, что собирались сделать мы, и получит выгоду, которую могли бы получить мы. Поэтому я и говорю, мой повелитель, что надо избавиться от твоего брата, пока он не принёс бед, и предложить Исхаку-паше взять в жёны Алиме-хатун, чтобы он был нашим союзником, а не союзником Халила.

— А что думает по этому поводу Заганос-паша? — спросил Мехмед, положив ложку.

— Если я скажу ему всё то, что сказал тебе, он согласится, — ответил евнух.

По всему стало видно, что Шехабедин несколько не смущён тем обстоятельством, что ведёт разговоры без ведома своего «друга».

— Почему же ты не сказал ему ничего? — спросил Мехмед.

— Тайну должны знать только те, кто отдаёт повеление или участвует в исполнении замысла, — последовал ответ. — Иначе тайна не будет тайной.

Мехмед поднялся на ноги и тем самым заставил подняться своего собеседника.

— Значит, ты думаешь, что Заганос-паша, если б был здесь, принял бы твою сторону? — спросил султан, задумчиво прохаживаясь по комнате.

— Да, повелитель, — ответил евнух и даже позволил себе лукавую полуулыбку,

похожую на те, которые Мехмед не раз видел в то время, когда был султаном в первый раз.

Шехабеддин как будто утверждал: «Даже если поначалу Заганос не согласится с моими доводами, я его уговорю. Если я не смогу убедить его так, как убеждал бы мужчина, я сделаю это так, как убеждала бы женщина».

Вот и к Мехмеду евнух решил применить женский способ, но убеждал не так, как жена убеждала бы мужа, а так, как мать убеждает сына.

— Я с тобой не согласен, — упрямо возразил юный султан. — Ты говоришь о том, что может случиться, а может и не случиться. Почему ты думаешь, что Халил с Исхаком непременно договорятся? Почему ты думаешь, что они смогут лишить меня власти? Это всё лишь вероятный ход событий. А вот если я последую твоему совету, то произойдёт нечто неизбежное. Обо мне обязательно станут говорить: «Он велел убить своего брата». Я не хочу, чтобы обо мне так говорили. И не хочу, чтобы добавляли: «Он убил брата, потому что испугался теней».

— Ах, мой повелитель, — евнух покачал головой. — Тени легко могут обрести плоть, а тебе только и останется спрашивать себя: «Когда же они успели?» Если ты замечаешь, что конь под тобой вот-вот готов выйти из повиновения, разве ты ждёшь, когда это случится? Нет. Ты заранее сжимаешь ему бока ногами и подбираешь повод покороче, чтобы конь видел, что ты не бездействуешь. Если конь это увидит, то может и отказаться от намерения сбросить тебя на землю. Так же и Халил. Когда он увидит, что мы не бездействуем, то перестанет думать о том, как бы лишить тебя власти.

— Нет, пусть мой брат живёт, — ответил Мехмед, продолжая ходить по комнате. — Опасность не так велика, как ты говоришь. А если она всё-таки появится, то я прикажу казнить Халила. Никто не осудит меня за это, а вот если я прерву жизнь своего брата, обо мне станут думать плохо мои подданные. Я не хочу.

Мехмед сам не понимал, отчего ему так важно мнение подданных, но это действительно казалось важным: «Убьёшь брата, и сколько бы благородных поступков ты после этого ни совершил, убийство не забудется».

Меж тем Шехабеддин посмотрел на юного султана уже не с восхищением, а с грустью, и даже вздохнул:

— Мой повелитель, я рад был бы сказать, что это мудрое решение, но не могу. Увы, прежние времена, когда Халил помыкал тобой, ещё не окончательно остались позади. Халил всё ещё обладает при дворе большой силой. Если ты прикажешь казнить Халила, я не уверен, что приказ будет исполнен. Вместо этого может начаться смута...

— А если я отдам повеление о моём брате, оно будет исполнено? — перебил юный султан.

— Если ты отдашь повеление в ближайшие дни, то я могу поручиться, что его исполнят, — многозначительно произнёс евнух. — Отдай повеление, и ты сохранишь свою власть, а также пресечёшь смуту, которая может начаться. И тогда о тебе скажут: «Он поступил жестоко, но сохранил мир на земле».

Мехмед подошёл к Шехабеддину и пристально посмотрел в его лицо. Оно не было лицом женщины, но в движении глаз, когда Шехабеддин скромно потупился под взглядом своего повелителя, вдруг ясно проглянуло что-то женское.

«Почему моя мать ничем не напоминала этого человека?» — с сожалением спросил себя юный султан. Мехмеду вдруг захотелось, чтобы она была, как Шехабеддин — такой же хитрой и коварной, ведь евнух проявлял эти качества не ради себя, а ради воспитанника, которого считал почти сыном. Ах, если бы мать проявила свою любовь подобным образом! Интриговала бы, стремилась добыть для сына трон. Увы, она ничего не делала! Вся её любовь ограничивалась лишь словами.

А вот евнух стремился действовать и сейчас вёл себя как мудрая мать, которая не склонна к пустой болтовне, поэтому Мехмед произнёс:

— Если ты хотел сказать ещё что-то, то говори.

Шехабеддин, ободренный этим словом, поднял взгляд и продолжал:

— Я знаю человека, который почтёт за честь выполнить твоё повеление относительно маленького Ахмеда.

— Этот человек — один из чёрных евнухов, которые служат в гареме? — спросил юный султан. — Ведь больше никто не может свободно попасть в гарем.

Шехабеддин покачал головой и ответил:

— Попасть в гарем может всякий, кого туда пустят. И мне показалось, повелитель, что ты не зря сделал меня начальником белых евнухов, ведь эти евнухи, как ты знаешь, не только прислуживают в твоих личных покоях. Они являются внешней стражей гарема. Значит, я могу сделать так, чтобы человек, который готов выполнить твоё приказание, свободно вошёл в гарем. Ни с кем из чёрных евнухов я не говорил, не просил о помощи, а помешать исполнению твоего приказа они не смогут. Чёрные евнухи безоружны, а человек, который станет выполнять твоё повеление — человек военный. Он знает, как поступать с теми, кто становится на пути.

Мехмед мысленно представил себе то, что случится, если отдать повеление. Человек, о котором говорил Шехабеддин, конечно, взял бы с собой ещё нескольких воинов, и вот Мехмед представил, будто идёт по их следу.

В коридоре неподвижно лежит один из чёрных евнухов. От него по мраморному полу растекается лужа крови, и ладони евнуха тоже в крови. Двери, ведущие в покои Алиме-хатун, выломаны. За порогом на коврах опять неподвижные тела — одна или две служанки, а вот снова евнух, уставившийся в потолок остекленевшими глазами. Из всех углов слышится женский вой и плач. Колыбель в комнате маленького Ахмеда пуста.

Воображаемая картина заставила внутренне содрогнуться; юный султан решительно произнёс:

— Я не хочу проливать кровь брата.

— Этого можно избежать, повелитель, — успокаивающе произнёс Шехабеддин. — К

примеру, смерть от утопления будет бескровная, чистая.

— Всё равно не хочу, — сказал Мехмед и оглядел комнату так, как будто находился сейчас в спальне маленького Ахмеда, а не в собственных покоях.

Шехабеддин снова вздохнул:

— Повелитель, твоя доброта может стоить тебе слишком дорого. Вспомни, из-за чего ты потерял власть в прошлый раз. Из-за того, что Халил действовал, а ты бездействовал. Не тогда тебе было ещё мало лет, и твой отец был жив. А теперь он мёртв, а ты взрослый. Не позволяй, чтобы Халил снова отобрал у тебя власть. Действуй. Ты поступишь правильно.

— Не указывай мне, — юный султан начал раздражаться. — И не лги. Ты знаешь не хуже меня, что слишком многие назовут это неправильным.

— Повелитель, когда я говорил, что ты поступишь правильно, то имел в виду другое, — поспешил оправдаться Шехабеддин: — Лучше быть правителем, которого порицают, чем изгнанником, о котором говорят хорошо. Разве нет?

Мехмед не ответил, потому что не хотел спорить об этом. Он вполне готов был поверить словам евнуха, но вдруг понял, что Шехабеддин, затеяв разговор с глазу на глаз, таился не просто от лишних ушей, а от ушей Учителя.

Евнух, конечно, знал, что Учителю убийство младенца не понравится, а ведь Учитель обладал достаточным влиянием на своего ученика, то есть мог отговорить от затеи, как бы другие советчики ни настаивали на обратном.

Мехмед теперь понял, что и сам больше всего обеспокоен неодобрением со стороны Учителя — именно Его возможное неодобрение останавливало юного султана, а не возможный ропот подданных. Наверное, следовало посвятить Учителя в тайну и попросить совета прежде, чем что-то предпринимать. Да, так и следовало поступить!

Юный султан сделал знак, означавший, что евнуху пора удалиться из комнаты:

— Пригласи слуг, — сказал юный султан. — Пусть они дальше прислуживают мне за трапезой, а ты иди и не приходи, пока я тебя не позову.

Шехабеддин поклонился и вдруг на мгновение отвернулся вправо, смахнул что-то со щеки рукавом кафтана. Это был очень узнаваемый жест — так смахивают слёзы, но Мехмед поначалу подумал, что видит притворство. Уж слишком эти слёзы казались кстати. Евнух вполне мог провести рукавом по сухой щеке, и потому Мехмед был удивлён, обнаружив, что глаза Шехабеддина по-настоящему наполнились слезами.

— У тебя в рукаве надрезанная луковица? — с лёгкой насмешкой спросил юный султан, потому что почувствовал себя неловко.

— Нет, мой повелитель, — ответил евнух, чуть приблизился и протянул правую руку вперёд.

Мехмед не удержался — ощупал рукав, желая убедиться, что под ним ничего не спрятано, и даже принялся. Никакого запаха лука или другого резкого запаха, способного

вызвать слёзы. Лишь лёгкий, почти неуловимый аромат благовоний.

Юный султан уже не мог скрыть замешательства, потому что не хотел обижать Шехабеддина, а обидел:

— Почему ты плачешь, Шехабеддин-паша? — спросил Мехмед, но не насмешливо, а участливо. Он сжал правую ладонь евнуха в своих ладонях и почувствовал, что она расслаблена. Это означало, что её обладатель полностью открыт перед собеседником. У лжеца или того, кто стремится что-то утаить, ощущалось бы напряжение.

— Ты не любишь своих верных слуг, повелитель, — грустно ответил евнух. — Ты хочешь подвергнуть себя опасности, и это твоё право. Ты волен распоряжаться собой. Но как же быть всем тем, кто последовал за тобой? Как же Заганос-паша? Как же я? — голос его дрогнул. — Неужели, ты нас совсем не любишь?

Шехабеддин опять сделался похожим на женщину. Женщины плачут именно так, когда искренне опечалены. Юный султан знал это, потому что помнил, как плакала Гюльбахар-хатун во время встреч в Дидимотике. Евнух сейчас плакал подобно Гюльбахар — без всхлипываний и рыданий. Он просто лил слёзы.

— Я не понимаю, — осторожно произнёс Мехмед. — Ты очень путано говоришь.

— Ах, мой повелитель, — произнёс евнух, стесняясь слёз, которые катились по щекам, а он поспешно смахивал их левой, свободной рукой. — Ты ведь помнишь, что у тебя есть родственник по имени Орхан? Он ищет способы получить твой трон, а пока терпит одну неудачу за другой. Орхан — изгнанник, но у него всё равно есть крыша над головой, он сыт, достойно одет, да и на ложе не одинок...

— И что же? — по-прежнему не понимал Мехмед.

— Если Халил лишит тебя власти, ты, вероятнее всего, станешь таким, как Орхан, — ответил Шехабеддин, — и если станешь, тебе будет не так уж плохо, но плохо будет всякому, кто решит следовать за тобой или служить тебе. Будет плохо Заганосу-паше, будет плохо мне. Мы, вероятнее всего, умрём.

— Откуда тебе знать?

— Семь лет назад, незадолго до того, как ты взошёл на трон, Орхан собрал армию и двинул её в сторону Эдирне, — продолжал евнух, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Я по приказу твоего отца тоже собрал армию, и Орхан оказался разбит мной. Он бежал, но его люди... О! Им пришлось испытать из чаши страданий. Тем, кто встал под знамёна Орхана и проиграл бой, было очень плохо. Я знаю, потому что сам приложил к этому руку. Те, кто решил служить Орхану, сполна расплатились за его неудачу.

Мехмед, всё ещё сжимавший руку собеседника, почувствовал в ней дрожь, а Шехабеддин, поняв, что господин это чувствует, вдруг высвободил руку. Наверное, евнух стыдился того, что не смог сохранить спокойствие. Его речь стала прерывистой.

— Мой господин, делаешь так, чтобы похожая участь постигла Заганоса-пашу. И меня, и прочих людей, которые доверились тебе и последовали за тобой. Если ты лишишься власти, мы пострадаем куда больше тебя. Ты жалеешь брата, но не жалеешь своих верных

слуг. Ты обрекаешь нас на страдания и смерть. Как же мне не печалиться! — голос евнуха дрогнул. — Неужели, мы с Заганосом-пашой ждали четыре долгих года лишь затем, чтобы страдать и умереть?

Шехабеддин вдруг упал на колени перед повелителем, закрыл лицо и зарыдал так горько, безутешно, что это не могло быть притворством:

— Повелитель, ты не понимаешь, на что обрекаешь своих слуг. Я не хочу этого, не хочу. Мне страшно, повелитель. Халил — жестокий человек. Он никого не пощадит.

— Ты боишься за Заганоса-пашу?

— Я не хочу видеть, как прольётся кровь правоверных, — теперь евнух сам хотел поймать руку повелителя, но Мехмед оттолкнул его от себя:

— Не хочешь? Но ты не боялся проливать эту кровь в войне с Орханом. И не боялся убивать. А теперь боишься, что кто-то поступит так же с тобой? — подобный страх совсем не вызывал уважения.

Шехабеддин упал ниц на ковры:

— Я боялся, повелитель. Боялся, но выполнял повеление. Я — евнух, повелитель. Наверное, тебе никогда не объясняли, что это значит?

— И что же? — гневно спросил Мехмед.

— Я боюсь любого острого предмета, — проговорил евнух. — Боюсь оружия в чужих руках. Я и сам избегаю брать в руки что-либо острое, но приходилось.

— Ты убивал людей, пленённых в битве с Орханом?

— Да. И со страхом вспоминаю это, потому что вспоминаю и другую похожую войну. Ах, повелитель, ты хочешь, чтобы началась смута, и чтобы правоверные опять воевали с правоверными, но это очень плохо. Из-за таких войн многие правоверные становятся несчастными. И я стал.

— Ты опять говоришь непонятно.

— Тридцать лет назад я был свидетелем войны между правоверными. Они убивали друг друга, хоть это и запрещено. Мой отец тоже оказался убит, а мою мать, моих сестёр, братьев и меня самого захватили в плен и продали в рабство. Правоверных запрещено продавать в рабство, но это было сделано. Правоверных запрещено превращать в евнухов, но это было сделано со мной и с моими братьями. Зачем нам такая война, повелитель? Зачем? — евнух говорил, не поднимая головы, поэтому не видел, что юный повелитель теперь не разочарован, а заинтересован.

Евнух никогда не рассказывал того, что рассказывал сейчас, а ведь Мехмед хотел услышать этот рассказ уже очень давно.

— Что стало с твоими братьями? — спросил юный султан и снова был участлив, но евнух даже не поднял взгляда:

— Они не перенесли оскотления, умерли вскоре. Выжил я один. Помню, мать, зная, что со мной собираются сделать, успокаивала меня: «С тобой всё будет хорошо. Ничего не бойся». Но я всё равно боялся! Хвала Аллаху, ты никогда не изведаеть подобного страха, повелитель, — продолжал Шехабеддин, всхлипывая. — Когда воин получает рану на поле боя, это ощущается совсем не так. Воин знает, что сможет гордиться шрамом, а вот евнух не

гордится своим особым увечьем. Шрамы делают воина храбрее, но евнух, лишившись мужественности, храбрее не становится и боится новых страданий.

— Сколько тебе было лет?

— Почти тринадцать. Я понимал, чего лишаюсь, а когда режут мальчику, который всё понимает... В те минуты, когда ему режут, мальчик чувствует, что нет предела ужасу и страданию, и это чувство сохраняется в нём навсегда. Люди часто говорят: «Хуже быть не может». А вот евнух думает иначе. Он думает: «Всегда может быть хуже. Как бы ни было плохо, всегда может быть ещё хуже. Чаша страданий бездонна». Это очень тягостные мысли, повелитель.

Мехмед молча слушал, а евнух продолжал, по-прежнему вперив взгляд в узоры на коврах:

— А ещё я помню себя прежнего. Помню, как думал, что согласился бы со всякой иной участью: «Пусть отрежут руку, пусть изуродуют лицо, пусть даже убьют». Наверное, так думает всякий мальчик, которого делают евнухом. А позднее, когда мальчик уже евнух, он меняется. Он уже не согласен лишиться руки, стать уродом или умереть. Мальчик начинает беречь своё тело от всех возможных ран, недугов и даже стремится уберечь себя от старости, как будто надеется этой бережливостью уравновесить невосполнимую потерю. Я боюсь многого, а особенно боюсь, когда правоверные начинают убивать правоверных.

«А я думал, евнухи смелые», — думал Мехмед. Он где-то слышал или читал, что этим людям придаёт смелости сознание собственной обречённости. У евнухов не может быть потомков, и значит, нет будущего, а человек без будущего склонен к отчаянным поступкам. Он не дорожит ни богатством, ни знатностью, ни даже жизнью. Однако теперь получалось, что евнухи по некоей странной причине ценят свою жизнь даже больше, чем обычные люди.

Шехабеддин опасливо приподнял голову и, наверное, прочёл эту мысль в глазах своего господина:

— Повелитель, я готов лишиться всего своего имущества ради тебя. Готов лишиться должности и последовать за тобой в изгнание. Ради возможности продолжать служить тебе я с лёгкостью оставлю всё, что заслужил и нажил, но я знаю, что от меня потребуется больше — то, чего я, возможно, не смогу вынести достойно. Смилуйся, повелитель. Не ставь меня в положение человека, ожидающего мучений и смерти. Смилуйся над своим верным слугой.

Шехабеддин забыл даже о Заганосе и говорил только о себе. Неужели настолько велик оказался страх? Мехмед не понимал этого страха и полагал, что евнух напрасно опасается Халила так сильно. Но, может, опасаться следовало? Шехабеддин провёл при турецком дворе около тридцати лет — дольше, чем Мехмед жил на свете. За такое долгое время можно многого насмотреться и научиться распознавать опасность заранее.

И всё-таки не слёзы Шехабеддина заставили юного султана призадуматься, а рассказ о войне с Орханом и судьбе сторонников этого человека. «Я подвергаю опасности тех, кто последовал за мной, — задумался Мехмед. — Значит, Учитель в опасности тоже».

— Ну, хорошо, — юный султан наклонился и ободряюще похлопал евнуха по плечу, — я

обдумаю твои слова и сообщу тебе решение завтра.

Шехабеддин поспешно поднялся с ковров. Он был рад, что повелитель больше не говорит безоговорочного «нет». Однако цена, уплаченная за это, явно казалась евнуху слишком большой. Он предпочёл бы никогда не рассказывать историю своего оскопления. Поэтому и Заганос в своё время не стал рассказывать её Мехмеду, лишь сказал, что она «совсем не приятная».

Когда Шехабеддин открыл двери, чтобы позвать слуг в комнату, он уже обрёл прежнюю невозмутимость. Слезы высохли. Голос, который приказал другим евнухам прислуживать повелителю за трапезой, уже не дрожал, а Мехмед меж тем уселся на прежнее место и задумчиво зачерпнул ложкой остывающий плов.

Во всё оставшееся время трапезы султан думал о том, что лучше — подвергнуть Учителя опасности или огорчить Его, ведь Учитель, узнав о смерти маленького Ахмеда, конечно, был бы огорчён.

Спрашивать Наставника о том, что предпочтительнее, юный султан уже не видел смысла: «Зачем взваливать груз решения на того, кто неопытен в таких делах? Советы, касающиеся удержания власти и трона, должен давать придворный». Однако и Заганосу не хотелось спрашивать, потому что Шехабеддин был прав, когда говорил, что в тайну следует посвящать как можно меньше людей.

Мехмед взвешивал на весах жизнь брата и жизни других людей, которыми дорожил, и тут подумал, что даже ни разу не видел маленького Ахмеда — просто знал, что он есть. Юный султан не решался избавиться от него лишь потому, что братоубийство считалось плохим поступком. О любви к брату даже речи не шло, да и на то, что маленький Ахмед полюбит старшего брата-правителя, надеяться не стоило.

«А если Ахмед доживёт до взрослого возраста, то станет ли благодарным мне за милость?» — спрашивал себя Мехмед, и ответ был скорее «нет», чем «да».

«О ком я должен заботиться в первую очередь? Кровь Учителя может пролиться, а Он мне намного дороже брата. Неужели, так плохо то, что Учитель мне дороже брата?» — думал юный султан и всё больше приходил к мысли, что Учитель важнее. Да и Заганос с Шехабеддином тоже не заслужили страданий.

Заганос посвятил Мехмеду около четырёх лет, если не считать годы изгнания в Балыкесире, когда визир совсем не виделся и не переписывался со своим подопечным. Шехабеддин посвятил Мехмеду чуть меньше времени, но всё равно достаточно.

Юный султан с некоторым изумлением обнаружил, что, несмотря на смерть обоих своих родителей, не ощущает себя сиротой. Как можно, если рядом Заганос! Пусть он считался воспитателем и советником Мехмеда, но на самом деле исполнял роль отца с тех пор, как подопечному исполнилось одиннадцать. Да и Шехабеддин был рядом с Мехмедом!

Помогая Заганосу в «отцовских» обязанностях, евнух как-то незаметно взял на себя роль матери.

Недавняя беседа, когда евнух признался, что страх мешает отдать жизнь за кого бы то ни было, не заставила юного султана разочароваться в этом слуге: «Шехабеддин не виноват, что его лишили мужской смелости. К тому же, он сказал правду, а вот если бы обещал сделать то, чего сделать не в силах, это была бы подлость».

Мехмед вдруг подумал, что его родная мать была гораздо трусливее. Она даже мысли не допускала, что можно сделать что-то наперекор отцу Мехмеда. А вот Шехабеддин, хоть и евнух, нарушил запрет на переписку с Заганосом. Конечно, казнь за такое не грозила, но мать Мехмеда, если б оказалась в подобном положении, не осмелилась бы вообще ни на что.

Размышляя об этом, юный султан вдруг вспомнил об Алиме-хатун: «А пожертвовала бы она жизнью ради сына?» Мехмед совсем не знал эту женщину, но почему-то решил, что она может оказаться смелой. А ведь не следовало допускать, чтобы Алиме-хатун умерла.

Эта мысль породила беспокойство, поэтому Мехмед, несмотря на обещание ответить евнуху только завтра, пригласил Шехабеддина в свои покои в тот же день, ближе к вечеру.

— Я вот что подумал, Шехабеддин-паша, — с нарочитой небрежностью произнёс юный султан, сидя на возвышении среди подушек и глядя на собеседника, замершего посреди комнаты. — Если я решу последовать твоему совету в отношении маленького Ахмеда, надо сделать так, чтобы Алиме-хатун не было рядом с сыном. Она ведь станет защищать его и этим может причинить себе вред.

Шехабеддин кивнул, а Мехмед продолжал:

— Значит, она не должна оказаться на пути того человека, который станет выполнять моё приказание.

— Если мой повелитель хочет, я могу подумать, как отвлечь Алиме-хатун, — осторожно предложил Шехабеддин.

— Не надо. Я уже сам подумал, — сказал Мехмед. — Передай ей, что завтра после заседания дивана я хочу её видеть. Пусть явится в тронный зал сразу после того, как уйдут визиры и прочие сановники. Я буду говорить с ней о важном деле.

Евнух поклонился.

— А в это самое время, — продолжал Мехмед, — пусть тот человек, о котором ты говорил, войдёт в гарем и сделает так, чтобы мой брат умер, но кровь моего брата не должна пролиться.

Евнух снова поклонился, а Мехмед удивился сам себе — он отдал приказ, но совсем не чувствовал сомнений или угрызений совести. Теперь мысль была только одна — как бы ничего не сорвалось.

— Кстати, а кто этот человек, который войдёт в гарем? — спросил юный султан.

— Этот человек тебе хорошо известен, повелитель, — тихо ответил Шехабеддин. — Его зовут Али-бей, сын Эвреноса. Под его началом ты когда-то совершил поход в Албанию, твой самый первый поход. Али-бей сказал, что почтёт за честь услужить тебе снова.

— Тогда пусть он удостоится этой части.

Шехабеддин в третий раз поклонился:

— Это истинно мудрое решение, повелитель.

* * *

Андреаса охватили весьма противоречивые чувства, когда он узнал, что Исхак-паша, которому было поручено отвезти в Бурсу гроб с телом прежнего султана, повезёт туда не один, а два гроба.

Второй гроб был совсем маленький, потому что там лежал младенец — маленький Ахмед, который по недосмотру нянек утонул во время купания. По-крайней мере, так сообщили всем при дворе, но Андреас не поверил ни на минуту. Только успел новый султан взойти на трон, как его единственный брат, тоже имевший права на престол, умер. Таких совпадений не бывает. А особенно странным казалось, что в тот самый час, когда погиб младший брат Мехмеда, мать младенца отлучилась из своих гаремных покоев. Она находилась в тронном зале, приглашённая туда для беседы с Мехмедом.

После внезапной гибели маленького Ахмеда юный султан, конечно, выразил этой женщине своё сочувствие, но затем сразу же предложил ей выйти замуж за Исхака-пашу. Она выразила удивление таким поворотом событий:

— Как можно праздновать свадьбу во время такой печали? — но Мехмед невозмутимо ответил:

— Так ты сможешь сопровождать тело своего сына в Бурсу, а иначе тебе придётся остаться здесь.

Женщина, полубезумная от горя, сразу же согласилась и даже благодарила Мехмеда за оказанную милость.

Андреас не знал, что думать, глядя на всё это. «Кого ты воспитал? Кого?» — спрашивал этот учитель сам себя. Как никогда резко проявилась двойственность взглядов на жизнь. Христианская часть души кричала: «Твой ученик убил своего маленького брата! Так поступал царь Ирод, который, опасаясь за свою власть, приказал убить всех младенцев в Вифлееме! Этим и прославился». Но другая, эллинская часть души возражала: «Ведь так поступал и Александр Великий!»

Как известно, Александр, получив македонский трон, первым делом приказал казнить нескольких своих родственников, в том числе двоюродного брата, который был женат на родной сестре Александра. Вот, с чего началось славное царствование! Александр даже

свою сестру сделал вдовой, опасаясь за свою власть, однако этот поступок затмился великими завоеваниями.

Андреас не раз пытался представить себе, что думал великий философ Аристотель, когда узнал о казнях, совершённых по приказу Александра. Аристотель, который был воспитателем Александра, наверняка не ожидал такого, несмотря на то, что в Македонии тех времён подобные расправы над политическими соперниками случались часто.

Говорил ли Аристотель со своим учеником об этих казнях? Спрашивал ли, зачем надо было их устраивать? Наверное, Аристотель ничего не сказал. Нет смысла обсуждать то, что уже нельзя исправить. Аристотель тихо уехал в Афины и основал там свою школу, знаменитый Ликей, а за деяниями Александра наблюдал издалека.

Андреас собирался поступить похожим образом — уехать в Афины, но не для того, чтобы основывать школу, а чтобы иметь возможность спокойно понаблюдать, что будет с Мехмедом дальше. «Кого я в итоге воспитал?» — спрашивал себя этот учитель, но ответ вселял надежду. Разве плохо повстречать Алкивиада и воспитать из него Александра!

Андреас, пусть и с запозданием, но заметил странное сходство между Мехмедом и великим завоевателем. К примеру, про Александра говорили, что в детстве и отрочестве он отличался большим упрямством, часто приходил в ярость и в такие минуты не уступал никакому насилию, но его можно было убедить вразумляющей беседой. Разве не так вёл себя Мехмед не боявшийся палки, но охотно внемлющий логическим доводам!

А ещё про Александра было известно, что он в очень юном возрасте собирался жениться, не спросив отца. Разве не последовал Мехмед этому примеру, женившись на Гюльбахар-хатун?

И вот теперь ученик Андреаса опять совершил поступок, похожий на поступок Александра — избавился от политического соперника. Учитель уже не знал, радоваться или печалиться.

Смущало лишь одно — Мехмед пока что не проявлял никаких стремлений к завоеваниям. Пока что он намеревался подтвердить все мирные договоры с другими государствами, заключённые его отцом.

* * *

Мехмед уже не раз усмехнулся, вспоминая, как во время первого правления считал себя негодным султаном. А всё из-за жалоб Халила-паши, великого визира, не устававшего слать письма отцу Мехмеда: «Твой сын, которого ты оставил на троне вместо себя, не может справиться с делами. Всё в беспорядке».

Помнится, до Мехмеда доходили слухи о содержании тех писем, и он верил, что Халил

прав, но в итоге оказалось, верить не следовало. Об этом говорило нынешнее состояние дел — отец в последнее время многое упускал из виду или откладывал на неопределённый срок. Обнаружив это, можно было точно так же сказать, что отец Мехмеда «не справлялся», однако никто не считал прежнего султана негодным.

Отец умер месяц назад, но оставил в наследство своему сыну столько нерассмотренных прошений и неподписанных указов, как будто не занимался делами весь последний год. Вот почему Мехмед, сидя на софе в своих покоях и слушая доклад Халила, не удержался от вопроса:

— Почему всё в таком беспорядке? Разве мой отец не мог справиться с делами?

Великий визир смутился:

— В последний год твоему отцу нездоровилось. Это мешало ему успевать многое.

Причина «нездоровья» была Мехмеду известна. В последнее время отец много пил. Пил и в тот год, когда передал сыну власть в первый раз.

Наверняка, дела в тот год были так же запутаны, как теперь, но великий визир почему-то не принимал в расчёт пьянство Мехмедова отца. Халил тогда уверял, что причина разлада в делах — слишком юный правитель, ничего не понимающий в политике. Возможно, великий визир нарочно возвращал в сердце Мехмеда неуверенность, но так и не сумел взрастить. А теперь Мехмед лишь усмехался, вспоминая прошлое, и чувствовал себя всё более способным султаном.

Когда Халил удалился, и также удалились секретари, унося бумаги, наконец-то дождавшиеся подписания, Заганос-паша, оставшийся в комнате, решил выразить своему господину восхищение.

Чуть приблизившись к софе и поклонившись, Заганос, теперь занимавший пост второго визира, сказал:

— Ты ведёшь себя очень правильно, повелитель. Уверенность, которая присутствует в тебе, заставляет Халила всё больше смущаться.

— Да, я сам это вижу, — ответил Мехмед, потягиваясь, потому что от долгого и почти неподвижного сидения затекли плечи. — Хорошо, что ты тоже видишь, — добавил он. — Мне приятно слышать твои слова.

Заганос, чуть помявшись, продолжал:

— Если мне будет позволено сказать ещё кое-что...

— Говори.

— Это тоже касается твоего поведения, повелитель. Если Халил узнает, как ты себя ведёшь, то может счесть тебя слабым и податливым.

— Заганос-паша, говори яснее, — повелел султан, откинувшись на спинку софы.

— Я должен поговорить с тобой о твоём особенном друге.

— Должен?

— Именно так, повелитель. Ты сказал недавно, что я твой наставник в государственных

делах, а твой друг учит тебя любви, но любовь, которую проявляет султан, иногда становится государственным делом. Сейчас такой случай. Поэтому я обязан поговорить с тобой.

Мехмед нахмурился:

— Присядь, Заганос-паша.

Визир присел на край возвышения, заваленного подушками, положил руки на колени, а юный султан полулежал на софе и внимательно смотрел на собеседника:

— Так в чём дело?

— Мой долг — уберечь тебя от ошибки. От ошибки в любви, поскольку эта ошибка отразится на государственных делах.

— Султан может проявлять любовь, к кому хочет, и как хочет. А его подданные не имеют права осуждать своего повелителя. Разве нет?

Заганос покачал головой:

— Не совсем так, повелитель. Султан может проявлять любовь, к кому угодно. Но в том, как он её проявляет, есть некоторые ограничения.

— Какие ограничения могут быть в отношении султана! — недоумённо воскликнул Мехмед.

— Султан — это тот, кто повелевает и управляет. Он всегда остаётся султаном, даже на ложе, — тихо проговорил Заганос. — Поэтому, если на ложе султан вдруг станет подчиняться, а не повелевать, такое поведение приведёт к тому, что он однажды потеряет трон. Увы, при дворе не скроешь ни один секрет. Рано или поздно всё становится известно. А когда враги султана узнают, что он склонен подчиняться, то решат, что такого правителя удастся свергнуть. Составится заговор, а если его раскроют, то ещё один, и ещё. И так будет до тех пор, пока заговорщикам не удастся осуществить задуманное.

Мехмед нахмурился ещё сильнее:

— Вот как? Но почему ты говоришь это мне? Ты думаешь, что я нуждаюсь в подобных поучениях?

— Я не думаю, а знаю, повелитель, — очень спокойно произнёс Заганос, будто не обращая внимания на насупленные брови.

— Знаешь? — Мехмед оглядел комнату. — Так значит, за мной в этих покоях следят? Кто? Как посмели!?

Заганос оставался странно спокойным:

— Никто здесь за тобой не следит, повелитель. А я знаю, потому что видел, как вы смотрите друг на друга. Мне было достаточно увидеть это, чтобы понять, кто из вас на ложе главный, а кто подчиняется.

Мехмед вдруг перестал хмуриться:

— Конечно. Как я не подумал! Ведь у тебя есть особое зрение, чтобы распознавать такие вещи.

— Особое зрение? — озадаченно переспросил визир, однако выражение ему понравилось: — Да, можно сказать и так.

Мехмед чуть подался вперёд, перестав опираться о спинку софы:

— Но ведь это зрение есть лишь у людей, которые по склонностям подобны мне или тебе. Откуда мои враги узнают, что творится в моих покоях?

— Увы, повелитель, — ответил Заганос, — среди твоих врагов тоже найдутся люди, имеющие особое зрение. Не все, кто обладает особыми склонностями, живут в мире друг с другом. Некоторые пытаются отобрать друг у друга власть и богатство. Если бы все люди с особыми склонностями жили в мире, как легка была бы жизнь!

Мехмед ещё немного подавшись вперёд, изобразил изумление:

— Если всё так опасно, почему же ты раньше не предупредил меня? Чего ждал?

— Я ждал, когда опьянение любви пройдёт, и ты обретёшь ясность мысли, повелитель, — ответил Заганос. — Я хотел говорить с тобой ещё в Гелиболу, но ты не стал бы меня слушать. У тебя был взгляд... как у курильщика опиума. Я сам когда-то пережил подобное, поэтому решил дать тебе некоторое время, чтобы...

Разговор, как и тогда, в Гелиболу, получался интересный:

— Так значит, Заганос-паша, ты видел, что я опьянён любовью?

— Я говорю это не в укор, повелитель, — поспешил объяснить визир. — Твой друг действительно красив. Поверь, многие дорого бы дали, чтобы повстречать его лет двадцать назад. Даже сейчас он красив, и поэтому мне думается, тебе будет трудно объяснить ему, что теперь всё должно измениться, но тебе придётся завести разговор об этом, повелитель. Почти все начинают с того, с чего начал ты, но приходит время стать другим. Это ещё одна ступень взросления.

— И я обязательно должен последовать твоему совету? — с сомнением спросил юный султан. Он вспомнил, что говорил Учитель своему ученику в Гелиболу: «Ты как будто создан для этого», — то есть создан раскрываться и доверяться, но на языке Заганоса это означало «подчиняться».

«Ты как будто создан для этого», — Учитель произносил эти слова как похвалу и был искренен, поэтому теперь Мехмеду показалось так грустно, что для султана те же самые слова являются тягчайшим оскорблением: «Ты создан, чтобы подчиняться, а не повелевать».

Меж тем визир продолжал:

— Повелитель, сейчас я говорю с тобой, как отец говорил бы с сыном. Кто, как не я, должен объяснить тебе законы жизни для людей, подобных нам. Ни в одной книге прямо не написано об этом, но законы существуют. И они говорят, что даже султан не свободен в выражении своих чувств. Я когда-то был подобен тебе. Я подчинился человеку, которого любил, и был счастлив, но затем мне пришлось забыть о нём. Если бы я этого не сделал, то никогда не достиг бы высоких постов, потому что тот, кто подчиняется, не может повелевать. Мой путь был верным, поэтому я призываю тебя тоже ступить на него.

Юный правитель несмотря на видимое сопротивление был готов согласиться с Заганосом: «Да, я думаю, что, подчиняясь, не унижаюсь, но на свете слишком много людей, которые думают иначе, и все они могут стать моими врагами. Заганос тоже не чувствует это

как унижение, но он давно смирился с тем, что не сможет объяснить это толпе несогласных».

— А если я не хочу становиться другим? — Мехмед сказал это шутливым тоном, поскольку понимал, что такие слова звучат в ушах визира как полнейшая глупость. — Возможно, я изменюсь позднее, но не сейчас.

— Повелитель, ты погубишь и себя, и твоего друга. Тебя лишат власти, а его казнят как грешника, потому что ты не сможешь его защитить. У тебя нет иного пути. Ты должен отказаться от привычки подчиняться даже в любви. Признаюсь, я в своё время сделал этот выбор только ради себя, но ты должен сделать не только ради себя. Вы не можете продолжать делать то, что делаете.

И снова Заганос говорил так, что хотелось согласиться. Наверное, дело было в том, что он говорил искренне. Но ведь в своё время Учитель так же искренне говорил, что подчинение не унижает, а даже возвышает, поскольку ученик, который подчиняется наставнику, становится лучше.

«Кто прав? — спрашивал себя Мехмед и сам себе отвечал: — Они оба правы. Но Заганос также говорит, что всему своё время. Я должен повзреть. Взросление неизбежно, а кто пытается избежать неизбежного, кажется смешным».

Увы, принять решение — это одно, а исполнить — совсем другое:

— Ты говоришь об этом так просто, — Мехмед сделался серьёзным. Он уже не лежал на софе, а сидел и подобно собеседнику положил руки на колени. — Если я скажу своему другу, что не могу быть прежним и должен стать другим, будет ссора.

Заганос-паша задумался на мгновение и сказал:

— Возможно, что нет. Он ведь не глуп и понимает, что сошёлся не с кем-нибудь, а с султаном. Возможно, твой друг согласится сам подчиниться тебе. Пусть он старше, но ведь нет ничего необычного в том, что юноши иногда увлекаются зрелыми женщинами. Значит, никто не станет слишком удивляться тому, что ты увлёкся зрелым мужчиной, который красив и изящен. Главное, он не должен повелевать тобой. Поговори с ним.

Мехмеду эта мысль понравилась, но он сомневался, потому что помнил разговор в Гелиболу. В тот раз Учитель, услышав от ученика: «Доверься мне», — колебался, а ведь речь шла о пустяке. Мехмед просил Учителя хотя бы на день перестать чувствовать ответственность за всё, что происходит с учеником. А что же Учитель сказал бы теперь? То, о чём собирался попросить Мехмед, представлялось куда более серьёзным. Возможно, следовало ещё немного подумать об этом прежде, чем действовать?

Юный султан спросил:

— Я ведь не должен заводить беседу об этом сегодня же? Сколько у меня времени?

— Немного, повелитель. Совсем не много.

«Пора уезжать», — эта мысль уже не раз посещала Андреаса, но он не знал, как сказать о своём решении ученику. Ведь между ними не было размолвки. Ничего такого, что заставляет влюблённых расстаться, не случилось. «Зачем же вдруг?» — мог бы спросить Мехмед. Вот почему Андреас жалел, что за два месяца, что он прожил при дворе, не случилось ни одной ссоры.

Казалось бы, учителя и ученика теперь ничто не разделяло, но положение, которое создалось сейчас, не могло продолжаться долго. Благополучие и безмятежность были лишь видимостью.

Теперь Андреас назывался «другом великого султана», поэтому состоял в его свите и сопровождал везде, куда допускались христиане. Грека поселили во дворце в богатых покоях и окружили почтительными слугами, но всё это не казалось ценным. Андреас никогда не стремился быть в круговороте дворцовой жизни. Он хотел быть учителем, а именно этого не мог.

Ученик-султан не хотел уделять много времени учёным беседам, хотел предаваться любви. Геродота читать согласился, но обычно просил:

— Учитель, почитай мне его сам.

Конечно, слушая чужое чтение, юный султан всё равно извлекал из этого пользу. Во-первых, узнавал новое, а во-вторых, тренировался воспринимать греческую речь на слух. И всё же Андреас слишком ясно видел, что чтение для султана — лишь способ скоротать время между соитиями.

Именно такая «пошлая любовь», как называл её Платон, стала для Мехмеда главной, и всё это начало напоминать Андреасу историю с тем афинским учеником. Вот почему учитель стремился уехать — любовь, которая раньше преследовала высокую цель воспитания и совершенствования, теперь служила физическому наслаждению. Пока длилась счастливая ночь, всё казалось правильным, но наутро приходило ощущение потерянного времени.

Учителю всё меньше нравилось то, что происходит, но следовало признать — это лишь закономерное продолжение того, что случилось в Гелиболу. Возможно, если бы учитель и ученик расстались там, это было бы не так уж плохо? Возможно, была бы долгая грусть от расставания, но не было бы чувства, что проводишь время в кутежах?

Лишним поводом для скорейшего отъезда стало поведение отца. Отец Андреаса опять завёл разговор о том, что младшему сыну пора жениться:

— Теперь ты располагаешь средствами. Как же всё-таки хорошо вышло, что ты стал учителем такого высокородного ученика. Иначе ты никогда бы столько не заработал. Это рука Божья. Бог устроил так, чтобы тебя взяли на эту должность, потому что Он хочет, чтобы

ты женился и остепенился, наконец.

Андреас слушал задумчиво. Он и сам склонен был видеть руку судьбы в том, что стал учителем Мехмеда, но свадьба, о которой твердил родитель, казалась ни при чём.

«Только бы отец без моего ведома не начал подыскивать мне невесту», — думал «друг великого султана». Андреас не стал бы жениться, даже если бы получил от Мехмеда одобрение, поскольку не хотел делать несчастной возможную супругу. Что она получила бы от мужа в этом браке? Равнодушие. И этого не исправило бы рождение одного-двух детей.

Наверное, о таком повороте событий не стоило беспокоиться, потому что Андреас, успев за минувшие годы изучить характер Мехмеда, был почти уверен, что юный султан свадьбу не одобрит. То, что Мехмед когда-то позволил самому себе, женившись на Гюльбахар-хатун, он не позволил бы учителю, и это казалось хорошо, потому что учитель мог сказать своему не в меру настойчивому отцу: «Султан Мехмед пока не отпускает меня из дворца, и жениться не разрешает». Это позволило бы выиграть время, чтобы подготовиться к отъезду. Вот почему Андреас рассказал Мехмеду обо всём при первом же удобном случае.

Разговор состоялся в конце апреля, когда юный султан явился к учителю в покои среди дня. По старой привычке, которая немного досаждала Андреасу, Мехмед явился без предупреждения и без спроса. Точно так же ученик поступал в Манисе, когда ему удавалось сбежать от своих слуг, но теперь он ни от кого не бежал, ступал важной поступью, а челядинцы сопровождали его.

Пройдясь по комнате, юный султан вдруг заметил на столике огарок свечи из красного воска и удивился, потому что ни разу не видел такого:

— А почему она красная? Это для колдовства?

Мусульмане считали все христианские обряды колдовством, поэтому Мехмед спросил именно так, и Андреас не обиделся, а объяснил, что принёс красную свечу из храма, где вместе с отцом и семьёй старшего брата присутствовал на пасхальной службе. Согласно обычаю, сложившемуся у греков-христиан, в этот праздник и ещё в течение сорока дней после него все свечи в церквях зажигались красные.

— Значит, ты опять виделся со своими родными, — подытожил юный султан, а затем, взглядевшись в лицо учителя, добавил: — Ты не очень-то рад был увидеться с ними.

— Мой отец опять просит меня сделать то, чего я не хочу делать, — ответил Андреас и рассказал про свадьбу.

Мехмед улыбнулся:

— Я избавлю тебя от этого. Сошлись на меня. Скажи, что я не отпускаю тебя от себя и не одобряю свадьбу, потому что она помешает тебе состоять при мне неотлучно.

«Друг великого султана» тоже улыбнулся и готов был засмеяться. Обстоятельства складывались так, что ему уже не требовалось уезжать в ближайшее время. Можно было

повременить месяца два или даже полгода.

Андреас вдруг понял, что, несмотря на всё своё подспудное недовольство, ещё слишком сильно привязан к ученику и не хочет расставаться, пусть расставание и представлялось неизбежностью. «Раньше осени никуда не уеду», — решил Андреас, но тут Мехмед, жестом повелев слугам удалиться и закрыть двери, сказал:

— Учитель, нам нужно обсудить кое-что.

* * *

Мехмед не ожидал такого поворота событий, совсем не ожидал. Всё оказалось ещё хуже, чем в тот раз, когда он сообщил Учителю о своей свадьбе с Гюльбахар-хатун. В прошлый раз Учитель, узнав новость, сказал, что готов остаться с учеником как друг, а теперь даже этого не хотел.

— Значит, мне пора уехать, — сказал Учитель, узнав, что ученик больше не хочет уступать ему на ложе и предлагает противоположное.

Юный султан даже представить не мог, что Учителю настолько не понравится эта мысль, и что Он даже попробовать не захочет, а скажет:

— Ты уступал мне, потому что я был твоим учителем. А теперь ты хочешь, чтобы учитель уступил ученику? Это невозможно.

— Но ведь Ты уже уступал мне по-другому, — возражал Мехмед. — Ты следовал за мной. Ты доверялся мне. Почему не хочешь уступить и теперь?

— И кем же я стану, если мы поменяемся? Я не могу стать твоим учеником, а ты — моим учителем.

— Станешь другом. Во дворце Тебя и так называют моим другом, а не учителем. Мы закрепим то, что уже существует.

Учитель покачал головой:

— Нет.

Мехмед не мог понять, как так. Что плохого в дружбе? А Учитель уверенно произнёс:

— Ничего не получится. Друг это тот, к чьему мнению прислушиваются, но ты не станешь прислушиваться к моему мнению. Если бы ты хотел прислушиваться, то позволил бы мне остаться твоим наставником. Ты советовался бы со мной.

— Я советуюсь.

— Однако решение относительно своего маленького брата ты принял без меня.

— Он просто утонул в купальне, — сказал Мехмед, но Учитель не поверил ни на мгновение:

— Ты сейчас обманываешь меня или себя? Ты помнишь, что я говорил тебе когда-то? Себя никогда не обманывай.

Юный султан вдруг почувствовал, будто ему четырнадцать, а ведь уже исполнилось

девятнадцать. Ученик перестал чувствовать себя взрослым, поняв, что его отчитывают, как мальчика. От этого сделалось досадно:

— Я обманываю Тебя! — резко произнёс Мехмед. — Я не хотел взваливать на Тебя тяжесть этого решения. Это моя ноша. Если я поступил недостойно, то отвечу за это один. Я заботился о Тебе, когда ничего Тебе не сказал.

— Да, по той или иной причине тебе больше не нужны наставники, — подытожил Учитель и добавил: — Ты окончательно повзрослел, хочешь сам выбирать свою дорогу, сам решать. Это закономерный итог взросления. Но нам придётся расстаться.

Юный султан просто не мог поверить в происходящее. Он уже успел привыкнуть, что связь с учителем так крепка, что подобна даже не верёвке, а железной цепи, однако эта цепь порвалась легко, будто тонкая нить.

— Почему Ты хочешь уехать? Почему? — спрашивал юный султан, но ни одно объяснение не казалось убедительным.

Мехмед еле уговорил Учителя остаться хоть ненадолго. Обещал, что на это время ничего не изменится, и доказал это, уступив Учителю в очередной раз, но теперь соитие ощущалось не так. Единства не было. Ученик хоть и говорил, что подчиняется добровольно, но тело подчинялось неохотно.

Учитель и сам заметил это, но промолчал, чтобы не продолжать спор, который стал утомительным. Мехмед тоже промолчал, не стал оправдываться. Он надеялся, что в следующий раз будет так, как было ещё совсем недавно, но что-то непоправимо изменилось. Отчуждённость росла.

Юному султану никак не удавалось забыть слова Заганоса-паши: «Ты погубишь и себя, и его». Мехмед не хотел погубить Учителя, но и потерять не хотел.

* * *

Мехмед сидел в своих покоях, глядя в окна на весенний сад. Кроны деревьев стали совсем белыми от обилия цветов, ярко светило солнце, щебетали птицы, и это казалось таким ненастоящим, если смотреть из сумрачной комнаты.

На столике перед Мехмедом лежала бумага, связка тростниковых палочек, ножик для очинки, а рядом стояла чернильница. Юный султан иногда опускал глаза к листу и торопливо выводил на нём слова, пытаясь в стихе передать то, что чувствовал. Несколько листов уже оказались испорчены, скомканы и валялись рядом на ковре, но Мехмед чувствовал, что уже близок к цели — он вот-вот найдёт те самые слова.

Весна для поэта — время счастья, но сочинять счастливые стихи не получалось. Первые две строчки нового стихотворения выражали восторг любви, но затем восторг сменился горечью, и это случилось как-то само собой, помимо воли сочинителя.

Мехмед уже успел забыть, что такое любовь, смешанная с горечью. И вот пришлось вспомнить. Почему всё так обернулось? Почему? Как это могло случиться? Он не понимал, но даже такой любви не хотел лишаться.

В Гелиболу казалось, что Учитель наконец-то стал понятен, полностью раскрыл перед учеником Свои мысли, чувства. Теперь же мысли Этого Человека снова стали загадкой. Почему Он решил то, что решил? Почему захотел уйти?

Учитель, находясь с учеником в Гелиболу, уверял, что склонен к постоянству. Но почему же сейчас вёл себя как ветреный искуситель, который не стремится остаться с тем, кого покорил? Вот и в стихотворении Учитель получился таким ветреным красавцем. Этот красавец оставался таким же непонятным как для Мехмеда, так и для Авни, который являлся поэтическим отражением Мехмеда.

Во время недавнего разговора ученик не раз спрашивал Учителя:

— Почему хочешь уйти? Почему? — а Учитель, глядя с любовью и сочувствием, говорил жестокие слова:

— Нам лучше расстаться сейчас, чем позже.

— Почему? — не понимал Мехмед, а Учитель, положив руки ученику на плечи, продолжал:

— Когда-то ты обещал, что поверишь мне целиком и полностью, не усомнишься ни в одном моём слове. Так поверь мне. Мы должны расстаться до того, как успеем разочаровать друг друга. Это неизбежно произойдёт, потому что мы уже не согласны друг с другом. Мы хотим разного. Каждый станет настаивать, но никто не уступит. Если мы не расстанемся, то в итоге проклянём друг друга и тот день, когда встретились впервые. Зачем нам это? Лучше мы сохраним друг о друге хорошие воспоминания, а если снова встретимся, то будем рады видеть друг друга.

— Учитель, я Тебе не верю, — отвечал юный султан. — Ты хочешь обмануть меня, чтобы утешить, но ведь мы оба знаем, что новая встреча не принесёт радости. Ты никогда не вернёшься в Эдирне, Ты уедешь в Константинополь или в Афины. А как я окажусь там? Если только как завоеватель, а Ты придёшь ко мне не ради меня, а чтобы просить за кого-нибудь из тех, кто окажется у меня в плену. Разве наша встреча и последующая беседа станут радостными?

— Ты хочешь получить от меня обещание, что через несколько лет я вернусь в Эдирне?

— Я хочу, чтобы Ты не уезжал.

Учитель вздохнул и опустил взгляд, ладони безвольно скользнули вниз по плечам ученика, но Мехмед поймал руки Учителя в свои и воскликнул:

— Как мне убедить Тебя остаться!? Хочешь, дам Тебе денег и подарю участок земли там, где укажешь, чтобы Ты мог построить свою школу. У Платона была школа. У Аристотеля была школа. У Тебя тоже будет.

— Благодарю, но не нужно, — ответил Учитель.

— Не хочешь быть мне обязанным?

— Причина совсем иная, — последовал ответ. — Я просто не знаю, что делать с этой

школой. Есть разные учителя. Есть такие, как Платон и Аристотель. Есть такие, как Сократ. Сократу, чтобы учить, не нужны были стены.

Мехмед опять не поверил, но не признался в своём недоверии. Вместо этого принялся уговаривать Учителя остаться хоть на время. Юный султан надеялся придумать что-то ещё, чтобы удержать любовника, который вёл себя как ветреник. С того времени, как Учитель и ученик окончательно сблизились в Гелиболу, Учитель изменился, стал другим. В Гелиболу говорил, что стремится к постоянству, а теперь поступал наоборот.

Султан согласился бы на любое средство, лишь бы помогло сохранить любовь. Идти в мечеть и молить Всевышнего о милости казалось бессмысленным, но, может быть, имело смысл пойти в христианский храм и попросить там? Вдруг христианское колдовство помогло бы?

Думая об этом, Мехмед, наконец, подобрал последние слова для стиха, и получилось так:

Румянец щёк твоих я воспою в стихе подобно соловью.
Ах, эти прядки, что на лбу твоём! Безумно их люблю!
И если все плоды твоей любви — тревога и печаль,
Хвала Аллаху, что плодами этими я голод утолю.

Твоих растрёпанных кудрей концы не расплести ветрам.
Кто окружён преградами, достигнет цель свою?
Кто друг для друга мы? Из уст твоих особенный нектар —
Убийственной печали яд, но сладкий, как халва, — я пью.

О, скольких мудрецов своей любовью ты ума лишил!
О, сколько чутких сердцем по твоей вине стояли на краю!
Сказать: «Пускай ресницы-стрелы красотой убьют тебя», —
Мог лишь храбрец, кто не узнал сердечных мук стезю.

Авни, однажды ты войдёшь паломником во храм волхвов,
Увидишь винно-красных свеч огни. В толпе постой, молю

Пожалуй, это был первый раз, когда Мехмед не захотел показать Учителю своё стихотворение, ведь Учитель, прочитав эти строки, сказал бы, что ученик видит всё не так: «Я не ветреник». Да, непременно сказал бы, но Мехмед не хотел спорить. Юный султан ощущал происходящее именно так и не сомневался, что прав.

* * *

Когда Мехмед только приехал в Эдирне и принял власть, дворец принадлежал ему не

вполне. Женская половина была по-прежнему занята отцовскими жёнами и наложницами, но за минувшие два месяца освободилась.

Алиме-хатун уехала. Остальные жёны вернулись к своим родителям, а наложниц юный султан по совету Шехабедин-паши раздарил своим приближённым. Теперь можно было слать гонцов в Дидимотику, чтобы в Эдирне приехала Гюльбахар-хатун с маленьким Баязидом, которому уже успело исполниться три года. Как быстро летит время!

Гюльшах-хатун с маленьким Мустафой и Мюкриме-хатун, которым настала пора переехать из Манисы, пока находились в пути. Гюльбахар с сыном, поскольку жила ближе, приехала раньше.

Мехмед торжественно встретил её на главном дворцовом дворе. Вот открылись ворота, и в эту широкую арку въехали конники многочисленной охраны. Затем — большая скрипучая колымага, запряжённая шестёркой лошадей, а сзади показались телеги с вещами.

Юный султан стоял у входа в главный павильон дворца, от которого в сторону ворот тянулась дорожка из ковров, расстеленных прямо по земле, и вот на эту дорожку ступили те, кто ехал в колымаге.

Впереди всех шёл маленький Баязид, которого держал за руку некий чёрный евнух. Следом шла Гюльбахар, которую трудно было узнать, потому что её лицо скрывалось полупрозрачным покрывалом. За ней шли три служанки.

Возможно, вся процессия двигалась бы быстрее, но трёхлетний Баязид шёл не слишком быстро, а на полпути и вовсе остановился. Чёрный евнух не посмел торопить наследника престола, тем более что неподалёку стоял сам султан, которому могло не понравиться, что его сына подгоняют, а маленький Баязид оглянулся на мать и громко спросил, указывая на Мехмеда:

— Это папа?

— Да, сынок, — ласково ответила Гюльбахар, которой тоже пришлось остановиться, а Баязид, сделав ещё несколько шагов, опять обернулся к матери:

— Папа не улыбается.

— Иди вперёд, сынок, — попросила Гюльбахар, но ребёнок не шёл и продолжал задавать вопросы:

— Папе грустно?

— Сынок, прошу тебя, иди вперёд.

— Он сердится?

Юный султан невольно улыбнулся. Скучная церемония перестала быть скучной, поэтому он ждал, чем же всё закончится, и не давал никаких указаний чёрному евнуху или кому-то ещё.

В то же время придворные, окружавшие своего повелителя, уже начали терять терпение. Они уже много времени провели во дворе, ожидая, пока султан придёт из покоев во двор,

затем ожидали, когда в ворота въедет колымага, а теперь снова ждали, когда сын султана получит ответы на свои детские вопросы.

Гюльбахар, видя всё это, решилась на смелый поступок — она подошла к сыну, быстрым привычным движением подхватила его на руки и пошла навстречу Мехмеду, а в конце почти побежала.

Остановившись перед мужем, она поставила Баязида на ковёр и всё так же ласково попросила:

— Сынок, поклонись отцу.

Сама она тоже поклонилась, а когда распрямилась, Мехмед увидел, что её глаза светятся счастьем. Это заставило его снова улыбнуться, но он всё же спросил с лёгкой укоризной:

— Разве тебе не объяснили, как должна вести себя жена султана и мать наследника престола? Ей не подобает бегать у всех на виду.

— Прости меня, мой господин, — отвечала Гюльбахар, но была слишком счастлива, чтобы смутиться от этого замечания. — Я увидела твою улыбку, и все правила вылетели у меня из головы.

Юный султан посмотрел на сына и увидел, что тот тоже улыбается.

— Дай мне руку, сынок. Я отведу тебя и маму туда, где вы теперь будете жить.

— Мой господин, а ты придёшь навестить нас вечером? — спросила Гюльбахар.

— Не подобает спрашивать об этом в присутствии посторонних, — ответил Мехмед.

Жена смутилась, ведь, спрашивая про вечер, она, несомненно, хотела спросить и про ночь. Бедная Гюльбахар! Она так мало знала о своём муже и по-прежнему верила в его любовь. Верная и доверчивая Гюльбахар. Она так надеялась, что теперь получит столько же внимания, сколько получала до того, как оказалась разлучена со «своим любимым господином».

Мехмед, сам не вполне понимая, зачем это делает, склонился к её уху и быстро прошептал:

— Да.

Возможно, обещая нынешнюю ночь жене, он просто хотел посмотреть, вызовет ли таким поступком хоть каплю ревности у Учителя.

* * *

В полутьме комнаты Мехмеду, сидевшему на возвышении среди подушек, казалось, что он вернулся в прошлое и снова оказался в Манисе. Казалось, что не было трудных четырёх лет, и что свадьба с Гюльбахар состоялась месяц назад.

Покои гарема в столичном дворце мало отличалась от покоев, которые Гюльбахар занимала в Манисе. К тому же, маленького Баязида в комнате не было. Он уже отправился спать под присмотром няньки, а Мехмед остался вдвоём с женой, получив возможность хорошенько её разглядеть, и отметил, что она мало изменилась.

Теперь ей было семнадцать, а не тринадцать, но она осталась почти такой же девочкой с усиками над верхней губой. Правда, Мехмед ещё не заглядывал под одежду, поэтому не мог судить, сильно ли отразились на жене роды. Наверное, не так уж сильно, потому что зелёное платье, которое Гюльбахар унаследовала от своей матери, казалось по-прежнему в пору.

Существенное отличие состояло лишь в том, что жена теперь говорила не по-албански, а по-турецки. Выучила новый язык за четыре минувших года.

— Ты помнишь это платье, мой господин? — спросила она.

— Да, — ответил Мехмед. — А ты не сохранила тулуп и шапку?

Гюльбахар посмотрела на него немного обиженно:

— Почему ты смеёшься надо мной, господин?

— Я не смеюсь над тобой, просто вспоминаю тот день, когда впервые тебя увидел.

— В тот день я была одета не так, как нужно.

— Ты была очень хорошо одета, — возразил Мехмед. — Ты была очень красивая в той одежде. Ты и сейчас красивая.

Гюльбахар присела рядом с ним, робко дотронулась до его руки, а затем сжала её в ладонях, поднесла к губам и поцеловала. Мехмед чуть повернулся и свободной рукой потрепал жену за щеку, но не испытал при этом почти ничего.

Любовь давно исчезла. Осталось лишь воспоминание о прежней привязанности. Возможно, этого воспоминания хватило бы на несколько месяцев, в течение которых жена ещё могла надеяться на что-то.

Мехмед чувствовал, насколько сильно изменился за последнее время, а вот Гюльбахар этого не замечала. Когда муж прикоснулся к её щеке, Гюльбахар надеялась на большее, но ничего не последовало.

Муж казался рассеян и задумчив, поэтому Гюльбахар спросила:

— Тебя что-то тревожит, мой господин?

Мехмед не стал рассказывать, но ему хотелось, чтобы тяжёлая ноша печалей, которую он нёс, стала хоть немного меньше, а для этого её нужно было разделить с кем-то:

— Ты любишь меня, моя Гюльбахар?

— Да, господин, — ответила жена, а затем на её лице появилось испуганное выражение: — Я сделала что-то, что заставило тебя усомниться?

— Нет, не сделала, и я верю тебе, — ответил юный султан и задумчиво продолжал: — Я вдруг подумал, что было бы, если б ты меня разлюбила.

— Нет-нет, господин, я никогда тебя не разлюблю, — горячо произнесла Гюльбахар.

Она, всё ещё сжимая руку мужа в своих, снова поднесла её к губам и поцеловала, а затем прижала к своей щеке.

— Ты клянёшься, что не разлюбишь? — спросил Мехмед.

— Да, господин.

— А если ты нарушишь клятву?

— Тогда убей меня, господин. Убей, если нарушу. Если я разлюблю тебя, значит, я заслужила смерть.

Гюльбахар говорила лишь о себе, но Мехмед, услышав эту клятву, вдруг вспомнил, что Учитель тоже обещал любить и никогда не разлюбить, а теперь обещание могло нарушиться.

* * *

Следующим вечером Мехмед, находясь в своих покоях, велел, чтобы к нему позвали Учителя. Перейдя в спальню, юный султан с волнением ждал, когда увидит, подействовала ли вчерашняя уловка.

Учитель, только ступив в комнату, выглядел очень спокойным, но это спокойствие могло быть напускным, поэтому, как только за слугами закрылись двери, юный султан подошёл к Учителю, обнял и крепко поцеловал Его, а затем спросил с лукавой улыбкой:

— Ты вчера ревновал? Ревновал?

Вместо ответа последовал вопрос:

— Ты провёл ночь на женской половине дворца лишь затем, чтобы вызвать во мне ревность?

— А если я скажу «да», Тебе будет приятно это услышать?

— Зачем ты поступаешь так, мой ученик? Зачем отравляешь последние дни, которые мы проводим вместе? — спросил Учитель.

Слова о расставании означали, что уловка не подействовала. Учитель уже не боялся потерять «своего мальчика», как боялся когда-то, поэтому Мехмед вздохнул и отстранился:

— А ведь Ты обманул меня, Учитель. Ты сказал, что останешься со мной до тех пор, пока нужен мне. Ты по-прежнему мне нужен, но уезжаешь.

— Мой ученик, я тебе не нужен, — последовал ответ.

— Нет, нужен, — настаивал ученик. — Я лучше знаю мои чувства.

Наставник промолчал, а Мехмед опять подступил к нему, положил руки на плечи:

— Ты уезжаешь только из-за того, что я не могу больше подчиняться тебе? Неужели, не хочешь даже попробовать по-другому? Учитель, ведь разница не так велика. Это будет почти то же самое. Ты целуешь меня, а я — Тебя. Ты обнимаешь меня, а я — Тебя. Лишь завершение будет другим. Неужели это так важно? — юный султан снова обнял Учителя,

поцеловал, но Наставник, хоть и позволил это сделать, не ответил на поцелуй, а затем высвободился из объятий:

— Мой ученик, я уже говорил, что это невозможно. Я больше не могу быть твоим учителем и даже другом быть не могу.

— А может, не хочешь? — с подозрением спросил Мехмед. — Ты ведь собираешься вернуться в Афины. А у Тебя там друзья, о которых Ты мне рассказывал. Ты станешь делать с ними то, что не хочешь делать со мной. Тем друзьям Ты согласен уступать, а мне — нет. Чем они лучше меня?

— Я уже говорил, — ответил Учитель. — Друг — это тот, кто уважает твоё мнение и слушает твои советы. Если я стану твоим другом, то невольно вступлю в противоборство с твоими визирами и прочими советниками. То, что я буду тебе советовать как друг, может войти в противоречие с их советами, а я этого не хочу. Придворная жизнь не для меня, а твои визиры и советники будут плести интриги и стремиться очернить меня в твоих глазах. Я заранее знаю, что проиграю в этом противоборстве. К тому же я не стремлюсь к высоким постам и не стремлюсь быть всё время на виду.

Учитель смотрел куда-то мимо собеседника, а Мехмед стремился поймать этот взгляд:

— Так будь просто возлюбленным! А взамен я осыплю Тебя подарками. Не хочешь собственную школу? А что скажешь, если я помогу Тебе собрать прекрасную библиотеку? Таковую, которая будет лучше дворцовой! И я совсем не возражаю, чтобы у Тебя были ученики. Лишь бы не такие, как я.

— То есть ты хочешь, чтобы я стал твоим мальчиком? — спросил Учитель. — Старейшим мальчиком? Ах, мой ученик, ты, конечно же, не хотел меня обидеть, но ты даже не представляешь, насколько жалкая это роль! Мальчиками перестают быть примерно в твоём возрасте, и это хорошо. А вот тридцатилетний мальчик — это совсем не хорошо. Это смотрится даже смешно. Я знаю, что ты не хочешь сделать меня смешным. Ты просто цепляешься за прошлое. Не цепляйся. Живи дальше.

Эти слова моли бы показаться убедительными, но Мехмед вдруг вспомнил, что те же самые слова Учитель когда-то говорил другому ученику: «Живи дальше. Забудь меня».

Этот ученик, наверное, до сих пор жил в Афинах. А если Учитель хотел вернуться в тот город не только ради друзей? Юный султан вдруг почувствовал, как внутри закипает настоящая ревность.

— А как думаешь, Учитель, что стало с тем учеником-юношей, который у Тебя был в Афинах, и о котором Ты мне рассказывал? — опять с подозрением спросил Мехмед.

Учитель лишь отмахнулся:

— Эта история давно в прошлом. Ему сейчас уже лет двадцать пять. Думаю, он с помощью отца получил некую государственную должность и даже женился. Думаю, что обязанности на службе и обязанности по отношению к жене уже не оставляют времени для изучения наук.

— А я думаю, всё по-другому, — сказал Мехмед, присев на край застеленного ложа и опустив голову. Почему-то стало очень трудно говорить. Впервые за долгое время хотелось

плакать, но юный султан не желал показывать своих слёз.

Всё так же опустив голову, он продолжал:

— Я думаю, что к жене он давно охладел. И обязанности на той должности тяготят его, но не потому, что он лентяй, а потому, что Твой бывший ученик слишком погружён в воспоминания о прошлом и не может от них избавиться. А как только он услышит, что Ты вернулся в Афины, то оставит всё и всех, и в тот же час придёт к Тебе, и скажет, что снова хочет быть Твоим учеником, как прежде. Вот, что я думаю. И Ты откажешь ему в этом?

Юный султан поднял голову и испытующе посмотрел на Учителя, конечно, понимавшего, что нынешний ученик ревнует к бывшему, но в то же время отождествляет себя с ним — говорит о нём, но в то же время представляет, что станет ощущать через несколько лет.

— Ты откажешь ему? — повторил Мехмед.

— Да, для его же блага, — ответил Учитель. — А если он действительно хочет продолжать заниматься науками, то ничто не мешает ему избрать себе других учителей, не меня.

— Ты можешь быть так жесток! — с горечью произнёс Мехмед. — Так жесток!

— Это не жестокость, — возразил Учитель и, присев рядом с учеником, продолжал: — Я просто пытаюсь дать тебе последний урок. Не принуждай ни к чему тех, кого любишь. Научись отпускать, если эти люди хотят уйти. Отношения между учителем и учеником добровольны. Если бы ты захотел уйти, я не стал бы тебя удерживать. Ты знаешь это и видел доказательства. Когда ты решил жениться, я готов был смириться с тем, что наша любовь останется в прошлом. А теперь я прошу тебя оказать мне такую же услугу — смирись. Это очень пригодится тебе в будущем.

— У меня нет будущего, — ответил юный султан и снова опустил голову. — Впереди я вижу один лишь мрак.

— Он рассеется, — Учитель ободряюще потрепал ученика по плечу. — Поверь, я знаю твоё будущее. Ты уже взрослый. Ты сам способен научить кого-нибудь тому, чему научил тебя я. И вот представь, что ты повстречаешь мальчика, и он понравится тебе, но мальчик не захочет принять то, что ты ему предложишь. И тебе придётся смириться, и искать другого — того, который согласится. Поэтому я и говорю — научись смиряться сейчас. Ты всё ещё любишь меня, и именно поэтому отпустить меня тебе будет проще, чем кого-то, к кому ты не так сильно привязан.

— Учитель, всё наоборот! Именно любимых отпускать сложнее всего, — возразил юный султан.

— Нет, вовсе нет, мой ученик, — отвечал Учитель. — Поэтому я говорю — отпусти меня ради моего блага. Я хочу уйти, а если ты не отпустишь, то это будет принуждение, которое принесёт мне страдания. Ты хочешь моих страданий?

— Нет, не хочу...

— Поверь — отпускать любимых просто, если думать о них, а не о себе. Ведь если ты не можешь думать о благе любимого, то о благе человека, которого не любишь, ты тем более думать не станешь.

— А Ты думаешь о моём благе, Учитель? — язвительно спросил Мехмед, но Учитель,

будто не замечая этой язвительности, ответил:

— Конечно. С первого дня нашего знакомства я думал о твоём благе. И я стремился собственным примером научить тебя, как ты должен поступать со своими возлюбленными. Если мой пример тебя не научил, то никакие слова не научат. Поэтому я очень надеюсь, что ты меня отпустишь. Ведь да?

— Ты обманул меня, Учитель, — всё так же язвительно отвечал Мехмед. — Ты клялся, что останешься со мной, пока нужен мне. Ты не держишь слово.

Наставник устало вздохнул:

— Мой ученик, не кажется ли тебе, что наша беседа движется по кругу уже не первый день?

Мехмед ничего не ответил, но Учитель предпочёл принять это молчание за согласие, поэтому поднялся на ноги и сказал:

— Я думаю мне лучше уехать завтра же с утра. Прощай.

Юный султан чуть исподлобья посмотрел на Учителя, уже почти бывшего:

— Нет, — произнёс Мехмед.

— Что «нет»? — насторожился Наставник.

— Не прощайся со мной сегодня, — сказал юный султан. — Сегодня просто иди в свои покои, а придёшь попрощаться завтра. За ночь я обдумаю Твои слова и успокоюсь. Мы сможем проститься достойно.

Учитель улыбнулся:

— Хорошо. Сегодня я не прощаюсь, — а затем протянул руку, провёл пальцами по щеке ученика, уже почти бывшего. Мехмед поднял голову, потянулся вверх, и Наставник поцеловал ученика в губы долгим поцелуем, а затем вышел из комнаты.

Юный султан остался один. Он сидел на краю застеленного ложа и смотрел на двери невидящим взглядом. Поцелуй, который всё ещё ощущался на губах, казался таким, как те, которые Учитель дарил своему ученику перед самым отъездом из Манисы. А ещё это было напоминание о поцелуях, полученных в Гелиболу. И даже напоминание о том, что было в Эдирне в первые дни, до того, как умер маленький Ахмед. В те дни счастье казалось безоблачным, и вот прошло всего два месяца, и всё закончилось. Неужели, сегодняшней поцелуй стал последним?

Как жестоко поступил Учитель! Как жестоко! Обманул своего ученика. Сказал, что не уйдёт, пока нужен, и обманул!

Лишь одна мысль не давала Мехмеду погрузиться в отчаяние: «Я тоже обманул Учителя. Я не собираюсь прощаться. Ни завтра, ни позднее. Я солгал про завтрашний день, чтобы дать себе время принять решение».

Юный султан имел все средства, чтобы удержать Учителя в Эдирне силой, но запирает Его в покоях дворца не имело смысла, ведь Учитель не смог бы, находясь в таком

положении, любить своего ученика. Любовь сменилась бы ненавистью, а Мехмеду был совсем не нужен Учитель, который ненавидит.

Вот, почему решение было трудным! Ведь выход из этого печального положения оставался только один — прервать жизнь Наставника, потому что мёртвые уходят, только если ты сам их отпустишь, а если не желаешь отпускать, они остаются с тобой.

Мехмед не лгал, когда говорил, что видит впереди лишь мрак. И так же не лгал, когда рассказывал, что станет безразличным ко всему, и будет жить одной надеждой — на то, что когда-нибудь Учитель вернётся. Но Мехмед не хотел так жить, не хотел! Он слишком хорошо знал, что такое любовь, смешанная с горечью. И он очень хорошо знал, что такое ждать встречи, которая почти наверняка не состоится.

Именно так когда-то было с отцом, но на отца Мехмед не мог повлиять, не мог ничего сделать. А сейчас, в случае с Учителем, можно было что-то предпринять, и юный султан не собирался отказываться от этого. Плата за бездействие казалась слишком высокой, потому что Мехмед вспомнил все свои несчастные годы, которые прожил без Учителя, потому что ещё не повстречался с Ним. А сколько таких несчастных лет придётся прожить ещё, прежде чем наступит старость и смерть? Как это вынести?

Потому Мехмед и взял с Учителя обещание, что расставания не будет. Юный султан ни за что не хотел возвращаться к прежней жизни — жизни без любви.

— Я не буду страдать. Не буду! Ты меня не заставишь. Ты выполнишь своё обещание, — тихо произнёс Мехмед, продолжая беседу, которая, казалось, окончилась. — Ты обещал, что останешься со мной навсегда, и останешься. Пусть Ты уже не сможешь говорить со мной, и мы не сможем проводить время вместе, но Ты останешься. Мёртвый, но останешься. И я смогу считать Тебя своим.

Юный султан представил себе эту новую жизнь, и она показалась явно лучше, чем та, которая могла бы получиться, если ничего не делать. Однако жить одними воспоминаниями не хотелось. Этого казалось мало:

— Я завладею всем Твоим миром, — злорадно улыбнулся Мехмед. — Я завоюю Константинополь. Завуюю Афины. Завуюю все земли, где ещё жив дух эллинов. Все земли, куда Ты мог бы уехать от меня, если б попытался.

До сегодняшнего дня Мехмед считал, что завоевания — это его обязанность как султана. Султан должен воевать, даже если хочет мира. Турецкое государство не может жить без войн. Об этом ещё давно говорили Заганос и Шехабеддин, но теперь у юного султана появилась собственная причина для ведения войны. Ему всегда хотелось побывать в тех землях, о которых рассказывал Учитель, но было ясно, что султан может побывать там только как завоеватель. Мехмед понимал, сколько горя приносит война туда, куда она приходит, поэтому даже подумывал отказаться от войн с греками, но теперь... Теперь всё стало наоборот. Обида на Учителя оказалась такова, что уже не хотелось заботиться о других — хотелось исполнить свои желания. «Я войду в Константинополь!» — решил Мехмед, но

это будущее оставалось ещё слишком далёким. Ещё не был сделан даже первый шаг.

Мехмед потянулся к маленькому круглому столику, на котором стоял колокольчик, использовавшийся, чтобы звать слуг. Звон получился неровный. Наверное, потому что рука, державшая колокольчик, задрожала.

Тем не менее, Мехмед сумел изобразить спокойствие, когда на звон пришёл слуга. Юный султан сказал, что желает видеть Шехабедин-пашу, и евнух через несколько минут явился.

Юный султан, стараясь не выдать волнения, медленным шагом перешёл в комнату, где обычно слушал доклады. Евнух молча двинулся следом, а его господин, устроившись на длинном мягком сидении возле окон, улыбнулся ему милостивой улыбкой:

— Присядь, Шехабедин-паша. Я буду говорить с тобой об очень важном деле.

Сидение тянулось от края и до края стены, поэтому евнух мог скромно присесть туда же в трёх шагах от своего повелителя и слушать.

— Шехабедин-паша, недавно ты показал себя человеком, который очень полезен для исполнения особых поручений, — вполголоса произнёс Мехмед. — Ты хорошо всё устроил в отношении маленького Ахмеда. И хорошо придумал в отношении тех двух нянек, которые пытались помешать Али-бею. Он убил их, а ты сказал Алиме-хатун, что их убили в наказание, потому что они нечаянно утопили её сына. Умно придумано.

— Благодарю, повелитель, — евнух скромно улыбнулся.

— Вот почему я снова хочу дать тебе особое поручение. Есть один человек, чью жизнь я хочу прервать, но казнить его не хочу.

Евнух, конечно, задумался, кого подразумевает султан. На лице Шехабедина отразилось особое беспокойство, как будто он подумал: «Надеюсь, это не слишком знатный человек».

— Мой друг, которого я поселил в покоях рядом с моими и вверил твоим заботам..., — произнёс Мехмед, но теперь беспокойство на лице евнуха сменилось лёгким удивлением.

Шехабедин уже справился с собой и придал лицу непроницаемое выражение, когда султан продолжал объяснять:

— Именно его жизнь должна прерваться. Сегодня, не позднее завтрашнего рассвета. И пусть это будет чистая смерть, без крови.

Евнух молчал, поэтому Мехмед спросил его:

— Что скажешь?

— Это неожиданное поручение, повелитель. Его будет трудно исполнить в такой короткий срок.

— Трудно, но возможно? — продолжал спрашивать Мехмед.

— Возможно, — кивнул Шехабедин, — но...

— Что «но»?

— Я вижу, что ты разгневан на своего друга, мой повелитель.

— И что?

— Гнев со временем может пройти. Не случится ли так, что ты, мой повелитель, отдав приказ, впоследствии передумаешь? — евнух всем своим видом показывал, что сталкивался с подобными случаями за время своей долгой службы при дворе. — Если приказ уже успеют исполнить, тогда ты, мой повелитель, окажешься огорчён, а я стремлюсь не огорчать тебя.

— Нет, я не передумаю, — твёрдо произнёс Мехмед. — И я хочу, чтобы ты исполнил моё повеление как можно скорее. Мой друг собрался покинуть меня. Покинув меня, он предаст меня, а это случится уже завтра, когда он придёт в мои покои попрощаться перед отъездом. Я хочу, чтобы мой друг умер до того, как это случится. Хочу похоронить его с почестями — как того, кто был всецело верен мне в самые трудные дни моей жизни. Он должен быть достоин пышного погребения.

— Я понял, повелитель, — Шехабеддин поклонился.

— А ты знаешь того, кому можно поручить похороны?

— Да, повелитель. Не беспокойся об этом.

— Все его деньги следует отдать его семье, — продолжал юный султан. — У него при себе сейчас должна быть немалая сумма. Проследи, чтобы его семья получила всё до последней монеты. И все его вещи пусть тоже будут переданы. Все, кроме книг. Это моё. И сундук, в котором хранятся книги — тоже. Я оставляю это себе.

— Я понял, повелитель.

— Тогда иди и исполни.

* * *

Андреас не хотел думать о завтрашнем дне, но думал, потому что следовало собираться в дорогу. Впрочем, сборы получились не такие уж долгие, потому что вещей у него за последние годы не прибавилось. Всё те же два сундука, в одном из которых должны были найти своё место книги и рукописи, а в другом — всё остальное.

Грек как раз занимался сборами, когда в дверь вежливо постучали. Оказалось, что пришёл Шехабеддин-паша, начальник белых евнухов, а когда он ступил в комнату, то вслед за ним вошли четверо слуг, которые, выглядывая из-за спины Шехабеддина, смотрели внимательно и напряжённо. Могло показаться, что они чего-то ждут, но главный евнух был невозмутим, и своим невозмутимым видом показывал, что сегодня ничего не должно случиться.

— Прошу прощения за беспокойство, — Шехабеддин поклонился. — Я не отниму много времени. Я лишь зашёл передать слова моего повелителя. Завтра он будет ожидать своего друга в своих покоях во втором часу после рассвета. Возможно, это слишком рано, но другого времени нет. Завтра моему повелителю предстоит очень насыщенный день.

— Хорошо, я приду к назначенному часу, — Андреас тоже поклонился, ожидая, что евнух повернётся и уйдёт, но тот не уходил.

— Что-нибудь ещё? — спросил грек.

— Нет-нет, ничего, — Шехабеддин снова поклонился, но по-прежнему не уходил. Он рассеянно оглядел комнату и вздохнул: — Завтра эти покои опустеют.

— Да, увы, — ответил Андреас, но евнух не двигался с места и больше ничего не говорил.

Подождав ещё немного, грек нарушил молчание:

— Прошу прощения, но мне нужно собираться.

— Да-да, — кивнул Шехабеддин.

Эта странная беседа начала утомлять Андреаса. Он не хотел продолжать сборы при евнухе, но ничего другого не оставалось. Грек посмотрел на свои уже почти уложенные вещи в сундуках, как вдруг в его голове раздался голос: «Не поворачивайся к нему спиной!» Увы, было слишком поздно. Что-то мелькнуло перед глазами, а затем Андреас почувствовал, как на шее стремительно стягивается тонкий шнурок, и дышать уже почти невозможно. Грек хотел схватиться за шнурок, подсунуть под него пальцы, но не смог. На каждой руке уже повисло по человеку, и каждую ногу тоже держали, чтобы жертва не вздумала лягаться.

Андреас, пока ещё оставались силы, извивался всем телом, но высвободиться не получалось. Меркнувшим сознанием он отметил, что на руках и ногах повисли слуги, которые сопровождали Шехабеддина. Значит, душил сам евнух или кто-то, кто вошёл в комнату только что.

Андреас не успел задуматься, почему всё это происходит. Не успел понять, зачем у него отнимают жизнь.

Вместо эпилога

Когда Мехмед узнал, что первая часть повеления исполнена, то испытал странное чувство. Он думал, что будет больно, но вместо этого пришла лёгкость и спокойствие. Исчезли навязчивые мысли: «Тебя перестают любить. Тебя покидают».

Теперь Мехмед мог сказать себе совсем другое: «Мой Учитель любил меня до самой последней минуты и уже не разлюбит. Теперь Этот Человек навсегда мой».

В сердце что-то кольнуло лишь тогда, когда юному султану принесли сундук с книгами. С помощью слуг сундук пришлось разломать, потому что Мехмед не знал, как вынимается двойное дно — лишь знал, что оно есть. И вот сундук оказался сломан, тайник открылся, и Мехмед обнаружил там не только томик Платона и эротические рисунки, но и собственные стихи, которые сочинял в Манисе и дарил Учителю. Все листы были аккуратно сложены в стопку и перевязаны длинным шнурком. Получалось, что Учитель дорожил этими стихами так же, как рисунками и книгой, то есть очень сильно.

«Может, я слишком рано отдал приказ? Может, стоило подождать ещё немного? — спросил себя юный султан, перебирая эти вещи, но затем сказал себе: — Нет».

Учитель был по-своему прав, когда говорил, что расставаться надо вовремя — до того момента, когда на смену любви придёт ненависть или разочарование. Мехмед отдал приказ до того, как успел возненавидеть Учителя за то, что Учитель нарушил обещание. Да, была обида, но не ненависть, а обида могла со временем пройти. «Если я спрашиваю себя о том, не слишком ли рано отдал приказ, значит, успел вовремя», — решил Мехмед.

Хотелось запомнить Учителя верным и любящим... и живым, поэтому султан не пожелал взглянуть на тело, хоть Шехабеддин и сказал, что смерть почти не испортила красоту:

— Мы вовремя сняли шнурок. Кровь успела отхлынуть от лица прежде, чем застоялась там. Лицо не раздутое и не багровое. Мы сможем сказать, что он скончался от скоротечной болезни, а поскольку ты, повелитель, пожелал взять на себя устройство похорон, мы сможем даже показать это тело родственникам покойного. Обмывать тело будут не они, поэтому след на шее от шнурка не увидят.

— Хорошо, — отозвался Мехмед.

Он был спокоен, и его больше ничто не тяготило, но затем на смену этой лёгкости и умиротворённости пришла пустота. Учитель занимал такое значительное место в жизни ученика, что теперь ученик чувствовал себя так, будто рядом яма, в которую можно в любой момент сорваться.

Эту пустоту не могла заполнить Гюльбахар, и ни одна женщина не могла. Мехмед понял это, когда купил себе нескольких невольниц — тоненьких, как тростиночки, и оттого чем-то похожих на мальчиков или юношей. Гюльбахар принимала своего мужа ночью, а

невольницы — днём, и всё равно этого казалось мало.

Неизвестно, как Мехмед сумел бы спастись от пустоты, если б Шехабеддин однажды не напомнил ему, что во дворце уже много лет живёт один мальчик — почётный гость, а, по сути, пленник. Пленников когда-то было двое — двое братьев из страны, называвшейся Кара Эфлак.

Старшего из них Мехмед даже помнил — в памяти остался некий темноволосый юноша, хотя воспоминание было давним. Три года назад Мехмед провожал своего отца в поход в северные страны, а одна из целей похода состояла в том, чтобы посадить на трон Кара Эфлака этого самого юношу, обещавшего стать верным слугой. Вот и всё, что помнил Мехмед, а про младшего из братьев, на всякий случай оставленного при турецком дворе, совсем забыл. Хорошо, что Шехабеддин не забыл.

— Надо решить, что с ним делать, — сказал евнух, когда прислуживал повелителю, уединённо обедавшему в саду личных покоев.

— Сколько пленнику лет? — рассеянно спросил юный султан.

— Тринадцать, повелитель.

— Значит, он ещё слишком мал, чтобы посадить его на трон. Пусть дальше живёт во дворце, а когда этому мальчику исполнится хотя бы шестнадцать, мы ещё раз подумаем, что с ним делать.

— Да, повелитель, — евнух поклонился, — но я всё-таки советую тебе посмотреть на него.

— Почему ты мне это советуешь, Шехабеддин-паша?

На лице евнуха появилось странное выражение:

— Я стремлюсь не огорчать тебя, повелитель, а мне кажется, ты будешь огорчён, если увидишь этого мальчика не сейчас, а лишь через три года. Мне кажется, что ты рассердишься на меня и спросишь: «Шехабеддин-паша, как же так? Почему ты не уговорил меня посмотреть на него раньше? Целых три года я потерял из-за твоей недальновидности!» Вот что ты можешь сказать, повелитель, и именно поэтому я прошу тебя проявить чуть больше внимательности.

— Хорошо, — ответил Мехмед, — приведи его завтра в тронный зал после заседания дивана.

Конечно, было ясно, на что намекал евнух — мальчика можно использовать для утех... Однако на следующий день Мехмед уже забыл об этом. В голове султана после заседания остались лишь мысли о делах, поэтому, когда в тронном зале появился тот самый мальчик, даже не сразу получилось вспомнить, кого привели.

Мехмед сидел на троне, а тринадцатилетний посетитель ещё только прошёл большие высокие двери, так что расстояние пока оставалось велико, и не удавалось, как следует, различить черты лица. Тем не менее, даже издали обращали на себя внимание светлые волосы и тонкая фигура с хорошими пропорциями. Мелькнула мысль: «Кажется, мальчик красивый».

И вдруг так ясно вспомнились слова Заганоса, некоторое время назад сказанные об Учителе: «Он красив. Многие дорого бы дали, чтобы повстречать его лет двадцать назад».

Мехмед прищурился, чтобы лучше разглядеть посетителя, и вдруг в сердце что-то кольнуло. Неужели, случилось так, как говорил Заганос? Учитель вернулся к любимому ученику. Вернулся, но другим — в том облике, который более удобен, чтобы провести вместе много лет! Учителю почти исполнилось тридцать пять, когда прервалась Его жизнь. Значит, даже если бы Он решил не покидать своего ученика, а остаться как друг, эта дружба продлилась бы не более десяти лет. А вот мальчику было всего тринадцать! Его красота могла цвести гораздо дольше, чем красота Учителя.

Секретарь, стоявший рядом с Мехмедом, как будто не замечал переменившееся настроение господина и продолжал что-то говорить. Юный султан отмахнулся от него, как от назойливой мухи, и велел:

— Подведите мальчика ближе. Совсем близко.

Шехабеддин, который привёл это светловолосое чудо, охотно исполнил приказание, а Мехмед тем временем заметил ещё одну странность — мальчик почему-то был очень рад прийти сюда. Глаза тринадцатилетнего незнакомца сияли, щёки горели, и он смотрел на хозяина дворца с надеждой. Почему? Чего он ждал?

Мехмед поднялся с трона, взял мальчика за подбородок и принялся рассматривать лицо. Конечно, черты были не те, но они казались правильными, что придавало этому юному созданию некое неуловимое сходство с Учителем.

«Ничего, — подумал юный султан. — Внешнее сходство не так важно, а внутреннего сходства я добьюсь. Учитель говорил, что моё образование завершено, поэтому я способен научить кого-нибудь тому, чему научился сам. Вот мой ученик! Он будет любить меня особенной любовью. Он выучится греческому языку. Он прочтёт все те книги, которые я прочёл вместе с Учителем. Я расскажу этому мальчику то, что Учитель рассказывал мне. И тогда всё станет, как нужно».

Чуть позднее Мехмед узнал, что мальчика зовут Раду. Юный султан знал болгарскую речь, поэтому догадался, что имя происходит от слова, означающего радость. Может, это являлось предзнаменованием?

Мысль о предопределённости заставила Мехмеда действовать смелее. Он захотел пригласить мальчика в свои покои, в сад, который чудесно цвёл, ведь весна ещё не кончилась. Юный султан велел, чтобы в сад принесли вино, а также сладости, которые могли бы мальчику понравиться. С помощью вина и сладостей казалось возможным выведать все секреты юного существа.

Раду пришёл и опять смотрел на хозяина дворца с надеждой, но говорил странные вещи, которые не вязались с этим взглядом. Раду своим взглядом будто спрашивал: «Я понравился

тебе? Понравился? Ты оставишь меня при себе?», — но вслух говорил другое. Уверял, что хочет уехать, найти старшего брата.

«Зачем тебе куда-то уезжать? — мысленно обращался к нему Мехмед. — Твой брат не даст тебе тех благ, которые могу дать я. Ты сам не знаешь, от чего отказываешься».

Желание уехать казалось тем более странным, что мальчик вдруг посмотрел на Мехмеда восторженно, почти влюблённо и даже согласился поцеловать в щёку.

«Как же я могу тебя отпустить? — думал Мехмед. — Нет, никак не могу. Ты моя надежда, моё будущее счастье, поэтому я не отпущу тебя, никогда».

Он крепко прижал мальчика к себе и поцеловал в губы.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

ФАКТЫ И ЦИФРЫ

Исторический фон романа «Любимый ученик Мехмед»

В этой исторической справке я, прежде всего, старалась изложить то, о чём в романе не сказано. Темы, которые в романе освещены подробно (например, суть древнегреческого метода обучения, отношения Сократа с Алкивиадом и т. д.) в этой справке не затрагиваются.

Для удобства поиска информации, историческая справка разделена по персоналиям и темам.

МУЖСКИЕ ПЕРСОНАЖИ:

Принц Мехмед Челеби, позднее — султан Мехмед II Завоеватель

Данная справка — попытка обобщить то, что пишут о Мехмеде разные авторы. Увы, они порой противоречат друг другу, версии выдаются за факты, мифы излагаются как реальные истории, и во многих случаях видно стремление сочинить Мехмеду «красивую» биографию.

Миф 1. Великая судьба, предсказанная при рождении

Мехмед, сын султана Мурата, родился в ночь с 29 на 30 марта 1432 года в столичном дворце, то есть в городе Эдирне. Матерью будущего Завоевателя стала обычная наложница (о ней см. ниже).

Существует легенда, что султан Мурат, беспокоясь об итогах родов своей наложницы, не мог заснуть. В ожидании вестей он начал читать Коран. Когда чтение дошло до 48-й суры, предрекающей мусульманам «близкую победу» над неверными, явился слуга и сообщил о рождении сына. Это было знамение о том, что мальчик, когда вырастет, захватит Константинополь.

Увы, легенда далека от реалий, поскольку мать Мехмеда не была любимой наложницей. Отец Мехмеда не интересовался её судьбой. Значит, о рождении сына Мурату сообщили уже постфактум.

Тем не менее, в Интернете можно встретить утверждение, что мать Мехмеда была женой Мурата, и что у них была сыграна полноценная свадьба. Не всем нравится, что завоеватель Константинополя — сын наложницы.

Миф 2. Доверенный правитель

В 1437 году умер один из старших братьев Мехмеда — Ахмед, и тогда Мехмеда начинают рассматривать, как вероятного наследника престола. Мальчика, которому было 5 лет, отправили в Амасью, где располагалась одна из султанских резиденций, весьма далёкая от Эдирне.

В 1443 году умер другой старший брат — Али, после чего Мехмед, которому было уже 11 лет, приобрёл статус наследника и переселился в другую резиденцию, в Манису, поближе к столице.

В 1444 году отец неожиданно решает передать Мехмеду власть. Историки не могут внятно объяснить причину — мальчику 12 лет, он ничего не понимает в политике, но его сажают на трон. Зачем? Где логика?

Возможно, логики просто не было, а был пожилой султан Мурат, который любил выпить, и под действием вина как раз появилась «светлая» мысль доверить трон 12-летнему сыну. Лишь в 1446 году Мурат одумался и забрал власть обратно.

Конечно, в «красивую» биографию такое не впишешь.

Миф 3. Прилежный ученик

Касательно обучения Мехмеда тоже существует легенда.

Когда мальчику было 11 лет, и он остался единственным наследником, отец пригласил ему учителя — муллу, которого звали Ахмед Гюрани (о нём см. ниже). Отец Мехмеда дал мулле палку и приказал без колебаний применить её, если сын станет лениться. С этой палкой мулла отправился к Мехмеду на урок, а принц спросил: «Что у тебя в руках?» «Этой палкой я стану выколачивать из тебя лень. Таково повеление твоего отца», — ответил мулла.

Финал этой истории существует в двух вариантах:

- 1) Мулла никогда не применял палку, потому что Мехмед за время обучения ни разу не проявлял лень.*
- 2) Мехмед, услышав слова Ахмеда Гюрани, расхохотался в ответ на угрозу, и мулла избил принца. Мехмед даже заплакал от боли.*

Вряд ли Мехмед после первого же инцидента плакал, но этот вариант всё равно ближе к истине, ведь известно, что великий визир Халил-паша назвал Мехмеда «диким», то есть мальчик был непокорным. Телесные наказания учеников, даже знатных, в то время были обычным делом. Следовательно, Мехмеда в детстве били. И часто. Но безрезультатно.

Если бы такие меры давали эффект, то понятия «трудный подросток» просто не существовало бы. «Трудные подростки» до сих пор остаются головной болью преподавателей и психологов, а утверждения историков о том, что мулла Гюрани с помощью палки заставил «дикого» мальчишку учиться — очередной миф.

В то же время известно, что не позднее 1446 года Мехмед начал учиться со старанием и в течение следующих 4 лет выучил довольно много. Возможно, он думал, что успехи помогут заслужить расположение отца и вернуться к власти. Однако это сомнительно. В то время Мехмед был единственным наследником престола. Младший брат Мехмеда (так называемый Маленький Ахмед) родился в самом конце 1440-х, поэтому в 1446 году Мехмед как единственный наследник был уверен, что возвращение на трон неминуемо.

Если рассуждать логически, то получается, что пробудить в Мехмеде интерес к учёбе мог только учитель, чей метод имел в основе систему поощрений, а не систему наказаний. Эта версия поддерживается в романе (подробнее см. ниже).

Мехмед много чего изучал: Коран и мусульманское право, математику, астрономию, географию, турецкую и персидскую литературу, греческий язык, воинские дисциплины. Но что оказалось усвоено?

Венецианец Джакомо де Лангуски, побывавший при дворе уже взрослого Мехмеда в начале 1450-х годов, свидетельствовал, что юный султан «воспитан как воин», но при этом любит исторические сочинения, а также «выказывает величайший интерес к географии и военному делу». Джакомо особо отметил, что во время переговоров Мехмед «показал себя хитрым (умным) собеседником, визнавая положение дел». Значит, риторику и логику изучал. Кроме того, мы знаем, что он любил поэзию, то есть к литературе как предмету тоже проявлял интерес.

В «красивых» биографиях Мехмед часто именуется одним из самых образованных правителей своего времени, но это явное преувеличение. Также утверждается, что помимо турецкого он якобы знал ещё семь языков:

- арабский,
- персидский,
- древнееврейский,
- греческий,
- латынь,
- славянский,
- албанский.

Скорее всего, языков было не семь, а пять:

- арабский (т. к. на нём написан Коран, и Мехмед был обязан его изучить),
- персидский (т. к. Мехмед сочинял стихи на этом языке),
- греческий (т. к. со знатью завоёванного Константинополя Мехмед говорил по-гречески),
- славянский (т. к. на этом языке говорили болгары и сербы, служившие при дворе, а Мехмед, с детства слыша их речь, усвоил её),
- албанский (т. к. мать Мехмеда, вероятно, была албанкой).

Упомянутый Джакомо де Лангуски свидетельствовал, что юный султан помимо турецкого говорил на трёх языках: арабском, греческом и славянском (по факту смесь болгарского и сербского).

Кстати, арабский, греческий и славянский являлись основными языками, на которых средневековая Турция вела дипломатическую переписку. Неудивительно, что Мехмед их знал. Про другие языки ничего не сказано, но тот же Джакомо де Лангуски говорит, что Мехмед нашёл себе двух итальянцев, чтобы те «читали ему» греческих авторов, древнеримских авторов и более современные сочинения на латыни.

Султан — это не ребёнок, который просит, чтобы взрослые почитали ему сказку, так что, скорее всего, речь о более трудном «чтении». То есть итальянцы не просто читали, а

объясняли то, что было непонятно, а во время чтений на латыни прямо с листа переводили султану на понятный ему язык.

Джакомо де Лангуски сообщал следующее:

«Ежедневно ему (султану) читают римских и других историков. Это делает компаньон по имени Чириако д'Анкона и другой итальянец. (В частности) читались сочинения Диогена Лаэртского, Геродота, Тита Ливия, Квинта Курция, жизнеописания пап, критические биографии императоров, повести о королях Франции и Ломбардии».

Перевод по книге Франца Бабингера «Мехмед Завоеватель и его время» (Franz Babinger «Mehmed the Conqueror and His Time»).

Итальянец Чириако д'Анкона (Кириак из Анконы) был представлен Мехмеду в 1444 году, незадолго до того, как Мехмед стал султаном в первый раз. Известно, что Чириако приехал в Турцию ради археологических изысканий, но, в конце концов, нашёл себе место при дворе Мехмеда.

Кто был «другой итальянец», неизвестно. Есть мнение, что это Джакомо да Гаэта, итальянский еврей, который уже в 1440-е годы являлся личным врачом Мехмеда (подробнее см. ниже).

Миф 4. С детства мечтал завоевать Константинополь

Существует ещё одна полулегенда, связанная с обучением Мехмеда. Согласно обычаю, установившемуся для всех турецких принцев, тот должен был помимо наук, необходимых правителю, изучить некое ремесло по своему выбору. Он решил стать пушечных дел мастером и объяснил это так, что рассчитывает использовать свои знания, когда придёт время осадить Константинополь.

Иногда даже утверждается, что полученное ремесло позволило Мехмеду контролировать работу мастера Урбана, специально нанятого, чтобы изготовить пушки для осады Константинополя.

В действительности, даже если Мехмед что-то контролировал, это не принесло пользы. Одна из пушек во время стрельбы взорвалась, и Урбан погиб при взрыве. Значит, Мехмед, если и разбирался в пушках, то никак не лучше Урбана.

Тем не менее, в «красивых» биографиях пишут, что Мехмед всегда мечтал захватить Константинополь, и что, в 12 лет оказавшись на троне, сразу заговорил о походе на город.

Также устоялось мнение, что смелые устремления Мехмеда испугали великого визира Халила-пашу (о нём см. ниже), поэтому Халил через два года, в конце лета 1446-го, уговорил отца Мехмеда вернуться.

Лично я в эту версию не верю. Не надо забывать, что 12–14 лет — начало полового

созревания, но если слушать историков, получается, что Мехмед именно в этом возрасте увлёкся политикой и грезил о захвате Константинополя, а гормональный бум прошёл как-то незаметно.

В 12–14 лет, то есть в 1444–1446 годах должны были проявиться особые наклонности Мехмеда. И проявились! Об этом говорят два факта:

1) Большое влияние на Мехмеда приобрёл его советник — визир Заганос-паша, который подозрительно «дружил» с дворцовым евнухом Шехабедином-пашой (о них см. ниже).

2) Мехмед заинтересовался суфийской поэзией, а это поэзия особого рода. Формально она о любви как о религиозном чувстве, однако даже во времена Мехмеда многие религиозные деятели считали, что суфийская поэзия восхваляет мужеложство.

Известен эпизод с дервишем-суфием из Персии, который был приглашён для беседы в личные покои Мехмеда, но оказался схвачен там людьми великого визира Халила-паши, а Халил либо сам велел казнить дервиша, либо отдал его муфтию Фахреддину, сжегшему «еретика» на костре.

Иногда пишут, что этот дервиш стал причиной народных выступлений в Эдирне, проповедовал «примирение между исламом и христианством», а Мехмед, который присутствовал на одной из таких проповедей, пригласил смутьяна-дервиша во дворец, но затем оказался вынужден выдать разъярённому духовенству.

В то же время другие историки вообще не говорят про бунт, якобы имевший место, а только про противостояние с Халилом-пашой из-за дервиша. Думаю, второе ближе к истине, а рассказы про бунт — попытка скрыть скандальный интерес Мехмеда к суфизму и сделать биографию «красивее».

Такой же попыткой «сделать красиво» выглядят заявления историков о том, что интерес Мехмеда к биографии Александра Македонского был связан исключительно с завоеваниями Александра. А как же история Александра и Гефестиона?

Известно, что Мехмеду читали переведённую на греческий язык книгу римского автора Арриана Флавия «Поход Александра», но Александр ведь прославился не только как завоеватель, а в книге Арриана есть отрывки, которые могли бы показаться Мехмеду интересными совсем по другой причине.

Я считаю, что Халила-пашу насторожила не воинственность малолетнего султана, а его легкомыслие, открытое проявление гомосексуальных наклонностей и недостаточный интерес к государственным делам. Именно из-за этого Мехмед лишился власти.

Кстати, по окончании первого правления он оказался разлучён со своими советниками — Заганосом и Шехабедином. Официальной причиной стала их политическая позиция (дескать, это они побуждали Мехмеда ввязаться в авантюру с захватом Константинополя), но причина кажется странной.

Дело в том, что на Мехмеда в 1444–1446 годах пытались влиять многие его «учителя», имевшие религиозный авторитет и призывавшие к войне с «неверными», а захват Константинополя — та же война. Про войну, конечно, говорил мулла Гюрани, а ещё — Акшамсаддин (Акшемсеттин), мулла Хюсрев, мулла Еган, мулла Аяс.

Почему-то никто не наказал этих учителей за дурные советы, а вот Заганоса и Шехабедина одёрнули. Такое впечатление, что Заганос с «другом» были наказаны за то, что поощряли интерес Мехмеда к однополым связям.

Куда делся Шехабедин, когда Мехмед лишился власти, не ясно. Возможно, он остался в столице. Самого Мехмеда отправили в Манису, а Заганоса заставили уехать в его имения в Анатолии — хасс Балыкесир по соседству с Манисой.

Это соседство иногда порождает мнения, что Заганос «последовал» за Мехмедом, но нет подтверждений, что Мехмед и Заганос виделись или хотя бы переписывались с середины 1446-го до начала 1451 года, когда Мехмед взойшёл на трон во второй раз. Скорее всего, они не общались, ведь иначе их могли заподозрить в неодобрительных высказываниях о султанине Мурате, отобравшем у сына власть.

Достоверно известно лишь то, что Мехмед, во второй раз взойдя на престол, вернул Заганоса ко двору. Шехабедин тоже стал играть заметную роль при Мехмеде.

Миф 5. Нелюбимый двором и янычарами

Считается, что Мехмед во время первого правления не пользовался популярностью при турецком дворе. Главной причиной называют то, что Мехмед вёл себя, как подросток: проявлял излишнюю независимость и даже заносчивость, совершал необдуманные поступки.

При этом историки как будто забывают, что Мехмеда окружали взрослые люди, которые понимали — он не сам уселся на трон, а по решению своего отца, Мурата. То есть недовольство могло быть связано не только с Мехмедом, но с Муратом, который передал дела незрелому сыну.

Тем не менее, о возможном недовольстве в отношении Мурата историки не говорят. Наверное, понимают, что тогда придётся задуматься о причине решения Мурата и спросить себя — не было ли оно принято в подпитии?

Часто пишут, что Халил-паша, убеждая пожилого Мурата вернуться к власти, опасался восстания янычар, или даже спровоцировал восстание, но эти утверждения звучат странно. Если Мехмед в 1444–1445 году начал готовиться к походу на Константинополь, то янычары должны были встретить эту идею с воодушевлением. Если поход действительно планировался, откуда недовольство?

Именно поэтому я думаю, что янычары в первую очередь были недовольны не

Мехмедом, а Муратом, который поступил недальновидно, передав власть 12-летнему сыну. Янычары хотели войны, но понимали, что 12-летний Мехмед не сможет скоро отправиться в поход, даже если хочет. Поэтому в 1446 году и состоялось возвращение Мурата на трон.

Кстати, дальнейшие действия Мурата после возвращения вполне можно трактовать как признание своей ошибки и как стремление её исправить. В 12 лет даже гений не смог бы править успешно, поэтому султан Мурат больше не ставит перед сыном невыполнимых задач, а приучает его к роли правителя постепенно. В частности, Мехмед периодически участвует в походах в Албанию.

Не исключено, что Мехмед ходил в Албанию зимой 1446–1447 года под присмотром опытного военачальника. По мнению историков именно в албанском походе Мехмед познакомился со своей первой женой, у которой в конце 1447 года родился сын (о ней см. ниже).

В июле 1448 года Мехмед ходил в Албанию вместе с отцом. После длительной осады была взята крепость Светиград, началась осада города под названием Круя (центр владений небезызвестного Георгия Скандербега). Затем к Мурату пришла весть, что венгры готовятся напасть на северную турецкую границу. Султан снял осаду и отправился в новый поход, нанеся венграм поражение на Косовом поле (осенью 1448-го). Мехмед в отсутствие отца занимался делами в Эдирне, а затем вернулся в Манису.

Весной 1450 года отец и сын снова совершили поход в Албанию. В середине мая началась осада Круи. Сначала Мурат пытался подкупить коменданта крепости, но не сумел. Затем из отлитых на месте двух тяжёлых пушек начался обстрел укреплений. В результате оказалась пробита брешь в воротах. Начался штурм, причём возглавил его лично Мехмед, но штурм окончился неудачей. В последующие дни взять крепость также не удалось. В то же время турецкая армия испытывала продовольственные затруднения, поэтому осада была снята. Мурат вернулся в Эдирне, а Мехмед — в Манису.

Что в итоге выросло из «дикого» мальчика Мехмеда:

Опять процитирую Джакомо де Лангуски: *«Правителю, Великому Турку по имени Мехмед-бей двадцать шесть лет. Он хорошо сложен и ростом выше среднего. Воспитан как воин, а его обращение скорее внушает трепет, чем почтение. Улыбается редко. Он осмотрителен, (но в то же время) способен к бескорыстным благородным порывам. Он проявляет упорство в исполнении своих замыслов, и замыслы у него дерзкие, а жажда славы, как у Александра Македонского. <...> Вот человек, с которым христианскому миру придётся иметь дело».*

Перевод по книге Франца Бабингера «Мехмед Завоеватель и его время» (Franz Babinger «Mehmed the Conqueror and His Time»).

Возвращение к власти

2 февраля 1451 года умер пожилой султан Мурат. Смерть сохранили в тайне, а великий визир Халил-паша тут же отправил Мехмеду секретное письмо с известием о случившемся и просьбой срочно прибыть в Эдирне. Мехмед взойшёл на трон 18 февраля 1451 года.

Кратчайший путь из Манисы до Эдирне в то время составлял порядка 470 км. Всадник преодолевал это расстояние за 8 дней (или за 7, если торопился). Получается, что письмо великого визира дошло к Мехмеду примерно 9 февраля.

Известна фраза, которую Мехмед произнёс перед отъездом из Манисы: «Кто любит меня, пусть следуют за мной». Считается, что Мехмед решил таким образом проверить лояльность своих слуг, но в романе названа ещё одна вероятная причина, почему Мехмед мог произнести эти слова.

Следующие дни Мехмед провёл в дороге. Путь пролегал через земли, относящиеся к Балыкесиру — то есть через владения Заганоса-паши. Опального визира Мехмед взял с собой в Эдирне.

Добравшись до Гелиболу (город на северном берегу пролива Дарданеллы), Мехмед, очевидно, застал там посланца с ещё одним письмом от Халила-паши. Так юный султан узнал, что кроме него на власть больше никто не заявил права. Принц Орхан, дальний родственник Мехмеда, живший в Константинополе, никак себя не проявил. Тогда Мехмед перестал торопиться в Эдирне.

Византийский историк Дукас пишет, что Мехмед провёл в Гелиболу 2 дня. Согласно османским хроникам, о смерти Мурата объявили на 13-й день, то есть 15 февраля.

После этого Мехмед приехал в Эдирне. Многие придворные вышли встречать нового султана на дорогу и соболезновали ему в связи с кончиной отца. Они сделали это на дороге, т. к. соболезнования согласно мусульманской традиции не следует выражать в доме умершего (в данном случае во дворце).

В тот же день по приезде в турецкую столицу (18-го февраля) Мехмед взойшёл на трон. Тогда же, согласно Дукасу, был эпизод в тронном зале, когда Халил-паша со сторонниками вдруг испугался, что Мехмед припомнит события 1446 года, когда прежнего султана Мурата уговорили забрать трон у сына. Мехмед сделал вид, что не понимает этих страхов, и спросил: «Почему визиры моего отца стоят в отдалении?»

Также Дукас сообщает, что в течение следующих нескольких дней по приказу Мехмеда был убит его брат — Маленький Ахмед, которому не исполнилось и двух лет. Мальчика утопили в купальне. Мать мальчика, Алиме-хатун, была выдана замуж за одного из султанских приближённых — Исхака-пашу.

Незадолго до этого Исхак-паша получил от Мехмеда должность бейлербея Анатолии (начальника над всей азиатской частью Турции). Исхаку-паше было поручено сопровождать гроб с телом прежнего султана в Бурсу. После гибели Маленького Ахмеда потребовалось

сопровождать уже не один, а два гроба.

Учитель греческого языка

У Мехмеда действительно был учитель греческого языка, но деталей мы не знаем. Имя, внешность и вся биография учителя, изображённого в романе — допущение автора:

1) кажется вполне логичным, что учитель греческого языка — сам по национальности грек, поэтому в романе у учителя именно эта национальность,

2) чтобы хорошо знать турецкий язык, этому греку требовалось долго жить в Турции, поэтому в романе учитель является турецким подданным,

3) также кажется логичным, что особый древнегреческий метод обучения мог применить к Мехмеду именно учитель-грек, а не какой-то другой учитель.

Всё это лишь предположения, но есть и факты, которые делают рассказанную историю вполне правдоподобной.

Факт 1

Мехмед занимался греческим языком и выучил его хорошо, а значит — отношения с преподавателем сложились. Мехмед также знал арабский и славянский, но этими двумя языками он никогда так активно не пользовался, как греческим. Мехмед не просил, чтобы кто-то читал ему книги на арабском и славянском, а чтение на греческом он любил послушать.

Как уже говорилось, Мехмеду читали на греческом Диогена Лаэртского, Геродота и переведённую на греческий книгу Арриана об Александре Македонском. Если греческий у Мехмеда был любимым иностранным языком, значит, и к учителю Мехмед относился благожелательно.

Факт 2

Древнегреческий метод обучения, основанный на любви, существует. В основе этого метода лежит любовь как чувство эмоциональной привязанности между учителем и учеником, которое используется, чтобы сделать обучение более эффективным.

Ученик, влюблённый в учителя, внимательнее слушает, лучше запоминает и сильнее старается, чтобы порадовать учителя. Учитель в свою очередь, движимый любовью, работает с большей отдачей.

Именно такой метод, вероятно, был применён к Мехмеду, и именно поэтому упрямый, «дикий» подросток вдруг начал хорошо учиться и вообще проявлять любознательность. Наказания палкой никогда не дали бы такого эффекта.

Сдержанное поведение учителя, показанное в романе, вполне типично для Средних веков. Шокирующие истории из жизни аристократии — совсем другой случай, поскольку в романе рассказано не про аристократов, а про жизнь учителя и про преподавание. К тому же этот учитель опирается на опыт древних греков. Даже в Древней Греции во многих регионах считалось, что отношения учителя с учеником не могут переходить в физиологическую плоскость, так как в результате физического сближения любовь как ресурс растрачивается впустую, не приводит к достижениям, которые можно кому-то предъявить. Понятия «педагогика» и «педофилия» различались уже в те времена.

Сам метод, основанный на любви (без физиологической составляющей), применяется до сих пор, причём гораздо шире, чем принято считать. Например, если вы учились в ВУЗе, то наверняка вспомните одного или нескольких своих преподавателей, которые казались настолько обаятельными, что в них был буквально влюблён весь курс независимо от пола. Предмет, изучаемый у этого преподавателя, становился у студентов одним из самых любимых. Все добросовестно учили и сдавали на четвёрки-пятёрки. Вот вам пример современного этичного применения древнегреческого метода.

Кстати, именно по этой причине мало кому нравится ситуация, когда преподаватель заводит роман со студенткой или женится на одной из них. Это воспринимается как опоздание педагогического метода.

Факт 3

Когда Мехмед узнал о смерти своего отца и поспешил в турецкую столицу, то перед отъездом из Манисы произнёс: «Те, кто любит меня, пусть следуют за мной».

Эти слова были обращены:

- не к жёнам Мехмеда, которые приехали в Эдирне гораздо позже;
- не к матери Мехмеда, которая к тому времени уже скончалась;
- не к мулле Гюрани, с которым Мехмед конфликтовал;
- не к Заганосу и не к Шехабеддину, которые в это время находились очень далеко.

Факт 4

Мехмед, направляясь в Эдирне, вдруг остановился на 2 дня в Гелиболу. Считается, что он ждал, пока в столице всё подготовят к его приезду. Однако эта причина могла быть формальной.

Думаю, что Мехмед вполне мог посвятить эти 2 дня кому-то, кто казался важнее власти и трона, но это точно не Раду. С Раду Мехмед близко познакомился, когда уже приехал в Эдирне и вступил на престол.

В стихах Мехмеда периодически мелькает особенная тема — тема добровольного рабства в любви.

Пример:

О, красота, ты — повелитель мой!
Моя душа мечтает стать твоей работой.

Ещё пример:

Серьгу я в ухо вдел, рабом назвал себя.

Тема является странной именно для этого автора, поскольку султан не должен никому подчиняться, а должен подчинять, причём во всех сферах. Пассивная роль в сексе для султана неприемлема. Если бы он практиковал подобное, то в итоге потерял бы власть.

И всё же Мехмед (Авни) пишет о подчинении как о счастье. Откуда у Мехмеда могло появиться мнение о том, что, подчиняясь, можно получать удовольствие? Возможно, этот опыт был получен до восшествия на престол.

Мулла Ахмед Гюрани, главный наставник Мехмеда в Манисе

Настоящее имя Шемседдин Ахмед бин Исмаил (бин Исмаил означает «сын Исмаила») По национальности курд. Родился в городе Горан в северном Ираке в 1416 году.

Изучал богословие в медресе (школе при большой мечети) в Дьярбакыре. Сейчас Дьярбакыр — неофициальная столица турецкого Курдистана. Также учился в школах Баграда, Дамаска и Каира, стал муллой. Работал учителем в одной из медресе Каира. Учитель в медресе назывался «мюдерис».

Женат не был. Как пишут, этот человек «посвятил себя науке». Также говорится, что он слыл знатоком в области исламского богословия и права, сочинял богословские трактаты. Жизнь Ахмеда Гюрани названа «моральным образцом», и это утверждение не противоречит тому, что написано в романе. В романе мулла никаких законов и правил не нарушает.

В каирской медресе он учительствовал недолго, потому что был изгнан из Каира в Дамаск. Вероятно, это случилось из-за разногласий в вере, т. к. Египет в то время находился под властью мамлюков, которые были мусульманами-суннитами, а Ахмед Гюрани был мусульманином-шиитом.

Затем он переехал в Турцию, где шиитов было довольно много. Занимался

преподаванием в школах Бурсы, снискал там уважение и в итоге стал учителем у принца Мехмеда, на тот момент 11-летнего. Ахмеду Гюрани было тогда 27 лет. В 1446 году, когда начинается действие романа, мулле было 30 лет.

Если этот учитель применял на занятиях палку, отношения с учеником вряд ли были хорошие. Также есть сведения, что у Мехмеда были конфликты с Ахмедом Гюрани даже после 1451 года, когда Мехмед получил власть во второй раз.

Мехмед сделал своего бывшего учителя кадиаскером — верховным судьёй по военным и религиозным делам в Турции, но Ахмед Гюрани стал выносить решения без оглядки на Мехмеда, поэтому был смещён.

После примирения Мехмед сделал бывшего учителя судьёй (кадием) в Бурсе, но Ахмед Гюрани вскоре объявил, что один из фирманов (указов) султана противоречит исламу. В итоге был смещён и с этой должности.

Затем Мехмед в 1480 году, то есть незадолго до своей смерти, назначил Ахмеда Гюрани верховным судьёй по религиозным делам. Эта должность называлась «шейх-уль-ислам». (Когда она была учреждена, кадиаскер потерял право разбирать религиозные дела).

Умер Ахмед Гюрани в 1488 году, то есть прожил более 70 лет, что говорит о хорошем здоровье.

Заганос-паша, визир, советник Мехмеда

Год рождения неизвестен. Данные о происхождении противоречивы.

Значение имени:

Имя Заганос в переводе с турецкого языка означает «сокол». По-турецки так и читается — «заганос».

Версии о происхождении:

1) Пишут, что Заганос-паша был мужчина «иллирийского типа», то есть типичный албанец, но при этом утверждают, что он в 14 лет был взят из семьи и обращён в ислам, чтобы пополнить ряды янычар.

Эти утверждения противоречат друг другу, поскольку Албания тех времён ещё не была покорена, и значит, система девширме, также известная как «налог кровью» (набор мальчиков, из которых делали янычар), не могла там действовать.

Албанский санджак был создан в 1431 году, но уже в 1433-м перестал существовать.

Если бы 14-летнего Заганоса забрали из семьи в начале 1430-х, то в 1439 году, ему исполнилось бы не более 23 лет. Но ведь в 1439 году Заганос уже известен как третий визир — министр. И это в 23 года?

Тем не менее, в турецком реестре 1431–1432 годов говорится, что в Албанском санджаке, состоявшем из 355 тимаров (мелких феодальных владений), 175 тимаров принадлежало представителям албанской знати, добровольно принявшим ислам. И вот среди этих людей как раз мог быть Заганос.

Если всё было так, то его не забирали из семьи, а обращение в ислам произошло добровольно. И не в 14 лет, а во взрослом возрасте.

В 1433 году, когда Албания снова обрела независимость, все албанцы, обращённые в ислам, или снова перешли в христианство, или лишились своих владений. Получается, что Заганос оказался в числе вторых, но в течение следующих 6 лет дослужился до поста третьего визира.

2) Некоторые историки называют Заганоса болгаринном или даже греком. Если так, то он вполне мог через систему девширме попасть в янычарский корпус, поскольку Болгария и часть греческих (византийских) земель были уже прочно завоёваны. Но тогда получается, что его забрали из дома в начале 1420-х годов — никак не раньше.

3) Некоторые историки пишут, что Заганос родился мусульманином, а его дед даже занимал пост великого визира.

Политические взгляды:

Историки пишут, что Заганос был ярким сторонником завоевательной политики. Возможно, у него были для этого и личные причины — хотел вернуть себе родовые земли, потерянные в 1433 году.

Кто-то из историков объясняет стремления к войне религиозностью Заганоса — хотел воевать с «неверными».

Некоторые просто шутят на эту тему, называя Заганоса одним из «ястребов» султана, поскольку имя Заганоса имеет сходное значение, а в современной американской политологии партия сторонников войны именуется «ястребы» (в противоположность партии мира, которая называется «голуби»). Главное — понимать, что Заганоса в Средние века «ястребом» не называли.

Служба Мехмеду II:

В 1443 году Заганоса назначают наставником принца, 11-летнего Мехмеда. По-турецки

эта должность называлась «лала».

Заганос занимался воспитанием Мехмеда не как обычный учитель. Напомню, что Мехмед на тот момент жил в Манисе и изучал науки под руководством Ахмеда Гюрани, а Заганос оставался третьим визиром, поэтому должен был находиться в столице (в Эдирне) и регулярно принимать участие в заседаниях дивана. Значит, Заганос иногда приезжал в Манису и проверял уровень знаний своего подопечного.

Летом 1444 года султан Мурат решил передать свою власть Мехмеду, которому на тот момент было 12 лет. Заганос, всё так же оставаясь третьим визиром, стал советником Мехмеда и получил в жёны одну из дочерей Мурата (т. е. сестру Мехмеда по отцу). Её звали Фатма-хатун.

Заганос приобрёл на своего подопечного большое влияние, но сестра Мехмеда вряд ли этому способствовала. Вероятнее всего, причиной стала особая «дружба» Заганоса с придворным евнухом Шехабеддином. (Кстати, по исламским законам сексуальная связь мужчины с евнухом не запрещалась.)

Примерно в конце лета 1446 года Мехмед потерял власть. Мурат возвратился на трон, а Заганоса отправили в ссылку.

Вплоть до февраля 1451 года Заганос оставался в ссылке, в своих владениях — хасс Балыкесир. Он оказался разлучён с Шехабеддином. В Балыкесире жил вместе с жёнами которых в тот период было две: Ситти Нефисе-хатун и Фатма-хатун. Дети у него тоже были.

Как уже говорилось в другой справке, Балыкесир граничил с Манисой, где в 1446–1451 годах жил Мехмед. Нет сведений о том, что Мехмед и Заганос виделись или переписывались в тот период, но в феврале 1451 года Мехмед, получив трон во второй раз, сразу вспомнил о своём советнике. Направляясь в Эдирне, чтобы принять власть, Мехмед заехал в земли Балыкесири, чтобы продолжить путь вместе с Заганосом.

На первом же заседании дивана, которое состоялось 18 февраля 1451 года, Заганос получил повышение по службе — его назначили вторым визиром (более значимым был только великий визир). Также в ведение Заганоса перешли янычары, но формально остались под командованием особого начальника, который назывался «янычар-ага».

Заганос очень хорошо проявил себя при подготовке к осаде Константинополя и во время захвата города, поэтому 30 мая 1453 года стал великим визиром вместо Халила-паши, которого Мехмед казнил.

Дальнейшая биография Заганоса в романе не отражена, поэтому здесь не приводится.

Шехабеддин-паша, советник Мехмеда

Как и в случае с Заганосом, год рождения неизвестен. Данные о происхождении

противоречивы.

Имя этого человека арабского происхождения и правильно звучит как Шихаб ад-Дин, а Шехабеддин — исковерканный вариант.

Конечно, в Турции было много имён, заимствованных у арабов. Например, имя Мехмед — это арабское Мохаммед, но элемент — еддин не характерен даже для заимствованных турецких имён. У турков было бы — еттин.

Значение имени:

Слово «шихаб» по-арабски означает «метеор» или «летающая звезда». Это слово упоминается в Коране. (То же значение имеет турецкое слово «шахап».)

Элемент ад-Дин в имени Шихаб ад-Дин может или никак не переводиться, или означать принадлежность носителя к исламу. Получается что-то вроде «исламский метеор».

Согласно структуре арабских имён, Шихаб ад-Дин — это лакаб, то есть добавочное имя, прозвище, возвеличивающий эпитет, псевдоним. Это имя мог получить как простой человек, так и знатный.

Версии о происхождении:

1) Предполагают, что Шехабеддин был грузином. Грузия в то время (как и сейчас) — православная страна. То есть, согласно этой версии, Шехабеддина должны были взять в плен и обратить в ислам, но остаётся непонятным, как он мог оказаться в Турции, но получить нетурецкое имя.

Судя по всему, версия основывается лишь на том, что в те времена «белые евнухи» (белокожие евнухи) в основном поставлялись в Турцию с Северного Кавказа, Грузии и Армении, а про Шехабеддина известно, что он был белокожий.

2) Также предполагают, что Шехабеддин мог быть сыном Шахин-паши, самого первого бейлербея Румелии. Шахин-паша помимо этого был наставником, «лалой» султана Мурата I (не путайте с Муратом II, отцом Мехмеда). Умер в 1388 году.

3) Наконец, лично я думаю, что Шехабеддин, судя по имени, родился мусульманином и принадлежал к некоему арабскому племени или другому народу, воспринявшему арабскую культуру, но попал в рабство.

Почему это возможно?

1) Хотя ислам запрещает обращать мусульман в рабов, на практике были случаи, когда в рабство продавали мусульманских женщин и их детей, попавших в плен.

2) Хотя ислам запрещает правоверным мусульманам воевать между собой, на практике возникали конфликты, в результате которых появлялись рабы, рождённые свободными мусульманами.

Не секрет, что турки в 15-м веке и позднее воевали не только с «неверными», но и с единоверцами на западной границе своих азиатских владений, всё больше расширяя территорию Турецкой империи. Пленных на свободу, конечно, не отпускали.

Подобные вещи происходили и в других государствах. Например, известен случай, когда в 1487 году в мамлюкском Египте восстало одно из бедуинских племён (по вере мусульмане!). В результате мамлюками были убиты почти все мужчины этого племени, а женщины и дети проданы на рынке в Каире вместе с чернокожими рабами, которыми там активно торговали.

Даже в 19-м веке подобные вещи случались! В 1843 году такой случай произошёл в Турции. На территорию Багдадского пашалыка вторглись две персидские армии и разорили местность возле Басры. Мужское население было перебито, а женщины и дети оказались уведены в рабство.

Шехабеддин мог стать рабом в результате подобного конфликта.

В романе Шехабеддин назван персом просто потому, что этот персонаж видится мне с длинными волосами, а у персов в те времена была традиция носить длинные волосы. В реальности Шехабеддин мог носить совсем другую причёску, а по происхождению мог быть арабом, персом, сирийцем...

Военная карьера и отношения с Заганосом:

Санджакбей Албании, то есть начальник албанского санджака — одна из первых должностей, которые занял Шехабеддин в турецкой администрации.

Возможно, именно тогда Шехабеддин познакомился с Заганосом, и они понравились друг другу, но Заганос в отличие от Шехабеддина вряд ли занимал значительную должность.

Как уже говорилось, Заганос мог быть одним из тимариотов, подчинявшихся санджакбею. Всего этих тимариотов было 355, а санджакбей был один. Сами видите, какая разница в положении, и это могло мешать отношениям.

В те времена «настоящий мужчина» просто не смог бы смириться, что у «его женщины» должность выше, даже если эта «женщина» — евнух. Служебный роман долго бы не продлился и, судя по всему, Шехабеддин пожертвовал собственной карьерой ради сохранения этих отношений, в то же время помогая карьере Заганоса. Шехабеддин был для Заганоса счастливой звездой!

Если посмотреть период с начала 1430-х до начала 1450-х, то видно, что Шехабеддин и Заганос постепенно меняются местами — карьера Шехабеддина идёт по нисходящей, а карьера Заганоса успешно развивается.

В начале 1430-х Шехабеддин — санджакбей Албании. Заганос — его подчинённый (вероятно).

В 1439 году Шехабеддин — бейлербей Румелии, то есть главный начальник над всей европейской частью Турции. И тогда же, в 1439 году Заганос становится третьим визиром!

Далее Шехабеддин ведёт войны на Балканах, что не только соответствовало генеральной линии турецкой политики того времени, но и могло отвечать личной цели Заганоса — вернуть родовое имение, потерянное в 1433 году из-за того, что Албания обрела независимость. В любом случае, чтобы вернуть Албанию под турецкое влияние, следовало одержать победу над союзниками албанцев — венграми, а точнее — венгерским полководцем Яношем Хуньяди.

В 1441 году Шехабеддин ведёт войну в Сербии, которая была вассалом венгерской короны.

В июле 1442 года потерпел поражение от Яноша Хуньяди в Румынии (Валахии) в верховьях реки Яломицы, после чего потерял должность бейлербея Румелии.

22 июля 1443 года состоялся знаменитый Долгий поход Яноша Хуньяди, оказавшийся очень удачным для христиан и очень неудачным для турков. Поход закончился в январе 1444 года, а летом 1444 года был заключён мир на условиях, которые оказались для султана не выгодны, но Шехабеддин сумел повернуть это в свою пользу — дескать, не один я проигрываю.

Должность бейлербея ему не вернули, но в 1444 году поручили командовать войском, которое противостояло Орхану, претендовавшему на турецкий престол. Шехабеддин одержал победу, после чего военную карьеру закончил.

Придворная карьера и продолжение отношений с Заганосом:

При новом султани Мехмеде, которому в то время было 12 лет, Шехабеддин стал начальником «белых евнухов», личных слуг султана, а это должность малозаметная, хоть и влиятельная.

Пишут, что начальник «белых евнухов» имел внутри дворца такую же власть, которой великий визир обладал за пределами дворца, но это не совсем так. Например, в 1444–1446 годах Шехабеддин не имел никакой власти. В 1444–1446 годах в Турции фактически правил великий визир Халил-паша, а Шехабеддин, даже имея влияние на Мехмеда, не мог влиять на происходящее во дворце.

Тем не менее, Шехабедин мог часто видаться с Заганосом, который оставался третьим визиром и советником Мехмеда. Также пишут, что Заганос и Шехабедин пытались противостоять Халилу-паше, причём действовали в прочном тандеме.

Из противостояния ничего не вышло, и в 1446 году Заганос с Шехабедином оказались разлучены, так как Заганоса отправили в ссылку в Балыкесир. То, что эти двое переписывались, является предположением автора романа.

Когда в феврале 1451 года Мехмед вернулся к власти, то утвердил Шехабедина на прежней должности начальника «белых евнухов», но теперь многое изменилось. Шехабедин стал влиятелен, а его должность, пусть и малозаметная, позволяла помогать карьере Заганоса.

30 мая 1453 года Заганос стал великим визиром вместо Халила-паши.

В том же году Шехабедин умер. Похоронен в Бурсе, что считалось очень почётным, поскольку в этом городе хоронили султанов и членов их семей.

После смерти Шехабедина карьера Заганоса вскоре пошла по нисходящей. В связи с неудачной осадой Белграда в 1456 году он лишился должности великого визира и попал в опалу, чего могло бы не случиться, если б Шехабедин шепнул Мехмеду пару слов.

Позднее Заганос занимал при Мехмеде ответственные посты, но уже не такие высокие.

«Звезда» Заганоса закатилась!

Врач-еврей (Якопо да Гаэта)

В романе имя врача-еврея, который был личным врачом Мехмеда, не называется, но это реальное историческое лицо.

Якопо (иногда его называют Джакопо) родился ок. 1425 года в итальянском городе Гаэта, отсюда и фамилия, дословно означающая «из Гаэты». Город расположен на берегу Тирренского моря в 70 км к северо-западу от Неаполя.

Якопо изучал медицину в Италии, но где конкретно изучал, неизвестно. Затем, в середине 1440-х приехал в Турцию и предложил османскому двору свои услуги в качестве лекаря. На тот момент этому врачу было около 20 лет.

В 1444–1446 годах, судя по всему, уже стал личным врачом Мехмеда. В Манису Мехмед в 1446 году отправился уже вместе с Якопо.

Как мы помним, мулла Гюрани бил Мехмеда по спине палкой, но врач периодически (не слишком часто) мог запрещать это по медицинским показаниям. Мехмед, конечно, был

благодарен за такую помощь, и эта благодарность сохранилась на долгие годы.

В 1453 году Якопо да Гаэта принял ислам, чтобы получить от Мехмеда титул паши (в данном случае просто почётный дворянский титул). Мехмед также освободил своего врача и его потомков от всех налогов.

После того, как Мехмед перенёс столицу в завоёванный Константинополь, врач, который теперь звался Якуб-паша, тоже поселился там, в еврейском квартале и продолжал оставаться личным врачом султана.

Также есть сведения, что Мехмед сделал его дефтедаром (казначеем) и даже главным дефтедаром, который имел ранг визира.

В 1465 году Якуб-паша ездил в Дубровник ради покупки медицинских книг — арабских трактатов, переведённых на латынь, т. к. арабского он не знал.

Случалось, что и Мехмед доставал для него медицинские книги. В частности, это произошло летом 1466 года, когда султан отправил в Рагузу (Дубровницкая республика) послание, где говорилось, что он хочет получить 4 книги, названия которых были указаны. В Рагузе, желая угодить Мехмеду, решили разыскать эти книги, «даже если придётся обыскать всю Италию», и к ноябрю того же года прислали.

Примерно в это же время Якуб-паша наладил связи с Венецией и периодически (за вознаграждение) поставлял ей информацию о завоевательных планах Мехмеда.

В июле 1469 года Венеция хотела заключить с Мехмедом прочный мир, а поскольку Венеция не имела своего представителя при османском дворе, Якуба-пашу попросили посодействовать (за вознаграждение).

Также есть информация, что 1471 году венецианцы предложили, чтобы Якуб-паша отравил Мехмеда. Согласно условиям сделки, этот врач должен был получить 10 000 золотых задатка и 20 000 золотых после исполнения. Также Якубу-паше обещали вексель на сумму в 260 000 (!) золотых, который мог быть использован в случае, если Венеция в течение месяца после смерти Мехмеда не заплатит обещанные 20 000 в звонкой монете. Также Якубу-паше должны были вернуть имущество, конфискованное во Флоренции, дать венецианское гражданство и освободить от всех налогов не только самого этого лекаря, но и его потомков.

Якуб-паша вроде бы согласился, но сделка так и не была окончательно совершена. Тем не менее, она стала поводом для слухов, что причиной внезапной смерти Мехмеда в начале мая 1481 года стало именно отравление. В те дни Якуб-паша, как всегда, находился рядом со своим пациентом.

Ещё немного о Раду Красивом, возлюбленном Мехмеда

Подробнее о Раду см. раздел «Факты и цифры» в конце повести «Проклятие...», а здесь

я рассмотрю лишь один вопрос — насколько вероятно то, что Мехмед имел дружеские или иные отношения с Раду во время своего первого правления (1444–1446) или в другой период до 1451 года.

Как известно, Раду и его старший брат Влад прибыли к турецкому двору в качестве заложников летом 1444 года. Раду тогда было не более 6,5 лет, поскольку он родился не ранее осени 1437 года.

Приведу две цитаты:

1) Первый отрывок из письма султана Мурата, где обговариваются условия мира с венграми, и где упоминается, что маленький Раду вместе с братом должен отправиться в заложники в Турцию.

Упомянутый в письме «залог» отправили не позднее июля 1444 года, так как 4 августа 1444 года венгры передумали заключать мир с турками, и договор, о котором идёт речь в письме Мурата, перестал действовать. После 4 августа отец Раду и Влада просто не стал бы присылать своих сыновей султану — уже не было бы смысла.

Отрывок из письма султана Мурата к венгерскому королю Владиславу, написано в Эдирне 12 июня 1444 года:

«И также он (т. е. посланец короля) сказал нам, что с государем Владом, воеводой Валашским, мне выгодно заключить мир на следующих условиях. Пусть сам Влад воевода платит мне дань по устоявшемуся обычаю, и пусть исполняет все обязанности по отношению к нам, которые прежде на себя взял, и новые, которые могут появиться (из-за нашего договора), но теперь он имеет право сам не приезжать к нашему двору. По этому поводу мы, полные уважения к Вашему Превосходительству (т. е. к королю), согласны, чтобы Влад воевода давал бы дань и всё, что во время наших переговоров он обязался (давать), и так дальше пусть делает, и мы согласны, чтобы лично не приезжал к нашему двору, но **пусть нам отправит залог**. И также, если наши (люди) в его земли убегут, их к нам отсылать, и так же мы сделаем, если его (люди) убегут сюда».

Фрагмент оригинала на латыни, с которого я переводила:

«...Ac etiam nobis narravit, quod domino Blado, vayvoda(e) Velacho, placeat mihi pacem secum agere in hoc modo: quod ipse Blado vayvoda mihi det tributum ad solitum primum ac in omnibus servitiis nostris sicut primo erat obligatus, quod noviter sit, nisi quod non personaliter ad nostram curiam veniat. De quo, amore Excellentiae Vestrae contenti sumus, videlicet quod Blado vayvoda det tributum et omnia quae in nostris negotiis erat obligatus, etiam noviter faciat ac contenti sumus quod ipse personaliter non veniat in curia nostra, nisi quod **nobis mittat ostagium**, ac etiam si nostri in locis suis fugiant, quod nobis mittantur et etiam nos sic faciamus, si de illis hic fugient...»

2) Другой отрывок — из сочинения историка Критовула (перевод не мой, а некоего Михаила К., найден на просторах Интернета):

Критовул с о. Имврос «Историческое сочинение» (отрывок):

«После того, как он (Влад, известный как Дракула) и его брат (Раду) были изгнаны (из своей страны) правителем пайонцев и даков Иоанном Гетом (правителем венгров и трансильванцев Яношем Хуньяди), который напал на них с войском, убил их отца и передал правление другому (Владиславу II), отец императора (султан Мурат II) **принял этих беглецов, когда они искали у него убежища, и воспитал их, бывших ещё детьми, с большими почестями в царском дворце**, и, в конце концов, оставил их в наследство императору и своему сыну (султану Мехмеду II). Тот тоже оставил их при себе и воспитывал с большой заботой, честью и с царской проницей»^[2].

В романе Мехмед и Раду ни разу не сталкиваются друг с другом до 1451 года, потому что в исторических источниках нет никаких упоминаний о том, что эти двое сталкивались. Исторические источники говорят лишь о том, что с 1444 по 1451 год Раду жил при дворе, а не о том, что Мехмед виделся с Раду и говорил с ним.

Встречи и беседы вряд ли могли случиться, ведь Мехмеда постоянно окружала толпа придворных и слуг, не подпускавшая к нему никого лишнего. Не будем забывать, что у многих придворных были сыновья, а отцы мечтали, чтобы их дети подружались с Мехмедом и сделали карьеру. Зачем кому-то поощрять общение с Раду?

В период с 1444 по 1446 год у Мехмеда, жившего в Эдирне, конечно, были приятели-ровесники, которые занимались вместе с ним на уроках воинского дела, сопровождали на соколиной охоте и т. д. А если бы 12-летний Мехмед вдруг решил подружиться с 6-летним Раду (что само по себе странно из-за разницы в возрасте), дружба не продлилась бы долго, так как Раду оказался бы отеснен придворными интриганами.

Конечно, в сериале «Фатих» нам показывают, что отец Мехмеда сам знакомит сына с маленьким Раду, и что Раду вместе с Мехмедом обучается стрельбе из лука, но ведь это художественное кино, а не документальное. Создатели вправе придумать, что хотят, но это не значит, что так и было. В реальности на уроках воинского дела никто не станет обучать 6-летнего ученика тому же, чему обучают 12-летнего. Программы обучения окажутся разные, поэтому совместное обучение невозможно.

Итак, в 1444–1446 годах Мехмед и Раду вряд ли дружили. Но может, дружба возникла позднее?

Известно, что Мехмед в период с 1446-го по 1451-й год (пока не взошёл на трон во второй раз) иногда появлялся при дворе. Это происходило незадолго до отправки в очередной албанский поход, а в конце 1449 года в Эдирне праздновалась очередная свадьба

принца, и торжества продолжались три месяца.

Мехмед мог оказаться при дворе в самом начале 1447 года и несомненно оказывался в начале лета 1448 года, осенью 1448 года, а также с декабря 1449 по март 1450-го. Могла ли возникнуть какая-то дружба?

В начале 1447 года Мехмеду было чуть менее 15 лет, а Раду — не более 9,5 лет.

Осенью 1448 года Мехмеду было 16,5 лет, а Раду — не более 11 лет.

В декабре 1449 года Мехмеду было 17,5 лет, а Раду — не более 12 лет.

Как видите, во всех случаях Раду — ещё ребёнок, а Мехмед — давно взрослый. В 1449 году Мехмед женился уже в третий (!) раз. О чём ему говорить с 12-летним мальчиком?

ЖЕНСКИЕ ПЕРСОНАЖИ:

Хюма-хатун, мать Мехмеда

Дата рождения приблизительная. Если учесть, что её единственный сын Мехмед родился в 1432 году, а женщины в то время рожали рано (в 13–14 лет), то она сама должна была родиться в 1417 или 1418 году.

Её происхождение не известно. Хюму называют то француженкой, то итальянкой, то сербкой. Самая распространённая версия — Хюма по национальности была албанкой.

Известно, что она попала в гарем к султану Мурату исключительно благодаря личному обаянию. Хюма — гаремное имя, означающее «райская птица». Возможно, Хюма умела неплохо петь. Имя, которое мать Мехмеда носила до того, как попала в гарем к Мурату, неизвестно.

На могиле Хюмы написано «дочь Абдуллаха», а имя Абдуллах обычно давали тем, кто был обращён в ислам, но в случае с Хюмой эта надпись могла быть просто формальностью — надо было что-то написать на могиле.

Неизвестно, был ли её отец обращён в ислам, и сам ли отдал дочь в гарем. Возможно, отец остался христианином, а дочь была просто украдена у него и продана в рабство.

После рождения Мехмеда (в 1432-м) она с Муратом уже не общалась, а затем даже перестала жить в гареме. С 1437 года она жила с сыном в Амасье. С 1443 года — в Манисе.

Умерла в сентябре 1449 года в Манисе. С.Рансимен пишет, что умерла в августе 1450 года.

Похоронена в Бурсе, где традиционно хоронили султанов и их родственников, а Хюма всё-таки была матерью наследника престола.

Эмине Гюльбахар-хатун, первая жена Мехмеда

Она же — Эмине, дочь Абдуллаха.

Имя Абдуллах обычно давали тем, кто был обращён в ислам, но, как и в случае с матерью Мехмеда, этот факт почти не проливает света на происхождение Эмине. История отца Эмине, кратко рассказанная в романе, является предположением.

Гюльбахар — гаремное имя, которое получила Эмине, когда вышла замуж за Мехмеда.

Когда она родилась, неизвестно. Возраст, а также дата свадьбы вычисляются на основе даты рождения сына. Эмине стала матерью будущего султана Баязида II, а родился он 3

декабря 1447 года.

Это означает, что сама Эмине должна была родиться в 1432 или 1433 году, поскольку женщины в то время рожали рано. Наиболее вероятная дата свадьбы с Мехмедом — весна 1447 года, ведь имя Гюльбахар (гаремное имя, которое получила Эмине) означает «весенняя роза». Оно, скорее всего, было дано не спроста.

Иногда пишут, что Эмине Гюльбахар-хатун была наложницей, а не женой Мехмеда, но большинство историков всё-таки называют её женой и даже говорят, что Мехмед женился на ней по любви, причём не спросившись своего отца. Эта версия поддерживается в романе.

Эмине по национальности могла быть гречанкой или албанкой, но большинство историков склоняются к албанской версии и говорят, что Мехмед познакомился со своей будущей женой в албанском походе.

В 1440-х годах турки много воевали в Албании.

В июне 1444 года туда пришло 25-тысячное турецкое войско, которое сразилось с албанской армией, возглавляемой Георгием Скандербегом. Сражение произошло в долине Торвиоли (ныне Домосдова), и турки проиграли.

Султан Мурат счёл поражение случайным, и отправлял туда военные экспедиции в течение следующих двух лет. Описанная в романе экспедиция в Албанию, отправленная в начале 1447 года, вполне могла случиться именно тогда. Если она была, значит, в начале 1447 года Мехмед познакомился с Эмине, весной того же года сыграл свадьбу, а в начале декабря 1447 года был рождён Баязид.

Впрочем, знакомство могло произойти всё-таки не на войне. Эмине могла быть служанкой в покоях матери Мехмеда в Манисе. Если вспомнить, что мать привыкли считать албанкой, как и саму Эмине, то нет ничего удивительного в том, что в покоях у Хюмы могла найтись молодая служанка-албанка. Мехмед, которому на тот момент было 14,5 лет, мог случайно увидеть эту служанку, когда приходил в гости к матери, а дальше и так ясно.

Стихотворение Мехмеда про розы и весенний сад, которое приведено в романе, действительно могло быть посвящено Эмине. Пусть мы не знаем, когда оно было написано, и что это за «розовощёкая краса», но сама тема весеннего сада и роз говорит о том, что оно могло быть написано про Гюльбахар — «весеннюю розу».

В то же время не исключено, что оно на самом деле обращено к лицу мужского пола. (Подробнее о стихах Мехмеда см. далее, в разделе ГОМОЭРОТИКА, «Мехмед Завоеватель как типичный поэт своего времени»).

История о том, как султан Мурат разлучил Мехмеда с Эмине, и о том, как Мехмед и Эмине воссоединились в 1451 году, почти не выдумана. Версия, представленная в романе, чуть ли не единственное рациональное объяснение, почему сын Мехмеда, Баязид, родился в

Дидимотике, расположенной недалеко от турецкой столицы, а не в Манисе.

То, что Баязид родился в Дидимотике — исторический факт. И получается, что Мурат разгневался из-за самовольной свадьбы сына и разлучил его с женой. Именно поэтому Эмине родила Баязида в Дидимотике (3 декабря 1447 года).

Некоторые источники пишут, что у Эмине и Мехмеда также родилась дочь, которую впоследствии выдали замуж за одного из сыновей Узун-Хасана. Рождение дочери даёт основания предполагать, что 1451 году Мехмед, во второй раз придя к власти, не просто перевёз Эмине из Дидимотики в столицу, но и возобновил с женой супружеские отношения.

Гюльшах умерла в 1492 году.

Гюльшах-хатун, вторая жена Мехмеда

О ней известно намного меньше, чем о первой жене. Неизвестно даже имя, которое она носила до того, как вышла замуж за Мехмеда и попала в гарем.

Гюльшах — гаремное имя, означающее «цветок розы, властвующий над всеми розами». Это невольно наводит на мысль, что по замыслу тех, кто устроил вторую свадьбу Мехмеда, Гюльшах должна была стать соперницей Гюльбахар («весенней розы») и вытеснить её из сердца Мехмеда.

Свадьба Мехмеда и Гюльшах состоялась в 1449 году. Невесте принца, согласно нравам того времени, не могло быть более 14 лет. Значит, Гюльшах должна была родиться в 1435 или 1436 году.

У Мехмеда и Гюльшах родился сын Мустафа, к которому, как пишут, Мехмед поначалу был очень привязан.

В июне 1474 года Мустафа умер от некоей болезни. Существует легенда, что Мустафа ухаживал за женой великого визира Мухмуда-паши и был убит по приказу ревнивого мужа, однако это лишь легенда.

Гюльшах умерла около 1487 года.

Ситти Мюкриме-хатун, третья жена Мехмеда

Родилась в 1435 году и была дочерью Сулеймана-бея, правителя Дулкадира. Брак Мехмеда с Ситти в отличие от первых двух браков был политическим.

Гаремное имя Ситти (Мюкриме) происходит от арабского слова «мукаррам», означающего «почётный», «уважаемый», «высокочтимый». Это отражает истинное положение дел, так как Ситти была не безродной девушкой, а принцессой.

Свадьба с Мехмедом состоялась 15 декабря 1449 года. В отличие от двух предыдущих свадеб Мехмеда эта праздновалась в Эдирне, куда приехало много гостей из Дулкадира. Свадебные торжества были очень пышные и длились три месяца, до середины весны 1450 года, после чего Мехмед сразу отправился вместе с отцом в очередной поход в Албанию. По возвращении из похода Мехмед и Ситти уехали в Манису.

Детей от этого брака не родилось. Также известно, что Мехмед испытывал к Ситти почти открытую неприязнь. Когда он перевёл свой двор из Эдирне в завоёванный Константинополь (Стамбул), то не сразу взял с собой эту жену. Она оставалась жить в Эдирне вплоть до 1467 года.

Умерла в 1487 году.

БЫТ И ТРАДИЦИИ:

Здесь кратко говорится о бытовых реалиях 15-го века, которые отражены в романе.

Обучение в мусульманской стране того времени

Образовательная система:

В мусульманских странах были платные начальные школы (китаб), где обучали грамоте (на основе Корана), а также элементарной математике.

Все остальные книжные науки изучались в медресе, тоже платно. Медресе устраивались при крупных мечетях, что накладывало отпечаток на всё обучение.

Представители феодальной знати (в том числе султаны) предпочитали нанимать своим сыновьям домашних учителей. Помимо книжных наук мальчикам полагалось изучать воинское дело (верховая езда, владение оружием, основы воинской стратегии).

Женское образование, если и было, то исключительно домашнее.

Список предметов:

Основным предметом всегда было изучение Корана. Ученики должны были читать и запоминать тексты из этой книги. Так происходило обучение грамоте, которое в дальнейшем плавно переходило в изучение самой сути исламской веры: более осмысленное чтение Корана, изучение преданий о жизни Пророка и его сподвижников, изучение шариата (мусульманского права).

Математика и астрономия также изучались почти повсеместно.

Медицину изучали только те, кто имел к этому способности.

Художественную литературу, историю и географию изучала в основном аристократия.

Учебный процесс:

Учились шесть дней в неделю (кроме пятницы), утром по средам и четвергам повторяли пройденное.

Занятия книжными науками обычно проходили с рассвета до полудня.

Занятие тем или иным предметом длилось один час.

Уроков на дом не задавали!

Методы обучения:

Уже тогда был известен метод от простого к сложному.

Изучение любого предмета обычно осуществлялось через беседу и чтение нужных книг в присутствии наставника. Без присмотра ученик обычно ничего не читал.

Телесные наказания применялись, если ученик проявлял лень. Били специальной палкой по пяткам или по спине. В соответствии с традицией, число ударов ограничивалось тремя. К детям младше 10 лет физическое наказание не применялось.

Согласно преданиям о жизни пророка Мохаммеда, пророк сказал: «Фитра (естество) состоит в пяти вещах: обрезание, бритьё лобка, удаление волос подмышками, подстригание ногтей и укорачивание усов». О том, что в средневековой Турции мужчины соблюдали все пункты этого правила, свидетельствуют некоторые изображения, сохранившиеся с тех времён.

Также для мусульманина является желательным действием полное омовение перед посещением Джума-намаза — обязательная коллективная молитва у мусульман, которая совершается по пятницам в мечети во время полуденной молитвы.

Развлечения в Манисе того времени

В западной Анатолии (в западных областях азиатской части Турции) в январе обычно проводятся особые мероприятия — бои среди одnogорбых верблюдов. Среди туристов эти мероприятия известны как «camel wrestling».

Верблюжьи бои — очень старая традиция, которая существовала, в том числе в Манисе и в Балыкесире.

Согласно нынешним правилам, в боях могут принимать участие верблюды, достигшие возраста 7 лет.

Поединок длится в среднем 10–15 минут.

Один и тот же верблюд не может участвовать более чем в одном поединке за день.

Бои проходят на просторной площадке, по размерам сопоставимой с футбольным полем. Она обычно огорожена, и посторонние туда не допускаются — только погонщики и судьи.

На верблюдов обычно одеваются яркие попоны, чтобы во время боя можно было легко отличить одного верблюда от другого.

ГОМОЭРОТИКА КАК ЧАСТЬ КУЛЬТУРЫ

Тема эта неохватная, поэтому здесь помещены просто заметки о том, что так или иначе упоминается в романе.

Гомоэротика на Ближнем и Среднем Востоке

Несмотря на то, что в романе многие персонажи имеют особые наклонности, это вовсе не означает, что в средневековой Турции однополые связи были массовым явлением. Просто Мехмед, сам проявляя эти наклонности, невольно собирает вокруг себя соответствующее окружение.

На Ближнем и Среднем Востоке однополые связи были заурядным явлением среди богатых и образованных слоёв населения (аристократия и учёное сословие), но эти люди

составляли меньшинство, а среди крестьян и ремесленников, то есть большинства, подобные связи карались по всей строгости мусульманских законов.

Именно поэтому гомоэротика присутствует в литературе этого региона, но почти отсутствует в фольклоре (в сказках и притчах). Литература — сфера самовыражения богатых и образованных людей, а фольклор — творчество людей малообеспеченных и неграмотных.

Дальше речь пойдёт исключительно о литературе.

Гомоэротика в поэзии Ближнего и Среднего Востока (на примере некоторых произведений)

В романе Мехмед активно интересуется поэзией, воспевающей однополую любовь, сам пишет такие стихи, а также переводит для учителя отрывок «из старой персидской книги», рассуждающей на ту же тему.

Стихи и «старая персидская книга» реально существуют. Перевод из книги будет позднее, а начнём со стихов.

* * *

В арабской, персидской и тюркской поэзии тема однополой любви встречается довольно часто, но в большинстве случаев не заостряет внимание на физиологии.

Вот, например, **Абу Нувас (арабский поэт, 762–813 гг.)** выражает недовольство возлюбленному, отвергнувшему ухаживания. Досада поэта такова, что возлюбленный в глазах Абу Нуваса уже не привлекателен:

Ты глыбой ненависти стал,
Стоишь — не сдвинуть: крепче скал.
С тобой общаться — как на гору
Карабкаться в плохую пору.
Аллах, когда тебя лепил,
Не подсластил, не посолил.
Я разгадать тебя пытался,
Но, что ты, так и не дознался.
Смех тратить на тебя — грешно,
Воздать хвалу тебе — смешно.
Посмотришь на тебя, о боже!
Лицо с пометом птичьим схоже.
И если ночь ты пережил,
Пусть утром хлынет кровь из жил.
А если очутился в море,
Дай бог, чтоб утонул ты вскоре.

Цитируется по изданию: Арабская поэзия Средних веков (Библиотека всемирной литературы, Серия первая). — М: «Худ. Лит.», 1975.

С персидской и тюркской поэзией ситуация интереснее. Понять, есть ли гомоэротический мотив, зачастую сложно, поскольку в персидском языке, а также в тюркских языках нет грамматической категории рода. Род определяется только смысловым значением. Слова «сказал» и «сказала» в этих языках не различаются.

Если в стихе нет таких слов как «юноша», «девушка» или других, чей смысл указывает, кому посвящено стихотворение, то читающий оказывается в тупике, а поэты, понимая эту особенность языка, любили играть с читателем и ставили его в тупик намеренно.

В переводах с персидского и тюркских языков, если не удаётся сохранить неясность, ставится женский род. В большинстве случаев это делается не из злого умысла или желания «сделать красиво», поскольку оба варианта (женский и мужской) возможны.

Например, вот стихотворение, где сохранить неясность переводчику удалось:

Амир Хосров Дехлеви (1253–1325), персидский поэт

Знай, разум потерял, и как вернуть — не знаю.
Бесцельно я брожу, и нет печали края.
Коль головы лишусь, не больше в том напасти,
Чем с головой уйти, как я, в безумье страсти.

Рыдаю, и от слёз, что лью помимо воли,
На сердце у меня щемящий сгусток боли.
С тех пор, как по кудрям тоска в меня вселилась,
Тоскою побеждён, я сдался им на милость.

Когда скрываешь лик, ращу слезами розы,
Гляжу на них и вновь сдержать не в силах слёзы.
Не трогать мне кудрей рукой нетерпеливой,
Как трогает зефир, соперник мой счастливый.

У сердца-мотылька уже сгорели крылья,
Но к твоему огню дороги не открыли.
И оттого, что им неведома дорога,
Царят в моей душе смятенье и тревога.

Едва Хосров твоё увидел совершенство,
Он черпать перестал в бутонах роз блаженство.

Цитируется по изданию: Любовная лирика классических поэтов Востока. — М.: «Правда», 1988.

Мехмед Завоеватель как типичный поэт своего времени

Как многие знают, Мехмед сочинял стихи под псевдонимом Авни. Вопреки утверждению Франца Бабингера, этот псевдоним вовсе не обязательно переводится как «помощник». Если взять турецко-русский словарь потолще, там предлагается много других вариантов перевода, и мне кажется более подходящим значение «единомышленник», то есть мысли Авни это мысли самого Мехмеда.

Стихи Мехмеда сохранились в сборнике, который называется «Диван Авни», то есть «Собрание Авни». Этот сборник содержит чуть более 80 газелей (любовных стихотворений), расположенных в определённом, устоявшемся порядке, поэтому в научной литературе их обычно обозначают номерами — газель номер такой-то из «Дивана Авни». В большинстве случаев мы не знаем, кому посвящены те или иные стихи, и когда написаны. Порядковые номера газелей отнюдь не означают, что именно в таком порядке эти стихи сочинялись. Кстати, некоторые газели не дописаны, а последняя газель в списке вообще состоит из одной строки.

В турецком Интернете гуляет множество стихов Мехмеда (Авни), и даже можно скачать «Диван Авни» в современной турецкой орфографии (издание, которое подготовил профессор Мухаммед Нур Доган). Скажу честно — самостоятельно прочитать эти стихи я не могла, поэтому искала подсказки в виде английских подстрочников.

Таким образом, глядя в оригинал и ориентируясь на английский подстрочник, я сделала литературный перевод некоторых газелей из этого собрания. Три газели приведены в тексте романа:

Газель 11-я:

«Румянец щёк твоих я воспою в стихе подобно соловью...»

Газель 22-я:

«О, виночерпий, дай вина! Тюльпаны через день-другой исчезнут...»

Газель 59-я:

«Когда шиповник облачён в цветения наряд...»

Формально все три могут быть обращены как к женщине, так и к мужчине, но в 11-й газели всё же есть указание, что Мехмед выражает свою любовь к мужчине или юноше, поскольку там упоминаются кудри — в восточной поэзии это типичный атрибут возлюбленного. Если бы речь шла о женщине, упоминались бы косы — тоже типичный атрибут, но уже женский.

* * *

Франц Бабингер в книге «Мехмед Завоеватель и его время» (Franz Babinger «Mehmed the Conqueror and His Time») приводит 59-ю газель как доказательство своего тезиса о том, что Мехмед — посредственный поэт. На мой взгляд, Бабингер преувеличивает. Гением Мехмед, конечно, не был, но претензии, которые Бабингер предъявляет к нему как к поэту, несостоятельны:

1) Прежде всего, Бабингер говорит, что у Мехмеда нет поэтической индивидуальности, потому что образы, метафоры и даже сами идеи его стихов позаимствованы у других поэтов.

Но Мехмед же не европейский поэт! Если европейский поэт ищет новые формы и образы, то на Ближнем и Среднем Востоке поэт пытался не стать родоначальником нового направления, а гармонично вписаться в существующее.

Если вам нужна индивидуальность, то поэзию Ближнего и Среднего Востока вы напрасно читаете — тут поэт проявляет самобытность не потому, что хочет, а потому, что большой талант не спрячешь. Индивидуальность проявляется сама собой, но поэт к этому не стремится, а стремится поддержать традицию.

Например, в 11-й газели **Мехмеда (Авни)** есть строки:

*Сказать: «Пускай ресницы-стрелы красотой убьют тебя», —
Мог лишь храбрец, кто не узнал сердечных мук стезю.*

А теперь сравните это со строками, которые мы встречаем у известных поэтов Ближнего и Среднего Востока.

Здесь и далее все стихи, кроме стихов Мехмеда, цитируются по изданию: Любовная лирика классических поэтов Востока. — М.: «Правда», 1988.

Перевод с арабского языка:

Ибн аль-Араби (1165-1240)

Каждая взглядом целит — не думай сердце сберечь!
Ресницы — острые стрелы, взгляд — индостанский меч.

Перевод с персидского языка:

Рудаки (ок. 860-941)

Твой локон — смертоносный лук, твои ресницы — стрелы.

Хафиз (1325-1389)

Сколько раз ресницы-стрелы моё сердце поражали!

Брови — чёрные луки, а стрелы — ресницы.
Поражают и скромника, и гордеца.

Джами (1414-1492)

Убийственны твои чарующие взоры,
Ты стрелами ресниц грозишь, сердца пронзая.

Как мы видим, они все заимствуют друг у друга. И это признанные, настоящие мастера, а если следовать критериям Бабингера, получается, что кругом одни посредственности. Нельзя судить восточную поэзию по критериям европейской, поскольку у поэтов Ближнего и Среднего Востока есть общий фонд поэтических образов, откуда каждый берёт по мере надобности, и никто никого не упрекает в повторах.

Именно поэтому 22-я газель **Мехмеда (Авни)** имеет начало, которое мы встречаем у многих поэтов:

О, виночерпий, дай вина! Тюльпаны через день-другой исчезнут.

Мехмед намеренно заимствует у классиков, чтобы подчеркнуть свою связь с традицией (в данном случае суфийской).

Перевод с арабского языка:

Башшар ибн Бурд (714-783)

О, виночерпий — я в огне, налей же мне, налей!

Перевод с персидского языка:

Омар Хайам (ок. 1048 — ок. 1123)

Виночерпий, бездонный кувшин приготовь!

Саади (1210–1292)

Эй, виночерпий! Дай кувшин с душою яхонта красней!

Амир Хосров Дехлеви (1253-1325)

О, налей сегодня чашу, виночерпий, дополна...

Что касается 59-й газели, раскритикованной Бабингером, то она тоже вписывается в традицию. Весна, сад, розы, слёзы — это всё типично для восточной любовной лирики, но «типично» не значит «плохо». Можно даже найти примеры, когда кто-то из поэтов как будто следует за Мехмедом.

Из 59-й газели Мехмеда (Авни):

В саду гуляя, можешь ты уловками жеманства
Жасмин очаровать: тот ветками поклонится сто крат!

А вот как пишет поэт, который жил на двести пятьдесят лет позже — перевод с турецкого языка:

Ахмед Недим (1681–1730)

Жасмины приняли вдоль стен почтительные позы.

2) Также Бабингеру не нравится то, что Мехмед гораздо больше сочинял по-турецки, чем на персидском языке. Сочинять на персидском языке в средневековой Турции считалось хорошим тоном, поэтому Бабингер «удивлён» перекосом в творчестве Мехмеда, но и тут неправ. Бабингеру следовало не удивляться, а похвалить за такой выбор.

Когда поэт пишет на родном языке, то принимает посильное участие в создании литературного языка своего народа. Например, Данте и Петрарка прекрасно знали латынь, но строчили стихи не на латыни, как в то время полагалось в Европе, а на родном диалекте, но зато теперь эти авторы называются создателями итальянского литературного языка, заслужили почёт и памятники.

В турецкой поэзии такие авторы как Юнус Эмре (ок. 1240–1320) и Ахмед-паша (1420–

1497) тоже заслужили почёт и памятники, поскольку сочиняли не на персидском, а по-турецки, создавая турецкий литературный язык.

Мехмед, конечно, был не так талантлив, как поэты-классики, но всё-таки внёс свой скромный вклад в развитие турецкого литературного языка. Мехмеда тут не в чем упрекнуть.

3) Если уж придирааться по существу, то можно сказать, что Мехмед (Авни) мало думал о своих возможных читателях. Он из тех поэтов, которые пишут больше для себя — фиксируют своё эмоциональное состояние в тот или иной момент времени, чтобы позднее пережить это ещё раз, перечитывая собственные стихи.

Мехмеду в его стихах, конечно, было всё понятно, а вот сторонний читатель мог бы и не догадаться, что хотел сказать автор.

Этот ускользающий смысл нельзя объяснить недостатками перевода. (Увы, хороших русских переводов поэзии Мехмеда мне найти не удалось, поэтому я пользовалась английскими). Итак, я читала разные переводы — и в серьёзных изданиях, и в Интернете — но и там, и там в стихотворениях попадаются туманные места, которых по идее быть не должно.

Хороший поэт понятен широкому кругу читателей, а не только себе. Именно поэтому и можно утверждать, что Мехмед (Авни) — поэт средний, хотя у него есть удачные, то есть полностью понятные, стихотворения.

* * *

Бабингер совершенно справедливо говорит, что Мехмеда напрасно называют одним из лучших турецких поэтов своего времени. Мехмед им не был. Лучшим турецким поэтом той эпохи, намного превзошедшим своих собратьев по перу, официально считается Ахмед-паша — один из придворных Мехмеда и его «сердечный друг» (читай «половой партнёр»).

Ахмед-паша настолько известен в узких кругах литературоведов, что его стихи были переведены на русский язык даже в СССР, в советские времена. Правда, советские редакторы вынуждены были представить Ахмеда-пашу кем-то вроде революционера — свободолюбивым человеком, который страдал под гнётом султанской власти.

Надо сказать, что они почти не соврали. Ахмед-паша действительно был не в восторге от того внимания, которое получал от Мехмеда, тяготился им. В итоге оказался уличён в том, что хотел изменить султану с придворным пажом, попал в тюрьму, но затем Мехмед помиловал «изменника» и отправил в ссылку. Стремление к свободе + тюрьма + ссылка = революционер.

А вот одно из стихотворений Ахмеда-паши. По форме это классическая газель. Половая принадлежность человека, к которому обращается поэт, не ясна:

Кровью глаз пишу письмо, — о свидании молю,
Ливни слёз прольёт перо в каждую строку мою.
Я пишу, но сух мой слог — пусть пустыню слов моих
Орошает слёз поток, — я пишу и слёзы лью.

Раз в году свершают хадж — в Мекку ходят раз в году,
Так и я лишь раз в году у твоих дверей стою.
Сам себе твердил не раз, но к советам разум глух:
Радость нам даётся раз, — дважды не бывать в раю.

Кровью изошёл Ахмед, кровью изошло перо:
Оба ранены тобой, — нас двоих спаси, молю.

«Старая персидская книга»

«Старая персидская книга», отрывок из которой Мехмед переводит для учителя, это книга «Кабус-намэ», написанная в 11 веке.

Её автор — Кей-Кавус, чьи предки были правителями Табаристана (южное побережье Каспийского моря). Сам Кей-Кавус не владел почти никакими землями, но оставил наставления сыну, Гиланшаху, где рассказал, как следует жить правителю.

На турецкий язык эта книга переводилась 6 раз:

— дважды переводилась в конце 14-го века,

— одни раз в самом начале 15-го века,

— дважды в середине 15-го века в период правления Мурата II (отца Мехмеда),

— один раз в начале 18-го века.

Большинство переводов более-менее следуют оригиналу, а вот переводчики, которые переводили для Мурата, делали что-то странное.

Как пишут турецкие исследователи, оба переводчика, работавших для Мурата, не переводили, а перерабатывали текст, насыщая собственными пояснениями, а некоторые отрывки и даже главы просто выкидывали. В итоге один из «переводов», сделанный в 1427 году, даже получил другое название — не «Кабус-намэ», а «Мурат-намэ» — настолько он отличался от оригинала.

Безусловно, принц Мехмед читал «Кабус-намэ» по-турецки, но ему однозначно попался один из двух вариантов, которые были созданы в правление Мурата. Неизвестно, читал ли Мехмед «Кабус-намэ» на персидском, но если бы читал, то был бы очень удивлён.

Переводчики 15-го века, которые очень вольно обошлись с этой книгой, конечно, не оставили там упоминаний об однополых связях, а в «Кабус-намэ», в частности, написано, что однополая любовь неизбежна: *«Для человека неизбежны четыре вещи: кусок хлеба, рубище, развалина и возлюбленный друг».*

В то же время «Кабус-намэ» советует не выставлять любовь напоказ, чтобы не выглядеть глупо: *«Когда едешь в гости, возлюбленного с собой не бери, а если возьмешь, перед посторонними им не занимайся... И не думай, что он всем кажется таким же, как тебе... Если даже тебе он кажется прекраснейшим из всех людей, может быть, другим он кажется безобразнейшим. И не давай ему на пирушках всякий миг фруктов, и не справляйся, как он себя чувствует, и не зови каждый час, и не шепчи всяких пустяков на ухо... Люди-то догадаются, что ты ему говоришь».*

Цитируется по изданию: Кабус-Намэ / Перевод, вступительная статья и примечания Е.Э.Бертельса (Серия «Литературные памятники»). — М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1953.

В романе цитируется 15-я глава из этой книги тоже, но, к сожалению, в издании Академии Наук эта глава отсутствует, т. к. названа «непристойной». Мне пришлось переводить её с английского издания: Зерцало для принцев, Кабус-Намэ, переведённое с персидского Рубеном Леви (A Mirror for Princes, The Qabus-Nama, translated from the Persian by Reuben Levy, New York: E.P. Dutton, 1951).

Вот, что Мехмед в романе предложил почитать своему учителю:

Книга «Кабус-намэ» (поучения Кей-Кавуса своему сыну)

Глава пятнадцатая О получении удовольствий

Знай, о сын, что если ты влюбляешься, то не должен беспорядочно, будучи хоть пьяным, хоть трезвым, предаваться соитию. Хорошо известно, что семя, которое ты извергаешь, даёт начало новой душе и новому человеку, поэтому, если ты совершаешь соитие, то лучше не делай это, будучи в состоянии опьянения, ведь в таком случае последствия (для нового человека) пагубные. Гораздо правильнее и предпочтительнее, чтобы всё происходило после того, как опьянение пройдёт.

Кроме того, не предавайся утехам всякий раз, как тебе явится мысль о них; так поступают скоты, которые не знают, что каждому делу своё время, и делают свои дела при всяком удобном случае. Мужчине же, со своей стороны, следует выбирать подходящее время и таким образом блюсти различие между собой и скотами.

Выбирая между женщинами и юношами, не ограничивай своих влечений к тому или иному полу, поскольку можно получать удовольствие от обоих (полов),

не отвергая с неприязнью ни тех, ни других. Более того, если, как я уже сказал, половая распущенность несёт вред, то строгое воздержание тоже таит в себе опасности (для здоровья). Когда ты совершаешь это (предаёшься любви), пусть оно делается в соответствии с потребностями, а не как нечто, от чего нельзя отказаться — тогда это принесёт тебе наименьший ущерб. Но независимо от того, делаешь ли ты это по потребности или нет, проявляй осторожность, когда жара достигает своего пика, или когда холода усиливаются, поскольку именно в эти два периода соитие наиболее вредно, в особенности пожилым мужчинам.

Из всех времён года удобнее весна, когда движение воздуха умеренное, водные источники наиболее обильны, и природа всячески благоприятствует получению удовольствий. Тогда, когда большой мир (макрокосм) возвращает себе молодость, сила нашего тела, которое является малым миром (микрокосмом), тоже возвращается, и противоречащие этому склонности становятся умеренными, жилы лучше наполняются кровью, а семя в чреслах производится больше. Независимо от воли самого мужчины, потребность в соитии становится насущной для каждого из них, и тогда, когда естественные потребности неподдельны, это (их удовлетворение) приносит менее всего вреда.

В связи с этим тебе также следует как можно дольше воздерживаться от кровопусканий в разгар тёплого сезона, или когда холода усиливаются. Если же ты чувствуешь, что крови в тебе с избытком, успокой её посредством холодного питья.

В течение лета пусть твои предпочтения склоняются к юношам, а в течение зимы — к женщинам. Однако о таком вопросе следует говорить кратко, дабы не пробуждать (в тебе, сын) желание.

Гомоэротика в античные времена

Поскольку в романе и так много об этом говорится, здесь будут процитированы отрывки из произведений, упомянутых в романе, чтобы читатель лучше представил, о чём речь.

Из романа:

— Учитель, я уже приближаюсь к концу книги, — сказал Мехмед. — А ты знаешь, про что я сейчас читаю? Про то, как Дафнис понравился юному Гнатону, и Гнатон решил заполучить Дафниса, но не ухаживаниями, а хитростью — сделав своим слугой, чтобы Дафнис зависел от него и покорился, если Гнатон пригласит на ложе.

Имеется в виду вот этот отрывок из сочинения Лонга «Дафнис и Хлоя»:

Гнатон же, умевший только есть и пить до беспамьятства и, напившись, похабничать, у которого только и было всего что широкая глотка, да брюхо, да то, что под брюхом, Дафниса тотчас заметил.... По природе своей был он любителем мальчиков и, найдя красоту, какой и в городе не сыскать, решил тотчас за Дафниса приняться и надеялся легко сладиться с этим простым пастухом. Приняв такое решение, он... пошел (на пастбище)

туда, где нас Дафнис, под предлогом, что хочет коз посмотреть, на самом же деле — на Дафниса полюбоваться...

Считая, что он уже приручил к себе Дафниса, под вечер дождался Гнатон, пока Дафнис погонит с пастбища коз. И, подбежав, сначала стал его целовать, а потом и просить, чтобы тот стал к нему задом, так, как козы к своим козлам. Когда же Дафнис, не очень сметливый, стал говорить, что знает он хорошо, как козлы скачут на коз, но никогда не видал, чтоб козел лез на козла, или баран вместо овцы лез на барана, или петух вместо курицы петуха под себя подбирал, то Гнатон был готов, пустивши в ход руки, насилье применить. Но Гнатон был пьян и едва стоял на ногах, и Дафнис его толкнул, на землю повалил и прочь убежал, как щенок молодой, оставив его там, где он упал; и уж не мальчик, а только здоровый мужчина смог бы Гнатона, под руки взявши, домой дотащить. А Дафнис к нему никогда уже близко не подходил... Да и Гнатон больше к нему уже не лез, увидавши, что он не только красив, но и силен. Он выжидал подходящего случая поговорить с Астилом о нем и надеялся, что от юноши получит он Дафниса в подарок, — Астил его одаривал часто и щедро.

(Цитируется по изданию: Античный роман. М.: «Худ. лит.», 2001.)

* * *

Из романа:

Сидя напротив учителя и улыбаясь, принц сказал по-гречески:

— Помнится, один из друзей Александра не захотел поклониться ему до земли, и в наказание Александр отказал другу в поцелуе... Учитель, за что ты наказываешь меня? За что лишаешь своих поцелуев? Хочешь, чтобы я стал более почтителен?

Имеется в виду вот этот отрывок из книги Арриана об Александре Македонском:

«Первый из получивших чашу отпил из неё, встал и земно поклонился Александру, который поцеловал его. Так чаша обошла подряд всех. Когда черед дошел до Каллисфена, он встал, отпил из чаши, и, подойдя к Александру, хотел поцеловать его, не поклонившись ему земно. Тот в это время как раз разговаривал с Гефестионом и не обратил внимания, выполнил ли Каллисфен обряд поклона. Деметрий же, сын Пифонакта, один из «друзей», сказал, когда Каллисфен подошел поцеловать Александра, что он подходит без земного поклона. Александр не позволил ему поцеловать себя, а Каллисфен заметил: «Я потерял только один поцелуй».

(Цитируется по изданию: Арриан. Поход Александра. — СПб.: «Алтейя», 1993.)

* * *

Из романа:

— Учитель, почему ты не хочешь ничего придумать, чтобы нам быть вместе, но сохранить это в тайне? Ведь даже Сократ, а он был мудр, говорил, что не плохо, если учитель и ученик иногда сближаются физически.

Имеется вот этот отрывок из диалога Платона «Федр». Эти слова Платон приписывает Сократу:

Если победят лучшие духовные задатки человека, его склонность к порядку в жизни и к философии, то влюбленный и его любимец блаженно проводят здешнюю жизнь в единомыслии, владея собой и не нарушая скромности, поработив то, из-за чего возникает испорченность души, и дав свободу тому, что ведет к добродетели. После смерти, став крылатыми и легкими, они тем самым одерживают победу..., а большего блага не может дать человеку ни человеческий здравый смысл, ни божественное неистовство.

*Если же они будут вести более грубую жизнь, чуждую философии и исполненную честолюбия, тогда, возможно, их безудержные кони, застав души врасплох — в минуту ли опьянения или просто беззаботности, — сведут их вместе и заставят их выбрать и свершить то, что превозносится большинством как самый блаженный удел. **А свершив это, они и впредь будут к этому прибегать, хотя и нечасто, потому что это не согласуется с их общим духовным складом.** Они тоже дружны, хотя и не так, как те, первые, и не расстаются не только пока влюблены, но и тогда, когда это пройдет, считая, что, раз они дали друг другу величайшие клятвы в верности, их уже нельзя нарушать и идти на ссору. При кончине они, хотя и бескрылые, покидают тело, уже полные стремления окрылиться, так что они тоже получают немалую награду за свое любовное неистовство. Ведь нет такого закона, чтобы сходили во мрак и странствовали под землей те, кто уже вступил на путь поднебесного странствия, — напротив, им назначена светлая жизнь и дано быть счастливыми, вместе странствовать и благодаря любви стать одинаково окрыленными, когда придет срок.*

(Цитируется по изданию: Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 2 — М.: Мысль, 1993.)

notes

Здесь использованы подлинные стихи Мехмеда.

Здесь возможны толкования — либо султан дал им земельные владения (тимары), либо просто оказывал покровительство.